

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—••—
АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 7.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 7.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 7 сентября 1912 г.

№ 2121.

Ректоръ В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

	Стр.
Возраженіе на опроверженіе	1
Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1912 г., II семестръ	1— 16
Отзвы о сочиненіи Г-на О. И. Терне	1— 14

Приложенія.

Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	321—416
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	337—432
М. В. Бречкевичъ. Введеніе въ социальную исторію княжества Славіи или Западнаго Поморья	97—160

Возраженіе на опроверженіе.

(Печатается на основаніи постановленія Совѣта Имп. Юрьев. Университета
отъ 18 мая 1912 г.)

Опроверженіе, помѣщенное академикомъ М. А. Рыкачевымъ въ выпускъ 6-мъ „Ученыхъ Записокъ“, направлено противъ одной фразы моего отзыва „о трудѣ П. П. Попова, по вопросу о предсказаніяхъ С. Д. Грибоѣдовымъ ожидаемыхъ урожаевъ по зимнимъ сезонамъ“ и содержитъ поправку, что „Императорская Академія Наукъ ничѣмъ и никогда не поддерживала С. Д. Грибоѣдова въ его предсказаніяхъ урожаевъ“.

Позволяю себѣ замѣтить, что я нигдѣ и никогда не печаталъ, чтобы Императорская Академія поддерживала г. Грибоѣдова въ его предсказаніяхъ урожаевъ.

Равнымъ образомъ я не писалъ никакого отзыва на трудъ г. Попова о предсказаніи урожаевъ.

Моя рецензія относится до сочиненія другого лица и по другому вопросу (не о предсказаніи урожаевъ).

Что въ этой рецензіи подлежитъ исправленію, опроверженіемъ не выясняется.

Если бы неправильнымъ казалось употребленіе имени Императорской Академіи Наукъ, то, понятно, отзывъ имѣеть въ виду не центральное ея управленіе, а облеченные полномочіями спеціальныя органы ея.

Опроверженіе затрагиваетъ наболѣвшій вопросъ русской метеорологіи, подлежащій обстоятельному выясненію, но для такого выясненія имѣются другіе, болѣе обычныя въ академической жизни пути.

Проф. Б. Срезневскій.

ОБОЗРѢНІЕ
ЛЕКЦІЙ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ЮРЬЕВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1912 г. II семестръ.

Профессоръ православнаго богословія.

Маг. **А. С. Царевскій**, протоіерей, Проректоръ: православное богословіе, 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 4—6 ч.

I. Богословскій факультетъ.

Маг. (Почетный Докторъ богословія Эбердинскаго Университета)

А. М. фонъ Бульмерингъ, испр. должн. орд. проф. семитскихъ языковъ, Деканъ: 1) еврейская грамматика, ч. I, 4 ч. въ нед., по вторн. отъ 8—9 ч., по четв. отъ 8—10 ч. и по субб. отъ 8—9 ч.; — 2) объясненіе книги пророка Исаіи, гл. 40—66, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 8—9 ч.; — 3) арабскій языкъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 9—10 ч.

Докт. **І. І. Квачала**, орд. проф. историческаго богословія: 1) исторія церкви, ч. I, 5 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч., по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 5—6 ч.; — 2) исторія догматовъ, ч. I, 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 6—7 ч.

Маг. (Почетный Докторъ богословія Берлинскаго Университета)

К. Ю. Гиргенсонъ, экстраорд. проф. систематическаго богословія: 1) исторія догматовъ, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и четв. отъ 1—2 ч.; — 2) психологія религіи, 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 7—8 ч.; — 3) практическія упражненія (собранныя сочиненія по вопросу о теоріи познанія религіи), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—8 ч.

Маг. **Т. Т. Ганъ**, экстраорд. проф. практическаго богословія, пасторъ университетскаго прихода: 1) литургика, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и четв. отъ 9—10 ч.; — 2) кибернетика, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 9—11 ч.; — 3) гомилетическій и катехизическій семинарій, 3 ч. въ нед., по четв. отъ 5—6 ч. и по пятн. отъ 10—12 ч.

Маг. **К. К. Грассъ**, экстраорд. проф. экзегетическаго богословія:

1) объясненіе Евангелія отъ Маттея, 4 ч. въ нед., по сред., четв., пятн. и субб. отъ 12—1 ч.; — 2) жизнь Ісуса Христа, 3 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 11—12 ч. и по сред. отъ 10—11 ч.

Маг. **І. А. Фрей**, доцентъ экзегетическаго богословія: 1) введеніе въ Новый Заветъ, ч. I, 5 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—11 ч., по сред. отъ 11—12 ч. и по четв. и субб. отъ 10—11 ч.; — 2) богословская энциклопедія (для студентовъ всѣхъ курсовъ), 2 ч. въ нед., по четв. и субб. отъ 11—12 ч.

Маг. **О. Г. Зеземанъ**, (Докторъ философіи Лейпцигскаго Университета), приватъ-доцентъ семитскихъ языковъ: 1) объясненіе книги Бытія, 4 ч. въ нед.; — 2) исторія израильскаго народа, ч. I, 3 час. въ нед.; — 3) библейско-арамейскій языкъ, 2 ч. въ нед., дни и часы будутъ назначены впоследствии.

II. Юридическій факультетъ.

Маг. **А. Л. баронъ Фрейтагъ-Лоринговенъ**, экстраорд. проф. римскаго права, Деканъ: 1) догма римскаго права, 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) гражданское право, 6 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 12—2 ч.

Докт. **П. П. Пусторослевъ**, орд. проф. уголовного права: 1) уголовное право (общая часть), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и четв. отъ 4—6.; — 2) уголовное судоустройство, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 4—5 ч. и по пятн. отъ 4—6 ч.; — 3) практическія занятія по уголовному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—7 ч.

Докт. **М. Е. Красноженъ**, орд. проф. церковнаго права: 1) источники церковнаго права. Отношенія между церковью и государствомъ. Взаимоотношеніе между вѣроисповѣданіями. Церковное устройство, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 4—6 ч.; — 2) семейное право-спеціальный курсъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 4—5 ч.; — 3) практическія занятія по церковному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 5—7 ч.

Маг. **Н. Н. Бѣлявскій**, испр. должн. орд. проф. полицейскаго права: 1) полицейское право, общій курсъ, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 10—12 ч.; — 3) политическая экономія, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 4) статистика, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч.

Маг. **В. Э. Грабаръ**, испр. должн. орд. проф. международнаго права: 1) международное право, ч. I, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по международному праву (бесплатно, необязательно), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 6—8 ч.

Маг. **Л. А. Шалландъ**, испр. должн. орд. проф. государственнаго права: 1) государственное право, ч. I, 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 4—6 ч.; — 2) практическія занятія по государственному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч.

Докт. **В. Ф. фонъ Зелеръ**, орд. проф. мѣстнаго гражданскаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской: 1) мѣстное гражданское право, 4 ч. въ нед., по понед.

- и четв. отъ 6—8 ч.; — 2) практическія занятія по мѣстному праву, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 6—8 ч.; — 3) практическія занятія по римскому праву, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 6—8 ч.
- Докт. **Ө. В. Тарановскій**, орд. проф. исторіи русскаго права: 1) исторія русскаго права, часть первая, 6 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч., по пятн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія по исторіи русскаго права (чтеніе памятниковъ съ рефератами, необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—4 ч.
- Маг-нтъ **А. С. Невзоровъ**, испр. должн. экстраорд. проф. торговаго права: 1) торговое право, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 2) гражданскій процессъ, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—12 ч. и по сред. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія по торговому праву, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—8 ч.
- Маг. **А. С. Яценко**, экстраорд. проф. энциклопедіи права и исторіи философіи права, объявитъ свои лекціи вполслѣдствіи.
- Маг-нтъ **О. И. Остроградскій**, приватъ-доцентъ финансоваго права: курсъ финансоваго права, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—12 ч.

III. Медицинскій Факультетъ.

- Докт. **В. А. Афанасьевъ**, орд. проф. общей патологіи и патологической анатоміи, Деканъ: 1) общая патологія, ч. II, 4 ч. въ нед., по вторн, сред. четв. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) частная патологическая анатомія, ч. I, 4 ч. въ нед., въ тѣ-же дни отъ 10—11 ч.; — 3) практической курсъ патологической гистологіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.; — 4) практическія упражненія въ патологическомъ институтѣ (бесплатно), ежедневно отъ 9—6 ч. (лекціи и практич. упражненія въ патологическомъ институтѣ).
- Докт. **Б. А. Керберъ**, орд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія, объявитъ свои лекціи вполслѣдствіи.
- Докт. **К. К. Дегіо**, заслуж. орд. проф. спеціальной патологіи и клиники: 1) клиническія лекціи (для студентовъ 4-го курса), 6 ч. въ нед. по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 9½—11 ч.; — 2) клиническія лекціи (бесплатно), 3 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 9½—11 ч. (Въ медицинской клиникѣ).
- Докт. **В. Ф. Чижъ**, орд. проф. психіатріи: клиника и поли-клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 9—11 ч. (въ психіатрической клиникѣ) и по сред. отъ 4—6 ч. (въ аудиторіи акушерской клиники).
- Докт. **А. С. Игнатовскій**, орд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія: 1) судебная медицина (теоретическій курсъ), для студентовъ 4-го курса, 4 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ

11—12 ч. и по субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по судебной медицинѣ и по вскрытію труповъ, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 5—7 ч. или въ другіе дни, въ случаѣ необходимости произвести судебно-медицинскія вскрытія неотложно. (Въ судебно-мед. институтѣ).

Докт. **В. П. Курчинскій**, орд. проф. физиологін: 1) физиологія, 6 ч. въ нед.; — 2) физиологическая химія, съ практическими занятіями въ лабораторіи, 4 ч. въ нед. (по группамъ). Лекціи и практическія занятія будутъ происходить въ физиологическомъ институтѣ по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 11—1 ч. и отъ 5—9 ч. (въ томъ числѣ 12 ч. практическихъ занятій безплатно).

Маг. **И. Л. Кондаковъ**, испр. должн. орд. проф. фармаціи: 1) фармакогнозія (для медиковъ и фармацевтовъ 3-го семестра), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.; — 2) фармацевтическая химія (для фармацевтовъ 3-го семестра), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 10—11 ч.; — 3) судебно-химическій анализъ (для фармацевтовъ 3-го семестра), 3 ч. въ нед., по вторн., сред. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 4) практическія занятія по качественному анализу: а) для медиковъ, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 2—3 ч. и по пятн. отъ 2—4 ч.; б) для фармацевтовъ 1-го семестра, 5 ч. въ нед., по вторн. отъ 2—4 ч. и пятн. отъ 2—5 ч. (Въ фармацевтическомъ институтѣ).

Докт. **В. Г. Цеге фонъ Мантейфель**, орд. проф. хирургіи: 1) хирургическая клиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч. съ прибавленіемъ 6 ч. безплатныхъ отъ 1—2 ч.; — 2) поликлиника, ежедневно отъ 10—11 ч. (вмѣстѣ съ ассистентами). (Въ хирургической клиникѣ).

Докт. **С. Д. Михновъ**, орд. проф. акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней: 1) теоретическій курсъ акушерства (для студентовъ 3-го курса), 3 ч. въ нед., по вторн. и субб. отъ 7—8¹/₂ ч. веч.; — 2) клиническія лекціи по акушерству и гинекологіи (для студентовъ 4-го курса), 6 ч. въ нед., по понед., четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч. дня и по пятн. отъ 6—8 ч. попол. (Въ аудиторіи акушерской клиники).

Докт. **Д. М. Лавровъ**, ордин. проф. фармакологіи, діететики и исторіи медицины: 1) фармакологія съ токсикологіею, рецептурою и ученіемъ о минеральныхъ водахъ (для студентовъ-медиковъ), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 11—1 ч.; — 2) фармакологія съ токсикологіею (для фармацевтовъ), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 6—7 ч.; — 3) практическія занятія по фармакологіи (для студентовъ-медиковъ, обязательно, безплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии. — 4) введеніе къ общему курсу фармакологіи, для слушателей фармаціи, (не обязательно), 2 ч. въ нед. (Въ помѣщеніи фармакологическаго института).

Докт. **М. И. Ростовцевъ**, ордин. проф. хирургіи: 1) общая хирургія, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 $\frac{1}{2}$ ч. и по четв. отъ 11—12 $\frac{1}{2}$ ч. (въ госпитальной клиникѣ); — 2) госпитальная хирургическая клиника, 6 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2 $\frac{1}{2}$ ч. и по сред., пятн. и субб. отъ 12—1 $\frac{1}{2}$ ч. (Въ Госпит. хирург. клиникѣ).

Докт. **Е. А. Шепилевскій**, ордин. проф. государственнаго врачебно-вѣдѣнія: 1) теоретическій курсъ гигиены, ч. I., 4 ч. въ нед., по понед. и субб. отъ 5—7 ч.; — 2) практическія занятія по методикѣ санитарныхъ изслѣдованій, 6 ч. въ нед. (3 ч. бесплатно), по вторн., сред. и четв. въ часы, которые будутъ назначены впослѣдствіи; — 3) теоретическій курсъ бактериологіи, 4 ч. въ нед., (необязательно), дни и часы будутъ назначены впослѣдствіи. (Въ Ново-анатомическомъ зданіи).

Докт. **А. И. Яроцкій**, ордин. проф. специальной патологіи и клиники: 1) терапевтическая госпитальная клиника, 6 ч. въ нед., по понед., сред., пятн. и субб. отъ 9 $\frac{1}{2}$ —11 ч. (въ госпит. терапев. клиникѣ); — 2) теоретическій курсъ частной патологіи и терапіи, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 5—7 ч. веч. (въ аудиторіи новоанатом. зданія).

Докт. **Н. Н. Бурденко**, экстраорд. проф. хирургіи: 1) топографическая анатомія и оперативная хирургія (для студентовъ 3-го курса), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 9—11 ч.; — 2) десмургія, (для студентовъ 3-го курса), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 5—6 ч.; 3) практическія занятія, по соглашенію со студентами. (Въ анатомич. институтѣ).

Докт. **А. Г. Лютевичъ**, экстраорд. проф. офтальмологіи и офтальмологической клиники: теоретическія лекціи по офтальмологіи съ демонстраціей больныхъ, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч. (Въ аудиторіи глазной клиники).

Докт. **Н. Н. Вестерникъ**, экстраорд. проф. специальной патологіи и клиники: 1) врачебная діагностика (для студентовъ III курса) 4 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—12 ч., по сред. отъ 1—2 $\frac{1}{2}$ ч. и по четв. отъ 12 $\frac{1}{2}$ —2 ч.; — 2) поликлиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 3—5 ч.

Докт. **В. П. Жуновскій**, сверхшт. экстраорд. профес. дѣтскихъ болѣзней; 1) курсъ дѣтскихъ болѣзней съ клинкою, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 3—5 ч. (предметъ обязательный); — 2) специальный курсъ по оспопрививанію (для студентовъ разныхъ курсовъ, ищущихъ званія оспопрививателя). (Въ зданіи амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней).

Докт. **В. Я. Рубашкинъ**, экстраорд. проф. сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи: гистологія и эмбриологія съ практическими занятіями, 9 ч. въ нед. (изъ нихъ 3 ч. бесплатно), по понед., сред. и пятн. отъ 9—11 ч., по вторн. и четв. отъ 10—11 ч. и по субб. отъ 11—12 ч.

- Докт. **Г. А. Адолфи**, экстраорд. проф. анатоміи: 1) анатомія человѣка, ч. I, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 8—9 ч.; — 2) практическія занятія по анатоміи, ежедневно отъ 9—1 ч. и отъ 3—6 ч.
- Маг. **И. В. Шиндельмейзеръ**, ученый аптекарь: 1) фармацевтическая пропедевтика, 2 ч. въ нед. по вторн. и четв. отъ 9—10 ч.; — 2) практическія занятія по анализу пищевыхъ веществъ, 5 ч. въ нед., по субб. отъ 2—7 ч. (Въ фармацевт. инстит.).
- Докт. **И. Ю. Мейеръ**, приватъ-доцентъ акушерства и гинекологіи: практическія занятія по гинекологической діагностикѣ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 7—8 ч. (Въ гинекологич. клиникѣ).
- Докт. **И. В. Георгіевскій**, приватъ-доцентъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи и сверхштатный ассистентъ кабинета оперативной хирургіи: курсъ малой хирургіи, 4 ч. въ нед. (изъ нихъ 1 часъ бесплатно) по сред. отъ 3—5 ч. и по субб. отъ 5—7 ч. (Въ аудиторіи кабинета оперативной хирургіи).
- Докт. **А. К. Пальдрокъ**, приватъ-доцентъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней: 1) курсъ по сифилису и кожнымъ болѣзнямъ, 3 ч. въ нед., по понед., вторн., и четв. отъ 12—1 ч.; — 2) приемъ кожныхъ больныхъ, 1 ч. въ нед. (бесплатно) по вторн. отъ 11—12 ч. дня. (Въ амбулаторіи кожн. и венер. болѣзней).
- Докт. **Г. И. Коппель**, приватъ-доцентъ ушныхъ, носовыхъ и горловыхъ болѣзней и штатный ассистентъ поликлиники: курсъ ларинго — рино — и отоскопій; 2 ч. въ нед. по пятн. отъ 6—8 ч. веч. (Въ помѣщеніи поликлиники).
- Маг. **В. А. Свирцовъ**, приватъ-доцентъ фармаціи и штатный лаборантъ фармацевтическаго института: 1) аналитическая химія (для студ. 2-го курса и слушат. фарм.), 2 ч. въ нед., (необязательно), по понед. отъ 5—7 ч. — 2) практической курсъ приготовленія лѣкарственныхъ веществъ, для студентовъ медиковъ всѣхъ курсовъ, 3 ч. въ нед., по субб. отъ 4—7 ч. (Въ фармацевтич. инстит.).
- Докт. **И. И. Ширококоровъ**, приватъ-доцентъ общей патологіи и патологической анатоміи и помощникъ прозектора при патологическомъ институтѣ: 1) необязательный курсъ: гистологическая техника въ связи съ патолого-гистологическими занятіями, 3 ч. въ нед., для студ. 3-го курса, по понед. отъ 9—11 ч. и по пятн. отъ 5—6 ч.; — 2) демонстративный курсъ патологической анатоміи, 2 ч. въ нед., для студ. 4 и 5 курсовъ, по субб. отъ 3—5 ч. (Въ аудит. новоанатом. зданія).
- Докт. **Э. Г. Ландау**, приватъ-доцентъ анатоміи и сверхштатный помощникъ прозектора при анатомическомъ институтѣ: 1) курсъ по антропологіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 4—6 ч.; —

2) анатомія челоуѣка (для студентовъ естественниковъ), 2 ч. въ нед., дни и часы будутъ назначены впоследствии, (Въ изданіи общежитія студентовъ).

Докт. **Ө. Т. Тюльпинъ**, приватъ-доцентъ спеціальной патологіи и клиники и сверхштатный ассистентъ поликлиники: частная патологія и терапія болѣзней брюшной полости съ демонстраціею больныхъ, для студентовъ 3-го и 4-го курсовъ, 1 ч. въ нед. (безплатно) по понед. отъ 4—5 ч. (Въ помѣщеніи поликлиники).

Докт. **Э. Э. Мазингъ**, приватъ-доцентъ спеціальной патологіи и клиники: 1) практической химикомикроскопической курсъ, 3 ч. въ нед.; 2) избранныя главы спеціальной патологіи, 1 ч. въ нед., дни и часы будутъ назначены впоследствии. (Въ медицинской клиникѣ).

Докт. **А. И. Юценко**, приватъ-доцентъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней: курсъ судебной психопатологіи и психіатріи, для медиковъ и юристовъ, по пятн. отъ 3—5 ч. (Въ аудит. новоанатом. зданія).

Докт. **М. В. Брезовскій**, приватъ-доцентъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней: курсъ нервноности, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч.

Докт. **О. Г. Ротбергъ**, приватъ-доцентъ по дѣтскимъ болѣзнямъ: 1) о разстройствахъ питанія у грудныхъ дѣтей и ихъ леченіе; — 2) демонстрація больныхъ дѣтей; дни и часы будутъ назначены впоследствии. (Въ медицинской клиникѣ).

Докт. **В. Н. Воронцовъ**, приватъ-доцентъ фармакологіи, токсикологіи и бальнеологіи, объявитъ свои лекціи впоследствии.

Докт. **Н. И. Лелорскій**, приватъ-доцентъ спеціальной патологіи и клиники, объявитъ свои лекціи впоследствии.

Докт. **О. М. Хольбекъ**, приватъ-доцентъ хирургіи, объявитъ свои лекціи впоследствии.

* * *

Г. О. Вельць, учитель массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи: 1) полный курсъ массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи, 6 ч. въ нед., по понед., четв. и пятн. отъ 7—9 ч.; — 2) практическая работа въ хирургической поликлиникѣ и клиникахъ, 6 ч. въ нед. (безплатно). (Въ помѣщ. хирургич. поликлиники).

IV. Историко-филологическій Факультетъ.

Докт. **М. Н. Крашенинниковъ**, орд. проф. древне-классической филологіи и исторіи литературы, Деканъ: 1) Овидій *Epistulae ex Ponto* и *Tristia*, (для специалистовъ-классиковъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.; — 2) Тацитъ *Historiae*, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 3—5 ч.; — 3) Діонисій Галикар-

на ской *'Ρομ 'Αρχαιολογία* (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. нед., по субб. отъ 5—7 ч. — 4) Римская исторія, 4 ч. въ нед., дни и часы будутъ назначены впослѣдствіи; — 5) элементарный курсъ греческаго языка, 3 ч. въ нед., дни и часы будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **Е. В. Пѣтуховъ**, орд. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: 1) Исторія русской литературы древняго періода (общій курсъ), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по сред. отъ 10—11 ч.; — 2) русская литературная критика, ч. I (спеціальный курсъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія (для словесниковъ старшихъ семестровъ), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 11—12 ч.

Докт. **Я. Ф. Озе**, орд. проф. философіи и педагогики: 1) исторія древней философіи, ч. I, 3 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч.; — 2) гносеологія, 3 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 12—1 ч.

Докт. **А. А. Васильевъ**, орд. проф. всеобщей исторіи: 1) Реформаціонная эпоха, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 1—3 ч.; — 2) эпоха Вѣнскаго конгресса, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.; — 3) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 5—7 ч.

Докт. **Л. К. Мазингъ**, заслуж. орд. проф. сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій: 1) сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, ч. I (введеніе и ученіе о звукахъ), 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) славянскіе тексты, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 3) антропофоника, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 ч.

Маг. **Д. Н. Кудрявскій**, испр. должн. орд. проф. нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) начальный курсъ санскритскаго языка, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ (необязательно и бесплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.

Докт. **И. И. Лаппо**, орд. проф. русской исторіи: 1) общій курсъ русской исторіи, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.; — 2) спеціальный курсъ русской исторіи (русская исторіографія, продолженіе курса весенняго семестра 1912 года), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч.; — 3) практическія занятія по русской исторіи (Соборное Уложеніе 1649 года), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч.

Докт. **Н. К. Грунскій**, орд. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: 1) русскій языкъ (діалектологія), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—1 ч.; — 2) древне-церковно-славянскій языкъ (общій курсъ), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2 ч.; — 3) практическія занятія по русскому и древне-церковно-славянскому язы-

- камъ, 2 ч. въ нед., по сред. 12—2 ч.; — 4) исторія славянскихъ литературъ, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.
- Маг. **Г. Ф. Церетели**, экстрард. проф. древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей, находится въ заграничной командировкѣ.
- Маг. **Э. Р. Фельсбергъ**, экстрард. проф. древне-классической филологіи и археологіи: 1) исторія античнаго искусства, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч.; — 2) греческая художественная миеологія, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч.; — 3) Фукидидъ, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 9—11 ч.; — 4) лекторскій курсъ нѣмецкаго языка, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.
- Маг. **В. Ф. Шлютеръ**, привать-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣднїя, объявитъ свои лекціи впослѣдствіи.
- Маг. **Я. И. Лаутенбахъ**, привать-доцентъ сравнительнаго языковѣднїя и лекторъ латышскаго языка: 1) исторія всеобщей литературы: а) англійская литература XVI ст., 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 9—10 ч.; — б) нѣмецкая литература первой половины XIX ст., 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) начальный курсъ литовскаго языка (dainos), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 3—4 ч.
- Маг. **М. В. Бречкевичъ**, привать-доцентъ всеобщей исторіи, находится въ заграничной командировкѣ.
- Маг-нтъ **П. А. Яковенко**, привать-доцентъ всеобщей исторіи, находится въ заграничной командировкѣ.

У. Физико-математическій Факультетъ.

- Докт. **В. Е. Тарасенко**, орд. проф. минералогіи, Деканъ: 1) минералогія, 5 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч., по вторн., четв. и пятн. отъ 1—2 ч.; — 2) практическія занятія по кристаллографіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.; — 3) коллоквиумъ по кристаллографіи (бесплатно, необязательно), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 6—8 ч.; — 4) минералогія съ геологіей (для слушателей медицинск. фак.), 2 ч. въ нед., по сред., отъ 1—2 ч. и по субб. отъ 11—12 ч.
- Докт. **Ю. Г. фонъ Кеннель**, заслуж. орд. проф. зоологіи: 1) общая зоологія, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч.; — 2) демонстраціи по зоологіи, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 1—2 ч. въ зоологическ. музеѣ; — 3) практическія занятія по общей зоологіи, 6 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 4—7 ч. въ зоол. музеѣ.
- Докт. **Б. И. Срезневскій**, орд. проф. физической географіи и метеорологіи: 1) метеорологія, общій курсъ, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч. и по сред. отъ 5—7 ч.; — 2) земной магнетизмъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 5—6 ч.; — 3) практическія занятія по метеорологіи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.

- Маг. А. И. Садовскій**, испр. должн. орд. проф. физики; 1) общій курсъ физики. часть I-ая, 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 11—12 ч.; — 2) термодинамика, специаль- ный курсъ, 3 ч. въ нед., по понед., сред и пятн. отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія по физикѣ, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии; — 4) физическая лабораторія (для студ. группы В математическаго отд.), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.
- Докт. Н. И. Кузнецовъ**, орд. проф. ботаники: 1) общій курсъ ботаники, 6 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 9—10 ч. и по пятн. и субб. отъ 9—11 ч. утра; — 2) практическія за- нятія по систематикѣ растений, 2 ч. въ нед., (по груп- памъ) по субб. отъ 11—1 ч. и отъ 2—4 ч.; — 3) коллок- віумъ по ботаникѣ (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 6—8 ч. вечера.
- Докт. В. Г. Алексѣевъ**, орд. проф. чистой математики, Ректоръ: 1) приложеніе дифференціального исчисления къ геометріи, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) интегральное исчисленіе, ч. I, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 12—1 ч. и по пятн. отъ 11—1 ч.
- Докт. П. П. Граве**, орд. проф. чистой математики: 1) курсъ вве- денія въ анализъ и теорія опредѣлителей, 4 ч. въ нед., по сред., четв., пятн. и субб. отъ 10—11 ч.; — 2) курсъ аналитической геометріи на плоскости, 4 ч. въ нед. лекціи и 1 ч. практическихъ занятій, въ первые 5 дней недѣли, отъ 11—12 ч.
- Докт. К. К. Сентъ-Илеръ**, орд. проф. зоологіи: общій курсъ зоологіи, 6 ч. въ нед., каждый день отъ 12—1 ч.
- Докт. Г. В. Колосовъ**, ордин. проф. прикладной математики: 1) ин- тегрированіе уравненій математической физики, 4 ч. въ нед., по вторн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) динамика точки и системы точекъ, 4 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 12—2 ч.
- Маг. Г. П. Михайловскій**, испр. должн. орд. проф. минералогіи: 1) об- щая (динамическая) геологія, 6 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч. и по сред. и пятн. отъ 11—1 ч.; — 2) палеонто- логія (безпозвоночныя), 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—1 ч. и по субб. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія занятія по па- леонтологіи (необязательно), 1 ч. въ нед., по субб. отъ 4—5 ч.
- Маг-нтъ С. К. Богушевскій**, испр. должн. экстраорд. проф. сельскаго хозяйства и технологіи: 1) почвовѣденіе, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч.; — 2) ученіе объ обработкѣ и удобре- ній земли, 4 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 4—6 ч.
- Маг. К. Д. Покровскій**, экстраорд. проф. астрономіи: 1) общій курсъ астрономіи, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 10—12 ч.; — 2) упражненія по сферической астро- номіи, 2 час. въ нед., по четверг. отъ 10—12 ч. (необяза- тельно, бесплатно); — 3) элементарная математика, 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 9—10 ч.; — 4) практи-

- ческая астрономія, 2 часа въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.; — 5) начала аналитической механики (для химиковъ) 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 1—2 ч.
- Маг. **А. Д. Богоявленскій**, экстраорд. проф. химіи: 1) неорганическая химія, 6 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и четв. отъ 10—11 ч., и по пятн. и субб. отъ 12—1 ч.; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. Г. А. Ландезеномъ и приватъ-доцентомъ Н. В. Култашевымъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.
- Маг. **Г. А. Ландезень**, экстраорд. проф. химіи: 1) физическая химія, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 2) специальный курсъ по аналитической химіи, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 11—12 ч.; — 3) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и прив.-доц. Н. В. Култашевымъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.
- Маг. **А. И. Томсонъ**, экстраорд. проф. сельскаго хозяйства и технологии: 1) агрономическая химія, ч. I, 2 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 10—11 ч.; — 2) растеніеводство, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—11 ч.; — 3) сельскохозяйственная технология, 1 часъ въ нед., по вторн. отъ 10—11 ч.; — 4) оцѣнка сѣмянъ (бесплатно), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ впоследствии; — 5) практическія занятія въ лабораторіи, 6 ч., въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.
- Маг. **А. Я. Орловъ**, астрономъ-наблюдатель: 1) небесная механика, 2 ч. въ нед. по понед. отъ 10—12 ч.; — 2) сейсмометрия, 1 ч. въ нед., по четв. отъ 11—12 ч.
- Маг-нтъ **Н. В. Култашевъ**, приватъ-доцентъ химіи и помощникъ директора химическаго кабинета: 1) техническая химія, ч. I, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 6—7 ч.; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и проф. Г. А. Ландезеномъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.
- Маг. **Б. Б. Гриневецкій**, приватъ-доцентъ ботаники и помощникъ директора ботаническаго сада: 1) физиологія растеній, 5 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—12 ч. и по сред. отъ 9—10 ч.; — 2) практическія занятія по анатоміи растеній, 2 ч. въ нед., по пятн., I группа отъ 9—11 ч. и II-ая отъ 11—1 ч.
- Маг. **В. А. Бородовскій**, приватъ-доцентъ химіи: специальныя главы по химіи: радиоактивныя вещества, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—7 ч. (необязательно).
- Маг-нтъ **В. В. Богачевъ**, приватъ-доцентъ геологіи, объявитъ свои лекціи впоследствии.
- П. Ф. Никитинъ**, инженеръ-технологъ, архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры: 1) архитектура, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.; — 2) сельско-хозяйственное межеваніе, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 4—6 ч.

VI. Уроки по языкамъ и искусствамъ.

Маг. Я. И. Лаутенбахъ, лекторъ латышскаго языка и приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) латышская грамматика, ч. I (введеніе и фонетика), 1 ч. въ нед., по понед. отъ 3—4 ч.; — 2) исторія латышской литературы второй половины XIX ст. (продолженіе), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія занятія (репетиторій латышскаго синтаксиса, чтеніе избранныхъ памятниковъ латышской словесности), 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 4—5 ч.

Л. Э. Овенъ, лекторъ англійскаго языка: 1) англійская элементарная грамматика и чтеніе текстовъ, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 5—6 ч.; — 2) практическія упражненія по грамматикѣ и чтеніе англійскихъ авторовъ, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 3—4 ч.

Канд. И. А. Егеверь, лекторъ эстонскаго языка: 1) эстонская грамматика (фонетика), ч. I, 2 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 7—8 ч.; — 2) исторія эстонской литературы: XVII и XVIII вѣкъ (продолженіе), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 7—8 ч.; — 3) практическія занятія (репетиторій эстонской грамматики, чтеніе и разборъ избранныхъ произведеній эстонской словесности, письменныя работы на эстонскомъ языкѣ), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 7—8 ч.

П. С. Таккелла, и. о. лектора французскаго языка, объявить свои курсы вполнѣдствіи.

Для обученія механическимъ работамъ предлагаетъ свои услуги испр. должн. университетскаго механика **Б. А. Мессеръ**.

VII. Принадлежація къ составу университета учебныя заведенія и музеи.

Въ клиникахъ будутъ обучать директоры оныхъ, а именно: въ медицинской — проф. Дегіо, въ хирургической — проф. Цеге фонъ Мантейфель, въ акушерской и гинекологической — проф. Михновъ, въ офталмологической — проф. Люткевичъ, въ клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней — проф. Чижъ, въ поликлиникѣ — проф. Вестенрикъ и въ университетскомъ отдѣленіи городской больницы: въ хирургическомъ — проф. Ростовцевъ, и въ терапевтическомъ — проф. Яроцкій, въ амбулаторіи подѣтскимъ болѣзнями — проф. Жуковскій, по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ — прив.-доц. Пальдрокъ.

Университетская бібліотечка, которою завѣдываетъ въ качествѣ директора проф. Грабаръ, открыта въ теченіи семестра ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11—3 ч., а во время вакацій, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12—2 ч.

Директоромъ музея изящныхъ искусствъ состоитъ проф. Фельсбергъ, музея отечественныхъ древностей — приватъ-доцентъ Шлютеръ, астрономической обсерваторіи (при ней сейсмическая станція) — проф. Покровскій, фармацевтическаго института — проф. Кондаковъ, химическаго кабинета — проф. Богоявленскій, физическаго кабинета — проф. Садовскій, математическаго кабинета — проф. Колосовъ, экономическаго кабинета и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи — проф. Богушевскій, минералогическаго кабинета — проф. Тарасенко, геологическаго кабинета — проф. Михайловскій, зоологическаго музея — проф. фонъ Кеннель, зоотомическаго кабинета — проф. Сентъ-Илеръ, ботаническаго сада — проф. Кузнецовъ, метеорологической обсерваторіи — проф. Срезневскій, анатомическаго института — проф. Адольфи, института сравнительной анатоміи — проф. Рубашкинъ, физиологическаго института — проф. Курчинскій, патологическаго института — проф. Афанасьевъ, гигиеническаго кабинета — проф. Шепилевскій, фармакологическаго института — проф. Лавровъ, судебно-медицинскаго института — проф. Игнатовскій, коллекціи предметовъ по библейской и церковной археологіи — проф. Квачала, статистическаго кабинета — библиографъ Расторгуевъ, кабинета оперативной хирургіи — проф. Бурденко, коллекціи геометрическихъ моделей — проф. Алексѣевъ, завѣдующимъ антропологической коллекціей — прив.-доц. Ландау, завѣдующимъ опытными полями и садами въ имѣніи Мариенгофъ — проф. Томсонъ.

Задачи для соисканія наградъ на 1912 годъ.

I. Отъ богословскаго факультета:

1. „Die Eschatologie des Tritojesaja“.
2. „Inwieweit sind die sittlichen Weisungen des Apostels Paulus eschatologisch bedingt?“
3. Проповѣдь на текстъ: „Ев. Лук. 15, 11—32“ (съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозиціею).

II. Отъ юридическаго факультета:

1. По государственному праву: „Право запросовъ законодательныхъ палатъ“.
2. По финансовому праву: „Налогъ съ наслѣдства“.
3. Для соисканія медали фонъ-Брадке: по международному праву: „Посольское право до Гуго Гроція“ (Вторично).

III. Отъ медицинскаго факультета:

1. „Измѣненія кровяного давленія у человѣка подъ вліяніемъ ваннъ различной температуры и различной длительности и подъ вліяніемъ физической работы“.

2. „Измѣненія въ тканяхъ животнаго организма при впрыскиваніи сальварсана (606)“.
3. „Совмѣстное дѣйствіе лѣкарственныхъ веществъ на животный организмъ“.
4. „Асептический кишечный или желудочно-кишечный шовъ (экспериментальныя изслѣдованія)“. (Вторично).
5. Для соисканія медали Креславскаго: „Природный и синтетическій каучукъ“. (Источники: Ditmar K. 1904 и 1909; Marquald und Frank 1904; Slingervoet Ramondt 1907; C. O. Weber 1909; Hinrichsen und Memmler 1910).
6. Для соисканія медали князя Суворова: „Составить монографію объ алкалоидахъ, руководствуясь сочиненіемъ Die Pflanzen-Alkaloide von Jul. und Wilh. Brühl; Braunschweig 1900; Die Alkaloide. E. Winterstein und G. Trier 1910, Berlin, и новѣйшей литературой объ алкалоидахъ“.
7. Для соисканія медали сенатора фонъ-Брадке: „Сахаринъ въ кондитерскихъ издѣліяхъ и напиткахъ въ гор. Юрьевѣ“.

На 1913 годъ.

1. Для соисканія медали Креславскаго: „Произвести подсочку хвойныхъ въ такой полосѣ Россіи, въ которой не дѣлалось такихъ опытовъ и продукты подсочки подвергнуть изслѣдованію“.
2. Для соисканія медали князя Суворова: „Выяснить на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, какіе изъ лабораторныхъ и техническихъ методовъ полученія изопренкаучука самыя лучшіе и наивыгоднѣйшіе“.

IV. Отъ историко-филологическаго факультета:

1. По исторіи славянскихъ литературъ: „Юлій Словацкій и его творчество“.
2. По русской исторіи: „Князь М. М. Щербатовъ какъ историкъ“.
3. По исторіи искусства: „Амазонки въ античномъ искусствѣ“.

На 1913 годъ.

4. На премію имени тайнаго совѣтника Н. А. Лавровскаго: „Русская орографія въ ея прошломъ и настоящемъ“.

V. Отъ физико-математическаго факультета:

1. По ботаникѣ: „Ботанико-географическій очеркъ какой либо мѣстности Сибири по литературнымъ даннымъ“.
2. По зоологіи: „Изучить исторію развитія какого нибудь представителя изъ паразитической Protozoa“.
3. По астрономіи: „Метеорный потокъ Леониды“.
4. По химіи: „О сульфатосоляхъ“.
5. По минералогіи: „О химическомъ строеніи силикатовъ“.

Въ Физико-Математическій Факультетъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Чѣсть имѣю представить составленный мною по порученію Физико-Математическаго Факультета

Отзывъ о сочиненіи г-на О. И. Терне подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія надъ прикрѣпленіемъ мышцъ къ хитиновому скелету насѣкомыхъ“, представленнаго имъ для соисканія степени магистра Зоологіи.

Сочиненіе О. И. Терне представляетъ собой результаты его изслѣдованій по одному частному вопросу сравнительной гистологіи, который можно формулировать въ немногихъ словахъ, а именно: прикрѣпляются ли мышечныя волокна у членистоногихъ непосредственно къ наружному скелету (такъ наз. „прямое прикрѣпленіе“) или между ними и скелетомъ лежитъ слой эпителиальныхъ клѣтокъ („непрямое прикрѣпленіе“)? Задача, какъ видно, не особенно широкая, но она суживается еще тѣмъ, что объектомъ изслѣдованія избраны только насѣкомыя или вѣрнѣе отдѣльные представители этого класса. Однако, такъ какъ вопросъ этотъ, не смотря на довольно многочисленныя изслѣдованія, остается еще открытымъ, то рѣшеніе его представляетъ нѣкоторый научный интересъ.

Работа раздѣляется на 3 главы: въ первой — изложена литература вопроса; во второй — говорится о прикрѣпленіи мышцъ къ хитиновому скелету и въ третьей — о развитіи эпителія въ мѣстахъ прикрѣпленія мышцъ.

Литература изложена довольно кратко, но ясно и собрана тщательно. Вторая глава начинается изложеніемъ методики изслѣдованія; авторъ пользовался самыми шаблонными методами, а именно преимущественно методомъ разрѣзовъ съ послѣдующей

окраской. Авторъ говоритъ на стр. 31: „слѣдовало бы какъ можно чаще прибѣгать къ изслѣдованію свѣжихъ тканей, особенно, когда дѣло касается поперечно полосатыхъ мышц“, но самъ онъ этого къ сожалѣнію не дѣлаетъ. Не говоря уже о спеціальныхъ методахъ, напр. мацераци и т. под. не были даже изготовляемы плоскостные срѣзы, которые могли бы многое прибавить къ рѣшенію вопроса.

Что касается до полученныхъ авторомъ результатовъ, то они весьма незначительны. Если исключить литературу и нѣкоторые отдѣлы, не имѣющіе прямого отношенія къ темѣ, то собственные наблюденія автора займутъ немного болѣе половины сочиненія, а именно 46 страницъ изъ 82-хъ. Конечно, научные результаты нельзя измѣрять количествомъ страницъ; иногда на одной страницѣ даются результаты болѣе цѣнные, чѣмъ на десяткахъ, но въ данномъ случаѣ мы ничего подобнаго не имѣемъ. Для подтвержденія этого я лучше всего воспользуюсь словами самого автора. На стр. 20-ой онъ говоритъ: „Результатомъ этихъ изслѣдованій было полное утвержденіе именно той двойственности, которая такъ рѣзко бросается въ глаза при чтеніи работъ вышеприведенныхъ авторовъ“, т. е., другими словами — мышцы могутъ прикрѣпляться и такъ, и этакъ. И далѣе, на стр. 27-ой: „относительно того, насколько можно считать доказаннымъ существованіе эпителинаго слоя между мышцей и кутикулой, я не рѣшаюсь еще высказать вполне опредѣленнаго мнѣнія“. Правда, въ концѣ второй главы онъ предполагаетъ, что изъ „вышеприведенныхъ фактовъ можно было бы извлечь довольно много вѣскихъ доказательствъ въ пользу ученія о „непрямомъ“ прикрѣпленіи“, но въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „потерявъ послѣднюю надежду доказать тождество „прямого“ и „непрямого“ способовъ прикрѣпленія при помощи новыхъ методовъ техники и сильнѣшихъ увеличеній микроскопа, я далѣе, для окончательнаго рѣшенія вопроса, принялся за изслѣдованіе гистогенеза“. Изучивъ таковой у 15 приблизительно представителей насѣкомыхъ, авторъ приходитъ уже къ окончательному рѣшенію: „Поперечноисчерченные мышцы насѣкомыхъ“ пишетъ онъ на стр. 82 „никогда не прикрѣпляются непосредственно къ хитиновому скелету. Послѣдній всегда представляетъ собой продуктъ эпителія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ эпителію прикрѣпляются мышцы, эпителіальные клѣтки во многихъ случаяхъ претерпѣваютъ сильныя измѣненія: онѣ становятся весьма низкими, а плазма ихъ вырабатываетъ внутри себя особыя

волоконистыя образования (тонофибриллы, тономитомы), съ которыми у основанія эпителия сростаются концы сократительныхъ фибриллъ мышць. Границей между эпителиемъ и мышцей при этомъ является въ иныхъ случаяхъ настоящая основная перепонка; въ другихъ случаяхъ послѣдняя, хотя она и имѣется на раннихъ ступеняхъ развитія, исчезаетъ почти безслѣдно послѣ достижения зрѣлаго возраста; вещество мышцы совершенно сливается съ веществомъ эпителия“. Я нарочно привелъ заключеніе автора полностью для того, чтобы показать незначительность достигнутыхъ результатовъ. Кромѣ того, выводъ этотъ не содержитъ въ себѣ ничего новаго; это есть подтвержденіе того, что раньше было уже высказано Стаммомъ, Мажіарскимъ и др. для ракообразныхъ и насѣкомыхъ. Да и это положеніе авторомъ не доказано въ достаточной степени. Во первыхъ, дѣлать такое рѣшительное заключеніе, что „поперечноисчерченные мышцы насѣкомыхъ никогда не прикрѣпляются къ хитиновому скелету“ на основаніи того матерьяла, которымъ располагалъ авторъ, мнѣ думается едва ли возможно. Во вторыхъ, автору надо сдѣлать тотъ же упрекъ, который онъ дѣлаетъ Стамму: „главное вниманіе онъ долженъ былъ бы обратить на такъ называемое „прямое“ прикрѣпленіе“ (стр. 15); а между тѣмъ въ третьей главѣ — самой важной, — гдѣ излагается исторія развитія прикрѣпленія мышць, взяты объекты, для которыхъ этотъ способъ прикрѣпленія не указывается, за исключеніемъ, можетъ быть, муравья. Интереснѣе всего было бы выяснить развитіе мышць того типа, который авторъ называетъ вторымъ типомъ и изображаетъ на рис. 2 и 3 (препаратъ изъ моли *Uropoemeuta radi*); онъ ближе всего стоитъ къ „прямому“ способу прикрѣпленія. Между тѣмъ относительно этого насѣкомаго въ сочиненіи мы находимъ только очень поверхностныя наблюденія; переходъ отъ эпителия куколки къ имагинальному совершенно не выясненъ. Единственный фактъ, который имѣетъ интересъ, заключается въ томъ, что у куколокъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ клѣтки эпителия, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, имѣютъ большую высоту и по мѣрѣ перехода куколки въ имаго ихъ высота уменьшается. Но авторъ недостаточно освѣтилъ этотъ вопросъ съ эмбриологической точки зрѣнія: онъ не прослѣдилъ полностью развитіе въ этихъ мѣстахъ эпителия, не выяснилъ связи съ имагинальными пластинками, не прослѣдилъ судьбы жирового тѣла, отдѣляющаго мышцы отъ эпителия; литература по исторіи развитія также не использована. Вообще, авторъ остав-

ляетъ безъ отвѣта цѣлый рядъ вопросовъ, которые невольно являются при чтеніи работы напр.: какъ растутъ клѣтки эпителія по направленію къ мышцамъ? изъ чего состоятъ тонофибриллы и какъ онѣ срастаются съ мышечными фибриллами? не участвуютъ ли соединительно-тканые элементы въ прикрѣпленіи мышцъ (на это есть указанія въ литературѣ)? Прикрыты ли концы мышцъ до ихъ срастанія сарколеммой? и мн. др. Авторъ ограничивается нѣсколькими словами относительно такъ наз. хитиновыхъ сухожилій, хотя они представляютъ собой совершенно особый типъ прикрѣпленія и на нихъ надо было бы остановиться подольше.

Съ другой стороны работа изобилуетъ различными вводными отдѣлами, не имѣющими прямой связи съ темой; производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ стремится искусственно увеличить объемъ сочиненія, сознавая малый объемъ ея научнаго содержанія. Къ такимъ отдѣламъ я причисляю: строеніе летательныхъ мышцъ, измѣненіе поперечной полосатости мышцъ у двукрылыхъ и объ способахъ окрашиванія по Гейденгайну. Къ такимъ излишнимъ и неудачнымъ мѣстамъ относится также раздѣленіе автора способовъ прикрѣпленія мышцъ на типы. Къ первому типу онъ относитъ только мышцы плавунца недавно выплывшагося изъ куколки, которыя, какъ и самъ авторъ сознаетъ, подходятъ къ типу эмбриональнаго прикрѣпленія. Вообще точнаго опредѣленія типовъ авторъ не даетъ. Вотъ напр. что онъ говоритъ о третьемъ типѣ: къ нему „принадлежатъ летательныя мышцы *imaginum* (Рис. 4,5 табл. 1,14 табл. 11). На первый взглядъ, отличаясь сильно отъ обоихъ вышеназванныхъ типовъ, онъ, однако, близко примыкаетъ ко 2-му“. Это вѣдь не опредѣленіе.

Что касается до рисунковъ, то помѣщенные на таблицахъ, выполнены весьма тщательно, помѣщенные же въ текстъ вѣроятно по винѣ литографіи оставляютъ желать многого, такъ напр. о присутствіи ядеръ на рис. L можно только догадаться, въ правой половинѣ рис. N разобрать что нибудь очень трудно. Приходится пожалѣть, что очень важныя данныя не подтверждаются рисунками, а потому теряютъ свою силу, напр. нѣтъ хорошаго изображенія эпителія въ мѣстѣ прикрѣпленія мышцъ у *Urogonemta*; также не показано, какъ у *Vespa media* концы мышечныхъ волоконъ кончаются свободно среди клѣтокъ жирового тѣла, какъ образуются бокаловидныя хитиновыя сухожилія летательныхъ мышцъ *Odonata*.

Резюмируя сказанное, я думаю, что научное значеніе раз-

бираемой работы весьма ограничено. Можно пожалѣть, что авторъ взялся за разрѣшеніе намѣченнаго имъ вопроса и потратилъ на него можетъ быть много времени. Какъ выборъ темы, такъ и ея выполненіе показываетъ, что научный горизонтъ автора очень не широкъ. Ему слѣдовало бы, мнѣ кажется, еще много поработать, раньше чѣмъ искать ученую степень. Мнѣ приходилось уже высказывать здѣсь свое мнѣніе о требованіяхъ къ магистерскимъ диссертациямъ, а именно я не считаю полезнымъ слишкомъ ихъ повышать; но всетаки извѣстный минимумъ долженъ быть. Разсматриваемая работа по своему научному объему не удовлетворяетъ даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ.

К. Сентъ - Илеръ.

Имѣю честь представить нижеслѣдующій отзывъ о диссертации О. Терне „Исслѣдованія надъ прикрѣпленіемъ мышцъ къ хитиновому скелету у насѣкомыхъ“.

Работа умѣло и дѣльно раздѣлена на 3 части. Въ первой главѣ авторъ тщательно и ясно излагаетъ всѣ имѣющіяся въ литературѣ по данному вопросу воззрѣнія, при чемъ не упускаетъ изъ виду пауковъ и ракообразныхъ. Авторъ доказываетъ, что многіе изслѣдователи дѣлали выводы и обобщенія на основаніи немногихъ наблюденій и единичныхъ препаратовъ; иные же истолковывали свои наблюденія односторонне и недостаточно объективно. Далѣе указывается, что изслѣдованія надъ разными животными приводили авторовъ къ различнымъ результатамъ и противорѣчивымъ обобщеніямъ, устранить которыя могли бы только дальнѣйшія изслѣдованія. Но никѣмъ, однако, не было сдѣлано попытки провѣрить новыми изслѣдованіями надъ представителями всѣхъ группъ насѣкомыхъ тѣ имѣющіяся въ литературѣ случайныя наблюденія или таковыя надъ отдѣльными формами. Такимъ образомъ сложилось два воззрѣнія: одни считаютъ, что мышцы прикрѣпляются непосредственно къ кутикулѣ; другіе же полагаютъ, что между кутикулой и концомъ мышцы всегда находится эпителий, часто, правда, значительно видоизмѣненный. Для уясненія этого спорнаго вопроса О. Терне началъ свои изысканія, поставленныя весьма широко, такъ какъ онъ изслѣдовалъ представителей почти всѣхъ группъ насѣкомыхъ.

Во второй главѣ авторъ описываетъ свои препараты по зрѣлымъ насѣкомымъ и личинкамъ изъ голометаболическихъ и гемиме-

табальныхъ. Препараты сдѣланы весьма тщательно, матеріаль фиксированъ и обработанъ по вѣрнымъ методамъ микроскопической техники. Описаніе препаратовъ, данное авторомъ, въ высшей степени объективно, такъ что читатель не находитъ и тѣни предвзятаго мнѣнія или натянутого толкованія. Авторомъ обследованы мѣста прикрѣпленія разныхъ мышцъ: какъ-то мышцъ конечностей, летательныхъ мышцъ, въ особенности же прикрѣпленія объемистыхъ связокъ мышцъ, которыя, наполняя торакасъ, служатъ движенію крыльевъ. Собственно прикрѣпленію этихъ связокъ къ кутикулѣ ранѣе не было удѣлено особаго вниманія, но гистологія ихъ часто толковалась въ такомъ смыслѣ, что онѣ принципиально отличаются отъ другихъ мышцъ тѣмъ, что онѣ состоятъ не изъ мышечныхъ волоконъ, а изъ волоконецъ (фибриллъ). Авторъ находитъ необходимымъ изучить основательно и этотъ вопросъ, сравнивая продольные и поперечные разрѣзы этихъ летательныхъ мышцъ у весьма многихъ и различныхъ насѣкомыхъ и излагаетъ въ высшей степени точно свои наблюденія. Исслѣдованія автора приводятъ къ убѣдительнымъ результатамъ, что летательныя мышцы состоятъ изъ настоящихъ, находящихся въ сарколеммѣ волоконъ, которыя часто отличаются особой толщиной, притомъ часто составлены изъ грубыхъ и своеобразно группированныхъ фибриллъ. Но въ общемъ разница между этими другими мышцами у насѣкомыхъ, во всякомъ случаѣ, не бѣльшая, чѣмъ разница, которую находимъ въ строѣ различныхъ мышцъ у любого позвоночнаго животнаго, сравнивая ихъ даже у одного и того же индивидуума. Онѣ находятъ всѣ переходныя ступени отъ волоконъ съ однимъ рядомъ ядеръ по оси, таковыхъ же со многими рядами, также съ ядрами, расположенными беспорядочными рядами, сплошь до волоконъ, у которыхъ ядра расположены поверхностно, прямо подъ сарколеммой. Эти факты, установленные авторомъ только побочно, имѣютъ немаловажное значеніе.

По вопросу о прикрѣпленіи мышцъ авторъ весьма объективно указываетъ, что собственно всѣ противорѣчащія взгляды прежнихъ исслѣдователей имѣютъ извѣстныя основанія, такъ какъ онъ, авторъ, нашелъ три типа прикрѣпленія мышцъ: 1) посредствомъ эпителия, 2) непосредственное прикрѣпленіе, такъ что кажется, нѣтъ и слѣда эпителия и 3) а именно, у летательныхъ мышцъ, гдѣ между мышцами и кутикулой находится различной толщины слой ткани съ ядрами, которая, благодаря своей полосатости, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе продолженной мышцы, на самомъ же дѣлѣ

эта ткань есть ничто иное как преобразование эпителия. Въ иныхъ случаяхъ это легко установить; иногда же это весьма трудно, особенно, когда клѣтки сплюснуты и ихъ ядра деформированы и сдвинуты въ сторону, причѣмъ почти вся протоплазма распадается на густыя волоконца. Последнее явленіе именно и дало поводъ считать ихъ особымъ преобразованнымъ окончаніемъ мышць, такъ что можетъ казаться, что мышцы непосредственно прикрѣпляются къ кутикулѣ. На основаніи этого авторъ не находитъ возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ изслѣдованіями однихъ только зрѣлыхъ животныхъ. Для выясненія вопроса, авторъ изслѣдуетъ еще не вполне развитыя летательныя мышцы, каковыя мы находимъ у личинокъ гемиметаболическихъ и у куколокъ голометаболическихъ насекомыхъ. Здѣсь, съ одной стороны, кутикула должна, по крайней мѣрѣ, еще одинъ разъ вновь образоваться, съ другой стороны, мускулы еще не доходятъ до кутикулы, такъ что прикрѣпленіе еще должно произойти. Этимъ изслѣдованіямъ посвящается третья глава, причѣмъ, однако, обращается вниманіе и на другіе мускулы. Здѣсь авторъ идетъ по новымъ путямъ, и его въ высшей степени интересныя свѣдѣнія и открытія дѣйствительно окончательно разрѣшаютъ вопросъ.

Онъ доказываетъ, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ доимагинальной стадіи, гдѣ впоследствии происходитъ прикрѣпленіе мышць къ хитиновому скелету, имѣется эпителий, задача котораго, главнымъ образомъ, состоитъ въ образованіи кутикулы для имаго. Причѣмъ указывается, что эти эпителиальныя клѣтки очень высоки, мѣстами даже чрезвычайно удлинены, такъ что имѣютъ видъ длинныхъ, тонкихъ волоконъ, которые, соединяясь своими внутренними концами безъ образованія базальной мембраны, растутъ навстрѣчу къ расположеннымъ далеко отъ нихъ во внутрь къ мышцамъ, чтобы соединиться съ ихъ окончаніями. На мѣстѣ соединенія часто образуется базальная мембрана, иногда же таковая не образуется, и каждая эпителиальная клѣтка соединяется со многими мышечными волоконцами. По мѣрѣ того, какъ мышцы удлиняются по направленію къ кутикулѣ, эпителиальныя клѣтки укорачиваются, причѣмъ въ протоплазмѣ появляются волоконца, которыя все болѣе и болѣе смыкаются въ параллельныя тонкіе пучки, соответствующіе волокнамъ мышць, и въ качествѣ „тонофибриллъ“ обуславливаютъ полосатость протоплазмы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сокращеніе эпителиальныхъ клѣтокъ при постепенномъ переходѣ въ зрѣлую стадію не особенно значительно, и если

при этомъ ихъ базальная мембрана ясно выражена, какъ граница между ними и мышечными волокнами, въ то время, какъ только часть протоплазмы превращается въ тонофибриллы и ядро остается у своего мѣста, тогда и въ зрѣлой стадіи между концами мышцъ и кутикулой имѣется ясно выраженный эпителий — прикрѣпленіе непосредственное. Если же тонофибриллы эпителиальныхъ клѣтокъ весьма многочисленны, то клѣточные ядра сдвигаются въ сторону со своего естественнаго положенія подъ поверхность клѣтокъ, и ихъ форма дегенеративно измѣняется. Густо сплоченныя тонофибриллы кажутся какъ-бы прямымъ продолженіемъ мышечныхъ волоконцевъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда образовалась и сохранилась ясно выраженная базальная мембрана, также можно въ находящемся между мышцами и кутикулой полосатомъ слое съ ядрами узнать видовзмѣненный эпителий. Въ тѣхъ случаяхъ, когда базальная мембрана не образовалась или же вслѣдствіе срастанія эпителия съ концами мышцъ совершенно исчезаетъ, и если еще при этомъ наполненныя тонофибриллами эпителиальныя клѣтки съ раздвинутыми по сторонамъ ядрами очень низки, то эпителий можетъ показаться ничѣмъ инымъ, какъ видовзмѣненнымъ концомъ мышцы и такимъ образомъ можно быть введеннымъ въ заблужденіе, что здѣсь имѣется непосредственное прикрѣпленіе мышцъ.

Своими изслѣдованіями авторъ, слѣдовательно, доказалъ, что подъ кутикулой всегда имѣется слой эпителия, хотя нерѣдко видовзмѣненнаго и что, такимъ образомъ, непосредственнаго соединенія мышцъ съ кутикулой у насѣкомыхъ не имѣется. Своими тщательными и очень точными изслѣдованіями при помощи эмбриологическихъ данныхъ, на которыя до него не было обращено вниманія, авторъ окончательно разрѣшилъ весьма спорный и очень серьезный научный вопросъ. Все это сдѣлано остроумнымъ и безупречнымъ комбинированіемъ фактовъ, при строгой объективности въ толкованіи своихъ наблюденій. Вопросъ разрѣшенъ такъ, что удовлетворяетъ во многихъ отношеніяхъ. Изслѣдованіями же автора снова устанавливается тотъ фактъ, что для образованія кутикулы повсюду необходимо присутствіе эпителия, и что у мѣстъ прикрѣпленія мышцы не могутъ сами выдѣлять кутикулу, какъ это нерѣдко утверждали, и что мышечныя волокна не происходятъ отъ удлиненныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ съ волокнистостью, преобразованныхъ въ мышечное вещество, но что они представляютъ образованія мезодермальныя и ихъ соединеніе съ эктодермальными клѣтками есть вторичное явленіе.

Выводы иллюстрируются прекрасными и вѣрными рисунками безупречныхъ микроскопическихъ препаратовъ и имѣютъ крупное научное значеніе. Всѣмъ дальѣйшимъ изслѣдователямъ въ этой области серьезно придется считаться съ этимъ трудомъ. Въ виду этого, трудъ этотъ является вполне подходящимъ, чтобы быть принятымъ факультетомъ въ качествѣ магистерской диссертации.

Кеннель.

Der physiko-mathematischen Fakultät.

Beehre ich mich, über die Abhandlung des Herrn Oskar von Törne: „Untersuchungen über die Insertion der Muskeln am Chitinskelett bei Insekten“ folgendes Gutachten zu unterbreiten.

Die Arbeit ist in geschickter und sachgemässer Weise in drei Abschnitte eingeteilt.

Im ersten Kapitel gibt der Verfasser eine sorgfältige und erschöpfende übersichtliche Darstellung der in der Literatur über das Thema bisher vorliegenden Angaben und Anschauungen, wobei auch die Spinnen und Krebse berücksichtigt werden. Er zeigt dabei, wie manche frühere Autoren auf Grund weniger Beobachtungen und vereinzelter Präparate sich Ansichten gebildet haben, die sie ohne Weiteres verallgemeinerten; wie andere ihre Befunde einseitig und wenig objektiv deuteten; dass ferner verschiedene Untersucher, auf Grund ihrer Studien an verschiedenen Tieren zu abweichenden Resultaten gekommen, diese verallgemeinerten, was natürlich zu Differenzen führen musste, die erst durch weitere Untersuchungen hätten beseitigt werden müssen. Es hat aber im Grunde keiner den Versuch gemacht, die gelegentlich gesehenen Erscheinungen, oder die an wenigen Tierarten gemachten Beobachtungen durch Untersuchung von Objekten aus möglichst allen Insektengruppen zu kontrollieren. So bildeten sich denn im Wesentlichen zwei entgegengesetzte Anschauungen heraus, indem die einen behaupten, dass sich die Muskeln der Insekten direkt an die als äusseres Skelett dienende Körpercuticula ansetzen, während andere die Ansicht vertreten, dass zwischen Muskelende und Cuticula immer das allgemeine Körperepithel, wenn auch häufig in stark modifiziertem Zustande, vorhanden sei. — Um in dieser Streitfrage eine Klärung herbeizuführen, unternahm von Törne seine Untersuchung, die er durch Berücksichtigung von Vertretern fast aller Insektengruppen auf eine möglichst breite Basis stellt.

Im zweiten Kapitel beschreibt der Verfasser in einer ungewöhnlich objektiven Weise, so dass der Leser keine Spur einer vor-gefassten Ansicht oder einer gezwungenen Deutung bemerken kann, seine Präparate, die er mit äusserster Sorgfalt an Vertretern der hemimetabolischen und der holometabolischen Insekten, an ausgebildeten Tieren, wie an Larven gewonnen hat. Sein Material, nach allen Regeln der Kunst fixiert und konserviert, behandelt er nach den verschiedensten und sichersten Methoden der mikroskopischen Technik. Er untersucht die Anheftungsstellen verschiedener Körpermuskeln, der Bein- und Kaumuskeln und besonders auch der mächtigen, den Thorax erfüllenden Muskelbündel, welche zur Bewegung der Flügel dienen. Letztere waren bisher kaum in Bezug auf ihre Insertionsweise an das Chitinskelett einer Untersuchung unterzogen worden, wohl aber wurde ihre histologische Struktur mehrfach in dem Sinne gedeutet, dass sie prinzipiell von andern Muskeln verschieden seien, da sie nicht aus Muskelfasern, sondern aus Massen von Muskelfibrillen zusammengesetzt seien. Der Autor empfand die Notwendigkeit, auch dieser Frage auf den Grund zu gehen und er vergleicht daher Längs- und Querschnitte durch diese Flugmuskeln bei einer ganzen Anzahl verschiedener Insekten, schildert seine Befunde aufs genaueste und kommt zu dem überzeugenden Resultat, dass auch die Flugmuskeln aus ächten, von Sarcolemm umhüllten Muskelfasern zusammengesetzt sind, die sich nur häufig durch ungewöhnliche Dicke auszeichnen und oft auch aus recht groben und eigenartig gruppierten Fibrillen bestehen, aber keine grösseren Verschiedenheiten von anderen Insektenmuskelfasern aufweisen, ob man sie auch zwischen verschiedenen Muskelfasern von Wirbeltieren, selbst bei einem und demselben Individuum finden kann. Zwischen Muskelfasern mit einer Kernreihe in der Achse, solchen mit mehreren Kernreihen daselbst, anderen mit zahlreichen zerstreuten Längsreihen von Kernen bis zu denen, bei welchen die Kernreihen oberflächlich unter dem Sarcolemm liegen, findet er alle Übergänge. Die Feststellung dieser Tatsache ist ein Nebenresultat der Untersuchung von nicht zu unterschätzender Bedeutung.

Was die Insertionsweise der Muskelfasern betrifft, so zeigt der Verfasser in seiner objektiven Weise, dass die früheren Autoren mit ihren weit abweichenden Darstellungen alle anscheinend Recht gehabt haben könnten, denn er findet dreierlei Typen des Muskelansatzes: 1) eine durch Vermittelung eines deutlichen Epithels; 2) eine direkte, bei der an der Anheftungsstelle jede Spur

von Epithel zu fehlen scheint, und 3) bei den Flugmuskeln eine solche, wo zwischen Muskelende und Cuticula eine verschieden dicke Gewebeschichte liegt, die mit Kernen versehen, eine dichte Streifung zeigt, welche wie eine Fortsetzung der Muskelfibrillen aussieht, aber nichts anderes, als das stark modifizierte Körper-epithel sein kann. Bald ist letzteres ziemlich zweifellos zu erkennen; in anderen Fällen jedoch, besonders wenn die Zellen recht niedrig, ihre Kerne deformiert, an die Seite gedrängt sind und ihr Protoplasma fast gänzlich in dichte Fibrillenbündel zerspalten ist, kann es leicht als besonders umgewandeltes Endstück der Muskelfasern selbst gedeutet werden, wodurch auch der Anschein einer direkten Insertion erweckt werden kann. Eine sichere Entscheidung der Frage glaubt demnach der Verfasser auf Grund der Struktur beim erwachsenen Tier nicht herbeiführen zu können.

Um hier Klarheit zu gewinnen, wendet sich der Autor den Jugendzuständen der Flugmuskeln zu, wie sie bei den Larven der hemimetabolischen und in den Puppen der holometabolischen Insekten zu finden sind, wo also einerseits nach wenigstens einmal neue Cuticula gebildet werden muss, und andererseits die Muskeln noch nicht bis zur Cuticula reichen, also ihre Insertion erst eintreten muss. Diesen Untersuchungen ist das dritte Kapitel gewidmet, wobei übrigens auch andere Muskeln Berücksichtigung finden. Hier wandelt der Verfasser ganz neue Bahnen und liefert hoch interessante Beiträge und Entdeckungen, die in der Tat die definitive Entscheidung der Frage bringen.

Er zeigt, dass vor dem Imaginalstadium an allen den Stellen, wo später die Imaginalmuskeln sich an das Chitinskelett befestigen, ein Epithel vorhanden ist, das in erster Linie die Aufgabe hat, die Cuticula der Imago zu bilden; gerade an diesen Stellen sind die Epithelzellen sogar ungewöhnlich hoch, zum Teil so gewaltig in die Länge gestreckt, dass sie wie lange, dünne Fasern erscheinen, die ohne durch eine Basalmembran an ihren inneren Enden vereinigt zu sein, gleichsam den tief im Inneren liegenden Muskeln entgegen wachsen, um sich an deren Enden anzusetzen. An der Berührungsstelle bildet sich oft eine Basalmembran aus, manchmal aber auch nicht; jede Epithelzelle verbindet sich mit einer Anzahl von Muskelfibrillen. In dem Masse, wie die Muskelfasern sich gegen die Culicula hin verlängern, verkürzen sich die Epithelzellen, wobei in ihrem Protoplasma feine Fäserchen auftreten, die sich mehr und mehr zu feinen, parallelen, den Fibrillen der Muskelfa-

sern entsprechenden Bündelchen zusammenschließen und als „Tonofibrillen“ dem Zellprotoplasma ein streifiges Aussehen geben.

Wenn nun bei dem allmählichen Übergang in den definitiven Zustand die Verkürzung der Epithelzellen nicht gar zu stark wird, ihre Basalmembran als Abgrenzung gegen die Muskelfaser deutlich bleibt, die Tonofibrillenbildung nur einen Teil des Protoplasmas in Anspruch nimmt und der Kern an seiner Stelle verharret, es ist auch im definitiven Zustand zwischen Muskelende und Cuticula deutliches Epithel vorhanden: indirekte Muskelinsertion. Werden dagegen die Zellen des Epithels sehr stark mit Tonofibrillen erfüllt, so werden oft ihre Kerne aus ihrer normalen Lage seitlich unter die Oberfläche der Zellen gedrängt und erfahren dabei auch degenerative Veränderungen ihrer Gestalt und Struktur; die dicht gelagerten Bündel der Tonofibrillen erscheinen dann leicht wie direkte Fortsetzungen der Muskelfibrillen. Wenn jedoch eine deutliche Basalmembran gebildet wurde und erhalten blieb, so ist diese gestreifte Zwischenschicht mit ihren Kernen immerhin als modifiziertes Epithel zu erkennen. Wird dagegen keine Basalmembran gebildet oder schwindet sie infolge der innigen Verwachsung des Muskelendes mit den Epithelzellen ganz, werden ausserdem die mit Tonofibrillen erfüllten Epithelzellen recht niedrig, und ihre Kerne auseinander gedrängt, so kann es den Anschein gewinnen, als sei das Epithel nichts anderes, als ein etwas modifiziertes Muskelende und das täuscht dann eine direkte Muskelinsertion vor.

Der Verfasser hat also durch seine Untersuchungen nachgewiesen, dass in allen Fällen eine, wenn auch oft stark umgeänderte Lage von Epithel unter der Cuticula vorhanden ist und bleibt, dass es eine wahre direkte Verbindung von Muskelfaser und Cuticula bei den Insekten nicht gibt. Er hat durch seine sorgfältige und sehr genaue Untersuchung, unter Heranziehung bisher unbeachteter embriologischer Momente, mit geistvoller, einwandfreier Combination und dennoch unter steter Wahrung einer strengen Objektivität in der Deutung seiner Befunde eine wichtige wissenschaftliche Streitfrage endgültig und in mehr als einer Hinsicht befriedigend gelöst. Es ist nämlich durch diese Untersuchung auch aufs neue festgestellt worden, dass überall zur Erzeugung von Cuticula ein Epithel vorhanden sein muss, dass an den Ansatzstellen der Muskelfasern nicht diese selbst Cuticula ausscheiden können, wie öfters behauptet wurde, und dass die Muskelfasern nicht von der Epidermis, etwa als langgestreckte, faserig differenzierte und in Muskel-

substanz metamorphosierte Epithelzellen, herkommen, sondern mesodermale Gebilde sind, die erst sekundär mit ectodermalen Zellen in Verbindung treten können.

Diese Resultate, welche durch vortreffliche, naturgetreue Abbildungen tadelloser mikroskopischer Praeparate erläutert werden, sind von beträchtlicher wissenschaftlicher Wichtigkeit, die Abhandlung wird bei allen weiteren Forschungen auf diesem Gebiet sorgfältig berücksichtigt werden müssen und sie erscheint darum durchaus geeignet, als Magisterschrift von der Fakultät angenommen zu werden.

10. Dezember 1911.

Prof. Dr. J. Kennel.

Когда началась его литературная дѣятельность, съ точностью установить невозможно; можно лишь полагать, что она имѣла мѣсто главнымъ образомъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ XVI вѣка, а двѣ его челобитныя къ царю написаны въ 1548-49 годахъ ¹⁾. Когда умеръ Пересвѣтовъ, мы также не знаемъ. Кромѣ двухъ челобитныхъ царю Ивану IV, Пересвѣтовъ написалъ еще нѣсколько литературныхъ произведеній: Сказаніе о царѣ Константинѣ, Сказаніе о Магметѣ-султанѣ, Предсказанія философовъ и докторовъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, „Сказаніе о царѣ турецкомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія“ (см. выше, стр. 182) и передѣлку отрывка изъ повѣсти о Царьградѣ ²⁾. Всѣ эти сочиненія, не исключая и челобитныхъ (особенно первой), имѣютъ публицистическій характеръ и заключаютъ въ себѣ съ одной стороны осужденіе существующихъ въ Россіи порядковъ, а съ другой — указываютъ на средства къ ихъ исправленію.

Пересвѣтовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей при дворѣ Ивана Грознаго, которые обратили на себя вниманіе своими личными качествами, а не знатностью рода или протекціей; онъ, кромѣ того, былъ человѣкъ пріѣзжій, а „пріѣзжихъ людей не любятъ“, какъ онъ самъ говоритъ во второй своей челобитной (Соч., стр. 80). Естественно, что онъ является врагомъ родовитаго боярства и, пользуясь опытомъ своей прошлой жизни, книжной начитанностью и личными московскими наблюденіями, Пересвѣтовъ дѣлаетъ вопросъ объ отношеніяхъ царя и боярства однимъ изъ самыхъ главныхъ въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Пересвѣтовъ сначала беретъ этотъ вопросъ въ его общей постановкѣ и замаскировываетъ свое обличеніе въ отвлеченную форму. Въ „Сказаніи о царѣ Константинѣ“, подъ которымъ Пересвѣтовъ, допуская очевидные анахронизмы, явно

1) Р ж и г а, назв. соч., стр. 12—19.

2) Всѣ изданы г. Р ж и г о й въ назв. соч., стр. 59—84; на стр. 3 указаны и прежнія изданія нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

разумѣть Ивана Грознаго, онъ говоритъ, что „вельможи его до возраста царева царствомъ его обладали и измытарили и неправдами исцѣпили и своими неправедными суды, и особную брань въ царствѣ томъ учинили“; результатомъ вліянія вельможъ на царя Константина было то, что „царство его искудѣло“, а самъ онъ сталъ мыслить о смиреніи и о кротости, между тѣмъ какъ только тогда „царство ширѣть“ и „имя царя славно по всѣмъ землямъ“, когда онъ „на царствѣ грозенъ и мудръ“, а не „кротокъ и смиренъ“: не удивительно поэтому, что дѣло кончилось взятіемъ Царьграда турками (стр. 70—71). Въ другомъ сочиненіи (первой челобитной) авторъ переходитъ къ прямому обличенію русскихъ вельможъ, облакая свое сужденіе въ форму совѣтовъ „Петра, волошкаго воеводы“: „вельможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжуютъ и государю“, и далѣе приводитъ отвѣтъ нѣкоего „Васьки Мерцалова“ на вопросъ волошкаго воеводы, есть ли въ московскомъ царствѣ правда: „вѣра, государь, христіанская добра, всѣмъ сполна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ“ (стр. 62—64). Авторъ дѣлаетъ тутъ уже вполне конкретное сопоставленіе греческаго царства съ московскимъ и, совершенно въ духѣ теоріи старца Филовея (см. выше, стр. 186), устанавливаетъ необходимость преемственной связи погибшей Византіи съ процвѣтающей политически Москвой; въ виду этого, устами все того же „волошкаго воеводы“ онъ выражаетъ опасеніе, чтобы, подобно греческому царю, и „русскаго царя благовѣрнаго и великаго князя“ вельможи его „не уловили бы враждою отъ ереси своей и лукавствомъ своимъ, великаго богатства лѣнивствомъ своимъ, да не укротили бы его отъ воинства, боящися смерти, яко бы богатымъ и не умирати“

(стр. 64—65). Если греческое царство является въ глазахъ Пересвѣтова поучительнымъ примѣромъ того, чего нужно избѣжать, то, напротивъ, турецкое царство, въ лицѣ Магмета-султана, рисуется передъ нимъ чертами, заслуживающими подражанія, несмотря на религіозное „нечестіе“ турокъ. Магметъ-султанъ, подъ которымъ разумѣется историческій Магометъ II, завоеватель Царьграда, изображенъ у нашего писателя образцомъ правителя, который, какъ указано въ „Сказаніи о Магметѣ-султанѣ“, и самъ по себѣ былъ „философъ мудрый по своимъ книгамъ по турецкимъ“, но сдѣлался еще мудрѣе, прочитавши „книги греческія“ (стр. 71). Понявъ ошибки своего соперника, греческаго царя Константина, онъ ввелъ въ своемъ царствѣ существенныя преобразованія по части администраціи и главнымъ образомъ суда: онъ отмѣнилъ намѣстничества съ кормленіями и велѣлъ собирать со всего царства доходы въ общую казну, вельможамъ же назначилъ опредѣленное жалованье; установилъ строгій и праведный судъ, устранилъ суровыми мѣрами возможность судей „искушаться“ посулами; опредѣлилъ, въ интересахъ правосудія, условія „божьяго суда“ и „поля“ (стр. 72—73). Магметъ-султанъ обратилъ вниманіе также на рабство и отмѣнилъ его въ общегосударственныхъ интересахъ: „въ которомъ царствѣ люди поработенны — полагаю онъ — и въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруга несмѣлы, поработенный бо человекъ срама не боится, а чести себѣ не добываетъ“, а какъ далъ имъ волю, то эти самые люди „стали у царя храбры“, „всякій сталъ противъ недруга стояти и полки недруговъ разрывать, смертною игрою играти и чести себѣ добывати“ (стр. 75). Хорошее, сильное войско Пересвѣтовъ считалъ главной опорой государства, и на эту сторону дѣла настойчиво указывалъ царю Ивану IV: „воинниками царь силенъ и славенъ“ (стр. 65); о воинахъ нужно постоянно заботиться, сердца имъ веселити и жалованья изъ казны своей госу-

даревы прибавливати“; онъ совѣтуетъ царю держать 20.000 „юнаковъ храбрыхъ со огненою стрѣльбою“ противъ крымскаго хана: они будутъ лучше 100.000 обыкновеннаго войска (стр. 62—63). Онъ даетъ царю и другіе столь же конкретныя совѣты: отправить на Казань сильное войско, „да велѣти ихъ (улусы казанскіе) жечи и людей сѣчи и плѣнити“ (стр. 67—68), царскую столицу перенести въ Нижній-Новгородъ, а Москву оставить „великому княжеству“ (стр. 78). Такимъ образомъ, изъ сочиненій Пересвѣтова вырисовывается довольно опредѣленный политическій идеаль: сильная самодержавная власть, ограниченіе боярскаго вліянія на управленіе государствомъ, приближеніе къ себѣ на службу низшаго сословія вмѣстѣ съ дарованіемъ ему свободы, реформы въ администраціи и въ судѣ, организація войска, перенесеніе царской столицы на востокъ.

Общественно-политическія воззрѣнія Пересвѣтова имѣютъ большое историческое значеніе особенно потому, что они тѣсно связаны съ современностью. Время второй половины 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XVI вѣка было отмѣчено особымъ подъемомъ нравственныхъ исканій и политической мысли въ Россіи. Вступившій на престолъ молодой царь былъ воодушевленъ искреннимъ желаніемъ произвести самыя широкія государственныя улучшенія, и настроеніе это не ограничилось одними пожеланіями: были приняты мѣры къ урегулированію системы „кормленій“; внесены исправленія въ организацію управленія и суда; сдѣланъ былъ пересмотръ Судебника Іоанна III; сдѣланы шаги къ устройству сословія „воинновъ“. Всѣ эти вопросы, надо полагать, были предметомъ обсужденія на первомъ земскомъ соборѣ, созванномъ Иваномъ IV въ 1550 году; въ тѣсной связи съ этимъ была и дѣятельность царя на церковномъ соборѣ 1551 года ¹⁾. Трудно, конечно, утверждать, безъ наличности

1) Р ж и г а, назв. соч., стр. 46—48.

положительныхъ данныхъ, о прямомъ вліяніи совѣтовъ Пересвѣтова на политическую программу Грознаго и ея осуществленіе, хотя хронологическія совпаденія и дѣлаютъ такую догадку весьма правдоподобной¹⁾. Осторожнѣе будетъ признать лишь то, что идеи Пересвѣтова, изложенныя имъ въ весьма талантливой и яркой формѣ, были вообще достояніемъ круга лицъ, имѣвшихъ на царя дѣйствительное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ основныхъ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ Пересвѣтовъ не былъ совершенно одинокимъ среди своихъ современниковъ: у него были какъ единомышленники, такъ и антагонисты. Весьма близокъ, напр., къ нашему публицисту Максимъ Грекъ своими обличеніями русскаго боярства, и даже указаніе Пересвѣтова на турецкаго Магмета-султана, какъ на образецъ правителя, находитъ себѣ извѣстную параллель въ указаніи Максима на персидскаго царя Кира (Соч. II, стр. 354); обращеніе къ царю за „правдой“ и „истиной“ находимъ мы и въ т. наз. Сильвестровскомъ посланіи къ царю Ивану Грозному²⁾; совѣты объ устройствѣ воинской части высказываетъ неизвѣстный авторъ „Иного сказанія“, составляющаго приложеніе къ „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“ (см. выше, стр. 297); наконецъ, въ вопросѣ о царскомъ единодержавіи согласно съ Пересвѣтовымъ высказывается и самъ царь въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, а совпаденіе мыслей царя съ взглядами Пересвѣтова на вельможъ и бояръ можно найти въ рѣчахъ Грознаго на соборѣ 1550 и 1551 годовъ³⁾. Съ другой стороны, нѣкоторые вопросы, затронутые Пересвѣтовымъ, находятъ себѣ совершенно обратное освѣщеніе у другихъ писателей-публицистовъ XVI вѣка: кромѣ князя Курбскаго, съ которымъ Пересвѣтовъ радикально расходится въ пониманіи

1) Тамъ же, стр. 53.

2) Д. П. Голохвастовъ и арх. Леонидъ. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія. М. 1874, стр. 69—72.

3) Р ж и г а, назв. соч., стр. 48—49.

границъ царской власти, онъ въ своемъ взглядѣ на боярство держится совершенно иной точки зрѣнія, нежели та, которую мы видѣли, напр., у неизвѣстнаго автора „Бесѣды“.

Эти точки соприкосновенія Пересвѣтова какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ съ разнаго рода вопросами и идеями своей эпохи, устанавливая тѣсную связь съ послѣдней у нашего автора, представляютъ однако же весьма недостаточныя данныя для опредѣленія тѣхъ литературныхъ вліяній, которымъ могъ подвергаться Пересвѣтовъ. Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о Пересвѣтовѣ указываетъ въ этомъ отношеніи на извѣстную повѣсть объ основаніи и взятіи Царьграда, бывшую, повидимому, однимъ изъ любимыхъ литературныхъ произведеній нашего автора и давшую матеріаль для широкаго сопоставленія греческаго и московскаго царства; затѣмъ — на сочиненія старца Филовея, на повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, на нѣкоторыя произведенія апокрифической литературы¹⁾.

При всемъ этомъ, И. С. Пересвѣтовъ выступаетъ передъ нами какъ писатель въ высокой степени оригинальный, съ совершенно опредѣленно выраженной индивидуальностью. На фонѣ русскихъ событій и русской публицистической литературы XVI вѣка особенно любопытнымъ представляется тотъ фактъ, что этотъ выходецъ съ запада, хотя и русскій по своему происхожденію, является къ царю не только съ предложеніемъ своихъ техническихъ познаній въ области военнаго дѣла, но и съ совѣтами общаго характера, обнаруживая такія политическія тенденціи, усиленіе которыхъ, въ лицѣ московскаго царя, побуждало, напротивъ, нѣсколько поздиѣ мѣстныхъ людей, вродѣ Курбскаго, устремляться на западъ; въ этихъ именно историческихъ условіяхъ и должна быть дана настоящая оцѣнка своеобразному политическому консерватизму Пересвѣтова.

1) Р ж и г а, назв. соч., стр. 49—51.

8.

Старыя и новыя теченія русской жизни; отраженіе ихъ въ литературѣ. — Труды митр. Макарія. — Стоглавъ; общіе вопросы объ этомъ памятникѣ; его редакція. — Составъ Стоглава. — Вышняя исторія собора 1551 года. — Содержаніе Стоглава; вопросы церковнаго просвѣщенія и общественнаго быта; отраженія современнаго настроенія мысли. — Историко-литературное значеніе памятника.

Предшествующее изложеніе литературныхъ явленій XVI вѣка имѣло цѣлю представить главнѣйшія черты той стороны литературной жизни Россіи въ указанную эпоху, которая отразила собою различныя направленія мысли по вопросамъ религіи, нравственности, просвѣщенія, общественности и политики. Мы видѣли, что произведенія эти, принадлежавшія авторамъ разнообразнаго общественнаго положенія, образованія и литературной подготовки, съ одной стороны обнаруживаютъ тѣсную связь съ теченіями русской мысли въ XV вѣкѣ, а съ другой — стремятся къ разработкѣ вопросовъ, выдвигаемыхъ русской жизнью въ новыхъ условіяхъ ея культурнаго и политическаго развитія. Если принять во вниманіе, что именно въ XVI вѣкѣ закончилось политическое объединеніе московскаго государства, назрѣли многіе вопросы гражданской и церковной политики, стала выясняться потребность болѣе широкаго просвѣщенія, усилились запросы нравственнаго сознанія и болѣе свободное отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и идеаламъ, то станетъ понятнымъ и значительное обиліе публицистическихъ произведеній, авторы которыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разнообразной литературной формѣ стремились къ разрѣшенію этихъ вопросовъ въ общемъ и въ частностяхъ. Но рядомъ съ этой стороной литературы, служившей т. ск. текущимъ — хотя иногда и вполне принципиальнымъ — вопросамъ современности, существовала и другая, вызванная не менѣе глубокими мотивами религіознаго и общественнаго сознанія. Въ русскомъ обществѣ той эпохи

чувствовался переходъ отъ старой жизни къ новой; мыслящіе умы ясно усматривали связь этого стараго съ давними традиціями изъ Византіи, а новаго — съ теченіями Запада. Эта неизбѣжная борьба двухъ теченій, изъ которыхъ одно шло на смѣну другому, должна была найти себѣ и извѣстное отраженіе въ литературѣ. Частичное и косвенное проявленіе этихъ тенденцій можно наблюдать въ дѣятельности Максима Грека, Курбскаго, Артемія, Пересвѣтова; они отчетливо выдѣляютъ въ различныхъ явленіяхъ русской жизни элементы стараго и новаго и даютъ имъ ту или иную, общественную или индивидуальную, оцѣнку. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ сторонниковъ прежнихъ началъ возникаютъ литературныя попытки удержать „поиспатавшуюся“ старину, собирая ея идеальныя черты и внося въ нее необходимыя исправленія съ точки зрѣнія критики, предпринятой однако же на основѣ стародавнихъ воззрѣній. Во главѣ этихъ работъ сталъ митрополитъ Макарій (1542—1563), благодаря личнымъ трудамъ, матеріальнымъ жертвамъ и организаторскому таланту котораго возникла т. наз. Никоновская Лѣтопись, грандіозныя Четьи-Минеи, Степенная книга. Если первая изъ нихъ ¹⁾ представляетъ собою лѣтописный сводъ, опиравшійся на цѣлый рядъ трудовъ этого рода, начиная съ очень давняго времени, то послѣднія два предпріятія представляютъ нѣчто новое. Четьи-Минеи митр. Макарія заключаютъ въ себѣ, можно сказать, энциклопедію значительной части русской письменности, оказавшейся въ наличности къ половинѣ XVI вѣка: тутъ нашли себѣ мѣсто, въ 12 огромныхъ фоліантахъ, расположенныхъ по днямъ каждаго мѣсяца, многочисленныя слова, житія, сказанія и другія произведенія, оригинальныя и переводныя, какія можно было разыскать по бібліотекамъ и которыя признаны были достойными внесенія въ эту сокровищницу литературныхъ цѣнностей

1) Голубинскій, И. Р. Ц. II. 1, стр. 853—854.

той эпохи. Исполненіе этого труда потребовало двадцатилѣтнихъ усилій цѣлаго ряда работниковъ и закончено не ранѣе 1552 года¹⁾. Степенная книга представляетъ собою обширный сборникъ статей агіографическаго и агіобіографическаго содержанія; по своему характеру и цѣлямъ составленія она является „торжественной книгой“, прославлявшей представителей и представительницъ царской династіи; инициатива этого труда принадлежала Макарію, а исполненіе царскому духовнику Андрею-Аванасію, впослѣдствіи московскому митрополиту; окончательная обработка относится къ декабрю 1563 года²⁾. Сюда относится также великолѣпная, снабженная богатыми иллюстраціями, историческая энциклопедія XVI вѣка, остатки которой сдѣлались извѣстны наукѣ лишь въ очень недавнее время³⁾. Къ этой же категоріи литературныхъ явленій XVI вѣка принадлежать и тѣ два памятника, на которыхъ намъ въ настоящее время слѣдуетъ остановиться: это — Стоглавъ и Домострой.

Главнѣйшее значеніе Стоглава сосредоточивается въ области исторіи русской церкви и, въ частности, церковнаго законодательства, но и для исторіи литературы памятникъ этотъ даетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ чертъ общаго и частнаго характера. Существуетъ мнѣніе, поддерживаемое цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (митр. Платонъ,

1) Голубинскій, И. Р. Ц. II, 1, стр. 852. Описаніе Макаріевскихъ Четьихъ-Миней см. въ трудѣ архим. Іосифа: Подробное оглавленіе Великихъ Четьихъ-Миней всероссійскаго митрополита Макарія, хранящихся въ Московской патріаршей библиотекѣ. М. 1892. Изданіе ихъ начато Археографической Комиссіей; до сихъ поръ вышло 12 вып. за мѣсяцы сентябрь — декабрь: Спб. 1868—1907.

2) П. Г. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I. Спб. 1904. „Степенная книга“ издана была акад. Г. Миллеромъ: Ч. I—II. М. 1775.

3) В. Н. Щепкинъ. Лицевой сборникъ Имп. Росс. Истор. Музея Извѣстія II Отд. А. Н. 1899, № 4, стр. 1345—1385; А. Е. Прѣсняковъ. Московская историческая энциклопедія XVI вѣка. Тамъ же, 1900 № 3, стр. 824—876.

Ждановъ, Субботинъ, Добротворскій), въ силу котораго Стоглавъ не есть памятникъ ни каноническій, ни подлинный, ни официальный, а лишь частное извлеченіе изъ опредѣленій московскаго собора 1551 года, и въ такомъ случаѣ его интересъ именно опредѣляется областью исторіи русской жизни, ея бытовыхъ отношеній, понятій и настроеній. Съ другой стороны, каноничность, официальность и подлинность Стоглава признаются такими учеными, какъ митр. Макарій, Павловъ и Голубинскій. Какъ бы ни разрѣшался этотъ вопросъ по существу, интересъ Стоглава для исторіи русской литературы и просвѣщенія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Какъ памятникъ русской письменности XVI вѣка, Стоглавъ сравнительно поздно обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей. Причина этого заключалась, между прочимъ, и въ условіяхъ духовной цензуры, въ силу которыхъ первое изданіе Стоглава могло появиться лишь въ Лондонѣ въ 1860 году: уважаемый старообрядцами и заключающій въ себѣ церковныя наставленія о двуперстномъ сложеніи и „сугубой аллилуйи“, онъ возбуждалъ опасенія соблазна среди православныхъ. Затѣмъ послѣдовали изданія: Казанское (1862), Кожанчикова (Спб. 1863) и Субботина (М. 1890). Научная цѣнность ихъ не одинакова. Лондонское изданіе сдѣлано небрежно и по неисправному списку „съ экземпляра, находящагося у Н. А. Полевого“; Кожанчиковское представляетъ краткую редакцію Стоглава, отношеніе которой къ полной редакціи не опредѣлено издателемъ. Болѣе цѣнными являются Казанское и Субботинское изданія: первое выполнено весьма тщательно по нѣсколькимъ спискамъ — однако лишь на основаніи рукописей XVII—XIX вв.; второе же сдѣлано по списку XVI вѣка (т. наз. Волотовскому), съ подведеніемъ варьянтовъ по двумъ другимъ спискамъ XVI вѣка, и имѣло въ виду не столько интересы науки, сколько практическія соображенія — дать матеріаль для собесѣдо-

ваній со старообрядцами. Кромѣ двухъ названныхъ редакцій Стоглава, полной (въ Лондонскомъ, Казанскомъ и Суботинскомъ изданіяхъ) и сокращенной (въ изданіи Кожанчикова), есть еще третья, т. наз. краткая, редакція, сохранившаяся въ немногихъ спискахъ и напечатанная Н. В. Калачовымъ въ „Архивѣ истор. и практ. свѣд., относ. до Россіи“, кн. V (1863). Вопросъ о взаимномъ отношеніи этихъ трехъ редакцій — наиболѣе полной, сокращенной и краткой¹⁾ — затрудняется тѣмъ, что мы не только не имѣемъ подлинныхъ постановленій Стоглаваго собора, но и какого-либо косвеннаго вполне надежнаго указанія на то, чѣмъ они были во всей ихъ совокупности: поэтому, всего естественнѣе отправляться отъ наиболѣе полной редакціи и класть ее въ основаніе историческаго изученія памятника.

Стоглавъ есть, безъ сомнѣнія, самый обширный и важный письменный источникъ нашихъ свѣдѣній о знаменитомъ соборѣ 1551 года. Въ настоящее время, особенно послѣ изслѣдованій И. Н. Жданова²⁾, совершенно ясно, что московскій соборъ 1551 года имѣлъ въ виду не только церковныя, но и земскія общегосударственныя нужды Россіи той эпохи; однако, не смотря на широкое участіе царя въ организаціи собора и самомъ ходѣ его занятій, преимущественно духовный составъ собора, при участіи князей и бояръ,

1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытъ новый списокъ Стоглава, сдѣланный въ 1596 году въ Псково-Печерскомъ монастырѣ и находящійся тамъ въ числѣ рукописей библиотеки Братства св. Софіи въ Новгородѣ: въ немъ съ одной стороны нѣкоторыя главы отсутствуютъ (40 гл. „о стриженіи брадъ“), а съ другой — есть главы, которыя въ другихъ спискахъ изложены иначе, напр. къ 13 главѣ присоединенъ „чинъ, како пріимати приходящихъ отъ иновѣрныхъ, отъ жидовъ или отъ срачныхъ“. (Л. И. Новооткрытый рукописный Стоглавъ 16 вѣка, его особенности и значеніе. „Богословскій Вѣстникъ“ 1899 № 9—10). Эта находка показываетъ, что по части установленія текста Стоглава сдѣлано далеко еще не все, что нужно.

2) „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“ въ Ж. М. Н. Пр. 1876 №№ 7—8 и „Церковно-земскій соборъ 1551 года“ въ Истор. Вѣстн. 1880 № 2; обѣ статьи перепечатаны въ „Сочиненіяхъ“ И. Н. Жданова: т. I. 1904.

сосредоточилъ свое главнѣйшее вниманіе на нуждахъ церкви, предоставивъ свѣтскимъ задачамъ весьма скромное мѣсто, и послѣднія нашли въ Стоглавѣ лишь мало замѣтный отголосокъ. Поэтому, хотя самъ по себѣ фактъ обращенія царя къ народному разуму въ той или иной формѣ для обсужденія „земскаго нестроенія“ представляетъ для XVI вѣка значительный историческій интересъ и слѣдомъ такого обращенія къ собору 1551 года являются, между прочимъ, не вошедшіе въ Стоглавъ и отысканные Ждановымъ¹⁾ царскіе вопросы по весьма важнымъ вопросамъ государственнаго быта (устройство служилаго сословія, распредѣленіе вотчинъ и помѣстій и пр.), однако эта сторона дѣла, не вошедшая въ Стоглавъ въ сколько-нибудь полномъ видѣ, должна остаться за предѣлами нашего разсмотрѣнія.

Стоглавъ получилъ свое названіе отъ ста главъ, въ которыя заключено его содержаніе. Названіе это весьма древнее и имъ обозначены самые старые списки нашего памятника, хотя есть и другое названіе, напр. въ Болотовскомъ спискѣ, напечатанномъ Субботинымъ: „Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ“. Количество ста главъ представляется искусственнымъ и, весьма вѣроятно, есть подражаніе Іоаннову Судебнику, изложенному въ 100 главахъ и переработанному въ 1550 году. Не будучи ни протоколомъ занятій московскаго церковно-земскаго собора, начавшагося 23 февраля и окончившагося въ маѣ 1551 года, ни точно сформулированнымъ текстомъ его постановленій, Стоглавъ носитъ на себѣ слѣды редакціонной обработки матеріала, который въ подлинникѣ до насъ не дошелъ; въ какой степени полноты вошелъ сюда этотъ матеріалъ, мы съ точностью опредѣлить не можемъ; что же касается литературной стороны этой редакторской работы, то слѣдуетъ признать, что она выполнена не вполнѣ удачно,

1) Соч. I, стр. 175—186.

обнаруживая черты бессистемности и даже хаотичности. Иногда объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а иногда въ одной главѣ соединено нѣсколько разнородныхъ по содержанию указаній; въ самомъ изложеніи есть мѣста, указывающія на слѣды неловкой сшивки текстовъ разныхъ отдѣльныхъ памятниковъ или документовъ¹⁾. Впрочемъ, это зависѣло отчасти и отъ разнообразія входящаго въ Стоглавъ матеріала и отъ хронологической послѣдовательности сужденій на соборѣ, которыя не были подчинены строгому логическому плану и, въ видѣ недошедшихъ до насъ протоколовъ засѣданій, несомнѣнно оставили свой слѣдъ и на работѣ редактора памятника. Въ названныхъ ста главахъ размѣщенъ слѣдующій матеріалъ: глава I и II заключаютъ историческія свѣдѣнія о возникновеніи собора, о присутствовавшихъ на немъ іерархахъ и объ общемъ содержаніи вопросовъ, которые на немъ обсуждались; въ III и IV главахъ помѣщены рѣчи царя къ собору; въ V главѣ содержится 37 т. наз. „первыхъ“ вопросовъ царя къ собору, отвѣты на которые членовъ собора занимаютъ главы VI—XL: здѣсь находятся постановленія о поповскихъ старостахъ и о различныхъ обязанностяхъ приходскаго духовенства; затѣмъ, XLI и XLII главы содержатъ 32 т. наз. „вторыхъ“ царскихъ вопроса, и слѣдующія затѣмъ главы XLIII—XCVIII представляютъ на нихъ отвѣты, въ которыхъ находятся постановленія касательно церковныхъ властей — епископовъ, монастырскихъ настоятелей — и самого царя; послѣднія двѣ главы XCIX и C являются дополнительными: въ нихъ рассказывается объ отсылкѣ постановленій собора бывшему митрополиту Іоасафу и о томъ, какія замѣчанія послѣдовали отъ него по поводу тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Наконецъ, во многихъ спискахъ Стоглава есть еще СІ-ая прибавочная глава, очевидно не относящаяся

1) Ждановъ, И. Н. Сочиненія I, стр. 243—249.

къ органическому составу памятника, хотя и трактующая о монастырскихъ вотчинахъ — предметъ близкомъ интересамъ собора: она изложена въ видѣ постановленія собора 11 мая 1551 года. Уже изъ этого общаго перечня видно, что редакторъ Стоглава имѣлъ передъ собою крайне разнородный матеріалъ: рѣчи царя, два ряда его вопросовъ, постановленія собора въ видѣ отвѣтовъ на эти вопросы, отзывъ Іоасафа, кромѣ того — историческій матеріалъ т. ск. протокольнаго происхожденія или характера и, наконецъ, огромную массу отдѣльныхъ выписокъ изъ книгъ св. Писанія, разнаго рода законодательныхъ актовъ греческой и русской церкви, святоотеческихъ и другихъ назидательныхъ сочиненій, на которыя ссылались члены собора въ своихъ рѣшеніяхъ или мотивировали ими послѣднія. Такъ, мы имѣемъ тутъ отрывки изъ Іоанна Милостиваго, Никифора Константинопольскаго, Никиты Ираклійскаго, посланія русскихъ митрополитовъ Петра, Кипріана, Фотія, затѣмъ Іосифа Волоколамскаго и др. Важнѣйшей по объему и по содержанію частью памятника являются, конечно, царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты, но между тѣми и другими пѣтъ полного соответствія, такъ что извѣстная послѣдовательность вопросовъ не предрѣшаетъ такую же послѣдовательность и отвѣтовъ, и потому отыскать послѣдніе иногда довольно трудно; кромѣ того, на нѣкоторые вопросы царя нѣтъ отвѣтовъ, равно какъ имѣются постановленія и по такимъ предметамъ, на которые совсѣмъ нѣтъ указанія въ царскихъ вопросахъ. Знакомясь съ этимъ памятникомъ сплошь, читатель имѣетъ передъ собою массу матеріала, расположеннаго въ такомъ видѣ, что, напр., постановленія и разсужденія о церковномъ богослуженіи, школахъ и книгахъ перемѣшиваются съ разборомъ церковно-юридическихъ отношеній, съ народными суевѣріями и пороками. Съ точки зрѣнія официальной, какъ памятникъ законодательный, Стоглавъ представляется еще менѣе совершеннымъ, чѣмъ со стороны литературной: въ

немъ трудно что-нибудь быстро отыскать, на что нибудь сослаться — даже независимо отъ разницы редакцій; кромѣ того, для практическихъ цѣлей онъ слишкомъ многословенъ и отягощенъ не относящимся къ существу дѣла постороннимъ литературнымъ матеріаломъ. Кому принадлежала эта редакціонная работа надъ наиболѣе полной и, повидимому, первоначальной редакціей Стоглава, сказать очень трудно; есть предположеніе, что этотъ трудъ совершенъ былъ самимъ предсѣдателемъ собора митрополитомъ Макаріемъ; это предположеніе основывается не только на томъ, что нѣкоторыя изъ постановленій собора согласуются съ его собственными мнѣніями, выраженными въ другомъ мѣстѣ (напр., о монастырскихъ вотчинахъ), но главнымъ образомъ на томъ, что изъ участниковъ собора 1551 года онъ былъ человѣкъ самый образованный и опытный въ дѣлахъ церковной администраціи ¹⁾. Однако очевидно, что этихъ данныхъ совершенно недостаточно для подобнаго утвержденія: не говоря уже о томъ, что другія постановленія собора (о перетосложеніи, о сугубой аллилуіи) противорѣчатъ воззрѣніямъ митр. Макарія, можно было бы ожидать, что опытность и литературность этого іерарха, если бы онъ дѣйствительно былъ редакторомъ Стоглава, должны бы содѣйствовать тому, чтобы редакціонная работа надъ этимъ памятникомъ была совершена съ большей тщательностью и съ меньшими недостатками.

Стоглавъ даетъ намъ любопытныя указанія на внѣшнюю и на внутреннюю исторію собора 1551 года, необходимыя для пониманія этого памятника въ литературномъ отношеніи. Какъ уже упомянуто, на соборъ созваны были какъ церковныя іерархи, игумены, протопопы, попы, духовные старцы, такъ и свѣтскіе люди разныхъ классовъ; изъ первыхъ названо по имени нѣсколько представителей высшей цер-

1) Макаріѣ. Исторія русской церкви. Т. VI (1870), стр. 236—237.

ковной власти (архієпископъ Новгородскій и Псковскій Теодосій, епископъ Рязанскій и Муромскій Кассіанъ, епископъ Тверской и Кашинскій Акакій и др.), о свѣтскихъ же участникахъ собора мы ничего не знаемъ; предсѣдательствовали на соборѣ митрополитъ Макарій. Соборъ открытъ былъ рѣчью самого царя, въ которой указаны были въ общихъ чертахъ предметы обсуждения на соборѣ, и всѣ участники призывались къ единодушію и дружной работѣ. Вслѣдъ за этой рѣчью помѣщена вторая царская рѣчь, составленная въ торжественномъ тонѣ: въ ней царь не только подробно излагаетъ побужденія для созыва собора, но и свое собственное душевное настроеніе; тутъ очень много цѣнныхъ историческихъ и біографическихъ указаній (по Казанскому изд., стр. 31—37). Къ рѣчамъ царя примыкаютъ двѣ серіи его „вопросовъ“ собору. Составленіе ихъ, конечно, не было дѣломъ одного царя; ему помогали кружокъ лицъ, среди которыхъ самыми выдающимися были митрополитъ Макарій, благовѣщенскій протоіерей Сильвестръ, Максимъ Грекъ и игумень Троицкаго монастыря Артемій; есть основаніе предполагать, что, независимо отъ этого кружка, надъ тѣмъ же дѣломъ работалъ и епископъ Кассіанъ. Конечно, въ число „царскихъ“ вопросовъ вошли и такіе, которые возбуждены были на самомъ соборѣ нѣкоторыми изъ его участниковъ, не входившими въ составъ царской „избранной рады“: изъ нихъ то и составились главнымъ образомъ т. н. вторые царскіе вопросы. При этомъ должны были обнаружиться на соборѣ два противоположныхъ теченія: „іосифлянъ“, на сторонѣ которыхъ стоялъ самъ митрополитъ Макарій, и ихъ противниковъ въ духѣ „заволжскихъ старцевъ“, къ которымъ принадлежалъ, напр., рязанскій и муромскій епископъ Кассіанъ и которымъ сочувствовалъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ — о монастырскихъ владѣніяхъ — самъ царь; „отвѣты“ на вопросы, т. е. самыя постановленія Стоглава, съ очевидностью показываютъ преобладаніе на соборѣ

первой партіи надъ второй, хотя и партія „нестязателей“ съумѣла провести на соборѣ нѣкоторыя свои воззрѣнія (напр., по части ограниченія правъ архіереевъ и монастырей надъ принадлежащими имъ селами): въ этомъ могло сказаться какъ вліяніе самого царя, такъ и мягкая уступчивость митрополита Макарія. Занятія собора окончились не позднѣе 17 мая 1551 года. Хотя мы не имѣемъ официальныхъ указаній на утвержденіе постановленій собора и ихъ обнародованіе, но изъ послѣдовавшихъ затѣмъ отдѣльныхъ церковно-административныхъ актовъ (напр., т. наз. „наказныхъ списковъ“ Соборнаго Уложения 1551 года отъ 10 ноября 1551 года во Владимірѣ и др.), а также и вообще изъ дальнѣйшей судьбы постановленій собора вплоть до знаменитаго московскаго собора 1667 года надо предполагать то и другое съ большою вѣроятностью ¹⁾.

Какъ уже было указано, содержаніе Стоглава весьма обширно. Наибольшій интересъ въ историко-литературномъ отношеніи имѣютъ тѣ его части, въ которыхъ затронуты вопросы церковнаго просвѣщенія и общественнаго быта. Общеизвѣстно слѣдующее мѣсто изъ гл. XXV „о дьяцѣхъ хотящихъ въ дьяконы и въ попы ставитися“: „О ставленникахъ хотящихъ во дьяконы и попы ставитися, а грамотѣ мало умѣютъ и святителемъ ихъ поставити — ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити — ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестіане учнутъ безъ покаянія умирати. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ въ попы ставити 30 лѣтъ и въ діаконы 25 лѣтъ, а грамотѣ бы умѣли, чтобы могли церковь Божию содержать и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ хрестіанъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: мы де

1) В. Бочкаревъ. Стоглавъ и исторія собора 1551 года. Юхновъ 1906, стр. 125—148.

учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, по тому и насъ учать. А отцы ихъ и мастера ихъ и сами потому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ“ (стр. 120—121). Дѣйствительно, былъ большой недостатокъ въ училищахъ, вѣрнѣе — въ настоящемъ смыслѣ этого слова ихъ вовсе не было, и, въ отвѣтъ на указаніе царскаго (6-го) вопроса, что „ученики учатся грамотѣ небрегомо“, отцы собора, въ XXVI главѣ, постановили слѣдующую совершенно недостаточную мѣру: „Избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользоваться, и грамотѣ бы и чести и писати горазди; и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и дьяконы и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ показаніемъ, наипаче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ“, и далѣе прибавлено, чтобы эти учителя учили своихъ учениковъ „сколько сами онѣ умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приѣмлюще по ихъ достоинству“ (стр. 121—123). Понятно, что при такой организаціи дѣла обученія, послѣднее не могло ничего выиграть въ будущемъ. Далѣе, въ одномъ изъ вопросовъ царя (5-мъ) указанъ фактъ, находившійся въ самой тѣсной связи съ недостаткомъ просвѣщенія: „божественныя книги писцы пишутъ съ неправленыхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, описъ къ описи прибавятъ“. Отцы собора высказали по поводу этого заявленія

слѣдующія пожеланія, въ гл. XXVII и XXVIII: „А которые будутъ святыя книги евангеліе и апостолъ и псалтыри и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы всѣ тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне . . . Которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ да, написавъ правила, потомъ же бы и продавали, а не правивъ бы книгъ не продавали; а который писецъ написавъ книгу продаетъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, а кто у него неисправлену книгу купить, и вы бы тѣмъ потому же возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили“ (стр. 124—126). Такимъ образомъ, подобно тому, какъ въ вопросѣ объ училищахъ соборъ, не думая о подготовкѣ учителей, объ ихъ обезпеченіи и вообще о правильномъ устройствѣ школы, ограничился только одними словами, такъ и въ дѣлѣ книжнаго исправленія онъ не обратилъ вниманія на то, откуда могутъ явиться на всѣхъ нужныхъ мѣстахъ люди, способные найти въ книгахъ неправильности и ихъ исправить. То же самое постановилъ соборъ и объ иконописномъ искусствѣ, рекомендуя „писати живописцемъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіи пресловущіи живописцы“ (гл. XLI), и далѣе даются обширныя наставленія по этому вопросу, сводящіяся къ указанію на старину и на необходимость воспитанія молодыхъ иконописныхъ мастеровъ въ духѣ кротости и благочестія (гл. XLIII, стр. 204—208. 209—210). — Въ числѣ постановленій касательно общественнаго быта видное мѣсто занимаютъ обличенія бѣлаго духовенства и монашества. Въ виду преобладанія на соборѣ партіи, сочувствовавшей монастырскому землевладѣнію, этотъ большой вопросъ тогдашней русской жизни, со всѣми вытекавшими изъ него отрицательными послѣдствіями, былъ отцами собора обойденъ, а отмѣченъ

лишь болѣе общіе недостатки монастырскаго быта: многіе постригаются въ монастырь изъ любви къ праздности и „покою ради тѣлеснаго“; при бездѣйствіи и попустительствѣ игуменовъ, монахи, по собственному произволу, ходятъ по городамъ и селамъ, собирая деньги яко бы на сооруженіе храмовъ, а на самомъ дѣлѣ ради корыстолюбія, пьянства и разныхъ излишествъ въ жизни; многіе изъ монашества, одержимые тщеславіемъ, стремятся легкомысленно къ основанію новыхъ пустынь; архимандриты и игумены добываютъ себѣ мѣста мздою или заискиваніемъ у сильныхъ міра, а потомъ совершенно небрегутъ о своихъ монастыряхъ, предаваясь праздности или суетнымъ удовольствіямъ со своими любимцами (стр. 54—55. 63. 227—228 и др.). Священники и дьяконы мало радѣютъ о богослуженіи и о надлежащемъ исполненіи требъ, обнаруживая формализмъ, небрежность, чрезмѣрную слабость къ денежной мздѣ. Общимъ для монашествующаго и блага духовенства порокомъ является пьянство; объ этомъ порокѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ Стоглава, и, кромѣ того, ему посвящена особая глава (LII) „о пьянственномъ питіи“ (стр. 251—254). Нѣкоторые изъ пороковъ монашества и духовенства раздѣляются и мірянами: по свидѣтельству отцовъ собора, многіе міряне „тщеславія ради и гордости и мѣсть ради и женъ своихъ“ созидаютъ церкви по легкомысленно и спѣшно даннымъ обътамъ, а потомъ не въ состояніи этихъ церквей содержать и удовлетворить священнослужителями, книгами и иконами, такъ что церкви скоро запусѣваютъ. Подобно священнослужителямъ и монахамъ, міряне иногда обнаруживаютъ своимъ поведеніемъ недостаточное уваженіе къ храму (стр. 65—66), при чемъ Стоглавъ въ особой главѣ (XXXIX: „О таѣяхъ безбожнаго Махмета“) отмѣчаетъ обычай, въ силу котораго „цари и князи и бояре и прочіе вельможи и всѣ православные хрестіане“ приходятъ иногда въ храмъ въ шапкахъ: отцы собора справедливо видятъ въ этомъ „без-

божнаго Махмета преданіе“ (стр. 159), т. е. вліяніе магометанства, шедшее отъ татарь. Затѣмъ, въ Стоглавѣ дается цѣлая энциклопедія народныхъ обрядовъ и суевѣрій, отчасти связанныхъ съ остатками язычества. Когда дѣти рождаются въ сорочкахъ, то эти сорочки приносятъ къ попамъ и велятъ держать ихъ до шести недѣль на престолѣ; на освященіе церкви міряне приносятъ мыло и также велятъ держать его на престолѣ до шести недѣль; при свадьбахъ „глумотворцы и арганики и смѣхотворцы и гусельники“ поютъ „бѣсовскія пѣсни“ даже передъ священникомъ, когда онъ ѣдетъ въ церковь; скоморохи ватагами до 100 человекъ ходятъ по деревнямъ, грабятъ крестьянъ, отнимая у нихъ „животину“ и разбойничаютъ по дорогамъ; многіе изъ мірянъ преданы чародѣйству и волхвованію: „кудесы бьютъ и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ и по звѣздамъ и по планитамъ глядають“; многіе „дѣти боярскіе“ и разные „бразники“ часто „зернью играютъ“, пропиваются, теряютъ службу и промыселъ. Въ народѣ держится множество „ересей“: „рафли, шестокрыль, воронограй, остромій, зодѣй, алманахъ, звѣздочеты“ и пр. Въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены, плачутъ на могилахъ „съ великимъ кричаніемъ“, а затѣмъ, по приходѣ „гудцовъ и скомороховъ“, начинаютъ плясать и пѣть сатанинскія пѣсни; наканунѣ Иванова дня, Рождества и Крещенія мужи, жены и дѣвицы сходятся „на ночное плещеніе“ и „на богомерзкія дѣла“, проводя такъ всю ночь, а къ утру бѣгутъ къ рѣкѣ и умываются водой, потомъ возвращаются въ свои дома и падаютъ, какъ мертвые, „отъ великаго клопотанія“; утромъ въ великій четвергъ палятъ солому и кличутъ мертвыхъ; въ Псковѣ мужи и жены, чернецы и черницы вмѣстѣ моются въ баняхъ и т. д. (гл. ХLI, ХСI—ХСIII и др.). Нельзя отрицать, что въ приведенныхъ указаніяхъ кроются извѣстныя черты быта, результатъ дѣйствительнаго наблюденія надъ народной жизнью, но отношеніе къ нимъ

собора было совершенно книжное и отвлеченное: противъ всѣхъ этихъ „еллинскихъ“ заблужденій рекомендовался лишь страхъ передъ правилами того или другого вселенскаго собора, передъ наказаніемъ въ будущей жизни — и только; отцы собора нисколько не связывали этихъ пороковъ жизни съ народной темнотой и невѣжествомъ.

Бытовые черты, въ изобиліи разсѣянные въ Стоглавѣ, могутъ дать богатый матеріалъ для историка русской жизни XVI вѣка, но, какъ литературное произведеніе, онъ еще болѣе важенъ по тому настроенію, которое проявили отцы собора въ отношеніи къ разнымъ отрицательнымъ сторонамъ русской дѣйствительности. Это настроеніе было строго консервативное, и на соборѣ оно оказалось преобладающимъ. Голосъ большинства представителей церковной іерархіи, бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной руководительницей русской жизни въ ту эпоху, рѣшительно высказался на соборѣ за старину, въ которой одной только находилъ онъ исцѣленіе замѣченныхъ „нестроеній“; конечно, на соборѣ высказывались мнѣнія и въ другомъ духѣ, но они оказались внѣ возможности повліять на соборныя рѣшенія. Въ половинѣ XVI вѣка уже просачивались въ жизнь довольно явственно и западныя вліянія въ области религіозныхъ мнѣній, въ литературѣ, въ извѣстныхъ сторонахъ быта; на одну изъ послѣднихъ — бритье бороды и усовъ и иноземный покрой платья — обратили вниманіе и члены собора, но высказали мысль, что „таковыя не есть православныхъ, но латынская и еретическая преданія“ (гл. XL). На болѣе важныя проявленія этихъ новыхъ вліяній отцы собора совсѣмъ не обратили вниманія. Общій характеръ постановленій собора 1551 года указываетъ намъ на сильное стремленіе въ высшей духовной средѣ укрѣпить въ русской жизни „поиспатавшуюся“ византійскую „старину“, но жизнь шла помимо и вопреки этимъ тенденціямъ.

9.

Домострой. — Его открытіе и исторія изученія. — Дѣленіе памятника на части и главнѣйшія черты ихъ содержанія; положительныя и отрицательныя указанія Домостроя. — Степень оригинальности; вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ на Домострой; его послѣдующая литературная судьба.

Подобно Стоглаву, Домострой также является памятникомъ, относительно котораго далеко не все представляется безспорнымъ; въ особенности по важнѣйшимъ вопросамъ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ Домостроя въ ученой литературѣ держатся почти совершенно противоположныя другъ другу мнѣнія; въ связи съ этимъ является спорнымъ вопросъ и объ авторѣ этого произведенія, историческое значеніе котораго ставитъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ среди литературныхъ явленій XVI вѣка.

Прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшіе моменты ученой разработки этого памятника. Впервые сдѣлался извѣстенъ Домострой въ 1849 году, будучи напечатанъ, за подписью Д. П. Голохвастова, въ I книжкѣ „Временника“ Московскаго Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ и затѣмъ отдѣльно (М. 1849) подъ заглавіемъ „Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра“. Первый издатель получилъ указаніе на этотъ памятникъ отъ директора училищъ Тверской губерніи Н. М. Коншина, который прислалъ Голохвастову въ маѣ 1848 года рукописный сборникъ XVI вѣка, содержащій между прочимъ и Домострой. Положивъ въ основу своего изданія этотъ Коншинскій списокъ, Голохвастовъ употребилъ для подведенія варьянтовъ еще четыре списка — Погодина, Царскаго, Архивскій и Большакова — всѣ XVII вѣка; впрочемъ, главный трудъ по этому изданію принадлежалъ Коншину, работавшему по порученію и подъ наблюденіемъ Голохвастова. Для послѣдняго не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Домострой написанъ былъ извѣстнымъ современникомъ царя Ивана IV Сильвестромъ, и

совершенно не существовало вопроса о первоначальномъ видѣ Домостроя, который усматривался именно въ списокѣ, послужившемъ основою для перваго изданія. Интересно отмѣтить, что почти одновременно съ этимъ, въ томъ же 1849 году, И. П. Сахаровъ напечаталъ отрывки изъ Домостроя въ II томѣ своихъ „Сказаній русскаго народа“, однако мы не имѣемъ никакихъ указаній на взаимную освѣдомленность Коншина, Голохвастова и Сахарова о работахъ другъ друга по поводу столь важной литературной находки. Въ 1850 году И. Е. Забѣлинъ въ VI кн. того же „Временника“ напечаталъ двѣ дополнительные главы къ Домострою, причемъ принадлежность Домостроя Сильвестру подтвердилъ указаніемъ на свидѣтельство одного новаго списка, первая глава котораго начинается такъ: „Благославляю я, грѣшныи Сильвестръ, и поучаю и наказую и вразумляю единочадаго сына своего Анѣима, его жену Пелагею и ихъ домочадцовъ . . .“ Дальнѣйшіе авторы — Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Аѳанасьевъ, К. С. Аксаковъ, И. И. Срезневскій, И. Я. Порфирьевъ, касавшіеся Домостроя мимоходомъ или (напр., послѣдній, въ „Правосл. Собес.“ 1860, ч. III) посвящавшіе ему специальное вниманіе, не высказывались противъ авторства Сильвестра или считали этотъ вопросъ несущественнымъ; другіе спорные вопросы относительно этого памятника также не затрогивались. Въ 1867 году появилось въ Петербургѣ, подъ редакціей В. А. Яковлева, новое изданіе Домостроя, не внесшее почти ничего существеннаго въ его историко-литературное изученіе. Такъ обстояло дѣло до 1872 года, когда въ III книгѣ „Чтеній“ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (и отд. М. 1873) было напечатано обширное сочиненіе И. С. Некрасова „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя“. Здѣсь впервые вопросъ о Домостроѣ сталъ на болѣе широкую почву; памятникъ этотъ поставленъ былъ въ связь съ нѣ-

которыми однородными явлениями иноземныхъ литературъ, и въ частности — подвергнуть былъ критическому разсмотрѣнію вопросъ о составѣ и происхожденіи Домостроя. Общая историко-литературная оцѣнка памятника осталась почти въ сторонѣ отъ вниманія этого изслѣдователя. Центръ тяжести въ сочиненіи Некрасова лежитъ въ использованіи имъ новаго списка Домостроя, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ и относящагося къ XVI вѣку. Этотъ списокъ изданъ былъ лишь десять лѣтъ спустя И. Е. Забѣлинымъ въ I кн. „Чтеній“ за 1882 годъ (и отд. М. 1882) подъ заглавіемъ „Домострой по списку Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“; Некрасовъ изучалъ его по рукописи. Признавъ этотъ „драгоцѣнный“ и „самый важный“ списокъ Домостроя вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ древнимъ, „по письму старше и лучше Коншинскаго“ и относящимся „если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI вѣка“ (стр. 55. 73), новый изслѣдователь, сопоставляя списокъ Общества съ изданіемъ Голохвастова, нашелъ возможнымъ установить двѣ редакціи Домостроя — полную и сокращенную, изъ которыхъ первую видѣлъ въ списокѣ Общества, а вторую въ напечатанномъ списокѣ Коншина. Ко времени изученія Некрасовымъ Домостроя, отчасти благодаря его собственнымъ наблюденіямъ, было извѣстно уже до двухъ десятковъ списковъ этого памятника, XVI—XVIII вв., которые и могли быть распределены между двумя установленными редакціями Домостроя. Установленіе этихъ двухъ редакцій дало возможность Некрасову поставить и разрѣшить въ довольно категорической формѣ и вопросъ объ его происхожденіи; главнѣйшіе выводы были формулированы слѣдующимъ образомъ. По содержанію Домострой, въ первой редакціи, можетъ быть раздѣленъ на три части: I „о духовномъ строеніи“ (гл. 1—15), II „о мірскомъ строеніи“ (гл. 16—29) и III „о домовномъ строеніи“ (гл. 30—63); во второй редакціи въ общемъ мо-

гутъ быть усмотрѣны тѣ же отдѣлы, хотя распредѣленіе главъ въ нихъ нѣсколько иное. Части эти произошли не одновременно и не принадлежатъ одному автору. Древнѣйшей частью надо считать послѣднюю — о домовномъ строеніи; она составлена была уже въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ. Въ XV же вѣкѣ составлена была и вторая часть — о мірскомъ строеніи — въ Новгородѣ, для какого-нибудь богатаго боярина. Авторы этихъ произведеній неизвѣстны. Позднѣ другихъ, но все-таки не позже конца XV или начала XVI вѣка, была составлена первая часть — о духовномъ строеніи — также въ Новгородѣ или въ Московской Руси опять новымъ лицомъ, которому принадлежитъ и полный изводъ цѣлаго Домостроя въ томъ видѣ, какой представляетъ намъ его первая редакція. Въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, за переработку этого сочиненія взялся Сильвестръ, и она именно составляетъ вторую редакцію Домостроя. Новый редакторъ старался отуземить новгородскій Домострой, приспособляя его къ Москвѣ, внося нѣкоторыя несущественныя измѣненія и выпуская то, что шло только къ Новгороду, такъ что въ общемъ Домострой былъ сокращенъ. Кромѣ того, Сильвестръ устранилъ краткое предисловіе первой редакціи, а въ концѣ прибавилъ довольно обширное наставленіе къ своему сыну Анфиму, въ которомъ сдѣлалъ сводку всего содержанія Домостроя и внесъ нѣкоторыя автобіографическія черты (ср. стр. 184). Эти выводы Некрасова получили довольно прочное положеніе въ наукѣ: ихъ ввели въ свои общія обзорѣнія Порфирьевъ, Пыпинъ и др. Между тѣмъ, въ научной разработкѣ вопроса о Домостроѣ имѣется другая точка зрѣнія, позволяющая смотрѣть на происхожденіе и первоначальную судьбу этого памятника совершенно иначе; она принадлежитъ А. В. Михайлову и выражена имъ въ сочиненіи „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи“ (Журн. М. Нар. Пр. 1889 №№ 2 и 3 и отд. Спб. 1889). Сочиненіе это

— критическаго характера и представляет подробный разбор выводов Некрасова относительно Домостроя; въ результатѣ — авторъ находитъ совершенно несостоятельной гипотезу Некрасова и самъ приходитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Прежде всего, Михайловъ оспариваетъ главное положеніе Некрасова о редакціяхъ. Допуская, хотя и не безъ оговорокъ, бѣльшую древность списка Общества сравнительно съ утеряннымъ спискомъ Коншина, Михайловъ полагаетъ однако же, что древность списка не совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ древностью редакціи самаго памятника, и основную ошибку Некрасова видитъ въ томъ, что лишь на основаніи внѣшнихъ признаковъ онъ принялъ древность списка за древность редакціи; другимъ принципиальнымъ заблужденіемъ Некрасова онъ считаетъ то, что тотъ придалъ слишкомъ большое значеніе „предисловію“ списка Общества, говорящему о трехъ частяхъ Домостроя. Со своей стороны, Михайловъ полагаетъ, что бѣльшая древность редакціи Домостроя должна быть признана за Коншинскимъ спискомъ и другими, представляющими, по Некрасову, вторую редакцію, менѣе подробную и обладающую наставленіемъ автора къ сыну Анфиму; редакцію же, представленную спискомъ Общества и сходными съ нимъ, онъ считаетъ распространеніемъ первой и обезличеніемъ ея путемъ устраненія наставленія къ сыну Анфиму; краткое „предисловіе“ списка Общества онъ считаетъ позднѣйшей прибавкой. Критикъ отвергаетъ предположеніе Некрасова, основанное главнымъ образомъ на позднѣйшемъ предисловіи, будто всѣ три части Домостроя писаны въ разное время и разными авторами: не усматривая въ нихъ противорѣчій и видя, напротивъ, извѣстное единство плана, Михайловъ полагаетъ, что всѣ онѣ могутъ быть приписаны одному автору и что Домострой, слѣдовательно, есть памятникъ не коллективнаго, а единоличнаго творчества, возникшій при томъ не въ Новгородѣ, а въ Москвѣ въ половинѣ

XVI вѣка. Вторая, болѣе распространенная, редакція возникла вскорѣ послѣ первой. Именно, какому-нибудь грамотѣю, поборнику власти московскаго царя, что видно изъ особыхъ намековъ на это во второй редакціи, и женоненавистнику (главу предшествующей редакціи „похвала женамъ“ онъ видоизмѣняетъ въ „похвалу мужемъ“) попался подъ руки Домострой, писанный отцомъ для своего „единочадаго сына“ Анѣима; памятникъ этотъ былъ прочитанъ, понравился, и грамотѣй, задумавъ пустить его во всеобщее употребленіе, стираетъ по возможности всѣ личныя черты, переставляетъ — иногда довольно неумѣло — нѣкоторыя главы и вноситъ кое-какія дополненія. Такая переработка памятника для болѣе широкаго круга читателей повлекла за собою, съ одной стороны, устраненіе личнаго наставленія сыну, а съ другой — прибавленіе своего „предисловія“, въ которомъ новый редакторъ въ общемъ передаетъ все содержаніе памятника, раздѣляя его на три части. Наконецъ, что касается автора Домостроя въ его первоначальномъ видѣ, то Михайловъ полагаетъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ въ самомъ памятникѣ, онъ долженъ быть лицо духовное, притомъ не монахъ, и что нѣтъ особыхъ оснований отрицать, что авторомъ былъ дѣйствительно Благовѣщенскій попъ Сильвестръ, какъ предполагалъ первый издатель этого памятника ¹⁾. Таковы окончательные выводы обоихъ изслѣдователей; послѣдовавшая полемика между ними ²⁾ не прибавила ничего новаго къ основнымъ положеніямъ той и другой стороны и лишь укрѣпила, по нашему мнѣнію, позицію, принятую Михайловымъ. Не отрицая большой заслуги Некрасова въ широкой постановкѣ вопроса о Домо-

1) Ж. М. Н. Пр. 1889 № 2, стр. 323—324; № 3, стр. 150—151. 159. 168—170. 171—173.

2) И. С. Некрасовъ. Къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. Пр. 1889 № 6; А. В. Михайловъ. Еще къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. Пр. 1890 № 8.

строѣ и въ разъясненіи нѣкоторыхъ частныхъ, мы склонны однако же отдать преимущество аргументаціи Михайлова, убѣдительность которой заключается главнымъ образомъ въ обращеніи автора къ внутреннему анализу памятника, тогда какъ для Некрасова исходной точкой является болѣе всего предполагаемая древность одного списка, который онъ считаетъ родоначальникомъ первой редакціи Домостроя. Вопросъ объ авторствѣ Сильвестра остался у Михайлова на той же точкѣ, какъ и у Голохвастова въ 1849 году; однако какъ тогда, такъ и теперь онъ является весьма спорнымъ¹⁾. Въ послѣднее время Домострой по Коншинскому списку (который долгое время считался утеряннымъ, но затѣмъ былъ найденъ среди рукописей Императорской Публичной Библиотеки) вновь изданъ А. С. Орловымъ во II кн. „Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1908 годъ. Новый издатель отнесся съ величайшимъ вниманіемъ къ тексту знаменитаго памятника, воспроизведя его съ большой точностью по списку Н. М. Коншина, какъ самому древнему изъ извѣстныхъ доселѣ одиннадцати списковъ этой редакціи Домостроя; на основаній палеографическихъ соображеній г. Орловъ относитъ этотъ списокъ къ концу XVI- началу XVII вѣка и считаетъ его „наиболѣе удобнымъ для основы изданія, стар-

1) Изъ послѣдующей литературы о Домостроѣ, органически примыкающей къ вопросамъ, поднятымъ Некрасовымъ и Михайловымъ, здѣсь можно указать еще на замѣтку А. И. Яцимирскаго „Вновь найденный списокъ Домостроя“ въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1897 № 9 (отд. М. 1897). Авторъ сообщаетъ о новомъ списокѣ нашего памятника, находящемся въ собраніи П. И. Щукина въ Москвѣ. Онъ относится къ типу Коншинскаго списка, слѣд. къ первоначальной редакціи Домостроя. Въ записи къ этому экземпляру сообщается, что „писаніе сіе составлено на Москвѣ нѣкоимъ мудрецомъ Нестеромъ Селиверстовымъ новгородцемъ“ въ 1552 году. За хронологической датой въ вопросѣ о времени происхожденія Домостроя должно быть признано немаловажное значеніе; что же касается имени автора, то запись вноситъ въ этотъ вопросъ неясные, но интересные намеки, не дающіе впрочемъ ничего положительнаго (см. отд. отт., стр. 6).

шимъ по формѣ словъ, пожалуй самымъ исправнымъ“ (первая половина, стр. 39. 80). Для подведенія разночтеній г. Орловъ воспользовался пятью списками той же редакціи (изъ Древлехранилища Погодина, Импер. Публичной Библиотеки и собранія П. И. Щукина, XVII—XVIII вв.). Историколитературныхъ вопросовъ по существу относительно Домостроя новый издатель совсѣмъ не затрогиваетъ.

Для сужденія о содержаніи Домостроя слѣдуетъ отправляться отъ его древнѣйшей редакціи, поскольку мы ее знаемъ изъ Коншинскаго списка и другихъ списковъ, къ нему примыкающихъ. Конечно, мы не имѣемъ никакого ручательства за то, что эта редакція вполне совпадаетъ съ оригиналомъ памятника, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера его автора; напротивъ, нѣкоторая логическая непоследовательность въ размѣщеніи главъ въ разныхъ частяхъ памятника свидѣтельствуемъ о томъ, что уже и въ этой древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ редакцій памятникъ могъ подвергнуться нѣкоторымъ редакціоннымъ, а б. м. и инымъ, измѣненіямъ сравнительно со своимъ первоначальнымъ видомъ. Всего естественнѣе дѣлать Домострой не на три части, какъ это сдѣлалъ его передѣлыватель въ XVI вѣкѣ („предисловіе“ въ спискѣ Общества) и какъ дѣлаютъ позднѣйшіе изслѣдователи, съ И. С. Некрасовомъ во главѣ, а на двѣ, что правильно указано А. В. Михайловымъ: въ первой части (главы I—XXV) имѣются религіозно-нравственныя наставленія, а во второй (главы XXVI—LXIII) совѣты практическаго, житейскаго характера, причемъ первой части будутъ соответствовать приблизительно первая и вторая часть другого дѣленія (о духовномъ строеніи и о мірскомъ строеніи), тогда какъ вторая часть совпадетъ въ общемъ съ третьей частью другого дѣленія (о домовномъ строеніи).

I глава первой части имѣетъ характеръ введенія („наказаніе отъ отца къ сыну“), въ которомъ указывается на важность преподаваемыхъ далѣе наставленій и на необходи-

мость ихъ выполненія ради достиженія идеала „христіанскаго жителства“. Въ трехъ послѣдующихъ главахъ (II—IV) даются краткія наставленія догматическаго и религіозно-обрядоваго свойства о томъ, какъ вѣровать въ св. Троицу, кресту Христову, св. мощамъ, какъ причащаться и пр., причемъ и тутъ авторъ даетъ чисто практическіе совѣты, вродѣ того, какъ при причастіи „губами не сверкати“, просфиру ѣсть „со опасеніемъ“, „губами и ртомъ не чавкати“ (по изд. Голохвастова стр. 3—4, Орлова стр. 5—6). Главы V—XV посвящены опредѣленію отношеній мірскаго человѣка къ его семьѣ, къ церкви, къ духовному и монашескому чину, къ обрядовой сторонѣ христіанскаго благочестія, включая сюда и религіозное воспитаніе дѣтей; въ тѣсную связь съ этимъ поставлено (въ гл. VII) и почитаніе царя и князя. Среди этихъ наставленій, не представляющихъ чего-либо оригинальнаго, есть и совѣты другого рода, напр. въ главѣ X: „Егда званъ будещи кимъ на бракъ, не сѣди на преднемъ мѣстѣ: егда кто честнѣе тебе будетъ званыхъ имъ, и пришедъ иже тебѣ звавый онаго речеть: ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати; но егда званъ будещи, шедъ сади на послѣднемъ мѣстѣ, да егда пріидеть звавый тя и речеть ти: друже, посади выше, тогда будетъ ти слава предъ возлежащими съ тобой, яко возносяйся смирится, а смиряйся вознесетъ“ (Голохв. стр. 11—12, Орловъ стр. 9). Извѣстное отступленіе отъ общаго характера этой части представляетъ и вся XI глава, посвященная вопросу о томъ, „како кормити приходящихъ въ дому съ благодареніемъ; тутъ дается немало мѣста предостереженію отъ пьянства и картинно изображены происходящія на пирахъ „скаредныя рѣчи и блудныя, срамословіе и смѣхотвореніе и всякое глумленіе, и гусли и плесаніе, и плесканіе и скоканіе, и всякіе игры и пѣсни бѣсовскіе“, „ѣству и питіе и всякіе овощи въ поруганіе помѣщуть и проли-

вають, другъ друга шибаять и обливають“ (Голохв. стр. 13, Орловъ стр. 10). Въ главахъ XVI—XXIII предлагаются разнаго рода наставленія о семейной жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ жены и мужа, о воспитаніи дѣтей, о слугахъ; сюда же по содержанію относятся и нѣкоторыя главы второй части памятника, напр. XXIX („поучати мужу жена своя“), XXXIV („по вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиваться“), XXXVI („женамъ наказъ о пьянствѣ“), отчасти XXXVIII („какъ избная порядня устроити хорошо и чисто“). Тутъ есть мѣста, получившія большую извѣстность, напр. касательно воспитанія дѣтей и отношеній мужа къ женѣ: „Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть ѣкрасоту душѣ твоей. И не ослабляй бѣя младенца: аще бо жезломъ бѣши его, не умреть, но здравіе будетъ . . . Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ, да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходить“ (Голохв. стр. 24, Орловъ стр. 14—15). „И увидитъ мужъ что непорядливо у жены и у слугъ или не по тому о всемъ, что въ сей памяти писано — ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ и учити . . . Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ и такъ того всего не творитъ и; сама того не знаетъ и слугъ не учитъ — ино достоинъ мужу жена своя наказывати и пользовати страхомъ наединѣ, и понаказавъ и пожаловати и примолвити . . . А только жены или сына или дщери слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ и не внимааетъ и не боится и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ или мати учитъ — ино плетью постегать, по винѣ смотря, а побить не передъ людьми, наединѣ, поучити да примолвити и пожаловати . . . а плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушаніе и небреженіе — ино сойма рубашка плеткою вѣжливенько побить за руки держа, по винѣ смотря;

да поучивъ примовити, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слышали“ (Голохв. стр. 67—68, Орловъ стр. 37—38). На рубежѣ между первой и второй частью помѣщены двѣ главы (XXIV и XXV), въ сущности составляющія одно цѣлое: „о неправедномъ житіи“ и „о праведномъ житіи“; тутъ какъ бы подводится итогъ цѣнности преподаваемыхъ наставленій, которыя не должны оставаться мертвой буквой, а служить дѣйствительнымъ руководствомъ жизни: „А кто не по Бозѣ живетъ, не по христіанскому жителству, и страху Божіа не имѣетъ, и отеческаго преданія не хранитъ, и къ церкви Божіей не ходитъ . . .“ и т. д. чтó указано въ предшествующихъ главахъ — „прямо всё вкупѣ будутъ въ адѣ, а здѣ прокляти“, и наоборотъ: „еще кто по Бозѣ живетъ и по заповѣдемъ Господнимъ и по отеческому преданію и по христіанскому закону“ — того „молитву Богъ услышитъ и отъ грѣховъ свободитъ и жизнь вѣчную даруетъ“ (Голохв. стр. 45—48, Орловъ стр. 24—25). Вторая часть заключаетъ въ себѣ подробныя наставленія о томъ, какъ надо устривать свой домъ, вести хозяйство, управлять слугами, готовить своевременно провизію, устривать пріемъ гостей, соразмѣрять расходы съ доходами, уплачивать пошлыны, обходиться съ нужными людьми и т. д. — цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ практическихъ указаній, среди которыхъ то тамъ, то тутъ вставлены и болѣе общія наставленія касательно домашней жизни. Мало интересная, въ противоположность первой части, въ собственно литературномъ отношеніи, вторая часть имѣетъ первостепенный интересъ для историка стариннаго русскаго быта.

Совершенно самостоятельное значеніе имѣетъ послѣдняя (LXIV) глава Домостроя, отсутствующая въ спискахъ позднѣйшей редакціи. Это — „посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, являющееся личнымъ обращеніемъ попа Сильвестра къ своему сыну Анфиму. Въ произведеніи этомъ можно усмотрѣть двѣ стороны — общую и спеціальную:

въ общей авторъ какъ бы резюмируетъ содержаніе первой части Домостроя, посвященной вопросамъ религіи, нравственности и общихъ правилъ христіанской жизни, а въ спеціальной — говорить о себѣ, о своей семьѣ и въ частности о сынѣ Анфимѣ. Тутъ мы находимъ цѣнныя черты для характеристики самого Сильвестра, конечно не лишеныя идеализаціи въ цѣляхъ т. ск. педагогическихъ: „Видѣль еси, чадо, како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страхѣ Божіи, и въ простотѣ сердца, и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и божественнымъ писаніемъ пользуячися всегда; и како были, Божією милостію, отъ всѣхъ почитаемъ и всѣми любимъ, и всякому и въ потребныхъ уноровилъ — и руководѣлемъ и службою и покореніемъ, а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣивалъ, ни укаривалъ никого, ни бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша . . . Видѣль еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Новгородѣ и здѣ на Москвѣ вскормилъ и вспоилъ, до совершенна возраста; изучилъ, хто чево достоинъ: многихъ грамотѣ и писати и пѣти, иныхъ иконнаго письма, иныхъ книжного руководѣлія, овѣхъ серебряново мастерства и иныхъ всякихъ многихъ руководѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучилъ торговать. А мати твоя многіе дѣвицы и вдовы пустошныя и убогіе воспитала въ добрѣ наказаніи, изучила руководѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, замужъ выдала; а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей . . .“ (Голохв. стр. 108—109, Орловъ стр. 65—66). Въ концѣ своего „посланія“ авторъ даетъ Анфиму, бывшему тогда на службѣ „въ царской казнѣ, у таможенныхъ дѣл“, совѣты касательно его служебныхъ обязанностей — служить „вѣрой да правдой“, блюсти интересъ государя, быть справедливымъ, не мстить: „къ казначеемъ буди послушенъ, а съ товарищами совѣтенъ,

а къ подъячимъ и мастеромъ и къ сторожемъ грозенъ и любовень, и ко всякимъ людемъ привѣтенъ“ (Голохв. стр. 113—114, Орловъ стр. 70). „Посланіе“ Сильвестра къ сыну Анфиму называется „малымъ Домостроемъ“, въ отличіе отъ „большого“ Домостроя, резюмирующимъ дополненіемъ котораго оно является.

Совершенно естественно, что памятникъ такого характера, какъ Домострой, имѣвшій въ виду захватить разнообразныя стороны человѣческой жизни и дать по возможности всеобъемлющія нравственно-религіозныя и житейскія наставленія служилому человѣку, купцу, промышленнику, горожанину или сельскому жителю — не могъ быть произведеніемъ вполне оригинальнымъ и независимымъ отъ литературныхъ образцовъ и вліяній. Что касается формы обращенія „отъ отца къ сыну“, которая усвоена не одной только заключительной главѣ, но и всему сочиненію, то въ этомъ отношеніи Домострой примыкаетъ къ цѣлому ряду подобныхъ произведеній, самый ранній образчикъ которыхъ въ русской литературѣ находимъ мы въ Пученіи Владиміра Мономаха (см. выше, стр. 43—45). Въ отношеніи же содержанія Домостроя, указаніе на факты заимствованія является болѣе затруднительнымъ. Проф. Некрасовъ въ первой главѣ своего изслѣдованія¹⁾ представилъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о существованіи подобныхъ же произведеній до Домостроя во французской, итальянской, нѣмецкой, чешской и польской литературахъ, но они не даютъ повода къ сколько-нибудь положительнымъ заключеніямъ объ опредѣленныхъ заимствованіяхъ или вліяніяхъ на нашъ памятникъ; точно также ничего не даетъ и указаніе проф. Шестакова на памятникъ византійской литературы XI вѣка „Стратигикъ“, принадлежащій перу автора изъ армянской фамиліи Кекавменовъ, наличность котораго даетъ названному ученому лишь возможность вы-

1) Опытъ, стр. 19—54.

сказать общее предположеніе о томъ, что нашъ Домострой могъ подвергнуться вліянію какого-либо подобнаго византійскаго литературнаго образца черезъ посредство южно-славянскон писъменности¹⁾. Мы полагаемъ, напротивъ, что Домострою въ его цѣломъ видѣ трудно будетъ подыскать какой-либо образецъ изъ литературъ иноземныхъ: онъ является очевиднымъ продуктомъ самой русской жизни, складывавшейся вѣками. Другое дѣло — частности литературнаго изложенія. Въ самомъ памятникѣ, кромѣ книгъ св. Писанія, есть ссылки на Василя Кессарійскаго, на правила вселенскихъ соборовъ, на сборникъ „Старчество“, Прологъ и т. д.; кромѣ того, въ немъ имѣются заимствованія изъ „Стоглава“ Геннадія, Измарагда, Златой Цѣпи, Златоуста, б. м. поученій Серапіона Владимірскаго, монастырскихъ „обиходниковъ“ и т. п.²⁾; въ несомнѣнной связи съ содержаніемъ Домостроя стоятъ и многочисленныя „слова отъ отца къ сыну“, разсѣянныя въ рукописныхъ сборникахъ XIV—XVI вѣковъ и заключающія въ себѣ разнообразныя наставленія преимущественно религіозно-нравственнаго содержания. Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что первая часть Домостроя, содержащая въ себѣ назиданія въ области морали и религіознаго благочестія, гораздо менѣе оригинальна, чѣмъ вторая: въ то время какъ первая слагалась подъ вліяніемъ византійскихъ традицій и литературныхъ памятниковъ, служившихъ имъ выраженіемъ, вторая включила въ себя въ значительной степени опытъ самой русской жизни, въ матеріальныхъ чертахъ несравненно болѣе самобытной въ XVI вѣкѣ, чѣмъ тогдашнее господствующее русское міросозерцаніе и общій складъ религіозно-нравственныхъ представленій.

1) С. Шестаковъ. Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра. Византійскій Временникъ. Т. VIII (1901), стр. 63.

2) Некрасовъ, назв. соч., стр. 103—130.

Литературная судьба Домостроя въ послѣдующія столѣтія представляется вопросомъ, еще нуждающимся въ спеціальной научной разработкѣ. Въ XVI—XVIII вв. онъ продолжалъ жить и умножался въ рукописныхъ экземплярахъ, число которыхъ однако же, поскольку это до сихъ поръ извѣстно, не превосходитъ трехъ десятковъ. Конечно, можно съ увѣренностью предполагать, что въ старину ихъ было гораздо больше и кое-какіе изъ нихъ, б. м., сдѣлаются извѣстны въ послѣдствіи; однако, въ общемъ, имѣющіяся теперь данныя не позволяютъ предполагать очень значительнаго распространенія этого памятника въ средѣ читателей. Одной изъ причинъ этого явленія былъ, безъ сомнѣнія, сравнительно большой объемъ Домостроя, затруднявшій его переписку; другой могло быть самое содержаніе этого произведенія, стремившагося закрѣпить въ XVI вѣкѣ „старину“, но силою вещей отстававашаго въ разныхъ своихъ частяхъ отъ впередъ двигавшейся жизни; въ XVIII же вѣкѣ, послѣ эпохи преобразованій, Домострой могъ оказаться въ глазахъ многихъ даже вредной книгой, какъ идеаль отжившаго прошлаго. Что касается списковъ Домостроя въ XVI и XVII вв., то мы уже видѣли, что вскорѣ по возникновеніи этого памятника, въ серединѣ XVI вѣка, появляется его распространенная передѣлка, представителемъ которой является списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, изданный И. Е. Забѣлинымъ. Отличія этого списка отъ первоначальной редакціи (но при другомъ общемъ взглядѣ на дѣло) прослѣжены проф. Некрасовымъ¹⁾ и на характерныя черты этой передѣлки было уже указано (см. выше, стр. 345—346). Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что въ предѣлахъ этихъ двухъ установленныхъ редакцій въ теченіе XVI и XVII столѣтій Домострой подвергался измѣненіямъ лишь въ перестановкѣ отдѣльныхъ главъ, въ выпускѣ однѣхъ и по-

1) Опытъ, стр. 56—73.

мѣщеніи другихъ: есть, напр., списки съ совершеннымъ пропускомъ главъ, относящихся до хозяйства; есть другіе — съ прибавленіемъ главы о двуперстіи, что особенно было цѣнно для старообрядцевъ и т. п.; внутри же главъ измѣненія дѣлались очень незначительныя, что и совершенно понятно, такъ какъ памятникъ заключалъ въ себѣ указанія на исполнѣ сложившійся бытъ (въ идеальныхъ его чертахъ), который можно было принять или отвергнуть, но въ который трудно было вводить тѣ или иныя частичныя измѣненія и поправки.

Историческое значеніе Домостроя въ русской литературѣ лежитъ въ той же области общаго стремленія руководителей русской жизни XVI вѣка укрѣпить старину, какъ это имѣло мѣсто и въ постановленіяхъ Стоглаваго собора. Разница главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, что авторъ Домостроя, желая дать положительныя совѣты жизни, рисуешь идеаль, къ которому надо стремиться, а отцы собора 1551 года обратили свое вниманіе преимущественно на недостатки, которыхъ нужно избѣгать. Впрочемъ, и Домострой, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, не свободенъ отъ указаній на печальную дѣйствительность, что увеличиваетъ его значеніе не только какъ идеальную картину нравственно-религіозной и бытовой старины, но отчасти и какъ невольную сатиру самой дѣйствительности: въ качествѣ примѣра этого, кромѣ указаннаго раньше (см. стр. 351—352), можно привести XXIII главу („како врачеватися христіаномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей“), гдѣ авторъ перечисляетъ цѣлый рядъ частныхъ изъ области осуждаемыхъ имъ „злыхъ нравовъ и обычаевъ и всякихъ неподобныхъ дѣлъ“ (по изд. Голохвостова стр. 38—40, Орлова стр. 22—23). Въ основѣ же своей Домострой, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя¹⁾, является лучшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ русскаго „стародумства“ XVI вѣка.

1) И. Н. Ждановъ. Сочиненія. Т. I, стр. 230.

10.

Русскіе путешественники XVI вѣка въ чужія земли. — Василій Позняковъ и Трифонъ Коробейниковъ; вопросъ объ ихъ литературномъ взаимоотношеніи. — Основныя черты „Хожденія“ Коробейникова со стороны содержанія и формы; причины его успѣха среди читателей.

Наконецъ, въ обзорѣни литературныхъ памятниковъ XVI вѣка нельзя оставить безъ вниманія и описанія путешествій въ чужія земли. Какъ и во второй половинѣ XV вѣка, Царьградъ, находившійся во власти турокъ, не привлекаетъ русскихъ путешественниковъ въ качествѣ спеціальнаго мѣста паломничества, хотя дорога въ Святую Землю лежитъ черезъ него по прежнему. Изъ путешествій на востокъ, въ нѣкоторую параллель къ Аванасію Никитину, можно отмѣтить въ XVI вѣкѣ не лишеныя интереса записки казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, совершившихъ въ 1567 году путешествіе въ Китай, по порученію царя Ивана IV, „за Сибирь государство провѣдывать“¹⁾; впрочемъ, это описаніе, по своей сухости и нѣсколько офиціальному тону, не можетъ быть поставлено въ уровень съ трудомъ знаменитаго тверитянина XV вѣка. Главнымъ мѣстомъ путешествій оставалась и въ XVI вѣкѣ Палестина съ прилежащими восточными странами, православнымъ іерархамъ которыхъ русскіе цари стали посылать въ это время богатую милостыню. Среди литературныхъ памятниковъ этихъ сношеній видное мѣсто занимаютъ труды, носящіе на себѣ имена Василія Познякава и Трифона Коробейникова.

Судьба этихъ сочиненій въ прошломъ весьма своеобразна и до сихъ поръ недостаточно выяснена, вызывая совершенно разнорѣчивыя мнѣнія ученыхъ изслѣдователей. „Хожденіе“ купца Василія Познякава на Синай и въ Іерусалимъ,

1) Изданы И. Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ II (1849) и А. Н. Поповымъ въ Изборникѣ (1869), стр. 430—437.

въ качествѣ спутника іеродіакона Новгородской Софійской церкви Геннадія, совершенно было въ 1558—1561 годахъ, причемъ по дорогѣ, въ Царьградѣ, Геннадій скончался, и дальнѣйшее путешествіе Познякову, съ небольшою свитой, пришлось выполнить самостоятельно. Путешествіе имѣло характеръ посольства отъ царя Ивана IV, въ отвѣтъ на обращенную къ царю просьбу александрійскаго патріарха Іоакима о милостынѣ для поправленія обветшавшей Синайской обители; царь не только удовлетворилъ просьбу Іоакима, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ отправить со своими посланцами милостыню и другимъ восточнымъ патріархамъ, руководясь при этомъ не одними религіозными побужденіями, но едва ли не въ большей степени и тѣмъ положеніемъ, которое, съ точки зрѣнія новыхъ политическихъ условій русской жизни, долженъ былъ занимать въ глазахъ православнаго востока московскій царь. Литературнымъ послѣдствіемъ этого путешествія явился трудъ, съ именемъ купца Василія Познякова, сохранившійся до насъ всего въ трехъ, не особенно исправныхъ, спискахъ XVII вѣка. Извѣстное еще Карамзину (который, впрочемъ, считалъ авторомъ его, по видимому, іеродіакона Геннадія), сочиненіе это было издано однако же лишь въ 1884 году И. Е. Забѣлинымъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.“ кн. I и затѣмъ второй разъ Х. М. Лопаревымъ въ 18 вып. „Православнаго Палестинскаго Сборника“ въ 1887 году. Текстъ этого памятника предваренъ посланіемъ царя Ивана IV къ патріарху Іоакиму, встрѣчающимся, въ отдѣльномъ видѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ XVII вѣка. Купецъ Трифонъ Коробейниковъ путешествовалъ нѣсколько позднѣе — и не одинъ разъ: въ 1582—83 годахъ онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Юріемъ Грекомъ, въ посольствѣ купца Мишенина, посланнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Царьградъ и на Аѳонскую гору съ милостыней объ упокоеніи души царевича Ивана, убитаго отцомъ не задолго передъ этимъ;

второй разъ Коробейниковъ, пожалованный уже въ дворцовые дьяки, ѣздилъ на востокъ — въ Царьградъ, Антиохію, Іерусалимъ, Египеть и на Синайскую гору — въ 1593 и 94 годахъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Огарковымъ, на этотъ разъ, по порученію новаго царя Θεодора Ивановича, съ заздравной милостыней по случаю рожденія царевны Θεодосіи Θεодоровны (род. 1592). Результатомъ этихъ путешествій явились три произведенія, связанныя съ именемъ Трифона Коробейникова: описаніе путешествія 1582 года, описаніе путешествія 1593 года и отчетъ о раздачѣ милостинныхъ денегъ, относящійся къ 1594 году. Оставляя въ сторонѣ послѣднее произведеніе, какъ лишенное литературнаго интереса, слѣдуетъ отмѣтить, что второе произведеніе заключаетъ въ себѣ лишь описаніе пути отъ Москвы до Царьграда, первое же посвящено Іерусалиму и Синайской горѣ. Это послѣднее сочиненіе издавно пріобрѣло въ читающей публикѣ громадную популярность и имѣло очень большое распространеніе какъ въ рукописяхъ (которыхъ, начиная съ XVI вѣка, насчитывается болѣе 200), такъ и въ печатномъ видѣ (впервые издано В. Г. Рубаномъ въ 1783 году). Литературную судьбу его такъ изображаетъ послѣдній издатель этого поистинѣ знаменитаго памятника, Х. М. Лопаревъ: „Безошибочно можно сказать, что изъ всѣхъ сочиненій русскихъ паломниковъ ни одно не пользовалось такою громкою извѣстностью и такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ т. наз. Хожденіе Трифона Коробейникова. Начиная съ XVI вѣка и кончая настоящимъ временемъ, это путешествіе до того сдѣлалось народнымъ, что рѣшительно заслонило собою всѣ другія книги того же содержанія. О степени его распространенія можно заключить изъ громаднаго числа списковъ, въ которыхъ оно дошло до насъ, при чемъ переписываніе его продолжалось даже и тогда, когда стали появляться уже печатныя его изданія, а эти послѣднія продолжаютъ выходить чуть не ежегодно и по настоящее время . . . Какъ

высоко Хожденіе цѣнилось въ старину, видно изъ того, что оно помѣщалось иногда цѣликомъ въ хронографахъ — честь, которой удостоивались лишь очень немногіе любимцы древнерусской грамотной публики. Наконецъ, въ глазахъ нашихъ предковъ Хожденіе Коробейникова получило чуть не священный авторитетъ, помѣщаясь въ сборникахъ иногда между житіями святыхъ, поученіями Златоустаго, церковными пѣснями и другими статьями религіознаго содержанія¹⁾. Однако въ наукѣ Трифону Коробейникову посчастливилось гораздо меньше. И. Е. Забѣлинъ, при изданіи въ 1884 году „Хожденія“ Познякова, впервые высказалъ категорическое мнѣніе, что Коробейникова, какъ автора, почти не существуетъ, потому что приписываемое ему „Хожденіе“ представляетъ собою простую передѣлку труда Познякова, при чемъ новый редакторъ приновилъ къ своимъ цѣлямъ это послѣднее сочиненіе, выбросилъ изъ него все то, что по времени и обстоятельствамъ не подходило къ дѣлу, и прибавилъ весьма немногое отъ себя. Этотъ взглядъ, въ еще болѣе опредѣленной формѣ, былъ развитъ Х. М. Лопаревымъ: „Коробейниковъ и никто изъ его товарищей не владѣлъ даромъ писательства; вернувшись въ Москву и, можетъ быть, желая все-таки дать отчетъ о своемъ хожденіи, они воспользовались забытымъ трудомъ Познякова и составили свои записки цѣликомъ по его сказанію. Поэтому самостоятельнаго разсказа о путешествіи Трифона вовсе нѣтъ; подъ именемъ его Хожденія скрывается литературное издѣліе, приновившее къ своимъ цѣлямъ книгу Познякова“²⁾. Впрочемъ, взглядъ этотъ, получившій широкое признаніе (его придерживается и Пыпинъ: И. Р. Л. I, стр. 203—208), вызвалъ, въ свою очередь, серьезный отпоръ со

1) Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 27. Спб. 1888, стр. I—II.

2) Тамъ же, стр. XVII.

стороны М. В. Рубцова¹⁾, который, путем сравнительного анализа сочинений, приписываемых Познякову и Коробейникову, приходит къ мнѣнію, обратному выводамъ Лопарева и Забѣлина: именно, что оба „хожденія“, т. е. Познякова и Коробейникова, литературную связь которыхъ невозможно отрицать, находятся между собою въ такомъ взаимоотношеніи, что подлиннымъ долженъ быть признанъ трудъ Коробейникова, а компиляціей на основаніи его — сочиненіе Познякова, который принялся за свою работу позже Коробейникова, не смотря на то, что совершилъ свое путешествіе почти на четверть столѣтія раньше. Нѣкоторымъ частнымъ доводамъ и соображеніямъ г. Рубцова нельзя отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности и въ остроуміи, но въ общемъ вопросъ объ оригинальномъ авторствѣ Познякова и Коробейникова относительно ихъ „Хождений“ остается открытымъ и спорнымъ.

Въ данномъ случаѣ, намъ нѣтъ необходимости во чтобы то ни стало стирать одно литературное имя въ пользу другого, и въ самыхъ отличіяхъ обоихъ „хождений“ есть достаточно данныхъ для признанія авторства какъ Познякова, такъ и Коробейникова. Но если, при несомнѣнномъ заимствованіи одного изъ другого, надо выдвинуть кого-нибудь изъ нихъ въ общую картину литературныхъ явленій XVI вѣка, то, въ виду настоящаго положенія этого вопроса, правильнѣе сдѣлать это въ пользу Коробейникова, признаніе котораго въ народной читающей средѣ освящено рядомъ столѣтій, основано на извѣстномъ преданіи, и сохранившіеся списки сочиненія котораго ведутъ свое начало уже со второй половины XVI вѣка, тогда какъ и наличность болѣе позднихъ списковъ, и скудное ихъ число, безъ сомнѣнія, говорятъ до извѣстной степени противъ Познякова въ этомъ отношеніи.

1) Въ статьѣ „Къ вопросу о Хоженіи Трифона Коробейникова въ св. Землю въ 1582 году“: Ж. М. Н. Пр. 1901 № 4.

„Хожденіе“ Трифона Коробейникова, описывающее часть его путешествія въ 1593—94 годахъ, отъ Москвы до Царьграда ¹⁾, не можетъ, конечно, по своему объему, содержанию и историческому значенію стать въ уровень съ „Хожденіемъ“ 1582 года, описывающимъ путешествіе въ Палестину, Египетъ и на Синаѣ ²⁾. Путь Коробейникова и его спутниковъ шель черезъ Смоленскъ и Литву. Авторъ описываетъ попадавшіяся по дорогѣ города и села, отмѣчая между ними разстоянія, указывая на рѣки и пруды и давая попутно разныя другія свѣдѣнія. „Отъ городка отъ Полонъ — говоритъ онъ, напр., въ одномъ мѣстѣ — до городка до Костянтинова полъ 40 версть. Городъ Костянтиновъ деревянной, съ Вязму, подъ нимъ река, словеть Случь, съ Москву реку. А озеро въ длину города, панской дворъ, а около двора ограда каменная — городовое дѣло, а на дворѣ церковь каменная да полаты; а на посадѣ среди торгу ратуша. Полата велика, каменная, подъ нею подклеты и погребы надворья, въ ней лавки, а вверху светлицы. А поставилъ тое полату, живеть въ ней костянтиновской жилецъ, судья, по-литовски вой, именемъ Скряга“ (стр. 76). Въ такомъ же духѣ сдѣлано Коробейниковымъ и описаніе пути по Валахіи, Болгаріи и Турціи (интересно описаніе жизни мусульманскихъ деревней: стр. 82) вплоть до „Едрина поля“ (Адріанополя). Описаніе путешествія Коробейникова 1582 года въ нѣкоторыхъ спискахъ предваряется краткимъ перечнемъ пути отъ Москвы до Царьграда, но этотъ путь былъ не тотъ, который взятъ Коробейниковымъ позднѣе и описанъ въ только что указанномъ трудѣ нашего путешественника: онъ шель черезъ Тулу, Донъ, Азовъ, Керчь и Черное море. Дальнѣйшій морской путь до Палестины, а затѣмъ и путь въ Іерусалимъ описанъ у Коробейникова также довольно кратко (стр. 2—7). Главнѣйшую часть „Хожденія“ составляетъ описаніе святынь

1) По изд. Лопарева, стр. 72—83.

2) По изд. Лопарева, стр. 1—71.

Иерусалима и другихъ ближайшихъ къ нему мѣсть, освященныхъ библейскими воспоминаніями (стр. 7—47). Русскіе путешественники пробыли въ Иерусалимѣ семь недѣль. Описаніе видѣнныхъ достопримѣчательностей сдѣлано въ обычномъ стилѣ древне-русскихъ паломническихъ „хожденій“, съ краткими то историческими, то топографическими, то бытовыми указаніями; между первыми немало легендарнаго и апокрифическаго элемента. Вотъ два-три примѣра. „Домъ Давыда царя возлѣ грацкую стѣну, а кругъ дому ровъ копанъ какъ града и вымурованъ, а черезъ ровъ мостъ камень веденъ, а на мостъ изъ дому врата великіе какъ градныя; а въ тѣхъ вратахъ пушки лежатъ и сторожа, а християнъ въ тотъ домъ не пуцають; стоятъ у того двора турки янычєна; а величествомъ домъ отъ лука стрѣлы верженіемъ 2-жъ поперегъ; а хоромъ въ немъ нѣтъ, развее одна полата, изъ нея жъ видѣ Давыдъ Вирсавію въ винограде мыющєся, а тотъ виноградъ отъ луки стрѣлы верженіемъ отъ дому Давыдова и доныне стоитъ цѣль и недвижимъ. У полаты сдѣланы два окна, а въ ней одно окно, а другое въ предѣлѣ полаты. И насъ сподобилъ Богъ грѣшныхъ быти въ дому томъ и въ полатѣ“ (стр. 29—30). „Река Иерданъ быстра и глубока добрѣ, а вода въ ней бѣла и мутна, а широта ея дважды каменемъ вергнути поперегъ. А противу того мѣста, гдѣ Христось крестился во Иердани, стоитъ гора Ермонъ: съ тоє горы Ермона Духъ Господєнь свидѣтельствовавше о Псусє во образє голубинѣ: сей єсть сынъ мой возлюбленнѣй, о немъ же благоизволихъ. Съ тоє жъ горы Ермона взять бысть Илья пророкъ на огненєй колесницѣ на небо“ (стр. 43). „Изъ тоє пещеры (гдѣ Христось родился, въ Внѣлєемѣ), блиско дверейъ въ другую пещеру, и въ той пещерѣ, сказывають, Иродъ царъ избиваль младенцы съ матерьми за Христа, и отъ матерьнихъ сосецѣ млеко течаша на землю, а земля въ той пещерѣ бѣла и мягка“ (стр. 45). Въ этой же части „хожденія“ описаны и безчинства „ере-

тиковъ“ (аріане, армяне, копты) при гробѣ Господнемъ (стр. 22—23), даны свѣдѣнія о монастыряхъ въ Іерусалимѣ (стр. 32—34) и т. д. Болѣе новизны для читателей представлялъ разсказъ о посѣщеніи путешественниками Египта и, въ частности, александрійскаго патріарха Сильвестра, въ уста которому вложенъ извѣстный разсказъ объ испытаніи вѣрѣ христіанской и „жидовской“ (стр. 48—54). Немало интересныхъ и новыхъ для благочестивыхъ читателей XVI вѣка свѣдѣній сообщается въ „хожденіи“ о горѣ Синаѣ съ ея монастырями и другими достопримѣчательностями и о Раиѣ (стр. 57—71), чѣмъ и заканчивается „хождение“. Обратный путь въ немъ не описанъ. Огромная популярность сочиненія, приписываемаго Трифону Коробейникову, довольно понятна. Его „хождение“ обнимало собою кругъ интереснѣйшихъ для читателя той эпохи предметовъ и въ литературномъ отношеніи изложено было весьма удачно, безъ излишнихъ длиннотъ и отступленій, а равно свободно было и отъ сухой схематичности, которая, не давая пищи воображенію читателя, дѣлаетъ сочиненіе скучнымъ и неинтереснымъ. Немало должна была содѣйствовать успѣху этого сочиненія и благочестивая настроенность автора, и его простодушіе, являющееся не искусственнымъ литературнымъ приѣмомъ, а лишь результатомъ искренности и непосредственнаго отношенія къ своей задачѣ. Можно сказать, что „хождение“ Трифона Коробейникова, не выдаваясь какими-либо оригинальными и рѣдкими чертами, является типичнымъ образцомъ извѣстнаго литературнаго „рода“, весьма популярнаго въ древней русской письменности, и въ этой именно типичности, въ этой приспособленности къ среднему уровню читательскихъ требованій и кроется главная причина его успѣха.

IV. Переходное время (XVII—нач. XVIII в.).

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть тотъ періодъ въ развитіи русской литературы, который является переходомъ отъ окончательно сложившихся въ XVI вѣкѣ древне-русскихъ понятій и литературныхъ формъ къ новой эпохѣ въ ходѣ русской культурной и литературной жизни — въ XVIII вѣкѣ; хронологически онъ обнимаетъ собою весь XVII вѣкъ и первыя десятилѣтія слѣдующаго за нимъ столѣтія до появленія М. В. Ломоносова. Сравнительная продолжительность этого періода, литературнымъ силамъ котораго выпали на долю переработка и внесеніе въ общественное сознаніе весьма сложнаго культурнаго и психологическаго матеріала, объясняется столько же исторической важностью этого перехода отъ старыхъ византійскихъ традицій къ новымъ требованіямъ западно-европейской жизни и просвѣщенія, сколько и тѣми условіями самой русской дѣйствительности, въ которыхъ протекалъ этотъ переходный историческій процессъ: онъ былъ усвоеніемъ не однѣхъ только литературныхъ формъ, пріемовъ и внѣшняго содержанія литературы, но также и цѣлаго міровоззрѣнія, слагавшагося, въ свою очередь, черезъ посредство личныхъ общеній съ Западомъ, организацію образовательныхъ и просвѣтительныхъ средствъ и неизбѣжную при этомъ внутреннюю борьбу стараго съ новымъ.

Въ теченіе всего XVII вѣка главнѣйшимъ центромъ

литературныхъ событій является попрежнему Москва, но съ XVIII вѣка она постепенно передаетъ свою историческую роль Петербургу. Однако, чтобы понять явленія не только петербургской, но и московской литературной жизни названнаго періода, необходимо обращаться къ западу: для Петербурга — къ западу европейскому, для Москвы — къ болѣе близкому западу южно-русскому и отчасти польскому: оттуда шли литературныя настроенія и возбужденія, сюжеты и отчасти сами литературные дѣятели или, по крайней мѣрѣ, ихъ подготовка къ литературной роли въ центральной Россіи. Что касается ближайшимъ образомъ московской литературы XVII вѣка, то прежде, чѣмъ перейти къ ея разсмотрѣнію, необходимо остановиться на обзорѣни хотя бы самыхъ главныхъ чертъ въ развитіи просвѣщенія и литературы во второй половинѣ XVI и XVII в. на юго-западѣ Россіи, такъ какъ происходившія тамъ событія имѣли весьма значительное вліяніе на ходъ московской литературы и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ, давъ Москвѣ рядъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей и обусловивъ появленіе тамъ произведеній въ духѣ новыхъ понятій, новыхъ потребностей или, по крайней мѣрѣ, новыхъ литературныхъ приемовъ.

А. Просвѣщеніе и литература въ Юго-Западной Руси XVI—XVII вв.

1.

Юго-западная Русь подъ воздѣйствіемъ на нее польско-католическихъ и иныхъ культурныхъ и политическихъ вліяній. — Пробужденіе религіознаго и національнаго сознанія въ средѣ русскаго населенія края. — Возникновеніе церковныхъ братствъ; основаніе школъ и типографій. — Общій характеръ литературы и главнѣйшіе ея отдѣлы.

Было бы, конечно, излишне вдаваться здѣсь въ изложеніе исторіи политическаго и культурнаго роста Юго-западной Руси, но интересно отмѣтить, что, благодаря энер-

гической дѣятельности цѣлаго ряда поколѣній литовскихъ князей въ теченіе XIV—XVI столѣтій и благопріятному стеченію другихъ обстоятельствъ, мы видимъ къ началу второй четверти XVI вѣка въ Литвѣ весьма крупную политическую единицу, въ составъ которой входятъ области и города, игравшія видную роль въ прошлой исторіи исконнаго русскаго племени: Кіевъ, Туровъ, Смоленскъ, Полоцкъ и др. Этнографическій составъ населенія великаго княжества Литовскаго былъ по преимуществу русскій, и большинство населенія издавна исповѣдывало православную вѣру; общекультурное, гражданское и церковное, вліяніе восточныхъ областей русскихъ какъ въ удѣльный періодъ, такъ и позднѣе вплоть до московскаго объединенія въ XV—XVI вв. было въ Литвѣ весьма замѣтно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, край этотъ находился въ соприкосновеніи и съ другою областью политическихъ и культурныхъ явленій — въ лицѣ Польши, съ ея католическимъ населеніемъ и близостью къ западно-европейской жизни. Въ XVI вѣкѣ эта близость получила чрезвычайно опредѣленные формы: именно, въ 1569 году была провозглашена въ Люблинѣ политическая унія, соединившая въ одно государственное цѣлое, подъ властью польскихъ королей, Литву и Польшу, а въ 1596 году послѣдовала и церковная унія въ Брестѣ, какъ результатъ успѣшности религіозной пропаганды католическаго духовенства, сумѣвшей подчинить исконно-православное населеніе Юго-западной Руси верховному авторитету папы. Значеніе того и другого акта въ культурной исторіи западно-русскаго края было весьма велико, усиливъ до чрезвычайныхъ размѣровъ польско-католическое вліяніе не только въ отношеніяхъ соціально-правового порядка, но и въ бытѣ, нравахъ, понятіяхъ, литературѣ. Между тѣмъ, въ то же время въ средѣ православнаго населенія Юго-западной Руси жило національно-религіозное чувство и сознаніе своихъ правъ на самостоятельное духовное существованіе; на этой почвѣ

получилъ въ XVI—XVII вв. свое начало и затѣмъ дальнѣйшее значительное развитіе протестъ противъ могущественныхъ польско-католическихъ воздѣйствій, выразившіеся въ рядѣ просвѣтительныхъ начинаній и въ многочисленныхъ фактахъ литературы. Такъ какъ то и другое не осталось безъ вліянія на судьбы московской литературы XVII вѣка, то мы должны остановиться хотя бы на самыхъ важныхъ явленіяхъ въ этой области.

Едва ли какая-нибудь другая часть русской территоріи подвергалась въ древнюю пору столь разнообразнымъ культурнымъ вліяніямъ, какъ Юго-западная Русь подъ властью князей литовскихъ, а затѣмъ королей польскихъ. Польско-католическое теченіе было лишь преобладающимъ, но не единственнымъ; одновременно съ нимъ шли вліянія со стороны протестантовъ, грековъ и даже Москвы. Греческое вліяніе тутъ было очень давнимъ, когда еще эти области находились въ совершенно другихъ условіяхъ политической жизни; не касаясь этой древнѣйшей эпохи, должно замѣтить, что и послѣ паденія Константинополя и ослабленія зависимости юго-западной митрополіи отъ константинопольскаго патріарха, въ срединѣ XV вѣка, греки не переставали оказывать свое духовное воздѣйствіе на Юго-западную Русь. Въ разныхъ западно-русскихъ городахъ жилось греческое населеніе, среди котораго попадались и образованные люди; со своей стороны, и западно-русская молодежь ѣздила учиться въ греческія училища, среди которыхъ большую извѣстность получила константинопольская патріаршая школа, поднятая на значительную высоту при патріархѣ Іосифѣ II и Іереміи II во второй половинѣ XVI вѣка; около того же времени патріархи антиохійскій Іоакимъ и александрійскій Мелетій Пигасъ принимали самое живое участіе въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ Юго-западной Руси, поддерживая разными способами заведеніе школъ и типографій. Культурное вліяніе Московской Руси, не обладавшей до XVII в.

самостоятельными источниками просвѣщенія, могло быть на западно-русскія области только случайнымъ, но за то оно представлено было людьми безусловно выдающимися по своимъ духовнымъ стремленіямъ и запросамъ: таковы были, напр., князь А. М. Курбскій, старецъ Артемій и другіе, менѣе извѣстные (вродѣ князя Михаила Оболенскаго или Марка Сарыгозина), радѣвшіе объ интересахъ православно-русскаго просвѣщенія въ краѣ. Гораздо значительнѣе были вліянія съ запада — протестантовъ и католиковъ. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка протестантская пропаганда въ Юго-западной Руси была явленіемъ очень замѣтнымъ, и противодѣйствіе ей было для православныхъ тѣмъ болѣе трудно, что послѣдніе не владѣли необходимыми средствами просвѣщенія и книжности, которыя составляли главное преимущество протестантовъ, такъ что послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ жалобы Артемія и Курбскаго на дѣятельность „кальвинскихъ и люторскихъ“ схизматиковъ являлись лишь свидѣтельствомъ полного безсилія православныхъ въ неравной борьбѣ за свои вѣрованія и убѣжденія. Однако и это вліяніе, по силѣ и историческому значенію, не можетъ быть сравниваемо съ польско-католическимъ. Протестанты въ большинствѣ случаевъ не имѣли въ виду пропаганды національнаго характера, и даже религіозное ихъ вліяніе замыкалась въ тѣсныя формы теоретико-богословскихъ умствованій, мало касаясь быта и нравовъ и совершенно игнорируя обрядовую сторону въ дѣлахъ вѣры. Будучи противниками католицизма, протестанты иногда вступали даже въ союзныя отношенія съ православными противъ общаго врага въ лицѣ Рима: къ такой совмѣстной дѣятельности противъ католиковъ приглашалъ, напр., протестантовъ въ 1595 году знаменитый ревнитель православія кн. К. К. Острожскій; на виленской конфедераціи 1599 года возникъ, не получившій впрочемъ осуществленія, проектъ общихъ православно-протестантскихъ школъ; даже представители выс-

шаго православнаго духовенства, вродѣ Петра Могилы или митрополита Юва Борецкаго, поддерживали добрыя отношенія съ протестантами, видя въ нихъ ту силу, которая могла быть имъ полезна въ борьбѣ съ католичествомъ. Вліяніе этого послѣдняго на западно-русское населеніе было чрезвычайно обширно и глубоко; кромѣ того, оно осложнялось элементомъ національнаго воздѣйствія, исходившаго отъ родственной славянскои народности, пропитанной религіозно-политическими стремленіями совершенно иного порядка; наконецъ, могучимъ орудіемъ этого вліянія являлась и административная зависимость южно-русовъ отъ папы и польскихъ королей въ силу упомянутыхъ уній 1569 и 1596 годовъ въ Люблинѣ и Брестѣ. Особенно много содѣйствовало успѣху польско-католической пропаганды въ западно-русскомъ краѣ появленіе въ 60-хъ годахъ XVI вѣка въ его предѣлахъ іезуитовъ. Средства этой пропаганды были весьма различны, начиная съ насильственнаго совращенія въ католичество путемъ запугиванія и обѣщанія земныхъ выгодъ и кончая заведеніемъ школъ, типографіи, устройствомъ диспутовъ на богословскія темы, религіозныхъ процессій и т. п. Результаты этой дѣятельности не замедлили обнаружиться довольно скоро. Уступая безспорному культурному перевѣсу Польши, западно-русское дворянство желало во всемъ походить на дворянство польское, воспринимая его языкъ, нравы, формы общежитія, усваивая складъ польскихъ умственныхъ интересовъ и нравственныхъ понятій. Многіе изъ представителей высшихъ классовъ перешли въ католичество, а за ними, подражая имъ или подчиняясь внѣшнимъ воздѣйствіямъ, слѣдовали и менѣе вліятельные члены западно-русскаго общества, даже простой народъ; этому успѣху собственно вѣроисповѣдной пропаганды въ духѣ католичества немало содѣйствовали своимъ бездѣйствіемъ и сами представители православнаго духовенства, назначавшіеся въ свои приходы, монастыри и даже на епископскія кафедры

путемъ стороннихъ вліяній — благодаря принадлежавшему польскимъ королямъ т. наз. праву патронатства надъ различными учрежденіями западно-русской церкви и вытекавшимъ изъ него разнаго рода воздѣйствіямъ на православно-церковныя дѣла польскихъ или опольщенныхъ и окатоличенныхъ магнатовъ. Все это вмѣстѣ создавало такую атмосферу западно-русской жизни, среди которой не могли спокойно ужиться люди, не потерявшіе связи съ прошлымъ своей родины, чувствовавшіе и понимавшіе крайне невыгодное и унижительное положеніе русской народности и православной вѣры и не могшіе оставаться совершенно равнодушными къ ихъ будущимъ судьбамъ въ своемъ отечествѣ: конечно, на первомъ мѣстѣ стояли интересы вѣры, и уже за ними, большею частію безсознательно, выступали національныя стремленія. Трудно было бы перечислить огромное количество тѣхъ жалобъ, которыя исходили отъ этихъ людей на положеніе и въ защиту православія на юго-западѣ Руси въ XVI вѣкѣ.

Вотъ, напр., какъ обращались галицко-русскіе дворяне къ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ, отъ 14 февраля 1585 года. Упомянувъ о глубокомъ насиліи, совершенномъ латинянами надъ православными по поводу новаго календаря и о запечатаніи ихъ церковей, дворяне продолжаютъ: „А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ, а къ большому поруганію нашего святого закона и къ нашему сожалѣнію. Какія при этомъ совершаются опустошенія церковей! Изъ церковей дѣлаются іезуитскіе костелы, и имѣнія, что бывали наданы на церкви Божіи, повернуты къ костеламъ. Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и владѣютъ и правятъ церквами Божіими; изъ большихъ крестовъ дѣлаютъ малые и изъ того, что подано

въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадство и устроятъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей; изъ ризъ дѣлаютъ саяны [юбки], изъ епитрахилей бармы. Но что еще прискорбнѣе — ваша милость, самъ одинъ поставляешь епископовъ, безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ. И при такомъ незаконномъ поставленіи возводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда, съ женами и рожаютъ дѣтей. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы, къ сожалѣнію, теперь писать не можемъ“¹⁾. Семь лѣтъ спустя, 7 сентября 1592 года, братчики львовскаго братства такъ писали константинопольскому патріарху Іереміи: „Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ называемые святители, а поистинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами; нѣкоторые, многобрачные, святительствуютъ, другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ? Когда митрополитъ обличалъ ихъ на соборѣ передъ всѣми и требовалъ, чтобы они перестали священствовать, они отвѣчали: „пусть прежде святители перестанутъ святительствовать, послушаютъ закона, тогда и мы послушаемъ“. Горе міру отъ соблазновъ! Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истожили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество, такъ что въ монастыряхъ не обрѣтается иноковъ и священниковъ, но по временамъ совершаютъ службы мірскіе священники. Церковь наша православная оказывается исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не стоитъ ли

1) Макарій. Исторія русской церкви. Т. IX. Изд. 2 (1900), стр. 476—477.

время погибели. Многие утвердили советъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ, совершая въ церкви невозбранно все свое по закону греческой вѣры. А папа римскій прислалъ своего іерея и велѣлъ во всѣхъ здѣшнихъ костелахъ совершать службу на квасномъ хлѣбѣ и такимъ общеніемъ соединяться съ церквами нашими“¹⁾. Въ этомъ же родѣ сѣтованія на положеніе вещей и на упадокъ православія исходили и отъ другихъ лицъ и организацій²⁾.

Какъ жалобы эти исходили почти исключительно со стороны свѣтской, а не духовной, такъ отсюда же появилась и организованная помощь для борьбы съ существующимъ зломъ; эту помощь оказали прежде всего церковныя братства, при которыхъ стали основываться школы и типографіи, имѣвшія въ виду цѣли просвѣщенія и защиту православной вѣры и народности. Первоначальная исторія юго-западныхъ братствъ не вполне выяснена; слѣды ихъ существованія имѣются еще въ XV вѣкѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка братства являются уже во многихъ городахъ Юго-западной Руси: въ 1585 году въ Львовѣ, въ 1588 — въ Вильнѣ, въ 1589 — въ Могилевѣ, затѣмъ въ Брестѣ, Минскѣ, Кричевѣ, Перемышлѣ и т. д. Весьма важной стороною дѣятельности этихъ братствъ были школы. Хотя на состояніе просвѣщенія въ Юго-западной Руси имѣются въ нашей исторической литературѣ до крайности противоположныя воззрѣнія³⁾, однако, по всѣмъ имѣющимся фактическимъ даннымъ, вопросъ этотъ едва ли можетъ получить какое-либо иное рѣшеніе,

1) Тамъ же, IX, стр. 525.

2) Архангельскій, А. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при М. У. 1888. I, стр. 15—17.

3) К. Харламовичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославному, религіозное обученіе въ нихъ и заслуга ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань 1898, стр. 187—188.

чѣмъ однородный съ нимъ вопросъ о древне-русскомъ просвѣщеніи вообще: это просвѣщеніе, безъ сомнѣнія, было невелико, а главное — случайно, неорганизовано и не проникло въ массы. Настоящихъ школъ было мало, и явились онѣ не ранѣе второй половины XVI вѣка: въ Красноставѣ (1550), Заблудовѣ (1567), Туровѣ (1572) и др.; въ 1576—80 годахъ была основана знаменитая Острожская школа и при ней типографія. Съ возникновеніемъ братствъ стали открываться при нихъ школы систематически: въ 1586 году въ Львовѣ, въ 1588 — въ Вильнѣ, въ 1591 — въ Брестѣ, въ 1592 — въ Минскѣ и Перемышлѣ, въ 1594 — въ Бѣльскѣ, затѣмъ въ XVII вѣкѣ въ Кіевѣ, Луцкѣ, Пинскѣ, Оршанскѣ и т. д. 1). Каково было внутреннее устройство этихъ школъ, составъ и объемъ преподаваемыхъ предметовъ и вообще ихъ учебно-воспитательный уровень и характеръ — на этихъ вопросахъ мы останавливаться не станемъ 2) и считаемъ нужнымъ здѣсь отмѣтить только, что школы эти въ основѣ своей были греко-славянскія, но латинскій языкъ занималъ въ ихъ учебныхъ планахъ также довольно видное мѣсто, вмѣстѣ съ языкомъ польскимъ, которые оба служили необходимыми орудіями литературной борьбы съ польско-католической пропагандой и средствомъ пріобрѣтенія нужныхъ къ тому пріемовъ и познаній; школы эти не были исключительно духовными, такъ какъ въ нихъ преподавались и свѣтскіе предметы — главнымъ образомъ изъ области семи „свободныхъ искусствъ“. Отличительная особенность этихъ школъ, примыкавшихъ, по общепринятому представленію о состояніи тогдашняго просвѣщенія, скорѣе къ типу среднихъ, чѣмъ низшихъ или высшихъ, заключалась, между прочимъ, въ ихъ демократическомъ характерѣ и доступности для всѣхъ общественныхъ классовъ. Изъ всѣхъ этихъ школъ

1) Архангельскій, назв. соч., стр. 33—38.

2) См. объ этомъ у Харламповича, назв. соч., стр. 409—476.

самую замѣчательную судьбу и наибольшее вліяніе на ходъ русской образованности и литературы имѣла Кіевская братская школа, основанная въ 1615 году и затѣмъ преобразованная въ 1631 году Петромъ Могилою въ „коллегіумъ“ со всѣми особенностями западныхъ и латино-польскихъ школъ высшаго типа. Тутъ уже преподавались не только общіе предметы духовнаго и свѣтскаго характера, какъ въ братскихъ школахъ (языки, катехизисъ, ариѳметика, пѣніе и пр.), но и весь объемъ т. наз. „тривіума“ и „квадривіума“, начинающійся съ грамматики и кончающійся самыми трудными отдѣлами философіи и богословія. Характеръ обученія въ этой школѣ былъ не только теоретическій, но и практическій: устраивались разнаго рода ученые диспуты, драматическія представленія и другія публичныя выступленія учениковъ — съ цѣлію выработать изъ нихъ людей широкаго образованія и способныхъ отдаться борьбѣ съ католичествомъ и другими иновѣрными исповѣданіями. Будущее вполне оправдало надежды, возлагавшіяся на кіевскую школу ея устроителями; изъ нея стѣнь вышло много дѣятелей, впоследствии прославившихъ свои имена служебной или учено-литературной дѣятельностью въ XVII—XVIII столѣтіяхъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Гавріилъ Домецкій, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій и многіе другіе.

Одновременно со школами возникали въ предѣлахъ Юго-западной Руси также и типографіи. Славянское книгопечатаніе началось въ концѣ XV вѣка заграницей, и первымъ дѣятелемъ въ этой области былъ Швайполтъ Фѣоль, напечатавшій въ Краковѣ въ 1490—91 годахъ славянскія книги: Осмогласникъ, Часословецъ, Слѣдованную Псалтырь, Трїодъ постную и Трїодъ цвѣтную. Затѣмъ это дѣло развивалось въ Венеціи, Цетиньѣ, Угровлахіи, Прагѣ и, наконецъ, Францискомъ Скориной было перенесено въ Вильну; послѣ

этого начинают возникать мѣстныя западно-русскія типографіи въ Несвижѣ (нын. Минской губ.), Заблудовѣ (нын. Гродненской губ.), далѣе — частію при братствахъ, частію самостоятельно — въ Львовѣ (1573), Вильнѣ (1575), Острогѣ (1580), Кіевѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и т. д. ¹⁾

Такъ создавалось въ Юго-западной Руси, въ городахъ и мѣстечкахъ, путемъ школъ, типографій, церковныхъ братствъ и разнаго рода другихъ церковно-просвѣтительныхъ организацій и учрежденій, особая духовная атмосфера, вызванная необходимостью борьбы съ польско-католическимъ религіознымъ и культурнымъ вліяніемъ. Увлеченіе этой борьбой было почти всеобщимъ, и лучшіе люди той эпохи изъ православнаго западно-русскаго общества не могли оставаться въ сторонѣ отъ этого патріотическаго и религіознаго движенія. Наилучшимъ выразителемъ этого движенія явилась литература, захватившая въ свою область не одни только религіозные, но и обще-культурные интересы времени.

Литературныя явленія въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. могутъ быть размѣщены по четыремъ категоріямъ: 1. церковная полемика, 2. проповѣдь, 3. труды въ научной области и 4. стихотворныя произведенія — главнымъ образомъ лирика и драма. Первые два отдѣла служили прежде всего религіозно-практическимъ интересамъ времени, а вторые два явились выраженіемъ потребностей свѣтскаго характера, при чемъ многія произведенія изъ всѣхъ этихъ категорій были не чужды публицистическаго элемента, безспорно увеличивающаго ихъ историко-литературный интересъ и значеніе. Кромѣ того, по формѣ литература эта носитъ на себѣ очевидные слѣды схоластическихъ пріемовъ, являющихся результатомъ вліянія западно-европейской школы — частію непосредственно, но болѣе всего черезъ посредство польской школьной жизни, науки и литературы. Эти пер-

1) Архангельскій, назв. соч., стр. 43—44.

вые начатки схоластики, явившіеся въ русской литературѣ новостью и шедшіе на смѣну стародавнимъ пріемамъ византійской книжности, проникають вскорѣ въ Москву и продолжаютъ жить до самаго конца переходнаго періода, чтобы войти какъ бы составной частью на нѣкоторое время въ новое литературное теченіе западно-европейскаго происхожденія, получившее названіе ложноклассицизма.

2.

Церковная полемика. — „Апокрисисъ“ Христофора Филалета. — Мелетій Смотрицкій и его учено-полемическіе труды. — „Палинодія“ Захаріи Копыстенскаго. — Общія черты полемической литературы со стороны православныхъ.

Религіозная полемика первыхъ вѣковъ нашей письменности, вплоть до конца XV вѣка¹⁾, имѣя спеціальный характеръ, представляетъ очень мало интереса для исторіи литературы; въ частности, полемическихъ сочиненій, составленныхъ въ предѣлахъ Юго-западной Руси, оказывается весьма немного, и лишь во второй половинѣ XVI вѣка, въ силу новыхъ условій общественной и религіозной жизни, мы наблюдаемъ возникновеніе въ этой области трудовъ, не безинтересныхъ — независимо отъ своего содержанія — еще и по своимъ пріемамъ и по проникающему ихъ общему настроенію. Главнымъ центромъ составленія этихъ сочиненій былъ знаменитый Супрасльскій монастырь (въ нын. Гродненской губ.), отъ котораго дошло до насъ два сборника: одинъ изъ нихъ составленъ въ 1578—1580 годахъ, а другой также въ послѣдней четверти XVI вѣка²⁾. Авторы этихъ трудовъ держатся

1) См. о ней важный трудъ А. Попова: Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV в. М. 1875.

2) Оба рассмотрѣны въ трудахъ А. Попова: Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ, по рукописи Имп. Публ. Библіотеки, въ „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1879, кн. I, и Н. И. Петрова: Западно-русскія полемическія сочиненія XVI в., въ „Труд. Кіевской Духовной Акад.“ 1894, №№ 2—4.

еще старых приёмов традиционной полемики против латинянъ, евреевъ, магометанъ, выступая также и въ опроверженіе протестантовъ, но въ нихъ уже видны зачатки поворота въ новомъ направленіи. Съ конца XVI вѣка это направленіе выразилось въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ мы укажемъ тутъ лишь на самыя главныя.

Въ концѣ 1596 года знаменитый ученый іезуитъ Петръ Скарга издалъ свое сочиненіе „Соборъ Брестскій и оборона Брестскаго собора“¹⁾, въ которомъ старался оправдать дѣйствія этого собора съ католической точки зрѣнія. Въ первой части этого труда кратко излагаются событія, происходившія въ Брестѣ 6—10 октября 1596 года, а во второй эти событія истолковываются и оправдываются въ выгодномъ для униатовъ смыслѣ. Опроверженію этой книги со стороны православныхъ было посвящено сочиненіе, вышедшее почти одновременно въ 1597 году по-польски и по-русски въ Вильнѣ и въ Острогѣ: это былъ „Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжки о соборѣ Берестейскомъ“. Авторомъ названъ Христофоръ Филалеть — имя, очевидно, вымышленное, но кто скрылся подъ этомъ псевдонимомъ, сказать трудно. По нѣкоторымъ даннымъ, разсѣяннымъ въ Апокрисисѣ, можно полагать, что это было лицо свѣтское, жившее на Волыни и, вѣроятно, близкое къ луцкому епископу Кириллу Терлецкому. О личности этой имѣются разныя предположенія: грекъ Аркудій, Ипатій Поцѣй, Мелетій Смотрицкій, наконецъ — вѣроятно же всего — Христофоръ Бронскій, о которомъ, впрочемъ, почти ничего не извѣстно, кромѣ развѣ его близости къ знаменитому дѣятелю западно-русскаго просвѣщенія князю Конст. Острожскому. Содержаніе сочиненія²⁾

1) Перепечатано въ „Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси“, кн. II. СПб. 1882 (Русская Историческая Библиотека, т. VII), ст. 939—1002 и кн. III. СПб. 1903 (Р. И. В., т. XIX), ст. 183—328.

2) Оба текста, западно-русскій и польскій, перепечатаны въ „Па-

распределено на четыре части: въ I-ой въ опроверженіе описанія дѣйствій Брестскаго собора, сдѣланнаго Скаргой, приводится посланіе группы православныхъ съ протестомъ ихъ противъ уніатовъ и затѣмъ разъясненіе этого посланія; въ II-ой части описываются и оцѣниваются дѣйствія на соборѣ приверженцевъ православной вѣры, въ III-ей говорится о „церковномъ единовластительствѣ римскихъ папъ“, и IV-ая часть посвящена разбору высказанныхъ Скаргой порицаній царьградской патріархіи и похвалъ по адресу уніи; въ концѣ „Апокрисиса“ помѣщено обращеніе къ обывателямъ Польши и Литвы, съ указаніемъ на опасность отъ уніи для шляхетскихъ вольностей и государства. Въ литературномъ отношеніи „Апокрисисъ“ отличается многими достоинствами. Изложеніе обнаруживаетъ строго выдержанную систему: авторъ выдѣляетъ главныя мысли Скарги въ особыя группы по предметамъ и сначала противопоставляетъ имъ, какъ ложнымъ, правильное ученіе православной церкви, а затѣмъ разбираетъ порознь тѣ доводы, на которыхъ основываетъ свои мнѣнія Скарга. Филалетъ идетъ, впрочемъ, и далѣе опроверженіи противника: онъ предлагаетъ ему множество самостоятельныхъ возраженій по существу противъ римско-католическаго ученія. Авторъ владѣетъ весьма богатыми по тому времени для русскаго писателя средствами учености: онъ прекрасно знаетъ не только св. Писаніе и отцовъ церкви, но и многихъ свѣтскихъ авторовъ — какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Полемическая манера Филалета — спокойная, сдержанная, чуждая искусственности ¹⁾. Сочиненіе Христофора Филалета вызвало, въ свою очередь, возраженіе, появившееся въ 1599—1600 годахъ на польскомъ и западно-

мятникахъ полемической литературы въ Западной Руси“, кн. II. (Р. И. Б., т. VII), ст. 1003—1820. Переводъ этого сочиненія на современный русскій языкъ сдѣланъ при Кіевской Духовной Академіи: К. 1870.

1) Скабалановичъ, Н. Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. СПб. 1873, стр. 34—35.

русскомъ языкѣхъ подъ именемъ „Апокрисиса“ или „Отписса“¹⁾; авторъ его также въ точности неизвѣстенъ.

Болѣе разнообразнымъ представляется въ своихъ полемическихъ трудахъ Мелетій Смотрицкій, одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ на фонѣ западно-русскихъ событій и литературы XVI—XVII в., для изученія которыхъ жизнь и дѣятельность этого человѣка представляетъ немалый интересъ. Одаренный блестящими способностями отъ природы и происходя изъ православной и образованной семьи (отецъ Мелетія былъ небезызвѣстный полемистъ и стихотворецъ), Мелетій (род. 1777) получилъ образованіе въ Виленской іезуитской коллегіи, куда, за недостаткомъ хорошихъ православныхъ школъ, поступало немало православныхъ юношей въ поискахъ „вѣшняго знанія“. Вскорѣ затѣмъ, въ начальные годы XVII вѣка, сопровождая дѣтей одного литовскаго вельможи, Мелетію имѣлъ возможность совершить путешествіе за границу и слушать науку въ нѣмецкихъ университетахъ. Вернувшись на родину, онъ принялъ монашество и былъ нѣкоторое время учителемъ въ школѣ въ Евю (или Евье, нын. Виленской губ.). Около того же времени началась и его литературная дѣятельность, направленная первоначально на защиту православія. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ литературныхъ опытовъ, имъ издано было въ 1610 году въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ, подъ именемъ Теофила Орѣолога, крупное сочиненіе „Ѳриносъ“, т. е. „плачь единой святой апостольской восточной церкви, съ изъясненіемъ догматовъ вѣры“. Этотъ трудъ вызвалъ противъ себя два возраженія: Петра Скарги „Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Теофила Орѣолога“ (1610) и ученаго уніата Ильи Мороховскаго „Утѣшеніе или утоленіе плача Восточной церкви, Теофила Орѣо-

1) Перепечатано въ „Памятникахъ полемической литературы въ Западной Русн“, кн. III. (Р. И. Б., т. XIX), ст. 477—985.

лога“ (1612). Въмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе Смотрицкаго обратило на него вниманіе, какъ на даровитаго и усерднаго ревнителя православія, такъ что онъ былъ сдѣланъ епископомъ Полоцкимъ и Могилевскимъ, и на этомъ посту продолжалъ свою литературно-полемическую дѣятельность. Такъ, когда іезуиты и уніатскій епископъ Рутскій воздвигли гоненіе на православныхъ епископовъ, посвященныхъ патриархомъ, то Мелетій издалъ въ 1620 году, на польскомъ языкѣ, сочиненіе „Оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, унижающихъ русскій народъ“, въ которомъ отстаивалъ свободу давняго въ западномъ русскомъ краѣ православія. Этотъ трудъ вызвалъ противъ себя возраженіе Рутскаго „Двойная вина“, противъ котораго Мелетій издалъ въ 1621 году новую книгу „Оборона оправданію“; тогда со стороны послѣдняго явилась „Критика обороны“, вызвавшая въ свою очередь цѣлыхъ два отвѣтныхъ сочиненія Смотрицкаго, вышедшихъ въ 1622 году: „Прибавленіе къ Оборонѣ оправданію“ и „Обличеніе ѣдкихъ сочиненій“. Вскорѣ однако произошло событіе, оказавшее значительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Мелетія Смотрицкаго. Въ 1623 году раздраженными православными убитъ былъ уніатскій епископъ въ Витебскѣ Юсафатъ Кунцевичъ; убійцы, по волѣ короля, были преданы казни, но нѣкоторая тѣнь въ этомъ дѣлѣ пала и на Мелетія, котораго уніаты подозрѣвали въ подстрекательствѣ противъ убитаго. Это такъ напугало Смотрицкаго, что онъ не замедлилъ удалиться на востокъ (въ Грецію и Палестину), откуда вернулся въ отечество лишь черезъ три года — но уже уніатомъ, получивъ, на возвратномъ пути, отъ папы номинальный титулъ архіепископа Іеропольскаго, и поселился затѣмъ, въ 1627 году, въ Дерманскомъ монастырѣ, на Волыни. Вскорѣ, въ 1628 году, вышло на польскомъ языкѣ въ Львовѣ его сочиненіе „Аполлогія путешествія по восточнымъ землямъ“, въ которомъ авторъ высказалъ не только свои уніатскія симпатіи, но и

съ осужденіемъ упоминалъ о своихъ прежнихъ трудахъ въ защиту православія. Въ виду такой измѣны, Мелетій былъ позванъ въ томъ же 1628 году въ Кіевъ на судъ православныхъ епископовъ, гдѣ покаялся лишь видимымъ образомъ, а въ душѣ остался уніатомъ. „Апология“ Смотрицкаго вызвала вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько возраженій (напр., „Антидотъ“ Андрея Мужиловскаго и др.), на которыя Мелетій отвѣчалъ новыми сочиненіями: „Расправа между Апологією и Антидотумомъ“ (1628), „Письма къ отцу Борецкому и другимъ“ (1628) и т. п., гдѣ съ совершенной опредѣленностью высказывалъ свои уніатскія убѣжденія. Умеръ Смотрицкій въ 1633 году, оставивъ по себѣ память талантливаго полемиста и писателя, но человѣка увлекающагося, безпокойнаго, непостояннаго въ своихъ воззрѣніяхъ и даже двуличнаго, своекорытнаго и гордаго, какимъ изображаетъ Мелетія одинъ изъ его антагонистовъ, протоіерей Андрей Мужиловскій. Литературныя приемы Смотрицкаго обнаруживаютъ въ немъ типическія черты той эпохи — многорѣчіе и страстность, переходящую иногда въ грубую брань по адресу своихъ противниковъ¹⁾.

Выдающееся положеніе среди западно-русскихъ полемистовъ первой половины XVII вѣка занимаетъ Захарія Копыстенскій, особенно благодаря своей „Палинодіи“, направленной противъ „Обороны уніи“, изданной въ 1617 году виленскимъ уніатскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзой. Жизнь Захарія Копыстенскаго намъ мало извѣстна. Онъ происходилъ изъ перемышльскихъ дворянъ, но гдѣ и въ которомъ году родился — неизвѣстно; своимъ воспитаніемъ онъ обязанъ, вѣроятно, Львовской школѣ, одной изъ лучшихъ братскихъ школъ въ Западной Руси той эпохи, и затѣмъ расширилъ полученное тамъ образованіе и начи-

1) Флареть, арх. Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3, стр. 184—186.

танность самостоятельными книжными занятіями и путешествіями съ ученою цѣлью въ Валахію и, быть можетъ, другія сосѣднія земли. Въ 1616 году мы видимъ Копыстенскаго членомъ кіевскаго церковнаго братства, а со слѣдующаго 1617 года начинается уже его учено-литературная дѣятельность; въ этомъ году изданъ былъ въ Кіевѣ Часословъ, и одно изъ двухъ предисловіи къ нему подписано „архидіакономъ“ Захаріей Копыстенскимъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ: „Книга о вѣрѣ“ (1619), направленная главнымъ образомъ противъ протестантовъ, „Бесѣды І. Златоуста на Дѣянія св. апостоль“ (1624) и др. Въ 1625 году Копыстенскій сдѣлался Кіево-печерскимъ архимандритомъ и скончался по однимъ свѣдѣніямъ въ 1626, а по другимъ — въ 1627 году¹⁾. Однако важнѣйшимъ сочиненіемъ Захаріи Копыстенскаго является его „Палинодія“, написанная въ 1621—1622 годахъ, но оставшаяся въ свое время ненапечатанной и опубликованная гораздо позднѣе, какъ историческій матеріалъ²⁾. Написанная въ защиту православія противъ уніатовъ, „Палинодія“, какъ сочиненіе прежде всего богословское, не можетъ подлежать здѣсь подробному разсмотрѣнію, но историческое значеніе ея въ научномъ и литературномъ отношеніи весьма велико. По отзыву спеціального изслѣдователя, сочиненіе это, будучи несамостоятельно по своему плану, вызванному соответствіемъ книгѣ Крєвзы, является по своему содержанию „капитальнымъ трудомъ, въ значительной степени удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ даже съ современной точки зрѣнія“; эта книга является „завершительнымъ звеномъ“ въ современной ей православной полемической лите-

1) Завитневичъ, В. З. Палинодія Захаріи Копытенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава 1883, стр. 252—305.

2) Памятники полемической литературы въ Западной Руси. Кн. I. СПб. 1878 (Р. II. Б., т. IV), ст. 313—1200.

ратурѣ въ исторической періодъ ея развитія“ и, подобно сочиненію Крєвзы, въ которомъ выражена попытка латинюніатовъ отыскать въ исторіи прочную основу для Брестской уніи, въ этомъ трудѣ Копыстенскаго исчерпаны всѣ средства освѣтить тотъ же вопросъ — но съ противоположной, православной точки зрѣнія: послѣ него, богословская мысль въ этой области обращается уже „къ разработкѣ теоретической стороны въ системѣ православнаго богословія“. Ученая эрудиція Копыстенскаго, по мнѣнію того же изслѣдователя, по своей обширности и разнообразію, не имѣетъ себѣ „ничего равнаго въ предшествующей полемической литературѣ“, а по своему научному методу „Палинодія“ „не уступаетъ ни одному изъ предшествующихъ ей православныхъ полемическихъ сочиненій и можетъ быть поставлена наравнѣ съ Анокрисисомъ Филалета и сочиненіями М. Смотрицкаго“¹⁾.

На другихъ, менѣе видныхъ и значительныхъ въ историческомъ отношеніи, сочиненіяхъ церковно-полемической литературы XVI—XVII вв. мы останавливаться не станемъ, имѣя въ виду, что для историка литературы они цѣнны не своимъ содержаніемъ, а приѣмами и методами работы, подборомъ источниковъ, степенью критическаго къ нимъ отношенія — вообще своимъ научнымъ элементомъ, затѣмъ общимъ настроеніемъ и тѣмъ или инымъ направленіемъ мысли. Съ этой точки зрѣнія указанный матеріалъ достаточенъ для того, чтобы видѣть, что среди западно-русскихъ дѣятелей въ области церковной полемики разсматриваемой эпохи, не смотря на всѣ неблагоприятныя условія, оказались лица, могущія по своей научной подготовкѣ и способностямъ стать въ уровень со своими противниками изъ польско-католическаго и уніатскаго лагеря.

1) За вѣтневичъ, В., назв. соч., стр. 252. 398—400.

3.

Проповѣдь. — Юго-западная проповѣдь въ прошломъ; два періода ея развитія въ XVI—XVII вв. — Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій. — Іоанникій Голятовскій. — Лазарь Барановичъ. — Антоній Радивиловскій. — Общій характеръ юго-западной проповѣди переходнаго времени; ея свѣтскіе элементы и общественно-просвѣтительная роль.

Церковная проповѣдь въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. также играла немаловажную роль: являясь проводникомъ религіозно-нравственныхъ понятій, она служила обычнымъ потребностямъ христіанскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ временной нуждѣ религіозной борьбы съ иновѣрцами. Условія развитія церковной проповѣди на юго-западѣ до XVI вѣка не представляютъ чего-либо особеннаго сравнительно съ тѣмъ, что мы уже знаемъ о кievской, сѣверо-восточной или московской литературѣ того же времени; оригинальныхъ проповѣдническихъ талантовъ тутъ не было, и даже труды въ этой области митрополита Григорія Цамблака въ первой четверти XV вѣка¹⁾ не составляютъ исключенія. Въ отношеніи содержанія проповѣдей, господствовала та же византійская схема, стѣнявшая проповѣдника и отдалявшая его отъ соприкосновенія съ жизнью, а слабость литературнаго сознанія смѣшивала въ одну массу чужой, взятый изъ греческаго источника, матеріаль съ слабыми опытами собственной компиляціи на традиціонныя темы; среди любителей проповѣдническаго и вообще назидательнаго чтенія обращались тѣ же „Златоусты“, „Измарагды“, „Златыя цѣпи“ и т. п. сборники съ значительной долей церковно-учительнаго и проповѣдническаго матеріала.

Поворотъ въ исторіи южно-русской проповѣди наступаетъ въ концѣ XVI вѣка подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни; чрезвычайно важную роль въ этомъ поворотѣ сы-

1) Яцимирскій, А. П. Григорій Цамблакъ, стр. 208—209, 212.

грала школа, наложившая и на проповѣдь тотъ особый отпечатокъ, который присущъ всей юго-западной литературѣ даннаго времени. „Исторія этой школьной проповѣди — говоритъ одинъ изслѣдователь¹⁾ — подобно вообще юго-западной образованности и въ частности литературѣ, можетъ быть раздѣлена на два періода, отличныхъ въ однихъ отношеніяхъ другъ отъ друга, но въ другихъ представляющихъ и точки соприкосновенія. Первый періодъ, соотвѣтственно южно-русской образованности, продолжался до 30-хъ годовъ XVII вѣка и можетъ быть названъ греко-славянскимъ, второй начался съ 30-хъ годовъ XVII вѣка и можетъ быть названъ латинскимъ. Конечно, такая грань является лишь приблизительной, такъ какъ проповѣдническіе труды обоихъ періодовъ, при извѣстной разницѣ, имѣютъ между собою и много общаго какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Основными чертами перваго періода являются: связь съ проповѣдническими традиціями прежняго времени, замкнутое въ границы церковности содержаніе и простота славяно-русскаго языка. Самымъ характернымъ памятникомъ этого періода является „Учительное Евангеліе“ Кирилла Транквиліона-Ставровецкаго (ум. въ 1646 году въ Черниговѣ); эта книга была напечатана въ Рохмановѣ (въ нын. Вольнской губ.) въ 1619 году. „Учительное Евангеліе“ представляетъ собою сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни. Содержаніемъ поученій служатъ толкованія православно-христіанскихъ догматовъ и разныхъ мѣстъ св. Писанія съ цѣлію религіозно-нравственнаго назиданія читателей или слушателей; поученія эти лишены оригинальности и являются подражаніемъ греческимъ или древнеславянскимъ проповѣдническимъ приемамъ; языкъ ихъ славяно-русскій, среди котораго лишь по мѣстамъ замѣтна

1) М. Марковскій. Антоній Радивилевскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка. Кіевъ 1894, стр. 49—50.

народная малороссійская стихія. Всѣхъ поученій въ сборникѣ 109. Разные экземпляры книги были посвящены авторомъ то князю Чарторыжскому, то княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, то князю Корецкому — съ особыми предисловіями, въ которыхъ авторъ указываетъ на источники своего труда, на цѣли его составленія и на тяжелыя условія, среди которыхъ эта книга возникла¹⁾. Въ 1696 году Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона было напечатано въ Уневскомъ монастырѣ вторымъ изданіемъ. Изъ другихъ проповѣдниковъ перваго періода могутъ быть здѣсь отмѣчены Стефанъ-Зизаній Тустановскій, Леонтій Карповичъ (ум. 1620), Мелетій Смотрицкій и Захарія Копыстенскій²⁾.

Типичнѣйшимъ представителемъ второго періода въ южно-русской проповѣди является Іоанникій Голятовскій. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, онъ оставляетъ насъ почти въ полной неизвѣстности относительно мѣста и времени своего рожденія, а также и первоначальнаго воспитанія. Высшее образованіе получилъ онъ въ Кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, по окончаніи курса въ которомъ отправился на Волынь, гдѣ и принялъ монашество. Въ 1657 году, благодаря ходатайству своего наставника и покровителя Лазаря Барановича, сдѣлавшагося Черниговскимъ архіепископомъ, Голятовскій получилъ назначеніе ректоромъ родной ему кіевской академіи и въ 1688 году умеръ въ санѣ архимандрита Черниговскаго Елецкаго монастыря. Іоанникію Голятовскому принадлежитъ замѣчательный сборникъ проповѣдей подъ именемъ „Ключъ разумѣнія“, имѣвшій три изданія: 1659 и 1660 — въ Кіевѣ и 1665 — въ Львовѣ. Къ этому сборнику приложена была и статья „Наука албо способъ о сложеніи сказаній“, въ кото-

1) Архангельскій, А. С., назв. соч., стр. 128—131.

2) Тамъ же, стр. 126—127.

рой была изложена теорія проповѣдничества съ точки зрѣнія современной школьной науки. Появленіе „науки“ Голятовскаго, какъ самостоятельнаго руководства для составленія церковныхъ поученій, было явленіемъ совершенно новымъ и весьма полезнымъ для тогдашнихъ проповѣдниковъ, желавшихъ идти въ этомъ дѣлѣ по новому пути. Путь этотъ былъ схоластическій, а источникомъ его — школа и примѣры западныхъ и польскихъ церковныхъ ораторовъ. Авторъ указываетъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь (приступъ, предложеніе, изложеніе и заключеніе) и какого рода матеріалъ долженъ входить въ каждую изъ этихъ основныхъ частей. Источниками содержанія проповѣдей должны являться не только св. Писаніе и отцы церкви, но и разныя свѣтскія науки, напр. исторія и естествознаніе; кромѣ того, полезно читать составителю церковнаго поученія и современныхъ проповѣдниковъ, у которыхъ можно найти матеріалъ для полемики; наконецъ, авторъ даетъ и нѣкоторыя практическія наставленія касательно составленія проповѣди и наполненія ея разнаго рода украшеніями, способными увеличить интересъ проповѣди въ глазахъ слушателей. Теоретическія указанія „науки“ осложнялись при каждомъ дальнѣйшемъ изданіи „Ключа разумѣнія“ все новыми и новыми схоластическими совѣтами¹⁾. Иллюстраціей этихъ наставленій должны были явиться собственныя проповѣди Голятовскаго, составляющія содержаніе его сборника, и слѣдуетъ признать, что эта частная задача авторомъ вполне достигнута: проповѣди Голятовскаго являются превосходнымъ образцомъ новыхъ проповѣдническихъ вкусовъ, характеризующихъ собою второй періодъ въ развитіи южно-русской проповѣди XVII вѣка; онѣ носятъ въ значительной степени свѣтскій и школьный характеръ²⁾.

1) М. Марковскій, назв. соч., стр. 53.

2) Н. Сумцовъ. Юанникій Голятовскій. Кіевъ 1884, стр. 21—37.

Изъ другихъ дѣятелей южно-русской проповѣди второго періода въ XVII вѣкѣ достаточно упомянуть тутъ два имени: Лазаря Барановича (1620—1693) и Антонія Радивиловскаго (ум. 1688). Первому принадлежатъ два объемистыхъ сборника проповѣдей „Мечъ духовный“ (Кіевъ 1666, 2 изд. 1686) и „Трубы словесъ проповѣдныхъ“ (Кіевъ 1674, 2 изд. 1679); второй также оставилъ послѣ себя два проповѣдническихъ сборника: „Огородокъ Маріи Богородицы“ (Кіевъ 1676) и „Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (розовыхъ) силетенный“ (Кіевъ 1688). Оба проповѣдника являются въ своихъ произведеніяхъ послѣдователями тѣхъ самыхъ схоластическихъ пріемовъ, которые установилъ Голятовскій — съ тою лишь разницею, что въ то время, какъ у Барановича за этой схоластикой трудно найти слѣды живого отношенія къ окружающей его дѣйствительности ¹⁾, у Радивиловскаго, напротивъ, такіе слѣды могутъ быть усмотрѣны, напр. рознь между казацкимъ старшиной и простымъ народомъ, отсутствіе правосудія, грубыя насилія надъ слабыми, нравственная распущенность и т. п. Языкъ его тоже носитъ на себѣ явственныя черты живой малорусской рѣчи. Все это приводитъ спеціального изслѣдователя сочиненій Радивиловскаго къ мысли, что этотъ авторъ „является самымъ полнымъ, самымъ рельефнымъ представителемъ южно-русской схоластической проповѣди, сохраняя въ то же время наиболѣе связей съ первымъ періодомъ южно-русской проповѣди“ ²⁾.

Въ лицѣ церковной полемики и проповѣди въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв. мы имѣемъ передъ собою еще старыя литературныя формы, унаслѣдованныя отъ прошлаго.

1) Н. Сумцовъ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. В. І. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1885, стр. 58—60.

2) М. Марковскій, назв. соч., стр. 78—82. 92. 119.

Содержаніе относящихся сюда произведеній въ старое время не могло обезпечить за ними особенно большого литературнаго значенія въ виду ихъ спеціального назначенія для потребностей церкви. Для даннаго времени положеніе вещей нѣсколько мѣняется — въ сторону большаго литературнаго интереса указанныхъ произведеній. Правда, и въ полемическихъ произведеніяхъ, и въ проповѣдяхъ мы встрѣчаемся съ тѣми же основными чертами содержанія и съ тѣмъ же господствомъ греко-славянскаго преданія; но уже тутъ имѣются нѣкоторыя и новыя черты: уніатство, лютеранство, польско-католическое вліяніе на жизнь и нравы южно-русскаго общества и т. п. Главное же значеніе той и другой категоріи литературныхъ явленій заключается во виѣшнихъ приѣмахъ ихъ обработки, въ источникахъ литературнаго образованія. Школа, устроенная по западно-европейскимъ и польскимъ образцамъ, внесла въ эти литературныя произведенія сильнѣйшій элементъ схоластики, т. е. наукообразнаго, формальнаго отношенія къ знанію какъ духовному, такъ и свѣтскому. Полемисты и проповѣдники расширяли содержаніе своихъ произведеній и аргументировали данными изъ области исторіи, филологіи, естествознанія, хотя и понимали ихъ крайне условно, давая своимъ толкованіямъ весьма своеобразный, нерѣдко совершенно неожиданный для слушателя или читателя смыслъ. И тѣмъ не менѣе, этимъ путемъ шла популяризація свѣтскихъ элементовъ знанія, которыхъ такъ чуждалась наша старая письменность до конца XVI вѣка; кое-гдѣ проскальзывалъ даже интересъ къ народности. Все это создавало новые приемы и вкусы какъ у составителей литературныхъ произведеній, такъ и въ средѣ читателей; литература, какъ и прежде, являлась своего рода подвижной школой, но теперь, при помощи книгопечатанія, ея дѣйствіе было гораздо сильнѣе. Однако было бы большою ошибкой особенно преувеличивать дѣйствіе этой литературы на народныя массы: за отсутствіемъ до-

статочнаго количества школъ и вообще доступныхъ способовъ образованія, народныя массы на юго-западѣ, какъ и въ Московской Руси, коснѣли еще въ глубокомъ невѣжествѣ, и приобрѣтенія схоластической учености, поражающей иногда своимъ изобиліемъ въ литературныхъ произведеніяхъ XVI—XVII вв., были удѣломъ сравнительно небольшого круга лицъ, прошедшихъ новую школу у себя на родинѣ или за границей.

Болѣе новыми въ процессѣ русскаго литературнаго развитія являются двѣ другія формы литературной производительности въ Юго-западной Руси данной эпохи, наука и поэзія — конечно, въ условномъ, формальномъ ихъ пониманіи.

4.

Произведенія научной литературы. — Хроника Θεодосія Сафоновича. — Снопсисъ Иннокентія Гизеля. — Грамматика Мелетія Смотрицкаго. — Лексиконъ Памвы Беринды.

Это была, конечно, не настоящая наука, основанная на тщательномъ собираніи и критическомъ изученіи матеріала: начатки такой науки мы видимъ только въ XVIII вѣкѣ; въ данномъ случаѣ имѣлась лишь форма науки, продуктъ школьныхъ занятій, любознательности и трудолюбія, но лишенный критики и объективнаго изслѣдованія. Область, въ которой выразились эти условныя научныя стремленія, эта склонность къ компиляціи и чисто-формальнымъ построеніямъ, была старая, господствовавшая за много вѣковъ въ Византіи, имѣвшая затѣмъ распространеніе на западѣ и въ Польшѣ: исторія и филологія. Другое пока нашимъ книжникамъ было недоступно, такъ какъ не выдвигалось жизнью и не культивировалось въ школахъ.

Изъ области исторіи заслуживаютъ быть отмѣченными труды игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Θεодосія Сафоновича и печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля.

Сафоновичу принадлежит историческая компиляция начальныхъ событій русской исторіи до 1292 года, составленная по кievской и волынской лѣтописямъ, къ которымъ прибавлены рассказы о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Москвѣ, Литвѣ, Польшѣ и Малороссіи. Кромѣ лѣтописей, матеріаломъ для рассказа у Сафоновича служили нѣкоторые отдѣльные документы (напр., грамоты и письма) и сочиненіе польскаго историка Стрыйковскаго (1582) ¹⁾.

Хроника Сафоновича, не будучи напечатанной, послужила матеріаломъ для труда Гизеля „Синописъ или краткое описаніе о началѣ славенскаго народа и о первыхъ кievскихъ князьяхъ до государя царя Θεодора Алексіевича“. Судьба этого челоувѣка имѣла нѣкоторыя характерныя черты, заслуживающія быть отмѣченными. Онъ родился въ Пруссіи, въ реформатской семьѣ, и тамъ же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы, въ первой половинѣ XVII в., Гизель явился въ Кіевъ, принялъ здѣсь православіе, а потомъ вступилъ въ монашество и сталъ учиться въ Кіевскомъ коллегіумѣ; здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Петра Могилы, ѣздилъ для продолженія образованія за границу и по возвращеніи оттуда былъ назначенъ сначала учителемъ, потомъ профессоромъ и, наконецъ, ректоромъ коллегіума; въ послѣдней должности онъ состоялъ въ 1648—1650 годахъ. Въ 1656 году Гизель получилъ санъ кievо-печерекаго архимандрита, въ которомъ и пробылъ 27 лѣтъ, вплоть до своей кончины въ 1683 году. Изъ литературныхъ трудовъ Гизеля самую большую извѣстность получилъ его „Синописъ“ русской исторіи, въ первый разъ напечатанный въ Кіевѣ въ 1674 году и затѣмъ перепечатывавшійся множество разъ въ XVII—XIX вѣкахъ (послѣднее изданіе: 1861). Впрочемъ, принадлежность этого сочиненія

1) А. Старчевскій. Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина. Спб. 1845, стр. 73—85.

Иннокентію Гизелю не можетъ быть вполнѣ доказана и держится лишь силою преданія. Въ основу Синописиса легла хроника Сафоновича; кромѣ того, авторъ пользовался русскими лѣтописями и трудами польскихъ историковъ. Свой разсказъ доводитъ онъ до временъ царя Θεодора Алексѣевича, причемъ изложеніе событій отличается неравномѣрностью: событія малорусской исторіи гораздо обширнѣе и полнѣе, чѣмъ событія сѣверо-восточной и московской Руси: напр., ничего почти не говорится о княженіи Ивана III, о правленіи Ивана IV, о покореніи Новгорода, объ исправленіи при патріархѣ Никонѣ богослужебныхъ книгъ и т. п. Синописисъ совершенно лишенъ критическаго отношенія автора къ излагаемымъ въ немъ событіямъ; онъ составляетъ по существу такую же компиляцію, какъ и хроника Сафоновича, и наполненъ массой фантастическихъ сообщеній. За историческіе факты выдаются разнаго рода сказки вродѣ полученія славянами въ 310 г. до Р. Х. грамоты на „вольность“ за услуги, оказанныя ими Филиппу Македонскому и его сыну Александру, взятія славянороссійскимъ княземъ Одоначеромъ Рима и т. п. Происхожденіе собственныхъ именъ толкуется въ духъ тогдашней исторіографіи совершенно произвольно; славяне — отъ „славы“, Москва — отъ сына Іоафетова Мосоха, россияне — отъ „разсѣянія“, казаки — отъ полководца Козака и т. п. Несмотря на все это, Синописисъ, благодаря своей внѣшней, хотя и далеко не равномѣрной, полнотѣ и отсутствію другихъ подобныхъ сочиненій, вошелъ у насъ на долгое время учебникомъ русской исторіи въ школы и былъ вытѣсненъ оттуда лишь „Краткимъ лѣтописцемъ“ Ломоносова (1760), продолжая однако же расходиться въ дальнѣйшихъ изданіяхъ среди читающей публики¹⁾.

1) П. Миллюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. 2 изд. М. 1898, стр. 7—16; Н. Сумцовъ. Иннокентій Гизель. К. 1884, стр. 37—41.

Филологическіе интересы нашли себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и Лексиконѣ Памвы Беринды.

Еще до Мелетія Смотрицкаго было нѣсколько попытокъ привести въ извѣстный порядокъ грамматическій матеріалъ церковно-славянскаго языка. До конца XVI вѣка, т. е. до появленія школьной науки въ Юго-западной Руси, русскіе книжники располагали въ этомъ отношеніи лишь незаконченными трудами Максима Грека, имѣвшими въ виду главнымъ образомъ практическія цѣли перевода съ греческаго на славянскій языкъ. Затѣмъ, въ интересахъ школьнаго обученія, появилась въ печати въ 1586 году, въ Вильнѣ, первая славянская грамматика, а за ней въ 1591 году, въ Львовѣ, вторая подъ заглавіемъ „Грамматика доброглаголиваго еллинославенскаго языка“; но, собственно говоря, оба эти труда были посвящены греческой грамматикѣ, лишь со случайными указаніями славянскихъ аналогій грамматическимъ категоріямъ или отдѣльнымъ моментамъ языка греческаго. Нѣсколько ближе подходитъ къ рѣшенію задачи о грамматической систематизаціи данныхъ славянскаго языка Грамматика Лаврентія Зизанія (Вильна, 1596), но авторъ ея былъ мало подготовленъ къ своему дѣлу, и первымъ дѣйствительно крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является „Грамматика словенскія правильное синтагма“ Мелетія Смотрицкаго, напечатанная въ Евю (близъ Вильны) въ 1619 году. Составляя свой трудъ, авторъ имѣлъ двѣ цѣли: съ одной стороны — дать возможность учащемуся юношеству имѣть наилучшее средство къ пріобрѣтенію славянскоі грамотности, а съ другой — чтобы поднять „zanedbanый, a цerkви нашей природный словенскій языкъ“. Источникомъ знакомства самого Мелетія съ славянскимъ языкомъ были преимущественно славянскія рукописи XV и XVI вв., и, составляя свою грамматику на основаніи этого матеріала, Мелетій хотѣлъ получить „чистый“ славянскій языкъ —

точка зрѣнія теоретическая, а не историческая, которая въ данномъ случаѣ единственно была умѣстна: но такой взглядъ былъ усвоенъ лишь гораздо позднѣе, въ началѣ XIX вѣка, Іосифомъ Добровскимъ. Результатомъ искусственно поставленной Мелетіемъ цѣли и установленной имъ неправильной точки зрѣнія на выборъ необходимаго матеріала явились многія неточности и ошибки, внесенныя имъ въ свою грамматику¹⁾. Но нельзя забывать и о весьма важныхъ положительныхъ сторонахъ труда Мелетія Смотрицкаго: грамматическій матеріалъ церковно-славянскаго языка, находившійся до того времени въ совершенно хаотическомъ состояніи, былъ приведенъ имъ въ извѣстную систему, и т. о. получались точки отправленія для дальнѣйшихъ наблюденій; установленныя Мелетіемъ Смотрицкимъ нормы имѣли существенное вліяніе на образованіе и характеръ литературнаго языка въ XVII и даже XVIII вв.; онъ положилъ конецъ крайней пестротѣ въ приѣмахъ правописанія и произволу въ удареніяхъ. Отъ Мелетія Смотрицкаго не ускользнули и нѣкоторые историческіе и діалектологическіе элементы русскаго языка и, не умѣя ихъ объяснить принятыми имъ грамматическими категоріями, видя въ нихъ „обыкъ“ или „навыкъ“ живой рѣчи, онъ однако же старался сблизить церковно-славянскій языкъ съ основными свойствами русскіихъ нарѣчій; даже въ словарномъ отношеніи онъ старался отдѣлать русскій элементъ отъ славянскаго, хотя и не всегда удачно. Въ силу этихъ особенностей, Грамматика Мелетія Смотрицкаго сохранила свой авторитетъ вплоть до половины XVIII в.: она служила учебникомъ для самого Ломоносова и была замѣнена лишь грамматическимъ трудомъ этого послѣдняго, напечатаннымъ въ 1755 году.

1) Подробнѣе см. объ этомъ въ сочиненіи Ник. Засадкевича: Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса 1883, стр. 88—99; очень цѣнны замѣчанія у П. Житецкаго: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. Ч. I. К. 1889, стр. 19—26.

Словарный трудъ Памвы Беринды не можетъ конкурировать съ Грамматикой Смотрицкаго въ отношеніи своего историческаго значенія. Беринда былъ ученый архитипографъ Кіево-Печерской Лавры; до полученія этого довольно вліятельнаго положенія въ книжномъ дѣлѣ онъ работалъ надъ переводомъ и издачіемъ книгъ въ Львовѣ, проживая въ домѣ пана Теодора Болобана; умеръ онъ въ 1632 году. Въ качествѣ главнаго наблюдателя за печатаніемъ книгъ въ типографіи Львовской и при Кіево-Печерской Лаврѣ, онъ, при пестротѣ тогдашняго литературнаго языка, долженъ былъ постоянно наталкиваться на такія слова въ книгахъ различнаго содержанія, которыя для обыкновеннаго читателя требовали объясненія. Быть можетъ, изъ ряда лексикальныхъ замѣтокъ, составившихся при печатаніи книгъ въ Юго-западной Руси, и вышелъ его „Лексиконъ словено-россійскій, именъ толкованіе“, изданный сначала въ Кіевѣ въ 1627 году и потомъ, послѣ смерти автора, перепечатанный въ Кутейнскомъ монастырѣ въ 1653 году¹⁾. Если вспомнить, что Лексиконъ Беринды былъ изданъ лишь черезъ восемь лѣтъ послѣ Грамматики Смотрицкаго, то нѣтъ основанія удивляться слабости этого труда въ грамматическомъ отношеніи. Для пользующагося словаремъ Беринды авторъ не даетъ въ руки никакой системы: одинъ и тотъ же глаголъ помѣщается въ разныхъ формахъ; существительныя, прилагательныя и мѣстоименія приводятся въ косвенныхъ падежахъ и т. п.; очевидно, что авторъ часто объяснялъ не слова вообще, а лишь значеніе ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ тѣхъ или иныхъ книгъ; подобныя слова могли первоначально заноситься имъ на поляхъ книгъ и потомъ механически были сведены въ словарь, будучи распределены лишь въ порядкѣ алфавита. Что касается до объясненія славян-

1) Новѣйшая перепечатка у Сахарова въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ (П. 1849) сдѣлана въ сокращеніи и очень не точно.

скихъ словъ, то для этой цѣли Беринда рядомъ съ ними ставитъ слова „росскія“. Эти русскія слова — четырехъ категорій: 1. общія славянскому языку и всѣмъ русскимъ нарѣчіймъ (горе: бѣда, гряду: иду и т. п.); 2. слова, имѣющіяся только въ русскихъ нарѣчійхъ и потому являющіяся дѣйствительнымъ объясненіемъ славянскихъ словъ (іже: который, днесь: сегодня); 3. польскія слова, долженствующія служить объясненіемъ общепонятныхъ какъ въ славянскомъ, такъ и въ русскомъ языкахъ словъ (вѣра: набоженство, релѣя; сила: мощь, цнота); эта послѣдняя категорія особенно интересна, указывая на огромное вліяніе польскаго языка на тогдашній русскій; наконецъ, 4. категорію составляютъ слова малорусскія¹⁾.

5.

Стихотворство; раніе образцы школьнаго стихотворства во второй половинѣ XVI вѣка. — „Псалмы“ и „канты“. — Эпиграмма. — Школьная драма; пинтермедіи.

Едва ли не самымъ характернымъ явленіемъ юго-западной литературы XVI—XVII вв. было стихотворство. Конечно, оно преяде всего было формой, и въ эту форму влагалось лишь подобіе того или иного, впрочемъ разнообразнаго, содержанія. Поэзіи въ собственномъ смыслѣ тутъ не было, а было только приспособленіе къ ея внѣшнему виду тѣхъ или иныхъ литературныхъ сюжетовъ и отчасти явленій дѣйствительной жизни. Стихотворство, какъ теорія, было однимъ изъ важныхъ предметовъ школьнаго преподаванія, въ видѣ т. наз. „пінтики“, которая вела свое начало всецѣло изъ латино-польскихъ образцовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, входившихъ въ область пінтики, было ученіе о стихотворствѣ. По этому вопросу среди дѣятелей юго-западной литературы происходили большія разногласія:

1) П. Жптецкій, назв. соч., стр. 37—51.

въ то время какъ одни хотѣли установить подобіе метрическаго стихосложенія путемъ приспособленія его къ особенностямъ церковно-славянскаго языка и введенія рифмы, другіе склонялись къ силлабическому стихосложенію, уже разработанному въ Польшѣ; послѣднее направленіе получило вскорѣ преобладаніе какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ¹⁾. Стихотворными упражненіями занимались преимущественно ученики духовныхъ школъ, основанныхъ братствами, ихъ наставники и другія лица, прошедшія школьную науку и вызываемыя на то практическими потребностями времени. Самыми ранними образцами искусственной лирики въ Юго-западной Россіи являются, сколько извѣстно, вирши на гербъ князя Острожскаго и „предисловіе къ читателю“ въ Острожской Библии 1581 года, принадлежащія перу Герасима Смотрицкаго (отца знаменитаго Мелетія), а также вышедшая изъ Острожской типографіи 5 мая 1581 года „Хронологія“, представляющая собою, въ формѣ двустипшіи, свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ каждаго мѣсяца изъ библейской исторіи; авторомъ ея является Андрей Рымша. Если въ названномъ стихотвореніи Рымши, какъ и у Герасима Смотрицкаго, строгій размѣръ стиха отсутствуетъ и лишь рифма выдаетъ стихотворческія намѣренія автора, то другія произведенія Рымши (въ видѣ похвальныхъ одъ), написанныя не столь чистымъ церковно-славянскимъ, а скорѣе обычнымъ западно-русскимъ языкомъ дѣловыхъ бумагъ и актовъ, приближаются по своему строенію къ образцамъ польскаго силлабическаго стиха²⁾.

Эпическая поэзія, хотя и считалась главнымъ поэтическимъ родомъ, однако въ западно-русскихъ школахъ не получила значительнаго развитія, такъ какъ менѣе другихъ

1) Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Спб. 1900, стр. 7—24.

2) Тамъ же, стр. 65—77.

родовъ могла быть приспособлена къ практическимъ цѣлямъ. Болѣе процвѣтала поэзія лирическая и эпиграмматическая. Лирика являлась преимущественно въ видѣ панегирической оды и элегіи, въ стихотворныхъ переложеніяхъ церковныхъ пѣснопѣній, молитвъ и пр. Тутъ всего яснѣе сказалась любовь представителей тогдашней школьной мудрости къ виршамъ. На Рождество и на Пасху школьники западно-русскихъ училищъ сочиняли обыкновенно духовные стихи („псалмы“ и „канты“), распѣвали ихъ передъ начальствомъ, подносили важнымъ покровителямъ, выступали съ ними даже въ народъ, откуда гораздо позднѣе многіе изъ нихъ перешли въ записи ученыхъ собирателей народной поэзіи, напр. въ извѣстный сборникъ П. Безсонова „Калѣнки переходіе“ (М. 1861—64). Личныя обращенія въ этихъ произведеніяхъ отличались чрезмѣрной лестью и самоуничиженіемъ автора, крайней искусственностью въ выраженіи чувства и полнымъ отсутствіемъ простоты¹⁾. Нѣкоторые изъ этихъ духовныхъ стиховъ являлись не только подражаніемъ польскимъ, но и прямымъ переводомъ послѣднихъ²⁾.

Весьма значительное развитіе получила поэзія эпиграмматическая. Болѣе раннимъ видомъ ея была эпиграмма искусственная, или „куръезная“, назначеніе которой исчерпывалось почти исключительно ея внѣшней формой: это — разнаго рода „симфоническіе“, „ракообразные“, „кубическіе“ стихи или произведенія стихотворнаго искусства въ формѣ яйца, бокала, пирамиды, сѣкиры, отличавшіяся нерѣдко большой замысловатостью и бывавшія предметомъ загадокъ. Рядомъ съ этой „куръезной“ эпиграммой существовала и получила потомъ преобладающее развитіе эпиграмма внутренняго со-

1) Н. Петровъ. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году. Труды Кіевской Духовной Академіи 1867. I, стр. 85—94.

2) В. Перетцъ, назв. соч., стр. 85—92.

держанія, съ элементомъ юмора и сатиры; ея достоинства состояли въ краткости, ясности и остроуміи, и въ этомъ смыслѣ такая эпиграмма является родоначальницей литературно-сатирической эпиграммы XVIII и XIX вв. съ яркимъ жизненнымъ содержаніемъ. Конечно, въ школьной эпиграммѣ XVII в. элементъ мысли и въ частности сатиры весьма ничтоженъ; однако и тутъ уже есть попытки касаться нѣкоторыхъ вопросовъ морали или дѣйствительной жизни ¹⁾. Значительное развитіе получила также и драма. Не при-
 мыкая непосредственно къ духовной драмѣ, или „мистеріи“, школьная драма юго-западныхъ училищъ XVII вѣка находилась въ такой же близкой зависимости отъ латино-польскихъ литературныхъ образцовъ, іезуитскаго или народнаго происхожденія, какъ и другіе виды схоластической „поэзіи“; авторами пьесъ были обыкновенно учителя пѣнтики въ кievской высшей школѣ, а исполнителями — ученики послѣдней изъ дворянскихъ фамилій. Сюжеты этой драмы были главнымъ образомъ церковные или библейскіе: событія изъ жизни Спасителя, прародителей, святыхъ мужей и т. д. Таковы: „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“ ²⁾, „Алексѣй, Божій человекъ“ ³⁾, „Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ“ ⁴⁾, „Іосифъ“ ⁵⁾ и, вѣроятно, другія произведенія ⁶⁾. Въ настоящее время трудно съ желаемой хронологической точностью обозначить репертуаръ школьной драмы XVII вѣка; основными своими чертами она заходитъ и въ первыя дѣсятилѣтія XVIII в., встрѣчаясь тамъ уже съ иными культурными и литератур-

1) Нѣкоторые примѣры такого рода эпиграммы см. у Н. Петрова, назв. соч., Тр. К. Д. А. 1867, I, 114—115.

2) Напечатано у Н. С. Тихонова: Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Т. I, 507—562.

3) Тамъ же, I, 3—75.

4) Тамъ же, I, 243—269.

5) Тамъ же, I, 270—295.

6) Н. Петровъ. Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Тр. К. Д. А. 1909, № 7—8, стр. 340—371.

ными условіями въ развитіи русскаго театра, съ придворными театральными представленіями свѣтскаго характера и начатками публичныхъ зрѣлищъ этого рода ¹⁾).

Не смотря на подавляющее господство школы, стремленіе къ жизненнымъ элементамъ въ школьной драмѣ проявилось очень рано: оно нашло себѣ осуществленіе въ т. наз. „интермедіяхъ“ или „междувброшенныхъ игральницахъ“, которыя разыгрывались между отдѣльными дѣйствіями пьесъ указаннаго серьезнаго содержанія. Эти незамысловатыя произведенія народнаго юмора, также написанныя виршами, представляли собою сценки изъ народнаго быта, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являлись содержатели шинковъ, мужики, цыганы и т. п. люди; они вели между собою на сценѣ разговоры, гдѣ забавный элементъ перемѣшивался съ примитивной грубостью или крайне непосредственнымъ отношеніемъ къ жизни. Примѣромъ такого рода пьесъ могутъ служить двѣ интермедіи Якова Гаваттовича, учителя свободныхъ наукъ и философіи въ Львовѣ, помѣщенныя имъ въ пьесѣ „Трагедія или образъ смерти пресвятого Іоанна Крестителя, посланника Божія“, представленной въ 1619 году въ Каменкѣ, на ярмаркѣ ²⁾). Интермедіи писались съ тѣми же приѣмами школьной искусственной

1) Новѣйшія изслѣдованія въ этой области даютъ работы В. П. Ръзанава: Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910; Изъ исторіи русской драмы. Экекуресъ въ область театра іезуитовъ. Нѣжинъ 1910; Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Приложение къ изслѣдованію „Изъ исторія русской драмы“. Нѣжинъ 1907; Еще одна кievская школьная драма. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. XIII. 1908, кн. 3; также — В. Н. Перетца: Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. X. 1905 кн. 1, 2, XII. 1907 кн. 4, XIV. 1909 кн. 1; Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра, тамъ же: XII. 1907 кн. 3; Н. И. Петрова, упомянутое сочиненіе, еще не оконченное печатаніемъ: Тр. К. Д. Ак. 1909—1910.

2) Напечатаны М. П. Драгомановымъ въ „Кievской Старинѣ“ 1883 № 12, стр. 656—664; ср. о нихъ П. Кузьмичевскаго „Старѣйшія русскія драматическія сцены“: Кievская Старина 1885 № 11.

позіи, какъ и пьесы серьезнаго содержанія; сюжеты ихъ, благодаря наличности протонароднаго элемента, находились въ тѣсной связи съ содержаніемъ кукольнаго театра и лубочныхъ картинокъ XVII и XVIII вв.

Исключая эти интермедіи, касавшіяся живой дѣйствительности, общее содержаніе школьной драмы въ Кіевѣ XVII вѣка отличалось значительной отрѣшенностью отъ жизни, господствомъ заимствованнаго изъ чужихъ литературныхъ образцовъ матеріала и совершенно формальной, часто въ высшей степени неуклюжей его обработкой¹⁾. Только въ немногихъ произведеніяхъ конца XVII и нач. XVIII в. можно усмотрѣть соприкосновеніе искусственной литературы съ народной или исторической жизнью Южной Руси, имѣющее не столько общерусскій, сколько мѣстный малорусскій интересъ и значеніе²⁾. Все это однако же нисколько не лишаетъ указаннаго литературнаго произведенія, облеченнаго въ драматическую форму, равно какъ и сродныя имъ произведенія школьной лирики и эпоса, значительной доли ихъ исторической цѣнности. Наблюдая ихъ, мы присутствуемъ не только при усвоеніи школьныхъ пріемовъ въ литературной области на юго-западѣ Россіи, но получаемъ матеріалъ также для пониманія и оцѣнки явленій московской литературы во второй половинѣ XVII вѣка.

6.

Іоаннъ Вишенскій. — Его жизнь и сочиненія.

До сихъ поръ шла у насъ рѣчь о такихъ явленіяхъ литературы въ юго-западной Руси, которыя своей органической связью съ Польшей и западомъ вносятъ новыя черты въ исторію литературнаго развитія русской народности и

1) Морозовъ, П. О. Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія. Спб. 1889, стр. 95—113; Рѣзановъ, В. Изъ исторіи русской драмы, стр. 54—55. 182—204. 260—268.

2) Примѣры у Н. Петрова: Тр. К. Д. А. 1909 № 6, стр. 261—282.

вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ матеріалъ для объясненія многихъ явленій литературной жизни Московской Руси XVII вѣка. Эта литература возникла въ обстановкѣ школы, пользовалась школьной мудростью, какъ способомъ своего распространения и вліянія на современниковъ. Однако рядомъ съ этой, существовала и другая литература, не только сохранившая старую связь съ исконными устоями русской религіозной жизни, но и непосредственно близкая къ народной средѣ, чуждая новой школѣ, пропитанная демократическими воззрѣніями и идеалами. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ Іоаннъ Вишенскій, даровитый самоучка, пламенный обличитель современныхъ ему церковно-религіозныхъ и общественныхъ неурядицъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ южно-русскихъ писателей конца XVI и начала XVII вѣка.

Жизнь Іоанна Вишенскаго, или — какъ онъ самъ себя называетъ — „мниха изъ Вишни“, намъ мало извѣстна. Родился онъ приблизительно въ половинѣ XVI вѣка, вѣроятно — въ небольшомъ городкѣ Судовѣ Вишинѣ, около Львова, въ Галиціи. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о недостаткахъ своего школьнаго образованія, относясь къ нему насмѣшливо („грамматично дробязку не изучихъ, риторично игрушки не вѣдахъ, философскаго высокоумчательнаго не слышахъ“), но онъ былъ весьма начитанъ въ св. Писаніи; отчасти знакомъ былъ и съ польскимъ языкомъ. Это была натура живая, оригинальная и рано бросившаяся за поисками духовной правды. Въ молодости онъ долго бродилъ по монастырямъ своей родины, знакомъ былъ съ Кирилломъ Терлецкимъ, побывалъ въ разныхъ мѣстахъ Галицкой, Волынской и Подольской Руси. Вскорѣ Іоаннъ ушелъ въ монашество и жилъ нѣкоторое время въ Уневскомъ монастырѣ, а затѣмъ, незадолго до Брестскаго собора 1596 года, удалился на Аѳонъ, служившій въ ту пору убѣжищемъ многихъ выходцевъ какъ изъ восточной, такъ и юго-западной Руси. На Аѳонѣ провелъ Вишенскій всю вторую половину своей жизни, и тамъ

написана была большая часть его сочинений. Въ началѣ XVII вѣка Іоаннъ побывалъ на родинѣ (вѣроятно, въ 1605—1607 годахъ), куда приходилъ съ Аеопа, б. м. съ цѣлію устройства монастыркой жизни на родинѣ, совмѣстно со своимъ другомъ Іовомъ Княгининскимъ, извѣстнымъ подвижникомъ и организаторомъ монастырской жизни въ Южной Руси XVI—XVII в. Удалившись однако же снова на Аеопа, Іоаннъ продолжалъ отсюда свою обличительно-публицистическую литературную дѣятельность. Подробностей о дальнѣйшей жизни его мы не имѣемъ; умеръ онъ не ранѣе 20-хъ годовъ XVII вѣка ¹⁾).

Въ настоящее время насчитывается до 15 сочиненій Вишенскаго, предположительно распредѣляемыхъ на три періода: къ 1588—1596 (Посланіе старицѣ Домникии, О заблужденіяхъ римской вѣры, Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ), къ 1597—1600 (Посланіе князю Острожскому, Посланіе къ митрополиту и епископамъ, Краткословный отвѣтъ Θεодула и др.) и, наконецъ, къ 1607—1614 годамъ (Зачапка мудраго латынника, Посланіе братству Львовскому, Письмо Іову Княгининскому, Позорище мысленное); кромѣ того, четыре сочиненія остаются извѣстными только по имени ²⁾).

Главное вниманіе свое Іоаннъ Вишенскій обратилъ въ своихъ произведеніяхъ, конечно, на обличеніе католическихъ и уніатскихъ заблужденій и на предостереженіе православныхъ отъ соблазна со стороны латино-польской про-

1) Игн. Житецкій. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. Кіевъ 1890, стр. 1—10.

2) Игн. Житецкій, назв. соч., стр. 11. Напечатаны они въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, т. II (Спб. 1865), стр. 205—270; въ „Архивѣ Юго-западной Россіи“ ч. I, т. VII (Кіевъ 1887), стр. 19—48; въ соч. С. Голубева: Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Т. I, К. 1883, прил. стр. 67—145; въ соч. г. Мирона (Ив. Франка) объ Іоаннѣ Вишенскомъ (Кіевская Старина 1889 № 4) и въ приложеніи къ сочиненію самого г. Житецкаго (стр. 43—50).

паганды, но литературные приемы, которыми располагает авторъ, оказываются совѣтъ не тѣми, какіе можно наблюдать у названныхъ раньше писателей схоластическаго образования: источники его ограничиваются книгами св. Писанія, аргументація отличается простотой, стиль — неупорядоченностью и своеобразной силой.

Іоаннъ является открытымъ противникомъ школьной науки: „премудрость міра сего“ въ глазахъ его — „буйство у Бога“ и „глупство передъ Богомъ“; источникомъ всякаго ученія онъ считаетъ священныя книги, а идеаломъ жизни — иночество. Равнодушіе и даже враждебное отношеніе къ школьной наукѣ исходятъ у него изъ того же источника, откуда идетъ и все его міровоззрѣніе — изъ глубокой преданности православію и недовѣрія къ латинству, владѣющему всѣми средствами школьнаго знанія. „Мы, глупая Русь — говоритъ онъ, обращаясь къ католикамъ — вашего костела разума и хитрости не хотимъ, а на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу свѣта сего гонитъ, не лакомимся и единитися отъ благочестивыя вѣры въ прелестную хотя бы по своей волѣ и хотѣли, але отъ зазрѣнія совѣсти и отъ возбраненія святаго апостола Павла учителя нашего не можемъ . . . Будьте себѣ, мудры латинниче, за своею вѣрою и мудростію кромѣ насъ; мы жъ со своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ кромѣ васъ“¹⁾. Или въ посланіи къ кн. Острожскому онъ восклицаетъ, такимъ образомъ обращаясь къ православнымъ: „Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтырь, охтоихъ, апостоль и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отыти? Разсуди! Милъ ся видить — лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа ся дотис-

1) Зачапка: С. Голубевъ. Петръ Могила, I, прил. стр. 79.

пути, которій блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеваетъ. Тако да знаете, яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго — се же не басни суть, но нынѣ о томъ доводъ широкій чинити мѣста не маю¹⁾.

Общественныя воззрѣнія Вишенскаго проникнуты демократизмомъ, глубокимъ сочувствіемъ къ простому народу и критическимъ отношеніемъ къ „панамъ“ и высшимъ представителямъ духовенства: наслаждаясь достаткомъ и предаваясь всевозможнымъ излишествамъ, они нерѣдко являются измѣнниками вѣрѣ и народности. „Да прокляти будутъ владыки — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій — архимандрити и игумени, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки себѣ зъ мѣсть святыхъ починили, и сами только съ слуговинами и пріятельми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переховываютъ; на мѣстахъ святыхъ лежачи, гроши собирають; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы Христовы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готують, сыны одѣваютъ, жены украшаютъ, слугы умножаютъ, барвы справують, пріятелѣ обогащаютъ, карити зиждуть, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошь свою погански исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бдѣнія, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго — пси выють, гласять и ликують! . . . Владыки безбожныя, вмѣсто правила и книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни день и ночь надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ и, вмѣсто богословія и вниманія настоящаго житія, прелести, хитрости чловѣческаія, лжи цекарства и прокураціи дѣвольскаго празднословія и угожденія ся учать!“²⁾. Еще болѣе страстный

1) Акты, относ. къ исторіи Южной и Западной Россіи, II, стр. 210.

2) Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ Юго-западной Руси: Акты, II, стр. 225—226.

характеръ принимаютъ обличенія Иоанна, когда онъ сравниваетъ эти высшіе классы съ простымъ народомъ. „Не ваши ли милости — восклицаетъ онъ въ другомъ посланіи — алчныхъ оголоднѣете и жадными чините бѣдныхъ подданныхъ, той же образъ Божій, што и вы, носячихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ лупите и зъ гумна стоги и обороги волочите; сами и зъ своими слуговинами ся прекормлюете оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сѣдячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки препущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостми своими пресыщаете, а сироты церковные алчуть и жаждуть, а подданные бѣдные въ своей неволи рочного обходу удовлѣти не могутъ, зъ дѣтми ся стискають, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлого урожая дотягнуть! . . . Не ваши милости ли сами обнажаете изъ оборо конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните, а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите . . . а бѣдные подданные и день и ночь на васъ трудятъ и мучать; которыхъ кровь, силы и праці и подвиги высавши и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрѣфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдниці подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не мають . . .“¹⁾. Горячій темпераментъ обличителя и чрезвычайное богатство его безыскусственного языка находятъ себѣ выраженіе и во многихъ другихъ мѣстахъ произведеній Иоанна. Вотъ еще два примѣра. „Что бо за чинъ въ нашей церквѣ нынѣ на при-

1) Посланіе къ митрополиту и епископамъ Юго-западной Руси: Акты, II, стр. 229—230.

нятье стану духовнаго? — спрашиваетъ онъ въ „Посланіи къ старицѣ Домникии“ — не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесъ катъ, а завтра священникъ; днесъ мучитель, а завтра учитель; днесъ корчмаръ и танцоводецъ, а завтра богословъ и народоводецъ; днесъ убійца, а завтра святитель и епископъ; доднесъ жертвоваль сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ олтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приносить“¹⁾. Наконецъ, вотъ какъ обращается онъ къ обличителю иночества: „Еще еси на войну не выправся, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластоноѣдъ, маслоѣдъ, пироѣдъ; еще еси периноспаль, мяккоспаль, подушкоспаль; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель, еще еси перцолубецъ, шафранолубецъ, имберолубецъ, гвоздиколубецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горко- и сладколюбецъ; еще еси конфактолюбецъ, еще еси чревоѣсеникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ, еще еси дѣтина, еще еси младенецъ, еще еси млекопій. Яко же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матернее дома сидячи, розознати, розсудити?“²⁾.

Міровоззрѣніе Іоанна Вишенскаго отличается замѣчательной цѣльностью. Будучи глубоковѣрующимъ православленнымъ христіаниномъ и убѣжденнымъ сторонникомъ иноческой жизни, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ до мозга костей пропитанъ любовью къ простому русскому народу и жалостью къ его несчастной судьбѣ, когда ему грозила не только потеря исконной вѣры, но и національности подъ натискомъ католической пропаганды и польскихъ культурныхъ вліяній.

1) Архивъ Юго-западной Россіи, ч. I, т. VII, стр. 30—31.

2) Посланіе къ князю Острожскому: Акты, II, стр. 220.

Б. Вопросы просвѣщенія и литературныя явленія Московской Руси въ XVII вѣкѣ.

1.

Нужда въ просвѣщеніи. — Призывъ иностранцевъ съ запада. — Обращеніе къ кievскимъ ученымъ по дѣламъ вѣры и школы. — Катехизисъ Лаврентія Зизанія. — Два направленія среди представителей южно-русской учености и борьба между ними: въ области религіозной и просвѣтительной. — Участіе восточныхъ іерарховъ въ поднятїи московскаго просвѣщенія. — Греческое и латинское направленія въ школьномъ вопросѣ; устройство въ Москвѣ вышшаго училища.

Въ то время какъ Юго-западная Русь, подѣ воздействием Польши и западнаго просвѣщенія, переживала со второй половины XVI вѣка существенныя перемѣны въ своей внутренней жизни, Московская Русь также не могла оставаться вполнѣ отчужденной отъ жизненныхъ и культурныхъ интересовъ Запада. Сначала это вліяніе касалось лишь внѣшней стороны жизни, интересовъ государственныхъ, промышленности и торговли; оно выражалось преимущественно въ призывѣ иностранцевъ. Сношенія съ Западомъ, подобно связямъ съ греками, не были въ кievскую эпоху явленіемъ особенно исключительнымъ, но послѣ татарскаго нашествія они почти совсѣмъ прекратились; Сѣверо-восточная Русь оставалась ему совершенно чуждой и, вырабатывая условія своей политической и гражданской жизни, дошла къ половинѣ XVI вѣка до самыхъ крайнихъ формъ культурной обособленности; въ конечномъ результатѣ такого положенія вещей получалось то своеобразное московское міровоззрѣніе XV—XVI вв., въ силу котораго все дальнѣйшее процвѣтаніе русской жизни усматривалось въ полномъ отчужденіи не только отъ латинскаго запада, но и отъ греческаго востока, и послѣдній годенъ былъ лишь на то, чтобы передать свои культурныя полномочія Москвѣ —

сильной не только своей государственностью, но и своим неповрежденным благочестием. Однако, силою вещей, такое настроеніе не могло отвѣчать всѣмъ потребностямъ двигавшейся впередъ жизни. Возобновленіе призыва иностранцевъ начинается еще съ конца XV вѣка, когда прибытіе невѣсты великаго князя, греческой царевны Софьи, изъ Рима открыло доступъ въ Москву иностраннымъ ученымъ людямъ, художникамъ и мастерамъ; среди нихъ былъ и знаменитый строитель Успенскаго собора Аристотель Фіоравенти. Самъ Иванъ III, путемъ посольствъ къ римскому императору, венгерскому королю, въ Венецію и другія земли, содѣйствовалъ появленію въ Россіи разнаго рода „хитрыхъ“ людей изъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, грековъ и проч.; въ 1490 году выписанъ былъ даже „арганный игрецъ“. Въ первой четверти XVI вѣка количество этихъ иностранцевъ, состоявшихъ на службѣ у московскаго правительства и занимавшихся торговлей, разнаго рода промыслами и мастерствомъ, было столь значительно, что, по свидѣтельству Герберштейна, они составляли въ Москвѣ особую „нѣмецкую“ слободу, являвшую собою наглядное доказательство глубокой отчужденности русскихъ людей отъ этихъ „еретиковъ“-иноземцевъ. При Иванѣ IV приливъ иностранцевъ еще болѣе усилился: по его порученію, въ 1547 году саксонецъ Шлитте набиралъ за границей разныхъ нужныхъ людей въ количествѣ 123 человекъ, но, по проискамъ Ливоніи, былъ задержанъ въ Любекѣ; въ 1556 году царь особой грамотой запретилъ новгородцамъ продавать нѣмецкихъ плѣнниковъ на родину или въ Литву, такъ какъ они нужны были въ московскіе города. Борисъ Годуновъ обнаруживалъ къ иностранцамъ съ запада еще большій интересъ и, убѣжденный въ ихъ культурномъ превосходствѣ, мечталъ о заведеніи при ихъ помощи правильныхъ школъ и даже университета, вызывая этимъ неудовольствіе москвичей, въ тревогѣ жаловавшихся на образъ мыслей царя патриарху Іову.

Вскорѣ обнаружилась на Москвѣ потребность въ пришлыхъ людяхъ также по дѣламъ вѣры и религіознаго просвѣщенія; нужны были люди, способные бороться съ католической и протестантской пропагандой, противъ которой однѣ внѣшнія мѣры предохраненія не были достаточны; нужны были и школы, на отсутствіе которыхъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ нравственно-религіознаго упадка, указывали сами отцы Стоглаваго собора въ серединѣ XVI вѣка. Наконецъ, просвѣщенія требовала и сама жизнь, передъ которой открывались болѣе широкіе горизонты мысли, чувства и практической дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ, обращеніе къ помощи извнѣ представлялось совершенно неизбежнымъ. Ближайшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ источникомъ для удовлетворенія этой потребности въ просвѣщеніи была Юго-западная Русь, связанная съ Москвою этнографическимъ единствомъ, языкомъ и православной вѣрой. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи московскіе люди на первыхъ порахъ обнаружили большую осторожность и недовѣріе къ юго-западнымъ пришельцамъ и ихъ книгамъ, опасаясь проникновенія въ московскую среду „латинской ереси“: къ этому въ ихъ глазахъ подавала поводъ западно-русская школьная наука, шедшая изъ Польши, и сами русскіе ученые дѣятели, возвращавшіеся въ иновѣрной средѣ и подвергавшіеся соблазну измѣны православной вѣрѣ. Характерной иллюстраціей такихъ отношеній московскихъ книжныхъ людей къ южно-русскимъ является эпизодъ съ Катехизисомъ Лаврентія Зизанія въ 1627 году. Извѣстный западно-русскій писатель и проповѣдникъ, участникъ въ изданіи Бесѣды Іоанна Златоуста на Посланія ап. Павла (1623) и составитель славянской грамматики (1596), Лаврентій Зизаній явился также авторомъ Катехизиса. Книга эта была напечатана въ Москвѣ въ 1627 году, но изданіе не было закончено; въ немногихъ сохранившихся экземплярахъ этой книги (К а р а т а е в ъ. Описаніе славянорусскихъ книгъ.

Т. I, стр. 388) нѣтъ ни выходного листа, ни предисловія, ни оглавленія; вслѣдствіе этого, несмотря на категорическое свидѣтельство „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“ (№ 113), фактъ напечатанія этой книги, до отысканія ея печатныхъ экземпляровъ, долгое время находился подъ сомнѣніемъ, и извѣстныя раскольничьи изданія Катехизиса (въ Гроднѣ: 1783. 1787. 1788) считались едѣланными не съ печатнаго изданія, а съ рукописи¹⁾. Однако, будучи напечатаннымъ, изданіе это не было выпущено въ обращеніе. Причиной этого послѣдняго обстоятельства являются именно тѣ сомнѣнія, которыя возникли въ Москвѣ по поводу отдѣльных мѣстъ этой книги; для разсмотрѣнія ихъ назначена была комиссія въ составѣ богоявленскаго игумена „что на Москвѣ, изъ ветошнаго ряду“ Илиіи и справщика Григорія Онисимова. Эти лица должны были говорить съ самимъ авторомъ книги Лаврентіемъ Зизаніемъ, „корецкимъ протопопомъ изъ Литвы“, о тѣхъ „статяхъ“, которыя въ ней „несходны съ русскими и греческими переводы о божествѣ и о воплощеніи и о страсти господни и о всякомъ дѣйствѣ христіанскаго закона“, при чемъ „велено говорити любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ нрава“; мѣстомъ этого диспута назначена была нижняя палата на казенномъ дворѣ; бесѣда велась въ присутствіи боярина князя Ивана Борисовича Черкаскаго и думнаго дьяка Федора Лихачева. До насъ дошелъ протоколъ этой въ высокой степени интересной бесѣды, изъ которой съ полной ясностью можно усмотрѣть не только разницу въ воззрѣніяхъ московскихъ и западно-русскихъ людей по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ церковнаго вѣроученія, но и сквозящее въ этой бесѣдѣ общее недовѣріе въ Москвѣ къ юго-западнымъ пришельцамъ и склонность къ отысканію въ ихъ сужденіяхъ слѣдовъ

1) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1876—1878. М. 1879, стр. 68—69.

увлеченія „латинской мудростью“. Вотъ два характерныхъ мѣста изъ этой бесѣды¹⁾:

О душахъ умершихъ во адѣ: „Да тутъ же у Лаврентія въ книге написанъ вопросъ, въ вопросѣ же написано, вси ли убо во аде во единомъ мѣстѣ пребываютъ крещеніи и некрещеніи. И глаголетъ отвѣтъ Лаврентіевъ: православныхъ христіанъ души которіи съ покаяніемъ умершии въ первомъ адѣ суть, а подъ ними в другомъ мѣстѣ некрещеныхъ души, и мы той отвѣтъ перемѣнили, для того что православнымъ христіаномъ то и надежда вся что послѣднимъ покаяніемъ отъ ада и всѣхъ вѣчныхъ мукъ свободу получаютъ. И написали отъ святыхъ и божественныхъ писаній, како намъ государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ московскій и всея Русіи велѣлъ, что православныхъ христіанъ покаявшихся души во адѣ не бываютъ сведены. Игуменъ Ілія спросилъ Лаврентія: неправо проповѣдуши, и Лаврентій рече: что азъ ино проповѣдую? Мы же пакимъ рехомъ къ нему: о отшедшихъ душахъ православныхъ христіанъ съ покаяніемъ во адѣ сходити проповѣдуеши. Лаврентій рече: вы что речете о отшедшихъ душахъ, иже во всякомъ небреженіи препроводиша житіе свое. Мы же рѣхомъ ему; мы глаголемъ о отшедшихъ душахъ съ чистымъ покаяніемъ, отшедшии отъ насъ души не сходятъ во адѣ, а во адѣ сошедшимъ душамъ безъ покаянія нѣсть исповѣданія, по пророческому реченію: во адѣ же кто исповѣсть ти ся, Господи? Лаврентій рече прямо: оу насъ въ Литвѣ про васъ говоритъ князь, увидиши де Лаврентій какъ московскіе люди о душахъ своихъ мудрствуютъ, а и не вѣдятъ что о нихъ истина. И князь Іоанъ Борисовичъ спросилъ

1) По изданію О. Л. Др. П. № XVII: Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу исправленій Катихизиса Лаврентія Зизанія. Спб. 1878. Ранѣе этотъ документъ былъ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣт. русск. лит. и древности“ кн. IV (1859), отд. 2, стр. 80—100.

протопопа Лаврентія: кой князь то говоритъ? И Лаврентій имя сказалъ, только мы въ то время того имени не вняли. Мы же рѣхомъ ему: что намъ разумѣти умыслы своими? писано о томъ до насъ, Іоаннъ Златоустый и Аѳанасій Александрійскій и Дамаскинскій Іоаннъ и прочіи святіи отцы вси, что съ чистымъ покаяніемъ преставльшихся души православныхъ христіанъ отходятъ въ мѣста свѣтла, въ руцѣ Божіи, идѣже самъ Богъ вѣсть“ (стр. 9—11). И далѣе, въ концѣ этого разговора, отмѣчено: „Лаврентій немало о томъ помысливъ рече: а то нынѣ дошелъ ты мене, а потомъ и я тебе доиду. Мы же къ нему рѣхомъ: доходи, а мы отъ тебе не бежимъ, гонити хотимъ, а которое слово правдою само себе изъяснить, тому паче и вѣровати подобаеть“ (стр. 15). — О греческихъ книгахъ: „Мы же рѣхомъ: оу насъ въ греческихъ переводахъ нѣтъ въ Никифоровыхъ правилѣхъ¹⁾, нѣчто будетъ оу васъ есть нововъведено, и мы тѣхъ новыхъ вводовъ не приедемъ. Лаврентій рече: оу васъ греческихъ правилъ нѣтъ. Мы рѣхомъ; да откуда оу насъ правила есть, аще не отъ грекъ? Лаврентій рече: гдѣ у васъ взялися греческія правила? Мы же паки рѣхомъ: Кипріянь митрополитъ кіевскій и всея Русіи егда приде ис Константина града на рускую митрополію, и тогда съ собой привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка и превел на словенскій языкъ; Божією милостію пребываютъ и до нынѣ безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многіе книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ; а нынѣ къ намъ которые книги выходятъ печатные греческаго же языка и будетъ сойдутся с' старыми переводы, и мы ихъ приедемъ и любимъ, а будетъ въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не приедемъ,

1) Ранѣе шла рѣчь, м. пр., о церковныхъ правилахъ Константинопольскаго патріарха Никифора.

Сангушковичи, Збаражскіе, Александръ Чорторыйскій, Ружинскіе, Свирскіе, Слуцкій, Гедройти, Крошинскій, Лукомскіе, Лукашъ Болко, Соколенскіе и Ярославъ; паны — Ольбрихтъ Ласкій, Воловичи, воеводичъ Виленскій Глѣбовичъ, пани Комаевская, пани воеводиная Витебская¹⁾, Завиши, Зеновьевичи, Остики, Нарбуты и Хребтовичи. Черезъ годъ, 15 апрѣля 1567 года, вновь были разосланы по Великому Княжеству Литовскому военные листы, назначающіе сборъ земскаго войска въ Молодечнѣ на день Седьмой Субботы²⁾. Въ записи разсылки этихъ листовъ находимъ перечень Литовско-Русскихъ повѣтовъ, бискуповъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, урядниковъ, князей, пановъ, владыкъ, старостъ, державцевъ и тивуновъ (Виленскій и Жомотскіе). Князья и паны внесены въ эту запись слѣдующіе: князья — Слуцкій, Деречинскіе, княгиня Иванова Чорторыйскаго, Порыцкіе, Четвертенскіе, Ружинскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Курбскій, Свирскіе, Друцкіе, Лукомскіе и Соколенскіе; паны — Нарбуты, Хребтовичи, Шеметы, Сологубы, воеводичъ Глѣбовичъ, Витебскій воеводичъ³⁾, Влошекъ и Воловичи. Владыки православные названы въ настоящей записи: Владимірскій, Луцкій, Витебскій и Пинскій.

По отношенію къ этимъ записямъ опять долженъ быть поставленъ вопросъ объ ихъ полнотѣ, такъ же какъ и по отношенію къ записямъ разсылки листовъ сеймовыхъ. Кромѣ канцелярскихъ недосмотровъ въ обѣихъ группахъ записей возможно предположеніе и того, что онѣ не были сводкою всѣхъ адресатовъ, которые могли быть записаны отдѣльно въ связи съ обозначеніемъ другихъ лицъ, которымъ была поручена доставка отдѣльныхъ листовъ, или съ обозначеніемъ другого дня, когда эти листы были переданы изъ государственной канцеляріи въ руки назначеннымъ для доставки лицамъ. Если сравнить число князей, пановъ и урядниковъ, которое даютъ

1) Т. е. пани Станиславовая Кпщиная, пани Ганна Радивиловна.

2) „Року [15]67 писаны листы военныя по панѣству его королевское милости Великому Князству Литовскому, складаючи рокъ збранью войска у Молодечне на день Семое Суботы, теперешнего пришлого свята, и розосланы тые листы з Петрикова м[е]с[е]ца апреля 15 дня“. Запись разсылки этихъ листовъ — Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 145—147.

3) Т. е. панъ Кишка (Кищичъ).

разсмотрѣнныя записи разсылки господарскихъ листовъ съ числомъ ихъ, которое даетъ „Попись“ 1567 года, перечисляя ихъ почты, то оно окажется значительно меньше этого послѣдняго¹⁾. Но, думается, что мы въ правѣ сближать уряд-

1) Послѣ перечня почтовъ урядниковъ „Попись“ 1567 года переходитъ къ почтамъ „князей и княжатъ“ Княжества. Имена князей, почты которыхъ вошли въ этотъ отдѣлъ „Пописа“, слѣдующія: 1) князь Иванъ Крошинскій, подкоморій Браславскій, державца Упитскій, 2) князь Петръ Пузына, 3) князь Андрей Михайловичъ Курбскій, 4) княгиня Андреева Одинцевичова, 5) князь Константинъ Ивановичъ Вишневецкій, 6) князь Андрей Вишневецкій, 7) князь Александръ Александровичъ Порыцкій, 8) князь Ярославъ Матвѣевичъ Микитинича, 9) князь Александръ Александровичъ Вишневецкій, 10) князь Михайло Масалскій, 11) князь Ѳеодоръ Полубенскій, 12) князь Иванъ Ѳеодоровичъ Масалскій, судья земскій Городенскій, 13) князь Владиславъ Збаражскій, 14) княгиня Ивановая Чорторыйская, княгиня Ганна Кузминичовна Жославскаго, 15) князь Миколай Андреевичъ Збаражскій, староста Кремянецкій, 16) княгиня Дорота Никодымовна, княгиня Ивановая Васильевича Жилинская, 17) князь Александръ Ивановичъ Полубенскій, державца Волмерскій, ротмистръ короля его милости, 18) князь Левъ Сендюшковичъ Коширскій, 19) князь Юрій Андреевичъ Збаражскій, 20) князь Богущъ Корецкій, староста Браславскій и Вѣницкій. Сумма почтовъ князей показана „Пописомъ“ 1567 года: 1162 коня и 489 драбовъ. Далѣе отдѣльно идутъ князья Друцкіе и Лукомскіе (князь Тимоѳей Соколенскій; князь Павелъ Соколинскій; князь Богданъ Соколинскій; князь Андрейянь Соколинскій; князь Богданъ Озеричскій; панъ Сопега, воеводичъ Подляшскій съ имѣній по женѣ; панъ Малхеръ Носиловскій съ имѣнія по женѣ; панъ Григорей Подбережскій со своего имѣнія Подберезья и съ Зеремца). Всего князья Лукомскіе („зо всихъ именей и приселковъ своихъ“) ставятъ 67 коней и 34 драба. Сумма почтовъ князей Друцкихъ и Лукомскихъ: 134 коня и 68 драбовъ. Далѣе идутъ „князи Кгедройтскіе“. Послѣ этого заголовка стоитъ: „въ повѣте Виленскомъ, але писалися и становилися особливие повѣту Виленского“. Тутъ рядъ лицъ (не князей; послѣдній — „князь Миколай Мицко — самъ служитъ князю бискупу Виленскому, з ымѣнъя своего з Кгедройтского выслалъ слугъ и ставилъ кони 2 збройно . . . , слuze имя Щастный“). Сумма почтовъ съ земель князей Кгедройтскихъ: „коней 114, межн которыми пѣшый 1, а драбовъ 22“. Далѣе идутъ въ „Попись“ 1567 года „почты паницкіе“. Тутъ названы слѣдующіе паны: 1) панъ Беньашъ Воловичъ, державца Воложинскій, 2) панъ Миколай Юрьевичъ Волчкевичъ, 3) панъ Станиславъ Скиндеръ, 4) Янь и Станиславъ Яновичи Зеновьевичи, 5) пани Оникеева Горностаева, пани Богдана Хребтовна, 6) панъ Василей Хребтовичъ, 7) панъ Станиславъ Сологубъ, подкоморій Минскій, 8) панъ Лукашъ Сологубъ, 9) пани Петрова Хребтовичова Настасья, княжна Чорторыйская, 10) панъ Жигимонтъ Сологубъ (самъ служитъ пану воеводѣ Виленскому),

никовъ земскихъ и дворныхъ, пановъ и князей обоихъ видовъ записей и предполагать, что имена ихъ были одни и тѣ же въ спискахъ адресатовъ господарскихъ листовъ, и предсеймовыхъ, и военныхъ. Земская военная служба въ повѣтовомъ строѣ напоминала о прежнемъ особомъ отъ

11) панъ Иванъ Горностай, воеводичъ Новгородскій, 12) пани Мартиновая Петьковича Олена Венславовна Сирутевна, 13) пани Ивановая Хребтовичовая Магдалена Скумивовна, 14) панъ Янъ Сологубъ (самъ служить князю воеводѣ Троцкому), 15) панъ Станиславъ Николаевичъ Ондрешевичъ, сынъ конюшія дворнаго, 16) панъ Ленартъ Яновичъ Клочко, 17) панъ Малхеръ Завиша, 18) панъ Миколай Скиндеръ, 19) панъ Малхеръ Сновскій, судья Новгородскій, и панъ Иванъ Есманъ съ опеки „именей небожчика пана Станислава Глебовича, которые дети и именья они въ опеце своей держать, съ тыхъ имѣней ставили почоть“, 20) панъ Богданъ Теодоровичъ Сопега, 21) пани Яновая Комаевская, маршалковая господарская, старостинная Ковенская, пани Крystина Глѣбовна, 22) пани Станиславовая Кмитиная, дочка пани Комаевской, 23) панъ Миколай Волскій, державца Ожскій и Переломскій, 24) панъ Филипъ Шимковичъ, 25) панъ Миколай Лысаковскій, каштелянъ Лысаковскій „з ымѣней, которые по смерти жоны свое, кнегини Богдановое Соломирецкое въ опеце своей держить“, 26) панъ Матей Клочко Подоройскій, 27) панъ Каспоръ Юрьевичъ Сологубъ, 28) панъ Иванъ Ивановичъ Лядскій, лѣсничій Подляшскій, 29) панъ Миколай Павловичъ Юндиль, 30) панъ Малхеръ Юндиль, 31) пани Григорьева Остикова, пани Ядвига Носилowska, 32) панъ Андрей Матеевичъ Юндиль, 33) панъ Ярошъ Снявскій, подкоморій Каменецкій, 34) панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, державца Острынскій, 35) панъ Миколай Синявскій, воеводичъ Русскій, староста Стрийскій „з ымѣней своихъ“ (въ повѣтахъ Браславскомъ и Городенскомъ), 36) панъ Михалъ Дялынскій „з ымѣней малжонки своее, кнегини бывшое Пронское“, 37) панъ Малхеръ Космовскій, подкоморій Кіевскій, 38) панъ Богданъ Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородскій, 39) панъ Миколай Юрьевичъ Зеновьевича, 40) панъ Станиславъ Юрьевичъ Зеновьевича, 41) панъ Григорей Остикъ, 42) панъ Остафей Иваловичъ Горностай, воеводичъ Новгородскій, 43) панъ Станиславъ Немира, 44) панъ Станиславъ Яновичъ Клочко, 45) панъ Войтехъ Войтеховичъ Нарбуць, 46) панъ Павелъ Сновскій, 47) панъ Станиславъ Николаевичъ Нарбуць, воеводичъ Подляшскій, 48) панъ Матушъ Нарбуць, 49) панъ Размусъ Довгирдь, „судья земли Троцкое“, 50) пани Николаева Остикова Ганна, княжна Любецкая, 51) панъ Юрій Ильиничъ, „кграбя на Миру, самъ будучи на службе цесара хрестьянского, черезъ служебника своего Павла Кавечинского а другого Мокгильницкого оказалъ почту з ымѣней своихъ, то есть — з Мира въ повѣте Новгородскомъ . . .“, 52) панъ Доменикъ Паць, подкоморій Берестейскій, 53) панъ Янъ Глѣбовичъ, воеводичъ Виленскій. „Сумою всихъ почтовъ панецкихъ вышей описаныхъ“ — 1243 коня и 699 драбовъ.

рядовой шляхты положеніи стоявшихъ надъ нею князей, пановъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, сохранивъ за ними право выставять свои почты отдѣльно отъ шляхетскихъ повѣтовъ. Такимъ же воспоминаніемъ стараго значенія этихъ лицъ было и полученіе ими особыхъ отъ повѣта господарскихъ листовъ передъ сеймами и предсеймовыми сеймиками. Естественно думать, что въ спискахъ отдѣльныхъ лицъ, получающихъ лично военные и сеймовые листы, должны были стоять одни и тѣ же имена. Но эти лица и даже цѣлые ихъ роды не могли въ такихъ спискахъ оставаться постоянно. Уряды отъ однихъ лицъ переходили къ другимъ; княжескіе и панскіе роды мельчали, и ихъ представители нерѣдко сливались съ повѣтровою шляхтою всецѣло¹⁾; съ другой стороны, въ рядахъ самой повѣтровой шляхты, теперь обладавшей равнымъ съ ними панствомъ, выдѣлялись экономически сильныя лица и фамиліи, которыя оказывались въ дѣйствительности такими же „можными“ или даже еще „можнѣе“ представителей старыхъ княжескихъ и панскихъ родовъ. „Старина“ должна была сталкиваться съ дѣйствительностью, и долженъ былъ требоваться время отъ времени пересмотръ списковъ лицъ, которыя сохраняли почетное право личнаго обращенія къ нимъ господаря съ приглашеніемъ исполнить ихъ обще-шляхетскую обязанность по отправленію военной земской службы или по сеймикованью. Такимъ пересмотромъ сразу послѣ реформы 1565—1566 годовъ мы склонны считать списокъ адресатовъ для господарскихъ листовъ, внесенный безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими записями книги въ IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской²⁾. Вотъ этотъ списокъ —

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 255—266.

2) Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 160—163. Передъ этою записью въ книгѣ находится „Листъ до владу замку Новгородского о неслухномъ суженью князя Лукаша Болеславовича Свирского съ паномъ Миколаемъ Служкою и малжонкою его о некоторые шкоды“, датированный 5 января 1569 года (л. л. 157—159 об.). Послѣ нашего списка въ книгѣ находится текстъ листа „До старосты Городеньского о сланю овса и сена до Кнышына“ подъ датю 14 января 1569 года (л. л. 163—164). Далѣе слѣдуютъ также записи документовъ 1569 года.

„Тытулы пановъ радъ ихъ милости.

Князю Валерыяну, бискупу Виленскому.

Князю Юрю Юревичу Слуцкому.

Князю Викторыну Вербицькому, бискупу Луцкому.

Князю Юрю Петъкевичу, бискупу Жомоитъскому.

Князю Николаю Пацу, бискупу Кіевъскому.

Воеводе Виленскому, канцлеру Великого Князства Литовского, старосте Мозырскому, Лидъскому, Борысовскому, пану Николаю Радивилу.

Пану Виленъскому, гетману навышшому Великого Князства Литовского, старосте Городенскому и Могилевъскому, пану Грыгору Александровичу Ходкевича.

Воеводе Троцкому, князю Стефану Андреевичу Збаразъскому.

Пану Троцкому, старосте Белскому, пану Юрю Александровичу Ходкевича.

Старосте Жомоитъскому, маршалъку земъскому Великого Князства Литовского, администратору и гетману земъли Ифлянтское, старосте Ковенскому, державцы Плотелскому и Телшовъскому, пану Яну Ходкевичу.

Воеводе Кіевскому, маршалъку земъли Волинское, старосте Володимерскому, князю [Костентину] Костенътиновичу Острозъскому.

Воеводе земъли Волинское, князю Александру Федоровичу Чорторыскому.

Воеводе Новъгородъскому, пану Павлу Ивановичу Сопезе.

Воеводе Витебъскому, пану Станиславу Пацу.

Воеводе Подляскому, старосте Менскому и Пинскому, державцы Лысковскому, Межырецкому и Яинъскому, пану Василю Тишъкевичу.

Воеводе Берестейскому, державцы Волковыскому, пану Юрю Василевичу Тишкевичу.

Воеводе Браславскому, старосте Жытомерскому и Речыцкому, князю Роману Федоровичу Санкгушъку.

Воеводе Мстиславъскому, старосте Браславскому, пану Юрю Остику.

Воеводе Менскому, державцы Каменецкому, пану Гаврылу Горностаю.

Старосте Луцкому, Браславському и Веницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому.

Кашталяны.

Кашталяну Кіевському, старосте Любецкому, пану Павлу Ивановичу Сопезе.

Кашталяну Луцкому, князю Андрею Ивановичу Вишневецкому.

Кашталяну Подъяльскому, пану Грыгору Трызьне.

Кашталяну Берестейскому, державцы Трабському и Красноселскому, пану Яну Миколаевичу Гайку.

Кашталяну Браславському,¹⁾.

Кашталяну земли Полоцкое, старосте Лепълскому, Чычерскому и Пропойскому, пану Юрю Зинововичу.

Кашталяну земљи Жомойтское, тивуну волости Бержынское, пану Малхеру Шемету.

Кашталяну Новгородскому, старосте Слонимскому, пану Грыгору Воловичу.

Кашталяну Витебському, державцы Дорсунишскому²⁾, пану Павлу Пацу.

Кашталяну и старосте Мъстиславскому, князю Ивану Соломирицкому.

Кашталяну Менскому, старосте Дынеборскому, пану Миколаю Тальвошу.

Подканцлерому Великого Князства Литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскому и Кобрынскому, пану Остафею Воловичу.

Подскарбему земьскому Великого Князства Литовского, писару нашему, державцы Марковському, Мяделскому, Ушполскому и Пенянскому, пану Миколаю Нарушевичу.

Врадники земьскіе и дворные.

Подчашому Великого Князства Литовского, старосте Дорогицкому, пану Миколаю Кишце Техоновському.

Крайчому нашему Великого Князства Литовского, пану Крыштофу Радивилу.

1) Въ оригиналь чистое мѣсто.

2) Въ оригиналь: „Дорсулинскому“.

Стольнику нашему Великого Князства Литовского, [державцы] Веленскому и Бойсакголскому, тивуну Кгондынскому, пану Миколаю Дорогостайскому.

Подскарбему дворному, писару нашему, державцы Квасовскому, Красницкому и Индурскому, пану Лаврыну Войне.

Мечному нашему Великого Князства Литовского, . . .¹⁾

Чашнику нашему Великого Князства Литовского, державцы Скерстомонскому и Росенскому, пану Матею Петковичу.

Хоружому земскому Великого Князства Литовского . . .²⁾

Хоружому дворному Великого Князства Литовского . . .³⁾

М а р ш а л к и.

До пана Шымковича.

До пана Петра Загоровского.

До пана Миколая Сопеги.

До пана Островицкого.

До пана Ивана Воловича.

До пана Яна Волгч[к]а.

До князя Ярослава.

До пана Владыки.

До пана Каленицкого.

До пана Ела.

До пана Адама Косинского.

До пана Олизара Кирдея⁴⁾ Мылского.

До князя Лукаша Свирского.

До князя Януша Свирского.

До пана Малхера Сновского.

До пана Василья Загоровского.

До пана Александра Вагановского.

До князя Пузыны.

До старость и державецъ.

До старосты Мелницкого и Мъстибоговского.

До князя Крошинского, подкоморого Браславского.

1) Въ оригиналь чистое мѣсто.

2) Также.

3) Также.

4) Въ оригиналь: „кирдея“.

До старосты Кремяницкого.
 До державцы Ясвенського.
 До тивуна Виленского.
 До тивуна Троцкого.
 До державцы Любошанского.

До Жомонти.

До тивуна Шовъдовського.
 До тивуна Вешъвенского.
 До тивуна Ужъвенского.
 До тивуна Поюрского.
 До тивуна Тверского.
 До тивуна Ретовського.
 До тивуна Ойракогоского.
 До тивуна Берженского.
 До тивуна Бержынянского.
 До тивуна Дирвяньского.
 До тивуна Дирвяньского.
 До тивуна Кгондынского.
 До тивуна Коршовського.

Поветы.

Виленскій, Ошъменскій, Вилкомерскій, Браславскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитскій, Кіевскій, Мозырскій, Луцкій, Володимерскій, Кремяницкій, Новгородскій, Слонимскій, Волковыскій, Витебскій, Оршанскій, Дорогицкій, Мелницкій, Белскій, Берестейскій, Пинскій, Мъстиславскій, Браславскій - Венецкій, Менскій, Речыцкій¹⁾.

До княжатъ и панятъ.

До князей Санкгушъковичовъ.
 До князей Ружынскихъ.
 До князей Збаражъскихъ.

1) Въ оригиналѣ этотъ списокъ повѣтовъ написанъ такимъ образомъ: слова „виленскій“ и „ошъменскій“ написаны каждое на отдѣльной строкѣ, имена остальныхъ повѣтовъ написаны слошъ на нѣсколькихъ строкахъ, причемъ слова другъ отъ друга отдѣлены вертикальными чертами.

До князей Вишневецкихъ.
 До князей Четвертинскихъ.
 До князей Друцкихъ.
 До князей Соколинскихъ.
 До князей Лукомскихъ.
 До князей Масальскихъ.
 До князей Деречынскихъ.
 До всихъ пановъ Хребтовичовъ.
 До всихъ пановъ Шеметовъ.
 До пановъ Сологубовъ.
 До пановъ Нарбутовъ¹⁾.

До вдовъ.

До пани воеводиное Витебское.
 До старостиное Ковенское“.

Составленіе настоящаго списка въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго нужно датировать 1569-мъ годомъ, но до заключенія Люблинской Уніи. Основаніемъ для этого является изученіе состава лицъ, имъ обозначенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы имѣемъ въ этомъ списокѣ названнымъ дворнымъ подскарбіемъ Великаго Княжества Литовскаго пана Лаврина Войну, получившаго этотъ урядъ 19 января 1569 года²⁾, а съ другой — въ числѣ урядниковъ Княжества обозначены воеводы и каштеляны воеводства, оторванныхъ на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ. Къ этому можетъ быть добавлено

1) Между строками, занятыми этими словами, и строкой со словами „до пановъ сологубовъ“ въ оригиналь находятся двѣ строки еще. На одной изъ нихъ написано: „до князей полтевовъ“; на другой — „до князей горскихъ.“ Но эти двѣ строки написаны другими, болѣе блѣдными чернилами и почеркомъ, явно поддѣлывающимся подъ почеркъ, которымъ писана вся записъ. Это заставило насъ опустить эти двѣ строки въ текстъ.

2) См. J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 191. См. выписку изъ привилея Лаврину Войнѣ на подскарбство и дату этого привилея у М. К. Любавскаго — Литовско-Русскій сеймъ, стр. 341.

и то, что въ IX-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики настоящій списокъ находится между записями самаго начала 1569 года¹⁾. Наконецъ, его составленіе представляется особенно своевременнымъ въ началѣ 1569 года и потому, что въ это время Литовско-Русское государство, приступая къ рѣшительнымъ переговорамъ съ Польшею объ Уніи, должно было стараться опредѣленнѣе обозначить свой строй и внутренніе порядки, которые оно отстаивало въ этихъ переговорахъ. Въ виду этихъ соображеній мы и рѣшились бы считать приведенный выше списокъ спискомъ адресатовъ, которымъ должны были разсылаться и господарскіе листы передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками.

Обратимся теперь къ изученію господарскаго посольства на предсеймовые повѣтовые сеймики. Мы должны разсмотрѣть составъ господарскихъ пословъ и документы, которые для нихъ изготовлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго.

На сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года въ Литовско-Русскіе повѣты были отправлены господарскими послами слѣдующія лица: въ Минскій повѣтъ — панъ Станиславъ Сологубъ, въ Новгородскій — панъ Головня, въ Слонимскій — панъ Нарбутъ, въ Оршанскій — Стравинскій, въ Витебскій — князь Павелъ Соколенскій, въ Мстиславскій — панъ Суходолскій, въ Лидскій — князь Янъ Болко, въ Кіевскій — Теодоръ Балакирь, въ Троцкій — панъ Андрей Держко, въ землю Полоцкую — князь Балтазаръ Лукомскій, въ Городенскій повѣтъ — панъ Иванъ Воловичъ, въ Браславскій и Вѣницкій — Андрей Садовскій, въ Упитскій — князь Крошинскій, въ Ковенскій — Дявилтовскій, во Владимірскаго — панъ Загоровскій, въ Вилькомирскій — Иванъ Евтикъ, въ Виленскій — листы взялъ панъ подскарбій²⁾, въ Опшменскій — Агрипа, въ Луцкій — панъ Иванъ Чапличъ, въ Волковыяскій — хоружій Пукшта³⁾, въ Браслав-

1) См. выше, стр. 340, прим. 2.

2) Т. е., конечно, подскарбій земскій.

3) Въ оригиналъ стоятъ: „Шумшта“. Эта описка не исправлена въ изданіи Н. А. Максимейка (Сеймы Литовско-Русскаго государства, Приложенія, стр. 155). Читать, конечно, нужно „Пукшта“. Именно его называетъ Волковыяскимъ хоружимъ „Списанье поветовъ Великаго

скій — князь Андрей Масальскій, въ Кремянецкій — Олекшѣй Белецкій, въ Дорогицкій — панъ Матысь Савицкій, въ Мельницкій — панъ Суходольскій, референдарь. Повѣты Бѣльскій и Пинскій названы въ этомъ спискѣ, но не названы послы, которые въ нихъ отправляются. Надо думать, что и слова этой записи „до повету Виленского панъ подскарбій самъ листы взялъ“ нужно понимать не какъ обозначеніе земскаго подскарбія¹⁾, пана Остафія Воловича, посломъ на Виленскій повѣтовый сеймикъ, а какъ указаніе на то, что онъ взялъ съ собою посольскіе документы, чтобы передать ихъ затѣмъ лицу, которому поручить это посольство: его положеніе раднаго пана едва ли легко совмѣстимо съ назначеніемъ господарскимъ посломъ на сеймикъ, хотя бы и первый послѣ утвержденія этого вида шляхетскихъ собраній, притомъ собирающійся въ „столечномъ мѣстѣ“ Великаго Княжества Литовскаго. Въ этомъ спискѣ имѣемъ лишь двадцать шесть вмѣсто тридцати Литовско-Русскихъ повѣтовъ²⁾, что указываетъ на нѣкоторую неполноту этого списка.

Послами на предсеймовые повѣтовые сеймики, созданные на 3 ноября 1566 года, были: въ Оршанскій повѣтъ — панъ Андрей Пугачъ, въ Минскій — панъ Мартинъ Володковичъ, въ Новгородскій — панъ Ѳеодоръ Юрята, въ Бѣльскій — панъ Криковичъ, въ Слонимскій — панъ Михайло Воловичъ, въ Дорогицкій — панъ Суходольскій, референдарь, въ Витебскій — князь Павелъ Соколенскій, въ Мстиславскій — Богушъ Олексѣевичъ, въ Мельницкій — Александръ Гинца, въ Луцкій — панъ Иванъ Чапличъ, въ Кремянецкій — панъ Иванъ Патрикей, во Владимірскій — панъ Семашко, въ Мозырскій — Ѳеодоръ Балакирь, въ Кіевскій — Ѳеодоръ Тиша, въ Пинскій — Степанъ Григоревичъ, въ Городенскій — панъ Иванъ Макаровичъ, въ Ковенскій — панъ Млечко, въ Опшменскій — панъ Миколай Конча, въ Упитскій — князь Крошинскій, въ повѣтъ Браслава Литовскаго —

Князства Литовскаго и вридниковъ въ нихъ“, находящееся на л. л. 197 об. — 203 об. книги VII Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики (издано М. К. Любавскимъ — Литовско-Русскій сеймъ, Приложенія, № 79).

1) Урядъ дворнаго подскарбія былъ въ это время вакантенъ. См. J. Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 191.

2) Пропущены: земля Жомойтская, повѣты Мозырскій, Берестейскій и Рѣчицкій.

пань Иванъ Баса, въ Лидскій — пань Волчко, маршалокъ¹⁾, въ Виленскій — князь Янъ или князь Лукашь Болько, въ Троцкій — пань Завиша или пань Держко. Въ повѣтъ Браславскій долженъ выбрать посла Браславскій воевода, въ землю Жомойтскую его выбираетъ Жомойтскій староста. Что касается земли Полоцкой, то „до пана Полоцкого послана справа соймовая“, т. е. Полоцкому каштеляну, управлявшему этою землею во время пребыванія ея воеводы въ Московскомъ плѣну, были посланы цѣликомъ всѣ документы для его повѣта передъ предстоящими сеймиками, и онъ самъ долженъ былъ на мѣстѣ распорядиться какъ ихъ разборомъ, опубликованіемъ и доставкою, такъ и назначеніемъ господарскаго посла на сеймикъ Полоцкаго повѣта. И этотъ списокъ повѣтовъ и пословъ на ихъ сеймики не можетъ быть признанъ полнымъ. Пропущены опять четыре повѣта²⁾, какъ и въ предыдущемъ.

Слѣдующимъ спискомъ господарскихъ пословъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи, является ихъ перечень въ актахъ по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ Воинскимъ съѣздомъ 1568 года, съ котораго представители Великаго Княжества Литовскаго должны были отправиться на Люблинскій сеймъ 1568—1569 годовъ. Въ этомъ спискѣ названы слѣдующія лица какъ господарскіе послы на сеймики: въ Виленскій повѣтъ — Миколай Коризна, каноникъ Виленскій, въ Троцкій — князь Петръ Жижемскій, въ Кіевскій — Лазарь Иваницкій, въ Ковенскій — Янъ Млечко, писарь земскій Ковенскій, въ Упитскій — князь Крошинскій, въ Дорогицкій — Себестьянъ Суходольскій, въ Бѣльскій — Каспоръ Ириковичъ, подкоморій Мельницкій, въ Берестейскій — Адамъ Патей, писарь земскій Берестейскій, въ Городенскій — Юрій Быковскій, въ Мозырскій — Теодоръ Балакирь, писарь земскій Мозырскій, въ Луцкій — пань Александръ Семашко, подкоморій Владимірскій, въ Волковыйскій — Василей Дюка, въ землю Жомойтскую — Войтехъ Дявилтовскій, въ Слонимскій повѣтъ — Иванъ Есманъ, въ Мельницкій — Нетецкій, въ Пинскій — мостовничій

1) Т. е. маршалокъ Лидскій Янъ Волчекъ. См. „Списанье поветовъ Великаго Княжства Литовскаго и вриадниковъ въ нихъ“.

2) Повѣты Вилькомирскій, Волковыйскій, Берестейскій и Рѣчицкій.

Степанъ 1), въ Рѣчицкій — Ѳеодоръ Солтанъ, въ землю Полоцкую — князь Богданъ Соколинскій, въ повѣтъ Бра-славля Подольскаго — Василей Коледа, въ Минскій повѣтъ — Давыдъ Есманъ, въ Оршанскій — Богушъ Селицкій, ротмистръ Оршанскій, въ Мстиславскій — Бобоѣдъ, рот-мистръ Мстиславскій, въ Новгородскій — Богушъ Овсяный, въ Витебскій — Тимоѳей Гурко. Этотъ списокъ повѣтовъ еще короче двухъ предыдущихъ. Въ немъ имѣемъ обозна-ченными лишь двадцать три повѣта вмѣсто тридцати, об-щаго числа повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго 2).

Наконецъ, для сеймиковъ 1569 года Литовская Метрика сохранила слѣдующій списокъ господарскихъ пословъ: въ Городенскій повѣтъ — панъ Григорій Война, въ Слоним-скій — князь Иванъ Полубенскій, въ землю Жомойтскую — Иванъ Илговскій, тивунъ Вешвенскій, въ Ковенскій повѣтъ — Борейша, писарь гродскій, въ Новгородскій — панъ Андрей или Головня, въ Минскій — Мартинъ Володковичъ 3), въ Оршанскій — Воропай, писарь Оршанскій, въ Витебскій — Тимоѳей Гурко, въ Мстиславскій — городничій Радомскій, въ Пинскій — Куренецкій, въ Мозырскій — Балакирь, пи-сарь 4), въ Рѣчицкій — панъ Богданъ Солтанъ, въ Кіевскій — Дѣвочка. Сверхъ того настоящая записъ Литовской Метрики говоритъ, что въ Виленскій, Троцкій и Упитскій повѣты господарскихъ пословъ на сеймики выберетъ под-скарбій земскій. Этотъ списокъ является самымъ короткимъ изъ приведенныхъ нами. Въ немъ обозначены всего шест-надцать повѣтовъ. Если выкинуть восемь повѣтовъ, оттор-

1) Т. е. мостовничій Пинскій. См. списокъ повѣтовыхъ бирчихъ, избранныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ — М. К. Люба-в-скій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 692—693, прим. 391.

2) Пропущены повѣты: Ошменскій, Вилькомирскій, Браславскій, Лидскій, Владимірскій, Кремянецкій и Новгородскій.

3) Въ изданіи М. К. Любавскаго (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 221, послѣдняя строка) пропускъ. Послѣ словъ „листь верущій послу“ согласно съ оригиналомъ должно быть: „и инструкъцея; до хору-жого дворного; до Мартына Володковича, абы посломъ былъ. Фасты-куль листовъ до враду Оршаньскаго — въ которомъ листъ до обовате-лей того повету, листъ верущій послу, инструкъция, листъ до князей Лу-комьскихъ, листъ до писара Оршаньскаго Воропая, абы посломъ былъ“.

4) Т. е. земскій писарь Мозырскій. См. выше.

гнутыхъ на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ¹⁾, то и въ такомъ случаѣ не хватаетъ шести до полного числа повѣтовъ, оставшихся въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго²⁾. Однако повѣтъ Кіевскій названъ въ этомъ перечнѣ, и этимъ отнимается возможность, по крайней мѣрѣ, полного принятія предположенія о совершенно сознательномъ пропускѣ составителями или переписчикомъ этого списка оторванныхъ къ Польшѣ повѣтовъ.

Несмотря на свою неполноту, приведенные списки господарскихъ пословъ на предсеймовые сеймики въ первые годы ихъ существованія позволяютъ сдѣлать нѣсколько выводовъ для характеристики состава этихъ пословъ и способовъ ихъ назначенія. Лица, отправлявшіяся господарскими послами на повѣтовые сеймики, какъ показываютъ ихъ списки, были людьми, которые по своему общественному положенію стояли выше шляхетской массы повѣтовъ. Въ числѣ этихъ лицъ встрѣчаемъ не только представителей довольно видныхъ княжескихъ и панскихъ домовъ, какъ Соколинскихъ, Крошинскихъ, Воловичей, Сологубовъ, но и крупныхъ урядниковъ, какъ подкоморіевъ и даже маршалковъ. Господарскими послами въ повѣты разсматриваемые списки называютъ и повѣтовыхъ урядниковъ соответствующихъ повѣтовъ, которые, какъ и многіе другіе изъ названныхъ списками господарскихъ пословъ, должны были присутствовать на этихъ сеймикахъ въ качествѣ членовъ тѣхъ самыхъ шляхетскихъ повѣтовъ, въ сеймиковыя собранія которыхъ они являлись съ господарскимъ посольствомъ. Такимъ образомъ, на рядѣ сеймиковъ господарскіе послы являлись съ двоякимъ значеніемъ: господарскаго представителя и члена шляхетской корпораціи повѣта. Не исключена была возможность назначенія господарскимъ посломъ на повѣтовый сеймикъ и для духовныхъ лицъ: въ числѣ пословъ мы видѣли выше Виленскаго каноника Миколая Коризну.

Продолжая дальше наши наблюденія надъ четырьмя списками господарскихъ пословъ, мы отмѣчаемъ повторяемость порученій посольства однимъ и тѣмъ же лицамъ,

1) См. выше, стр. 76.

2) Пропущены повѣты: Ошменскій, Лидскій, Вилькомырскій, Браславскій, Полоцкій, Волковыскій и Берестейскій.

рядомъ со смѣною другихъ пословъ. Такъ, князь Крошинскій былъ отправленъ въ качествѣ господарскаго посла на Упитскій сеймикъ трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ созывовъ; панъ Млечко, Иванъ Чапличъ, князь Павелъ Соколинскій и Тимоѳей Гурко по два раза подрядъ выступали господарскими послами на сеймикахъ однихъ и тѣхъ же повѣтовъ. Теодоръ Балакирь, земскій писарь Мозырскій, весною 1566 года былъ господарскимъ посломъ на Кіевскомъ сеймикѣ, а 3 ноября 1566 года, 28 марта 1568 года и 10 мая 1569 года — на сеймикѣ Мозырскомъ. Уже этихъ примѣровъ, а списки ихъ даютъ еще больше, достаточно, чтобы подмѣтить наличность ряда лицъ, которыхъ центральная власть постоянно имѣла въ виду для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ на предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймикахъ. Кромѣ того разсмотрѣнные списки обнаруживаютъ еще два явленія въ практикѣ назначенія господарскихъ пословъ на сеймики. Первое изъ нихъ — колебаніе центральной власти въ назначеніи господарскихъ пословъ. Примѣръ такого колебанія имѣемъ хотя бы въ спискѣ пословъ на ноябрьскіе сеймики 1566 года: посломъ въ Троцкій повѣтъ назначается или панъ Завиша, или панъ Деряко. По тѣмъ или другимъ основаніямъ въ моментъ составленія списковъ пословъ вопросъ о послѣ на Троцкій сеймикъ рѣшенъ не былъ, и онъ долженъ былъ разрѣшиться уже нѣсколько позднѣе. На сеймики 1569 года пословъ въ нѣсколько повѣтовъ долженъ былъ еще выбрать земскій подскарбій, уже послѣ того, какъ былъ готовъ ихъ списокъ для другихъ повѣтовъ. Наконецъ, замѣчается и передача дѣла назначенія господарскихъ пословъ въ отдѣльныхъ случаяхъ властью центральною въ руки власти областной — мы видѣли выше рядъ примѣровъ, когда назначить господарскихъ пословъ поручалось соотвѣтствующимъ воеводамъ и старостѣ Жомойтскому. Какъ увидимъ ниже, постановка дѣла по отношенію къ выработкѣ текста инструкцій господарскимъ посламъ на сеймики и обнаруживаемая изученіемъ этихъ инструкцій тенденція ограниченія значенія личности пословъ дѣлали для центральной власти возможной безъ слишкомъ большихъ колебаній передачу права назначенія господарскихъ пословъ на сеймики въ руки власти областной, которая, стоя ближе къ повѣто-

вой шляхтѣ, могла тѣмъ скорѣе и, быть можетъ, удачнѣе подобрать подходящихъ лицъ для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ своей мѣстности.

Теперь перейдемъ къ знакомству съ содержаніемъ инструкцій, которыя давались господарскимъ посламъ на предсеймовые повѣтовые сеймики эпохи до заключенія Люблинской Уніи. Названіе документовъ этого рода — „инструкція“ или „наука“ послу. Оба слова, латинское и русское, однозначущи въ своемъ значеніи, и примѣненіе ихъ для обозначенія одного и того же вида документовъ встрѣчаемъ постоянно¹⁾. Иногда къ слову „наука“ прибавляется языкомъ источниковъ слово „злецене“, т. е. порученіе: напримѣръ, „наука и злецене з розказанья его королевское милости посельства на соймикъ поветовый Мельницікій“.

Инструкціей господарскимъ посламъ на весенніе сеймики 1566 года предписывается господарскому послу, пріѣхавъ въ центръ повѣта, „на мѣстце, на часъ и день, тому соймнику поветовому зложоній“, прежде всего „ознайти“ панамъ-радѣ, которые тамъ будутъ, а также урядникамъ „земьскимъ и судовымъ того повету о посланьи своемъ“ отъ господаря. Это посоль, очевидно, долженъ сдѣлать еще до открытія сеймика. Когда всѣ сеймикующіе соберутся на мѣсто сеймикованья, посоль „въ собранью всихъ становъ“ долженъ передать отъ великаго князя панамъ-радѣ „ласкавое поздоровеньє“, а остальнымъ станамъ рыцарства, т. е.

1) Слово „наука“ въ значеніи инструкціи или указанія хорошо извѣстно Литовско-Русскимъ актамъ и употребляется ими для обозначенія инструкцій и указаній не только официальной власти, но и частныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, въ одной записи Жомойтскаго земскаго суда читаемъ: „если з науки и з направи его, Балтроя, . . . о грабежъ, въ позве поменены, светчили?“ (Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 150, № 706). Въ случаѣ затрудненій власти обращаются къ господарю, „просечи о науку“ — какъ имъ должно поступить (ср. А. Вил. XXIV, стр. 222). Какъ примѣръ употребленія слова „наука“ въ общемъ значеніи инструкцій актами, исходящими отъ верховной власти, приведемъ хотя бы слѣдующій заголовокъ документа, внесеннаго въ книгу Литовской Метрики: „Наука его королевское милости маршалку г[о]с[т]ро[в]с[к]ому, князю Янушу Болеславовичу Свирскому, для выведанія о людехъ свольныхъ, которые купцовъ цесара Турецкаго погромили, посланому“ (Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 176—176 об. Дата: Люблинь, 4 февраля 1569 года).

шляхты, „ласку его милости г[о]с[по]д[а]рскую“. При этомъ онъ представляеть удостовѣреніе своего посольства, „листъ веручи его кролевьское милости“. Этимъ, очевидно, и открываются собраніе повѣтоваго сеймика и его занятія. Затѣмъ посоль „преложити маеть“, что великій князь на прошломъ Виленскомъ вальномъ сеймѣ „позволити рачиль и соймики мевати допустиль передь вальнымъ соймомъ“. На настоящій сеймикъ посланъ господарскій посоль¹⁾, какъ и на другіе повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, по обычаю Короны Польской — вообще повѣтовые сеймики Княжества учреждены „звычайемъ Короны Полское.“ Паны-рада и всѣ станы, говоритъ посоль собравшимся, „намовивши“ на сеймикѣ между собою въ тѣхъ дѣлахъ, которыя сообщены имъ сеймовыми листами, должны послать на предстоящій въ Берестѣ сеймъ двухъ пословъ „з достаточною и зупольною моцью ку становенью всихъ становъ потребъ земьскихъ“ въ томъ, что нужно государству для сохраненія его цѣлости и для защиты его отъ врага — объ этомъ господарь будетъ стараться всѣми силами. Если на сеймикѣ потребуютъ, „абы панъ посоль взновиль тое межи ними, што на листе соймовомъ есть написано“, онъ долженъ это сдѣлать. Посоль долженъ также напомнить сеймикующимъ объ учрежденіи новыхъ воеводствъ и каштелянствъ, а также урядовъ маршалковъ и подкоморіевъ повѣтовыхъ, и можетъ собравшимся на сеймикъ „обвестити“ имена лицъ, назначенныхъ на эти должности. Напомнить онъ также долженъ объ учрежденіи судебныхъ урядовъ въ повѣтахъ, о дарованіи Литовско-Русскимъ повѣтамъ вообще хоругвей подь гербомъ Великаго Княжества Литовскаго и о дарованіи хоругви, въ частности, повѣту, на сеймикѣ котораго онъ говоритъ, съ описаніемъ этой хоругви, — всѣ, кто долженъ становиться въ военное время подь повѣтовую хоругвь, обязаны собираться около своего хоружія, согласно новому статуту и его артикуламъ о войнѣ. Далѣе „особливе“ и „съ пилностью“ долженъ посоль „навпоменути“ всѣ станы господарскимъ именемъ, какъ уже сообщено сеймовыми листами, о „ведомости“ отъ повѣтовыхъ бирчихъ и взносахъ поголовнаго податка — „яко великую суму вынесло“. Де-

1) Называется его пмя.

негъ не хватить на уплату наемнымъ войскамъ; это знаетъ великій князь, сообразивъ цифры поголовнаго податка со своихъ имѣній. Между тѣмъ войска эти требуютъ уплаты. Поэтому, „намовивши з собою о томъ водле уфалы сойму прошлаго Виленьского, выбравши ешче знову по половицы отъ перьвшого, тотъ податокъ поголовный кромъ всякого омешканя“ повѣтовые обыватели должны вносить бирчимъ. Съ тѣхъ, кто еще не выплатилъ перваго поголовнаго податка, великій князь прикажетъ взыскать его въ двойномъ размѣрѣ, согласно сеймовой уфалѣ. Кромѣ всего этого господарскому послу поручается „напоменути“ хоружихъ обихъ обѣщаніи представить списки тѣхъ, кто не бывалъ „на войнахъ минулыхъ“. Эти списки должны быть переданы настоящему господарскому послу для представленія на сеймъ вмѣстѣ съ именами невыплатившихъ серебщицну.

Таково содержаніе „науки“, данной господарскимъ посламъ на Литовско-Русскіе сеймики перваго ихъ созыва. Передъ нами начало новаго повѣтоваго строя Великаго Княжества Литовскаго — эта „наука“ ясно даетъ чувствовать значеніе реформъ 1565—1566 годовъ и вводитъ насъ въ ту обстановку, въ которой Литовско-Русская шляхта впервые собиралась на свои предсеймовые повѣтовые сеймики. Господарскій посолъ поясняетъ шляхтѣ отдѣльныя стороны повѣтовой реформы и подчеркиваетъ своимъ поясненіемъ то, что въ этой реформѣ особенно важно для самой шляхты и для государства. Указаніе посла на учрежденіе сеймиковъ по образцу Польши и на выборъ пословъ ихъ по тому же образцу вполне умѣстно въ рѣчи представителя великаго князя на впервые собирающихся повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго. Вполнѣ умѣстно въ этой рѣчи и указаніе на учрежденіе новыхъ урядовъ въ повѣтахъ и на дарованіе послѣднимъ новыхъ повѣтовыхъ хоругвей. Все это подтверждается шляхтѣ повѣтовъ господарскими послами изустно послѣ уже опубликованныхъ о совершившихся реформахъ универсаловъ великаго князя. Увѣренность въ дѣйствительномъ осуществленіи такъ страстно ожидавшейся шляхтою реформы будетъ тѣмъ больше, что господарскій посолъ можетъ сообщить собравшейся на сеймикъ шляхтѣ о состоявшемся уже назначеніи господаремъ опредѣленныхъ лицъ на только что созданные новые повѣ-

товые уряды и можетъ къ тому же дать дополнительныя разъясненія на вопросы, которые могутъ быть къ нему обращены отъ шляхты по поводу совершившейся реформы.

Особому вниманію господарскаго посла его инструкція поручаетъ дѣло поступленія податковыхъ денегъ съ повѣта, такъ нужныхъ земскому скарбу Литовско-Русскаго государства въ это трудное время. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію предстоящаго сейма, въ „наукѣ“ не перечислены. Они считаются извѣстными собравшимся на сеймикъ, и господарскій посолъ, лишь въ случаѣ требованія сеймикующихъ, прочитаетъ на сеймикѣ текстъ сеймоваго листа, уже полученнаго раньше въ повѣтъ. Такимъ образомъ, содержаніе „науки“ не повторяетъ содержанія сеймовыхъ листовъ. „Наука“ даетъ послу указанія — что говорить и что дѣлать ему на сеймикѣ, но не предназначается для прочтенія на немъ цѣликомъ. Посолъ сохраняетъ свободу своей рѣчи въ ея фразахъ и ихъ построеніи; ему данъ лишь своего рода конспектъ этой рѣчи и указанія для его образа дѣйствій и поведенія на сеймикѣ. Можно думать, что господарскій посолъ не былъ обязанъ и предъявлять кому либо въ повѣтъ данную ему „науку“. Онъ долженъ предъявить лишь свой „листъ вѣрущій“, удостовереніе даннаго ему именемъ великаго князя порученія выступить посломъ господаря на созванномъ послѣднимъ повѣтовомъ сеймикѣ. „Наука“ является только руководствомъ для самого посла въ его дѣятельности, имѣя значеніе главнымъ образомъ для него лично, а потому, надо думать, и не подлежитъ обязательному оглашенію.

Обратимся теперь къ „наукамъ“-инструкціямъ, даннымъ господарскимъ посламъ на послѣдующіе предсеймовые сеймики, и постараемся отмѣтить развитіе этого вида сеймовыхъ документовъ въ направленіи, которое выдвинули практика Литовско-Русскаго сеймикованья и ходъ политической жизни Великаго Княжества Литовскаго.

Содержаніе „науки“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики 3 ноября 1566 года слѣдующее. Приѣхавши въ повѣтовый центръ, посолъ долженъ „поведити“ присутствующимъ панамъ-радѣ „ласкавое поздоровене“ отъ великаго князя, „а инымъ всимъ станомъ рыцерства“ — его господарскую „ласку“. При этомъ онъ отдаетъ „листъ верушчій“ отъ великаго князя. Затѣмъ посолъ „маеть мовити“ о томъ,

что господарь назначилъ сеймъ въ Берестѣ „для взновенія и змоцненія“ уніи съ Польшею ради увеличенія средствъ борьбы съ Москвою. Это великій князь сдѣлалъ согласно просьбамъ повѣтовыхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, принесеннымъ ему изъ земскаго войска, собравшагося подъ Витебскомъ, и на Виленскихъ сеймахъ. Господарь работаетъ для этой уніи съ большими усилиями и трудомъ на частыхъ сеймахъ Короны и Княжества, но до сихъ поръ для нея ничего еще не постановлено. Кроме того, на прошломъ Берестейскомъ сеймѣ сдѣлано постановленіе и „о потужной вальце“ противъ великаго князя Московскаго. Господарь посылалъ за глейтомъ, т. е. за пропускнымъ листомъ для пословъ въ Москву. Это панамъ-радѣ извѣстно, „и вамъ“, обращается „наука“ къ повѣтовымъ обывателямъ, „вернымъ слугамъ и подѣданнымъ сво[и]мъ его кролевская [милость] ознаямитъ казать рачилъ“, что Московскій непріятель и теперь отправилъ пословъ великаго князя Литовскаго, не сдѣлавъ никакого постановленія, а такъ онъ поступаетъ уже дважды. Хотя онъ и обѣщалъ послать своихъ пословъ къ Сигизмунду Августу, но въ то же время, задержавъ пословъ послѣдняго, „на властной отчизне его милости г[о]с[по]д[а]рской, на Усвiate“, построилъ замокъ, да строить свои замки и на другихъ мѣстахъ. Отсюда совершенно ясны его враждебныя намѣренія. Господарь ради нуждъ Великаго Княжества Литовскаго ѣдетъ въ его предѣлы, оставивъ дѣла Польши, и назначаетъ мѣсто и день для вальнаго Литовско-Русскаго сейма¹⁾. Этотъ сеймъ назначается исключительно для одного дѣла: для постановленія „о потужной вальце“. Въ виду серьезности положенія и значенія этого дѣла для славы великаго князя и самихъ повѣтовыхъ обывателей, господарь, говоритъ „наука“, обращаясь къ сеймикующимъ, „напоминати рачить васъ, верныхъ подданныхъ своихъ“, чтобы „о таковой войне мыслили“. Собравшись на сеймикѣ, они должны выбрать „межи собою, водле порадку статутового, двухъ особъ бачныхъ“,

1) Названіе мѣста и обозначеніе дня опущены въ „наукѣ“ (въ оригиналѣ чистое мѣсто). Причина этого понятна: мѣсто сейма не было еще опредѣлено во время составленія текста инструкцій господарскимъ посламъ на ноябрьскіе сеймики 1566 года (см. выше, стр. 320—321).

послать ихъ на вальный сеймъ и дать имъ „достаточную и зуполную моцъ ку намовамъ и становенью о таковой потужной войне“, такъ какъ великій князь, „все речи отложивши, ни о чомъ иномъ, только о войне намовляти и становити на томъ сойме хочеть“. Послѣднія слова, очевидно, имѣли цѣлью подготовить согласіе сеймика на выдачу его посламъ неограниченныхъ полномочій, которыхъ невозможно было добиться передъ сеймомъ, имѣющимъ въ числѣ своихъ дѣлъ обсужденіе Уніи. Послы должны быть отправлены на сеймъ повѣстовымъ сеймикомъ такіе, которые на него не опоздають и которые бы на немъ „въ речи посполитой окромъ затрудненія справоватися вмели“, такъ какъ предстоящій сеймъ долженъ сдѣлать свое дѣло быстро.

Сравненіе текста этой „науки“ съ текстомъ „науки“ предыдущей отмѣчаетъ, во-первыхъ, начало сближенія его съ текстомъ сеймовыхъ листовъ и, во-вторыхъ, начало замѣны простого конспекта рѣчи господарскаго посла на сеймикъ готовымъ текстомъ этой рѣчи, который долженъ просто читаться посломъ въ собраніи сеймикующихъ. Первое замѣчается въ той части „науки“, которая говоритъ о дѣйствіяхъ Московскаго царя, второе — въ словахъ „вашой“, „вамъ“, „васъ“, которыя постоянно встрѣчаются въ разсматриваемой инструкціи. Даже самое выраженіе „маеть мовити“, замѣняющее выраженіе „преложити маеть“, которое находимъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ предшествующей „науки“, говоритъ о томъ, что на ноябрьскомъ сеймикѣ 1566 года господарскій посолъ долженъ былъ дословно слѣдовать въ своей рѣчи данной ему инструкціи, а на весеннемъ сеймикѣ того же года онъ говорилъ самъ, лишь пользуясь своею „наукой“ какъ конспектомъ. Но, съ другой стороны, первое изъ сдѣланныхъ сейчасъ замѣчаній нѣсколько ослабляется тѣмъ, что „наука“ обходитъ молчаніемъ часть господарскихъ приказаній повѣту, которыя имѣются въ сеймовомъ листѣ. Запрещеніе другихъ сѣздовъ шляхты кромѣ сеймиковъ, опредѣленіе границъ повѣта и требованіе исполненія обязанности шляхты по земской военной службѣ отсутствуютъ въ „наукѣ“ на ноябрьскіе сеймики 1566 года. Такимъ образомъ, нѣсколько сближаясь съ текстомъ сеймоваго листа, разсматриваемая „наука“ беретъ изъ него въ себя то, что особенно важно для занятій предстоящаго сейма, стараясь именно

на этомъ сосредоточить вниманіе сеймикующихъ. Въ то же время въ ней уже замѣтно и стремленіе точно и по возможности дословно изложить рѣчь господарскаго посла, замѣняя, такимъ образомъ, его живое слово готовымъ текстомъ, составленнымъ въ государственной канцеляріи. Иными словами, уже при подготовкѣ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ второго созыва замѣтно стремленіе сдѣлать господарскаго посла простымъ органомъ передачи готовой рѣчи, составленной центральной властью.

Текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на весенніе сеймики 1568 года, передъ Городенскимъ сеймомъ, не встрѣтился намъ въ Литовской Метрикѣ. Неизвѣстенъ онъ и въ изданіи. Что же касается „науки“ господарскимъ посламъ на ноябрьскіе сеймики 1568 года, передъ Воиньскимъ съѣздомъ и Люблинскимъ сеймомъ, то она представляетъ существенный интересъ при изученіи развитія и выработки текста документовъ этого рода. Эта „наука“ совершенно ясно раздѣляется на свои составныя части. Раздѣленіе это даже отмѣчается внѣшнимъ характеромъ ея записи въ книгу Литовской Метрики. Первая часть начинается выраженіемъ „напервей“. За этимъ словомъ слѣдуетъ предписаніе господарскому послу, прибывъ въ повѣтовый центръ въ день и часъ, назначенные для сеймика, „поведити“ отъ великаго князя „ласкавое поздоровене“ панамъ-радѣ, которые будутъ на сеймикѣ, и „ласку его милости г[о]с[по]д[а]рскую“ всѣмъ другимъ станамъ-рыцарству, а затѣмъ представить свой „листь верущый“. Сряду послѣ этой части начинается вторая словами — „потомъ посоль будетъ мовити: г[о]с[по]д[а]ръ король его милость рачылъ росказати вашей милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцарству своему, поведити“. Послѣ этихъ словъ начинается выписка изъ сеймоваго листа, которая тянется до словъ: „его королевская милость рачылъ росказати вашей милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцарству своему, поведити“. Съ этихъ словъ идетъ текстъ, котораго нѣтъ въ сеймовомъ листѣ. Со словъ „водле постановеня и зволеня“¹⁾ опять возобновляется текстъ сеймоваго листа, который продолжается, уже не прерываясь, до конца текста „науки“. Сеймовый листъ вписанъ въ „науку“ весь съ небольшими

1) Стр. 211, 8-я строка снизу въ изданіи М. К. Любавскаго.

редакціонными измѣненіями, обычными при перепискѣ старыхъ документовъ, и не имѣющими существеннаго значенія замѣнами одного слова равнозначущимъ другимъ, или нѣкоторыми пропусками. Какъ редакціонныя измѣненія должна быть отмѣчена, во-первыхъ, замѣна перваго лица, въ которомъ обращается въ сеймовомъ листѣ великій князь къ обывателямъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, третьимъ, въ которомъ отъ его имени читаетъ свою „науку“ господарскій посолъ на сеймикѣ. Соотвѣтственно этому измѣнены и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія: нпр., „зложили есмо“ на „его королевская милость рачыль зложить“ и т. п. Далѣе, характеръ документа потребовалъ редакціонныхъ замѣнъ нѣкоторыхъ фразъ другими. Такъ, слова сеймоваго листа „и приказуемъ вамъ, ажъбы есте, до места нашего до Новагородка на часъ, соймикомъ поветовымъ назначонный, зъехавшися, людей бачныхъ и ростропныхъ, которые бы, со всякою учтивостью будучи при насъ г[o]c[п]oд[а]ри, речи посполитой въ таковой великой важной потребе служити могли и умели, водлугъ статуту двухъ особъ, послами обравши, з моцю супольною отправили“ — замѣнены словами: „и напоминати рачыть его королевская милость вашу милость пановъ-радъ и васъ рыцгерство, верныхъ подданныхъ своихъ, жебы есте, межы собою водле порадъку статутоваго обравшы двухъ особъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, которые бы, со въсякою учтивостью будучы пры его королевской милости, речи посполитой въ таковой великой важной потребе служити могли-умели, з моцю зуполную отправили“. Характеръ сеймоваго листа потребовалъ и добавленія въ немъ заключительныхъ словъ: „яко черезъ посла нашего на томъ соймику поветовомъ о томъ вамъ отъ насъ достаточне преложено будетъ“. Имѣются и другія подобнаго же рода отличія одного изъ разсматриваемыхъ документовъ отъ другого¹⁾. Примѣры замѣны одного равнозначущаго слова другимъ: замѣна слова „становенья“ (сеймовый листъ) словомъ „постановеня“ (наука), слова „тамошняго“ (сеймовый листъ) словомъ „тутошьяго“ (наука) и т. д.

1) Такъ нпр., ср. отъ словъ „будучи намъ“ сеймоваго листа (7-я строка снизу на стр. 207 въ изданіи М. К. Л ю б а в с к а г о) съ текстомъ „науки“ отъ словъ „што перво сего“ (4-я строка снизу на стр. 209) по изданію того же ученаго.

Нельзя не указать, что лицо, писавшее IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской, въ которой сохранилась разсматриваемая „наука“, различило части, на которыя послѣдняя распадается, и отмѣтило ихъ не только тѣмъ, что строки приведенныхъ выше трехъ вступительныхъ мѣстъ къ этимъ частямъ писало болѣе короткими строками (въ видѣ заголовковъ), чѣмъ остальной текстъ, но и чистыми мѣстами, оставленными тамъ, гдѣ кончается большинство этихъ частей¹⁾. Содержаніе той части „науки“, которой нѣтъ совсѣмъ въ сеймовомъ листѣ, слѣдующее. Хотя великій князь видитъ и „ласкаве“ принимаетъ отъ пановъ-рады и всѣхъ становъ своего рыцарства²⁾ и „прыкладаетъ ся“ самъ немалыми податками и „нелитованемъ“ своихъ крови и здоровья противъ Московскаго врага „и надъ повинность свою чынити досыть“, но этотъ врагъ усиливаетъ свои враждебныя дѣйствія. Поэтому, желая „способомъ болшымъ противъ тому непрятелю войну вести“, господарь хотѣлъ бы, чтобы „большій посилокъ, а зъ меншимъ накладомъ“ обывателей Княжества „быти могъ“. Это можетъ осуществиться, благодаря уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, когда „одностайною а сполною рукою“ будетъ дѣлаться „отъпоръ“ этому непрятелю. „А то не только противъ тому непрятелю, але и противъ кажъдому, у многихъ речахъ немало пожитырку речы посполитое прыняти можетъ, кгдажъ зъгода а милость межы кажъдыми панствы особливого добра примножене чынить“. — прибавляетъ „наука“. Эти слова, вставленныя въ „науку“, являются мотивировкою того, что назначено главнымъ дѣломъ предстоящаго сейма. Указаніе на увеличеніе силъ для защиты Великаго Княжества Литовскаго отъ внѣшнихъ враговъ, очевидно, должно быть сдѣлано на сеймикѣ отъ имени великаго князя господарскимъ посломъ для того, чтобы рѣшительнѣе, чѣмъ сеймовые

1) Эти чистыя мѣста находятся передъ словами: 1) „его королевская милость рачыль розказати вашой милости паномъ радамъ и вамъ рыцерству своему поведити“ (л. 133), 2) „для того его королевская милость водле постановеня и зволеня“ (л. 133 об.), 3) „бо ачь воддугъ постановеня сойму Городенского“ (л. 134), 4) „и напомянати рачыть его королевская милость вашу милость“ (л. 134).

2) „Наука“ обращается къ собравшимся на сеймикѣ и говоритъ: „отъ ваше милости пановъ радъ и ото всихъ становъ рыцерства своего“.

листы, повліять на настроеніе повѣтвой шляхты и болѣе склонить ее къ дѣлу заключенія Уніи.

Итакъ, 1) въ „наукѣ“ на ноябрьскіе предсеймовые сеймики 1568 года имѣемъ готовую рѣчь для господарскаго посла въ ея полномъ текстѣ; 2) содержаніе этой „науки“ совпадаетъ съ содержаніемъ сеймовыхъ листовъ, уже сообщенныхъ передъ сеймиками въ повѣты; къ тексту „науки“, по сравненію съ текстомъ этихъ листовъ, добавлена лишь мотивировка предполагаемаго главнаго постановленія предстоящаго сейма, въ проведеніи котораго особенно заинтересована въ данное время центральная власть Великаго Княжества Литовскаго.

Перейдемъ теперь къ изученію „науки“ господарскимъ посламъ на послѣдніе сеймики времени отдѣльнаго отъ Польши существованія Литовско-Русскаго государства, т. е. на весенніе сеймики 1569 года, созданные уже во время засѣданій Люблинскаго сейма. Эта „наука“ извѣстна намъ по двумъ ея спискамъ, изъ которыхъ одинъ находится въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ¹⁾, а другой въ X-ой того же отдѣла Литовской Метрики²⁾. Эта „наука“, какъ и предыдущія, начинается изложеннымъ послѣ слова „напервей“ приказаніемъ господарскому послу, явившимся на мѣсто и въ часъ, назначенные для повѣтоваго сеймика, отъ великаго князя „поведити“ собравшимся панамъ-радѣ „ласкавое поздоровенье“, а инымъ всѣмъ станамъ господарскаго рыцарства — его „ласку“ и затѣмъ отдать „листъ верущій“ отъ великаго князя. „Потомъ посоль маеть мовити: г[о]с[по]д[а]рѣ король его милость рачылъ розказати вашей милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцержству своему, пове-

1) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 192 об. — 195. По этому списку „наука“ издана М. К. Л ю б а в с к и м ъ — Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 216—220.

2) Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. л. 16 об. — 20 об. Этотъ списокъ не обозначаетъ повѣта, на сеймикъ котораго отправляется господарскій посоль, своею внѣшностью, такимъ образомъ, подчеркивая свое значеніе общаго текста этой „науки“ во всѣ повѣты. Заглавіе документа въ X-ой книгѣ такое: „Инъструкцья до повету. Наука и злецене поселства отъ его королевское милости черезъ на соймикъ, зложонный м[е]с[е]ца мая“ 10 дня 1569 года. Далѣе слѣдуетъ обычное „напервей“, которымъ начинается первая часть и въ предыдущихъ „наукахъ“. Это „напервей“ опущено въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ.

дिति“ — этими словами начинается вторая часть „науки“. За ними сряду вписывается текст большей половины сеймоваго листа передъ тѣми же сеймиками ¹⁾, съ извѣстными уже намъ при изученіи предшествующей „науки“ редакціонными измѣненіями и замѣнами нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ другими. Эта выписка изъ сеймоваго листа сопровождается въ „наукѣ“ слѣдующими словами, прямо указывающими на ея связь съ сеймовымъ листомъ: „яко то ширей и достаточней на листехъ его королевское милости до вашой милости пановъ-радъ и всего, васъ, рыцерьства его королевское милости описано“ ²⁾. Въ послѣдующей за этими словами самостоятельной части „науки“ заключается слѣдующее. Великій князь приказалъ „особливе“ передать („оповедити“) сеймикующимъ, что онъ „съ подивеньемъ пріймуеть“ то, что сами они просятъ объ Уніи, ради усиленія военныхъ средствъ Великаго Княжества Литовскаго, и о спольныхъ съ Поляками сеймахъ, а въ то же время даютъ своимъ повѣтовымъ посламъ „замероную мощь“ и „на становеня Унеи новый обычай“, не только не держатся старыхъ привилеевъ, но даже отступаютъ отъ „певныхъ намовъ, на соймехъ около Уніи вчыненихъ“, чѣмъ приводятъ государство въ затрудненіе и оба „панства въ нелюбость и въ ростыркъ“, а неприятелю этимъ доставляютъ „потеху болшую“, такъ какъ „водле потребности потужная война нейдетъ“, а, благодаря этому, въ „панстве“ господаря врагъ „ширитъ“ и однихъ братьевъ и пріятелей сеймикующихъ держитъ въ плѣну, а у другихъ изъ нихъ отнимаетъ имѣнія. „Вы тежъ сами“, продолжаетъ „наука“, обращаясь къ сеймикующимъ, „частыми войнами и немалыми податъки на тую жъ войну вытягаются“. Великій князь хорошо видитъ, какъ велика тяжесть всего этого, а между тѣмъ все это едва ли бы могло быть, если бы оба его „панства“ соединились. Господарь, съ Божьею по-

1) По изданію М. К. Любавскаго отъ словъ „што перво сего“, въ самомъ началѣ листа, сразу послѣ обращенія къ Зеновьевичамъ (стр. 222), до словъ „а хотимъ мети и приказуемъ“ (стр. 224, 18-я строка сверху), начиная съ которыхъ текстъ обоихъ документовъ становится различнымъ.

2) Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 219. Ср. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 194 об. и $\frac{III A}{10}$ л. 19 об.

мощью желая это увидѣть и исполняя просьбу самихъ повѣтовыхъ обывателей, былъ бы радъ довести до конца дѣло Уніи, но на каждомъ сеймѣ приводятъ новое и, затруднивъ дѣло, разбѣзжаются, какъ разбѣхались и теперь, не сдѣлавъ никакого постановленія и „упевненья“, чѣмъ возстановляютъ противъ себя своихъ друзей и давно „сповиновачныхъ“ братьевъ. Стараясь этому помѣшать, великій князь „всказовать рачы, напоминаючи съ повинности верного подданства“, чтобы каждый, оглянувшись на свой долгъ по отношенію къ славіи своего господаря и къ своей отчизнѣ, мыслилъ бы согласно съ нимъ на настоящемъ сеймикѣ. Выбравъ послами „людей бачныхъ, годныхъ“, сеймикующие не должны задержать ихъ присылку къ назначенному дню на настоящій Люблинскій сеймъ. Этимъ посламъ должно дать „зуполную моць“ постановлять и объ Уніи, и о „сполной“ оборонѣ, такъ какъ въ этомъ будетъ соблюдено, чтобы „въ ровности тые панства захованы были а одно надъ другое ся не вывышало и въ своей задности и въ учтивости и въ достоенствахъ окои панства цале захованы были“. Этимъ, дастъ Богъ, они будутъ пользоваться на вѣчныя времена, давая „сполне“ отпоръ всякому врагу и пользуясь „въ кождой учтивости“ своими правами, свободами и вольностями. Господарь, со своей стороны, обѣщаетъ, не жалѣя своихъ труда и здоровья, „дотоль речы зносити“, какъ во всемъ высказанномъ сеймикующимъ въ сеймовыхъ листахъ и въ настоящемъ посольствѣ „познаеть“ каждый его „ласку“ къ Великому Княжеству Литовскому и къ каждому обывателю его. Какъ повѣтовые послы свободно („доброволне“) на Люблинскій сеймъ пріѣдутъ, такъ же свободно съ него и вернуться. Но если они не захотятъ ѣхать на сеймъ къ назначенному сроку, а этимъ учинится какой-либо вредъ Княжеству или, чего Боже упаси, явится какая-либо опасность отъ непріятели, то пускай каждый сообразить самъ, что отъ этого будетъ для правъ господаря и для Литовско-Русскаго государства. На этомъ излагаемый документъ и оканчивается.

Присматриваясь къ этой „наукѣ“, замѣчаемъ тотъ же способъ составленія ея текста, какъ и текста „наукъ“ предыдущихъ. Составъ его: 1) вступительная часть о дѣйствіяхъ посла при открытіи сеймика, 2) большая выписка изъ сеймо-

ваго листа и 3) изложеніе мотивовъ, приводимыхъ отъ имени господаря въ цѣляхъ повліять на сеймикующихъ въ пользу исполненія плановъ и намѣреній верховной власти. Разница лишь та, что въ предыдущей „наукѣ“ вписанъ сеймовый листъ цѣликомъ, а въ текстъ настоящей внесена его большая часть, да отмѣчается различіе въ порядкѣ расположенія выписаннаго изъ листа сеймоваго и вновь составленнаго для текста „науки“. Текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на весенніе повѣтовые сеймики 1569 года также представляетъ собою рѣчь посла цѣликомъ, а не ея конспектъ.

Подводя итогъ подъ сдѣланными наблюденіями надъ текстами „наукъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго за 1566—1569 годы, нужно сказать слѣдующее. „Наука“-инструкція господарскому послу, бывшая при созывѣ первыхъ послѣ учрежденія предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ конспектомъ, его рѣчи, затѣмъ выливается въ совершенно готовый текстъ, который долженъ лишь читать на сеймикѣ посолъ великаго князя. Господарскіе послы на первыхъ сеймикахъ 1566 года произносили свои собственныя рѣчи, имѣя возможность сами выбирать свои выраженія и самостоятельно развивать отдѣльныя части своего обращенія къ сеймикующимъ, обязанные лишь сказать непременно обо всемъ, что перечислено въ выданныхъ имъ инструкціяхъ. Наоборотъ, въ послѣдующее время эта ихъ самостоятельность начинаетъ сокращаться, и господарскій посолъ на сеймикѣ превращается изъ оратора въ простого чтеца. Кромѣ того, первая „наука“ предвидитъ вопросы послу отъ сеймикующихъ и даетъ ему свои указанія, какъ на эти вопросы отвѣчать. Затѣмъ эта часть содержанія „науки“ отпала отъ ея текста, и посолъ, не имѣя опредѣленныхъ указаній, надо думать, едва ли сохранялъ и право отвѣчать на вопросы сеймикующихъ, если онъ даже былъ достаточно освѣдомленъ, чтобы давать соответствующіе отвѣты. Какъ официальное лицо, онъ въ своей дѣятельности на повѣтовомъ сеймикѣ долженъ былъ точно держаться данной ему инструкціи и едва ли могъ выходить за предѣлы, обозначенные ему ею. Такимъ образомъ, если наши соображенія соответствуютъ дѣйствительной практикѣ сеймикованья, господарскій посолъ изъ живого посредника верховной власти

и сеймика повѣтоваго обратился въ своего рода обстановку послѣдняго, являясь уполномоченнымъ отъ великаго князя лишь прочесть то, что ему было дано въ текстѣ его „науки“. При такой перемѣнѣ взгляда на назначеніе господарскаго посла въ сеймиковадь, естественно, облегчалось и дѣло выбора лицъ для исполненія великокняжескаго посольства на повѣтовыхъ сеймикахъ. Извѣстная самостоятельность посла въ его дѣйствіяхъ на предсеймовомъ сеймикѣ требовала, чтобы центральная власть, поручая тому или другому лицу посольство, считалась и съ его способностями, и съ возможностью довѣриться его преданности ея цѣлямъ и ихъ имъ пониманію. Отмѣна этой самостоятельности устраняла личный элементъ въ дѣятельности господарскаго посла на сеймикѣ, или, по крайней мѣрѣ, сокращала его до возможнаго minimum'a.

Кромѣ этого замѣчанія изученіе текста „наукъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые предсеймовые сеймики даетъ возможность сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Одно изъ нихъ относится къ вопросу о самостоятельности текста „науки“ въ ряду другихъ документовъ, составляемыхъ въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ одними и тѣми же предсеймовыми сеймиками Литовско-Русскихъ повѣтовъ; два другихъ — къ явленіямъ жизни Княжества, которыя находили свое отраженіе въ этихъ „наукахъ“.

Первая изъ разсмотрѣнныхъ нами инструкцій господарскимъ посламъ, „наука“ на весенніе сеймики 1566 года, является совершенно самостоятельнымъ въ своемъ текстѣ документомъ. Но уже въ слѣдующей за нею „наукѣ“ изъ разсмотрѣнныхъ нами замѣчается начало введенія въ текстъ инструкцій господарскимъ посламъ части текста сеймоваго листа, и чѣмъ дальше мы изучали эти инструкціи, тѣмъ больше отмѣчали связь обоихъ документовъ, составляемыхъ передъ одними и тѣми же предсеймовыми сеймиками: выписки изъ соотвѣтствующихъ листовъ сеймовыхъ начинаютъ занимать собою большую часть текста господарскихъ инструкцій. Причинъ этого можно предположить не одну. Во-первыхъ, весьма вѣроятно, что практика сеймиковадь обнаружила сразу неосвѣдомленность значительной части собравшихся на повѣтовые сеймики въ вопросахъ, которыми долженъ

будеть заниматься предстоящей сеймъ. Одни изъ сеймикующихъ могли оказаться призабывшими содержание сеймовыхъ листовъ, другіе, за неграмотностью, — ихъ вовсе не прочитавшими. Прочтеніе на сеймикѣ существеннаго изъ текста сеймоваго листа оказывалось желательнымъ и даже необходимымъ для успѣшности сеймикованья. Но, съ другой стороны, можно предположить и желаніе государственной канцеляріи нѣсколько облегчить свою работу по составленію довольно большого числа документовъ при каждомъ созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ: вмѣсто составленія совершенно самостоятельнаго текста для каждаго документа она, естественно, пользовалась уже готовымъ текстомъ, изъ котораго могла заимствовать часть, облегчая тѣмъ себѣ свою работу.

Что касается явленій жизни Великаго Княжества Литовскаго, которыя могутъ быть отмѣчены въ развитіи текста господарскихъ „наукъ“ за 1566—1569 годы, то мы остановились бы на двухъ сторонахъ въ этомъ текстѣ. Одна изъ нихъ — все возрастающія указанія на заслуги Сигизмунда Августа передъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и на его труды на пользу послѣдняго. Другая — различіе „наукою“ и рѣчью посла господарскаго слоевъ повѣтовыхъ обывателей, т. е. „ихъ милости“ пановъ радныхъ и господарскихъ „вѣрныхъ подданныхъ“, рядовой шляхты. Первое, конечно, объясняется желаніемъ Сигизмунда Августа успѣшнѣе подготовить заключеніе Уніи и въ то же время, по возможности, идти на встрѣчу упрекамъ за отсутствіе съ его стороны „обороны“ его Литовско-Русскому „панству“ отъ Москвы, которая была его „повинностью господарскою“ по отношенію къ его народу-шляхтѣ. Такіе упреки должны были раздаваться въ виду тяжести этой войны и утраты значительной части Литовско-Русской территоріи¹⁾. Но, возникая такимъ путемъ, эти прославленія господаря затѣмъ становились обычною манерою, которая принималась государственною канцеляріею при составленіи сеймиковыхъ документовъ. Что касается до различенія группъ среди сеймикующихъ, то это пережитокъ стараго строя Великаго Княжества Литовскаго, который,

1) О значеніи этой „повинности“ господаря см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263.

какъ мы это видѣли уже выше¹⁾, не совсѣмъ мирился съ стройностью шляхетской идеи, заложенной въ повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ. Попытка обойтись безъ различія группъ повѣтовой шляхты даже по отношенію къ урядникамъ и рядовой шляхтѣ, имѣвшая мѣсто въ „наукѣ“ на первые сеймики 1566 года, была затѣмъ оставлена и замѣнена раздѣленіемъ ихъ, не говоря уже о панахъ-радѣ, которые, какъ особый „станъ“, выдѣляются уже текстомъ этихъ первыхъ послѣ учрежденія повѣтоваго сеймика „наукъ“ господарскихъ.

При изученіи „наукъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые предсеймовые сеймики мы во всѣхъ ихъ встрѣчали „листъ вѣрущій“, который посольство предъявлялъ при открытіи сеймика. Это — удостовѣреніе его посольства, выдаваемое ему изъ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго отъ имени великаго князя. Другое названіе „листа вѣрущаго“ — „креденсъ“. Съ текстомъ „вѣрущихъ листовъ“ мы знакомимся по „креденсу“ на весенніе сеймики 1569 года, внесенному въ X-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Въ этомъ „креденсѣ“ Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ, маршалкомъ, державцомъ, такъ же урядникомъ“ своимъ „дворнымъ и земьскимъ, въ поветехъ отъ“ него „установленнымъ, земляномъ и двораномъ“ его, „всімъ тымъ, которые именья свои въ поветехъ Виленскомъ, Ошменскомъ, Лидскомъ, Вилкомирскомъ, Браславскомъ мають“. Далѣе документъ отъ имени великаго князя гласитъ: мы на настоящій сеймикъ „послали до васъ посломъ дворянина нашего²⁾ и рассказали есмо ему въ некоторыхъ речахъ и потребахъ земьскихъ словомъ отъ насъ мовити; вы бы, о томъ ведаючи, его выслушали и въ томъ ему веру дали, бо то суть наши слова, черезъ него до васъ всказаны“. Это простое удостовѣреніе посольства и содержанія рѣчи господарскаго посла на повѣтовомъ сеймикѣ. Характеръ документа и его содержаніе не требуютъ никакихъ поясненій. Остановиться нужно только на его обращеніи. Послѣднее показываетъ, что „вѣрущій листъ“ долженъ былъ представляться господарскимъ посломъ

1) Стр. 280.

2) Въ оригиналъ оставлено чистое мѣсто для внесенія имени этого дворянина.

повѣтовому сеймику въ его полномъ составѣ, а не однимъ только находящимся на немъ высшимъ разрядамъ шляхты повѣта¹⁾. Но, кромѣ этого, поясненія требуетъ въ текстѣ настоящаго „креденса“ и соединеніе на одномъ сеймикѣ всѣхъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства. Это поясненіе даетъ справка съ записью разсылки господарскихъ листовъ по созыву весеннихъ сеймиковъ 1569 года. Въ ней читаемъ, что служебникъ земскаго подскарбія, „Василей Подъбійпета,“ понесъ къ подскарбію земскому „у фастыкуле“ листы въ повѣты Лидскій, Ошменскій, Вилькомирскій и Браславскій въ двухъ видахъ: одинъ видъ этихъ листовъ приглашалъ эти повѣты на общій сеймикъ съ повѣтомъ Виленскимъ, другой — на отдѣльные сеймики каждаго изъ нихъ. Выбрать тотъ или другой способъ сеймикованья, т. е. цѣлымъ воеводствомъ или отдѣльными повѣтами, было предоставлено Виленскому воеводѣ и земскому подскарбію. Первый изъ этихъ радныхъ урядовъ занималъ въ 1569 году Миколай Юрьевичъ Радивиль, соединявшій его съ канцлерствомъ, второй — Миколай Павловичъ Нарушевичъ. Оба данныя лица стояли при самомъ дѣлѣ выработки и разсылки господарскихъ листовъ. Государственная канцелярія ихъ составляла, земскій скарбъ ихъ рассылалъ²⁾. Лица, стоявшія во главѣ обоихъ этихъ учреждений, и были призваны разрѣшить вопросъ о способѣ сеймикованья повѣтовъ Виленскаго воеводства въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ жизни Великаго Княжества Литовскаго, когда собирались весенніе сеймики 1569 года. При этомъ Виленскій воевода, по своему значенію главы Виленскаго воеводства, могъ помочь удачному рѣшенію этого вопроса и своимъ знаніемъ состоянія повѣтовъ своего воеводства и настроенія ихъ шляхты³⁾.

1) Заголовокъ „креденса“ въ книгѣ Литовской Метрики можетъ дать толчокъ къ такому предположенію: „Креденсъ до князей, пановъ, на соймикъ до повету черезъ дворанина посланный“.

2) О связи земскаго скарба съ государственной канцеляріей Великаго Княжества Литовскаго см. М. К. Лю б а в с к і й, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 394—395. Сравненіе со скарбомъ Литовско-Русскаго государства Московскаго Казеннаго двора см. у С. А. Б ѣ л о к у р о в а — О Посольскомъ Приказѣ, стр. 20—21 (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1906 и отдѣльно М. 1906).

3) О перепискѣ Радивила и Нарушевича въ эпоху Люблинскаго сейма см. И. И. Л а п о , Великое Княжество Литовское, I, стр. 43, 67 и др.

Такимъ образомъ, удостовѣреніе господарскаго посольства въ „креденсѣ“ 1569 года цѣлому воеводству, въ составѣ всѣхъ его повѣтовъ, а не послѣднимъ каждому отдѣльно, вызвано предположеніемъ центральной власти о возможности общаго сеймика этихъ повѣтовъ, и, конечно, при обычномъ и нормальномъ созывѣ сеймиковъ повѣтовыхъ оно обращалось лишь къ обывателямъ одного повѣта, того, на сеймикъ котораго посоль отправлялся. Конечно, и въ томъ образцѣ „креденса“, который приведенъ нами, текстъ его обращенія подлежалъ измѣненію, если Радивиль и Нарушевичъ склонятся къ созыву сеймиковъ cadaго изъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства отдѣльно, а не въ одномъ воеводскомъ сеймикѣ.

Лицо, ѣхавшее господарскимъ посломъ на предсеймовый повѣтовый сеймикъ, должно было быть официально извѣщено о данномъ ему порученіи посольства. Это дѣлалось особымъ листомъ-приказомъ великаго князя. Въ такомъ листѣ отъ имени господара предписывалось данному лицу отправиться въ качествѣ господарскаго посла на сеймикъ того или другаго повѣта и править тамъ господарское посольство, держась „науки“, ему посланной. Въ образцѣ такого листа на весенніе сеймики 1569 года, приведенномъ въ X-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, это выражено слѣдующимъ образомъ: „ . . . а такъ прыказуемъ тебе, ижъ бы еси на тотъ соймикъ, на местце назначеное¹⁾ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра посломъ ехалъ и паномъ радамъ нашимъ ихъ милости и венмъ станомъ, тому соймику належачимъ, которые ся тамъ зъедуть, листъ нашъ зашытый, до нихъ писанный, который пры семъ листе нашомъ до тебе посылаемъ, подавши, именемъ нашимъ г[о]с[по]д[а]рскимъ въ речахъ земскихъ мовиль и посельство отиравоваль, захваючыся и правуючыся въ томъ водле науки наше, которую есмо въ семъ листе нашомъ до тебе послати казали“. Подъ „листомъ зашытымъ“, конечно, разумѣется „креденсѣ“, который предъявляетъ господарскій посоль сеймикующимъ, какъ мы это видѣли уже выше. Можетъ быть поставленъ вопросъ: сразу ли явился въ практикѣ разсматриваемый

1) Далѣе въ оригиналѣ стоятъ вписанныя другимъ почеркомъ и другими чернилами слова: „туть местцо“.

видъ документовъ, т. е. официальный письменный приказъ извѣстному лицу быть господарскимъ посломъ на сеймикъ? Ставить этотъ вопросъ позволяютъ слова „злецене поселства“, которыя стоятъ рядомъ со словомъ „наука“ въ заголовкахъ инструкцій посламъ господарскимъ. Въ каждомъ экземплярѣ такой „науки“ стояло имя посла, а этотъ документъ вручался послу незапечатаннымъ для его руководства или для прочтенія на сеймикѣ, въ то время какъ „креденсъ“ онъ получалъ „защитымъ“, т. е. запечатаннымъ. Текстовъ такихъ листовъ намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрицѣ до времени подготовки весеннихъ предсеймовыхъ сеймиковъ 1569 года, но трудно основываться на этомъ и на словѣ „злецене“ въ заголовкахъ господарскихъ инструкцій для того, чтобы считать появленіе этого вида документовъ результатомъ развитія дѣла сеймикованья и подготовки повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ государственною канцеляріею Великаго Княжества Литовскаго. Слово „злецене“ встрѣчается и въ заголовкѣ инструкцій тѣмъ господарскимъ посламъ, которые получили приведенный выше листъ-приказъ о порученіи имъ посольства, а отсутствіе его образцовъ въ извѣстныхъ намъ книгахъ Литовской Метрики ничего не доказываетъ въ этомъ отношеніи: въ нихъ нѣтъ и текста „креденсовъ“ или „листовъ вѣрущихъ“ на сеймики до 1569 года, а этотъ документъ вручался несомнѣнно каждому господарскому послу на сеймики, начиная съ первыхъ сеймиковъ 1566 года, о чемъ совершенно опредѣленно говорить „науки“ господарскимъ посламъ на нихъ.

Чтобы покончить съ документами, составившимися въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ предсеймовыми повѣтовыми сеймиками въ 1566—1569 годахъ, намъ нужно еще остановиться на листахъ къ панамъ-радѣ передъ этими сеймиками и на данныхъ объ ихъ разсылкѣ. Изученіе этихъ листовъ должно показать: тѣ ли свѣдѣнія и тотъ же ли текстъ получали передъ сеймиками радные паны въ листахъ, направленныхъ къ нимъ, какъ и повѣтовая шляхта въ листахъ, адресованныхъ въ повѣты; изученіе данныхъ разсылки должно обнаружить составъ лицъ, имѣвшихъ право на полученіе этихъ листовъ. Образцомъ листа къ панамъ-радѣ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками является „листъ соймовый до пановъ радѣ“

передъ весенними сеймиками 1569 года, въ которомъ Сигизмундъ Августъ обращается къ земскому подскарбію Великаго Княжества Литовскаго, господарскому писарю, державцѣ Марковскому, Мядельскому, Ушпольскому и Пенянскому, пану Миколаю Нарушевичу¹⁾. Сличая текстъ этого листа съ текстомъ листа къ панамъ Зеновьевичамъ, пересказаннымъ нами выше²⁾, замѣчаемъ почти полное ихъ тождество. Различіе ихъ выражается, кромѣ чисто писарскихъ отличій, измѣненіями, вызванными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листа положеніемъ адресата, какъ члена господарской рады, который лично вызывается и на вальный сеймъ³⁾. Кромѣ того, конечно, множественное число въ словахъ, говорящихъ о Зеновьевичахъ въ листѣ, имъ адресованномъ, замѣняется единственнымъ числомъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, говорящихъ о Нарушевичѣ, въ листѣ къ послѣднему. Въ листѣ къ панамъ-радѣ, выданномъ Сигизмундомъ Августомъ 27 апрѣля 1569 года въ Люблинѣ, нѣтъ ничего, чего не было бы въ листѣ къ Зеновьевичамъ, а стало быть и въ повѣты, что заключало бы въ себѣ особыя свѣдѣнія и сообщенія по поводу предстоящихъ сеймиковъ и сейма. Есть различіе и въ указаніи повѣтоваго сеймика, на которомъ присутствовать приглашаются адресаты сравниваемыхъ лис-

1) Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. л. 13—16 об. Дата: Люблинъ, 27 апрѣля 1569 года.

2) Стр. 326—328.

3) „... тыхъ же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первой были, альбо инъшихъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, не зъ замерною мотью науки, яко первой сего посломъ била (sic) дана, але зъ зупольною и достаточною ку сконъченью тое справы Уни, такъ же и для обмышлеванья около обороны оного панства нашего Великаго Князства Литовскаго, чымъ бы ся обезпечити могло, на тотъ же перво вамъ зложонный спольный съемъ здеся до Люблина ку намъ г[о]с[по]д[а]ру отправивъшы, самъ з мestyца своего здеся до Люблина на тотъ же перво зложонный съемъ ехалъ. Которые послы со всихъ поветовъ Великаго Князства Литовскаго сезде въ Люблине на часъ певный, въ понеделокъ святокъ прышлихъ, м[е]с[я]ца мая тридцатого дня у насъ г[о]с[по]д[а]ра становпли, а твоя бы милость, на тотъ же день сезде до Люблина прыхавъшы, со всякою зацностью, учтивостью и кромъ жадного нарушеня правъ, свободъ и всякихъ вольностей, въ оному панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ звыклыхъ, зо вшелякимъ обварованьемъ екзекуции, то есть отбирания добръ столу нашего господарскаго...“ Ср. листъ Зеновьевичамъ, стр. 224—225 въ изданіи М. К. Любавскаго.

товъ: Зеновьевичи приглашаются ѣхать „на тотъ часъ помененый до повету того, въ которомъ большую, головнейшую оселость маєте, на соймикъ поветовый“; Нарушевичъ же — „на соймикъ до котораго колвекъ повету“. Какъ радный панъ, занимавшій урядъ не приуроченный къ какому-либо воеводству или повѣту, подобно воеводамъ и каштелянамъ, онъ могъ выбрать для своего присутствія любой повѣтовый сеймикъ, на которомъ ему будетъ удобно быть. Наконецъ, отмѣтимъ слова „ваша милость панове рада нашы и вси станы“ вмѣсто „вси станы“¹⁾, „ничого не постановившы ихъ милость панове рады нашы и иные станы“ вмѣсто „ничого не постановившы“²⁾ и т. п., которыя вставлены въ текстъ листа къ Нарушевичу, какъ къ радному пану, во вниманіе къ его положенію члена господарской рады Великаго Княжества Литовскаго. Характеръ работы государственной канцеляріи надъ листами къ панамъ-радѣ и къ остальнымъ лицамъ и въ повѣты передъ сеймиками ярко иллюстрируется слѣдующимъ мѣстомъ листа къ Нарушевичу: „для чого абы есте вже на иншый часъ соймиковъ собе вси споломъ, або которые колвекъ особы, жаднымъ днемъ прекладати³⁾ не смеючы, але певне а неотменно дня вышей мененого зъехавъшыся . . .“ Тутъ писавшій даже не измѣнилъ второго лица множественнаго числа въ словѣ „есте“ или не перестроилъ фразы введеніемъ добавочныхъ словъ, а просто вписалъ общій текстъ листовъ сеймовыхъ⁴⁾.

Итакъ, листъ къ Нарушевичу не даетъ права считать листы, отправляемые въ изучаемую эпоху передъ сеймиками предсеймовыми къ панамъ-радѣ, обязательно заключающими въ себѣ большій матеріалъ, чѣмъ и листы въ повѣты. Бóльшая освѣдомленность радныхъ пановъ во время сейми-

1) 4-ая строка снизу на стр. 222 въ изданіи М. К. Любавскаго.

2) 12—11 строки снизу на стр. 223 того же изданія.

3) Въ оригиналѣ описка: „переклади“.

4) См. стр. 225, 11—9 строки снизу въ изданіи М. К. Любавскаго.

Оканчивается господарскій листъ къ Нарушевичу (сряду послѣ приведенныхъ нами въ текстъ словъ „дня вышей мененого зъехавъшыся“ такъ: „на соймикъ до котораго колвекъ повету, пословъ, яко ся вышей въ семь листе поменяло, отправовали и якъ посломъ поветовымъ поспешытися, такъ и твоя милость самъ ку намъ г[о]с[по]д[ар]у до Люблина на часъ назначовый абы не оmeshкивали“. Далѣе сразу слѣдуетъ дата листа: Люблинъ, 27 апрѣля 1569 года.

кованья должна была, такимъ образомъ, получаться изъ другихъ источниковъ, а не изъ обычныхъ господарскихъ листовъ, которые они получали передъ повѣтовыми сеймиками. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ другихъ образцовъ листовъ, адресованныхъ панамъ-радѣ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками эпохи до заключенія Люблинской Уніи, кромѣ рассмотрѣннаго. Поэтому и наблюденіе наше не можетъ претендовать на то, чтобы считаться общею характеристикой господарскихъ листовъ раднымъ панамъ Великаго Княжества Литовскаго передъ сеймиками за изучаемое время, но листы того же содержанія, какъ и Нарушевичу, передъ весенними сеймиками 1569 года были разосланы всѣмъ Литовско-Русскимъ раднымъ панамъ. Въ X-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики передъ текстомъ рассмотрѣннаго листа къ Нарушевичу стоитъ заголовокъ, говорящій объ общемъ значеніи этого текста: „Листъ соймовый до пановъ радъ.“ Запись о разсылкѣ этихъ листовъ¹⁾, предшествующая въ книгѣ тексту листа къ Нарушевичу, не оставляетъ сомнѣнія въ общемъ значеніи этого текста. Запись эта озаглавлена такъ: „Листы соймовые до пановъ радъ тыхъ, нижей имены помененыхъ, писаныи²⁾, изъ Люблина посланыи³⁾ въ року 69 м[е]с[е]ца апреля⁴⁾ 27 дня, то есть.“ Далѣе перечислены слѣдующіе адресаты: бискупы Виленскій, Луцкій, Жомойтскій и Кіевскій, князь Слуцкій, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе, староста Жомойтскій, воеводы — Кіевскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Подляшскій, Метиславскій, Браславскій, Берестейскій и Минскій, каштеляны — Кіевскій, Берестейскій, Метиславскій, Подляшскій, Новгородскій, Полоцкій, Минскій, Браславскій и Жомойтскій, подскарбій земскій и урядники столовые⁵⁾ — крайчій, стольникъ и чашникъ. За-

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 12 об.

2) Въ оригиналѣ: „писаныи“.

3) Въ оригиналѣ: „посланыи“.

4) Исправляемъ изъ „мая“ оригинала, такъ какъ слѣдующій за этимъ заголовкомъ листъ къ Нарушевичу имѣетъ именно эту дату.

5) „До врядниковъ столовыхъ:

до крайчого,
до стольника,
до чашника“.

ключается эта запись словами: „всѣхъ листовъ тѣхъ писано тридцать и два“.

Этотъ списокъ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго вызываетъ, однако, вопросы. Подсчетъ числа листовъ — „тридцать и два“ — совершенно совпадаетъ съ числомъ адресатовъ, итогъ которому онъ подводитъ. Но мы имѣемъ пропущенными въ этомъ списокѣ воеводу и каштеляна Волынскихъ. Оба эти уряда не были вакантны въ 1569 году: первый изъ нихъ былъ занятъ княземъ Александромъ Θεодоровичемъ Чорторыйскимъ, а второй — княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вишневецкимъ. Предположить, что эти лица не обозначены въ списокѣ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго потому, что Волынь 1 марта 1569 года была присоединена къ Польшѣ¹⁾, мы не имѣемъ права, такъ какъ въ тотъ же день было присоединено къ Польшѣ и Подляшье, а между тѣмъ его воевода и каштелянъ въ этомъ списокѣ имѣются. Этого мало. Самое внесеніе въ него Подляшскихъ радныхъ пановъ было нарушеніемъ требованія Польскаго сейма о томъ, чтобы канцелярія Княжества не вѣдала больше дѣлъ Подляшья и Волыни²⁾. Очевидно, что канцелярія Великаго Княжества Литовскаго не исполнила этого требованія и, вѣроятно, убѣдила отступить отъ него и самого Сигизмунда Августа. Но твердо опереться на этотъ списокъ для выводовъ мы не рѣшились бы: имѣя пропускъ и предполагая дополненіе въ части, перечисляющей воеводъ и каштеляновъ, онъ не можетъ быть признанъ надежнымъ источникомъ и въ части, перечисляющей столовыхъ урядниковъ.

Мы разсмотрѣли документы, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками за время отъ учрежденія этихъ собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ до заключенія Люблинской Уніи. За три года практики созывовъ сеймиковъ государственная канцелярія Княжества успѣла приобрѣсти извѣстный навыкъ въ составленіи этихъ документовъ и выработать опредѣленные формы и манеру, въ которыхъ они составлялись. Разсматривая отдѣль-

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 27.

2) Ibidem. Стр. 28.

ные документы „справъ соймовыхъ“, мы имѣли случаи отмѣчать и извѣстное движеніе въ выработкѣ текста отдѣльных видовъ господарскихъ листовъ, входившихъ въ составъ этихъ „справъ“. Дѣло налаживалось и, выливаясь въ опредѣленные формы, становилось уже привычнымъ по своей техникѣ чинамъ, работавшимъ въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго надъ составленіемъ листовъ, изъ нея выходившихъ. Лѣтомъ 1569 года Люблинская Унія была наконецъ утверждена, и Великое Княжество Литовское, какъ „панство“ вступило въ основанное на договорѣ соединеніе съ „панствомъ“ Польскимъ. Однимъ изъ условій этого договора явились „сполные“ сеймы. На подготовкѣ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ государственною канцелярією Княжества отмѣна особыхъ Литовско-Русскихъ сеймовъ и замѣна ихъ спольными сеймами съ Короною должны были несомнѣнно отразиться. Теперь эта канцелярія должна была составлять предсеймовые документы для тѣхъ же сеймовъ, для которыхъ ихъ одновременно вырабатывала и канцелярія Коронная. Это должно было сблизять работу передъ сеймами и предшествующими имъ сеймиками въ обѣихъ канцеляріяхъ. Въ то же время продолжалось и дальнѣйшее развитіе техники по изготовленію соответствующихъ формъ для листовъ, выходившихъ изъ государственной канцеляріи Княжества. Къ разсмотрѣнію имѣющихъ отношеніе къ созыву предсеймовыхъ сеймиковъ и выходившихъ изъ этой канцеляріи документовъ въ годы послѣ Люблинской Уніи теперь и обратимся.

Послѣ образованія соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой въ царствованіе Сигизмунда Августа вальные сеймы собирались въ 1570 и 1572 годахъ. Намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрицѣ документовъ, которые были составлены для повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ передъ сеймомъ 1570 года, но документы по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ сеймомъ 1572 года удалось встрѣтить собранными полностью въ „справѣ соймовой“, вписанной въ LVI-ю книгу Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики¹⁾. Эта „справа“ особенно обширна, благодаря тому, что вальный сеймъ пришлось не разъ отерочивать, а также

1) Приложенія. Стр. 1—42.

дѣлать отступленія отъ установленнаго статутомъ 1566 года способа сеймикованья, въ виду повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ то время въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ составъ „справы соймовой“ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года входитъ прежде всего „наука“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики¹⁾. За нею слѣдуютъ текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты²⁾, текстъ запечатанныхъ („защитыхъ“) листовъ къ старшимъ панамъ-радѣ³⁾, текстъ запечатанныхъ же листовъ къ панамъ-радѣ „меншимъ“⁴⁾, текстъ незапечатанныхъ („отворонныхъ“) листовъ къ княжатамъ и панятамъ и къ урядникамъ земскимъ и дворнымъ⁵⁾, текстъ листовъ къ повѣтовымъ маршалкамъ⁶⁾. Далѣе въ составъ той же „справы“ входятъ: текстъ порученія посольства лицамъ, назначеннымъ господарскими послами на повѣтовые сеймики⁷⁾, и текстъ приказа объ опубликованіи въ повѣтахъ господарскихъ листовъ, назначающихъ предсеймовые сеймики⁸⁾. Къ этимъ документамъ, обычнымъ по своему характеру при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, присоединенъ еще одинъ, вызванный особенностью положенія дѣль въ одномъ изъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, а именно въ повѣтъ Виленскомъ. Это — господарскій „листъ защитый около зѣханя на соймикъ не до Вилна для мору, але на иншое мѣстѣце“, адресованный къ раднымъ панамъ Виленскаго воеводства, т. е. къ бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ⁹⁾. Но сеймъ, назначенный на 6 января 1572 года, былъ отсроченъ до 2 февраля того же года. Это вызвало новую работу канцеляріи Княжества. Въ декабрѣ 1571 года были составлены „листы около отсроченья сойму, на Три Кроли зложоного, до Громницъ“. Опять были

1) Приложенія. № I, 1.

2) Ibidem, 2. Особаго содержанія повѣтовые листы были посланы въ воеводства Виленское и Троцкое, которыхъ повѣты должны были собраться на сеймики въ виду повѣтрія не по повѣтамъ, а по воеводствамъ — *ibidem*, 3.

3) Ibidem, 4.

4) Ibidem, 5.

5) Ibidem, 6.

6) Ibidem, 7.

7) Ibidem, 9.

8) Ibidem, 10.

9) Ibidem, 8.

составлены текстъ листовъ „защитыхъ“ къ шести старшимъ раднымъ панамъ¹⁾, а, надо думать, по ихъ образцу были разосланы листы и къ остальнымъ сенаторамъ Великаго Княжества Литовскаго, и текстъ листовъ въ повѣты²⁾. Къ нимъ присоединяются два листа, не имѣющіе общаго значенія въ дѣлѣ подготовки обычныхъ предсеймовыхъ сеймиковъ³⁾. Но сейму 1572 года не удалось состояться и 2 февраля. Онъ былъ вновь отсроченъ, на этотъ разъ до 2 марта. Снова пришлось государственной канцеляріи составить объ этомъ „защитые“ господарскіе листы къ шести старшимъ раднымъ панамъ⁴⁾, а также и къ остальнымъ панамъ-радѣ⁵⁾ и листы въ повѣты⁶⁾. Таковъ составъ документовъ „справы соймовой“ по созыву сейма 1572 года и повѣтовыхъ передъ нимъ сеймиковъ.

Король Генрихъ не успѣлъ созвать ни одного вальнаго сейма въ свое короткое царствованіе. Но его преемникъ Стефанъ Баторій созвалъ одинъ за другимъ семь сеймовъ соединенной Речи Посполитой⁷⁾. Первый изъ этихъ сеймовъ былъ созванъ въ Торунѣ въ октябрѣ 1576 года. Онъ былъ назначенъ сперва на день св. Михаила, т. е. на 29 сентября 1576 года, но затѣмъ перенесенъ „у колку дней по Светомъ Михаилу на день Светого Франътишка“, т. е. на 4 октября. Документы по созыву этого сейма разбросаны въ различныхъ книгахъ Литовской Метрики. Намъ извѣстны: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты, 2) текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики, которая ссылается на эти листы въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ говорится объ отсрочкѣ сейма на нѣсколько дней съ 29-го сентября и 3) списокъ господарскихъ листовъ въ повѣты⁸⁾. Въ

1) Ibidem, 11.

2) Ibidem, 12.

3) Ibidem, 14 и 15.

4) Ibidem, 16.

5) См. ibidem, стр. 39.

6) Ibidem, 17.

7) Торунскій сеймъ 1576 года, Варшавскіе сеймы 1578, 1580, 1581, 1582 и 1585 годовъ и созданный на 2 февраля 1587 года сеймъ въ Варшавѣ, не успѣвшій, однако, собраться за смертью короля Стефана.

8) Инструкція господарскимъ посламъ и ихъ списокъ изданы ниже — Приложенія, № II. Текстъ листовъ въ повѣты слѣдующій. — „Листы соймовые, до всихъ становъ Велпкого Князства Литовскаго писа-

гораздо болѣе полною составѣ и притомъ въ одной книгѣ Литовской Метрики намъ удалось встрѣтить документы по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ январскимъ Вар-

ные, складаючи соймъ въ Торуню въ року [15]76 на день Светого Михала. Стефанъ, Божью милостью король Польскій etc. Воеводе Меньскому, пану Николаю Сапезе, такъ же княземъ, паномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, вранникомъ земскимъ и дворнымъ и всему рицерству, обывателемъ воеводства Меньского, земля и поветовъ, къ нему належачныхъ. Всимъ воевецъ и каждому зособна ознаймуемъ и ку ведомости приводимъ, пжъ што ваша милость, панове рады наши духовные и светскіе и вси станы, рицерство Великого Князства Литовского, [зѣ] зъезду Метибоговского присылали до насъ братю свою, некогорыхъ ихъ милости пановъ радъ нашихъ и пановъ вранниковъ земскихъ и дворныхъ, такъ же зо всихъ земель, воеводствъ и поветовъ [Великого] Князства Литовского часу елекцыи и коронацыи нашео уближило, а пжъ есмо послы наши до вашихъ милостей, всихъ становъ Великого Князства Литовского, на зъездъ Метибоговскій посылали, упоминаючи и ласкавостью добротливости нашео до згоды приводечи, жебы, таковое разрозненье для доброго и пожиточного речи посполитое и для задержанья въ целости тыхъ панствъ, Корунъ Польское и Великого Князства Литовского, ку згоде и братскому поровнанью приведши, на панованье нашео у Великомъ Князстве Литовскомъ зезволили, въ чомъ ваша милость панове рады и вси станы, будучи народъ вольный, цютливый, яко въ кождыхъ пныхъ, такъ и въ той справе, ростропности и доброго баченья уживаючи а въ целости захованья речи посполитое постерегаючи, з милости своео ку персоне маестату нашего на панованье нашео у Великомъ Князстве Литовскомъ умыслъ свой склонивши, черезъ тыхъ же пановъ пословъ своихъ того ся домовляли и потребовали, пжъ быхмо то, што ся народови Великого Князства Литовского уближило, обваровавши захованье правъ, вольности и свободъ Великого Князства Литовского, присеюю нашео утвердили. Въ чомъ мы, повинность нашу господарскую знаючи, а таковую жъ хуть и склонность, которую вси ваша милость панове рады и иные станы Великого Князства Литовского, вдячне намъ милые, ку особе маестату нашего оказали, зо вшелякою ласкавостью пріймучи, ради, на то, водлугъ жадливости пановъ пословъ зезволивши, яко на тое все, до чого повинность наша, присегу есмо учинили, такъ и то, што ся намъ з особы нашео годило, особливими листы нашими обваровали и утвердили; а што ся на тотъ часъ безъ сойму великого вального отсправити не могло, то есмо на съемъ великій вальный, блиско приплыи, отложили; чого всего преписы съ канцлерии нашео, хто бы того потребовалъ, выдавати есмо розказали, и до земель, воеводствъ и поветовъ Великого Князства Литовского розослаю будеть, водле прозбы пановъ пословъ. А кгда есмо тому всему, што намъ належало досеть учинили, тогды ихъ милость панове послове, за моцю и злеценьемъ, отъ всихъ становъ имъ данымъ, именемъ своимъ и именемъ вашихъ милостей пановъ радъ, брати своео, на верное подданство

шавскимъ сеймомъ 1578 года. Мы имѣемъ для созыва этихъ сеймиковъ: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты, 2) текстъ господарскихъ сеймовыхъ листовъ къ панамъ-радѣ,

присягу намъ вделали и то зверхности нашей отъдали, што належало персоне маестату нашего ку влады и справованью речи посполитое. Мы, похваливши имя Вшехмоцного Пана, которій такъ великіе sprawy ку згоде зносити рачить, таковое змоцненье поприсяженьемъ тое всеe sprawy вашей милости ознаймуемъ. Ваша бы милость, панове рады наши, и вси станы, обыватели Великого Князства Литовьского, о томъ ведаючи, кгдажь вшелякіе sprawy около щастливого панованья нашего достаточне ся сконъчили и дошли, всякіе sprawy, врадомъ вашей милости сенаторскимъ, такъ же врадомъ кгородьскимъ и земьскимъ поветовымъ належачіе, подъ зверхностью и тытуломъ нашимъ г[о]с[по]д[ар]скимъ радили и sprawy судовые водле обычая права посполитого и статуту Великого Князства Литовьского отъправовали. А ижь намъ панове послове, перекладаючи немалые небезпеченства того панства, Великого Князства Литовьского, обороны потребовали, тогда, яко есмо особу маестату нашего зо всимъ, што есмо намилшого въ себе мети могли, до тыхъ панствъ вынесли, такъ ку обороне и задержанью целости ихъ не толко маестности, але и здоровья нашего господарского, где того потреба окажетъ, литовати не будемъ, кгдажь, за постановенемъ обороны въ Короне Польской, вжо уфаленое и постановленое, такъ о всемъ добромъ и безпечномъ Коруны Полское и Великого Князства Литовьского зо всимъ услованьемъ нашимъ обмышлеваемъ, ижь быхмо ради безпечность и целость тыхъ панствъ задержали, якожь и теперъ замьки пограничные спатрити и людми служебными границы з властности наше господарское осмотрети и посилити есмо велели, а до великого князя Московского, ознаймуючи ему панованье наше и то, же покой, застановленный з нимъ, деръжати хочемъ и кровопролития въ христьянствѣ не жадаемъ, писали есмо и посланцы наши до него посылаемъ; ведьже до чого бы ся онъ мети хотелъ, тогда мы, маючи ведомость съ тое стороны, не омешкаемъ особою нашою ку поратованью и вшелякимъ потребамъ того панства прибыти. Якожь для того и для иньшыхъ всихъ потребъ, речи посполитое належачихъ, а неменьшъ поважуючи потребы и жадаючи народу Великого Князства Литовьского въ тыхъ артыкулахъ, которіе ся теперъ безъ сойму вального сконъчити не могли, такъ же и для постановенья порадное обороны умыслили есмо съемъ вальный мети на день Светого Михаила въ Торуню, кгдажь съ Торуня такъ далеко до Вильня, яко и до Варшевы, догажаючи тому, ижь быхмо ся тамъ, где того потреба окажетъ, поспешити не омешкали, для чого и соймники поветовые передъ соймомъ великимъ вальнымъ передъ Светымъ Михаломъ за чотыри недели, то есть месеца сеньтебра первого дня, складаемъ. На которихъ соймикохъ въ поветехъ вси станы, яко о тыхъ справахъ и артыкулахъ, о чомъ есте до насъ черезъ послы свои всказывали и што есть до сойму великого вального отъложено, такъ и то, што черезъ посла нашего на соймники поветовые отъ насъ будеть подаво, якъ во вспыхъ

3) текстъ сеймиковыхъ листовъ, которые были отправлены къ княжатамъ и панятамъ, 4) текстъ „креденса“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики, 5) текстъ господарскихъ листовъ съ порученіемъ посольства этимъ посламъ, 6) текстъ инструкціи имъ и 7) запись разсылки сеймиковыхъ документовъ, вышедшихъ изъ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года¹⁾. Для изученія созыва предсеймовыхъ сеймиковъ эпохи Стефана Баторія намъ удалось найти въ Литовской Метрицѣ еще документы лишь 1586 года, т. е. послѣднихъ предсеймовыхъ сеймиковъ, созданныхъ въ это царствованіе. Эти документы слѣдующіе: 1) текстъ сеймовыхъ листовъ господарскихъ въ повѣты, 2) текстъ „креденса“ господарскимъ посламъ и 3) текстъ порученія этимъ посламъ господарскаго посольства на повѣтовые сеймики²⁾.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ документы по созыву сеймиковъ передъ тремя сеймами эпохи Баторія: 1576, 1578 и 1586 годовъ. Но король Стефанъ созывалъ кромѣ сеймовъ и сѣзды. Въ 1577 году были созданы сѣзды какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Коронѣ. Кромѣ того Баторіемъ созывались сѣзды и въ одномъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Документы по созыву сеймиковъ передъ этими сѣздами также сохранились. Для сеймиковъ передъ сѣздомъ 1577 года имѣемъ въ Литовской Метрицѣ слѣдующіе документы³⁾: 1) текстъ инструкціи господарскимъ посламъ

посполитыхъ, такъ и въ каждой земли, воеводствахъ и поветахъ особно потребахъ и долегостяхъ намовивши, послы отъправили, которіе прикладомъ, яко се въ Польще въ Корчине и въ Коле соймйки головные отправляютъ, до Вольковыйска зъехавши и з собою се порозумевши, ижъ бы отътуль прибытьемъ своимъ на съемъ великій вальный не омешкивали. А ижъ тежъ на постановенью сойму Любельского пры Уніи постановлено и депутовано певные особы для поправованья статуту, про то, што кольвекъ се поправило и еще де сойму вального поправить можетъ, абы на тотъ же соймъ принесено, яко бы ся тому постановенью досыть стало, кгдажь то и въ артыкулахъ короля Генърика, черезъ насъ поприсежонныхъ, есть доложено. Писанъ у Варъшаве, лета Божого Нарож[енія] 1576, месеца іюля 7 дня. Матей Савицкій, каштелянъ Подляшскій, писаръ Великаго Князства Литовскаго“ (Лит. Метр. $\frac{I-A}{56}$ л. л. 14—16 об.).

1) Приложенія. № VI.

2) Приложенія. № X.

3) Приложенія. № III.

на эти сеймики, 2) текстъ господарскихъ универсаловъ въ повѣты, 3) два текста господарскихъ листовъ къ раднымъ панамъ, 4) текстъ господарскихъ листовъ съ порученіемъ посольства посламъ, назначеннымъ на повѣтовые сеймики, 5) запись лицъ, назначенныхъ господарскими послами, и запись разсылки сеймиковыхъ документовъ. Наконецъ, для созыва сеймиковъ передъ сѣздами 1578 и 1580 годовъ имѣемъ¹⁾: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты и 2) запись разсылки сеймиковыхъ документовъ.

Такимъ образомъ, намъ не удалось найти въ Литовской Метрицѣ документовъ по созыву рѣшительно всѣхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, созванныхъ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ. Но это не лишаетъ насъ возможности изучить работу центральныхъ органовъ и канцеляріи Княжества по созыву предсеймовыхъ и предсѣздовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ за эту эпоху: созывъ ихъ совершался по выработанному шаблону, съ очень небольшими къ нему добавленіями и отъ него уклоненіями, вызывавшимися иногда потребностями минуты, и для изученія общей картины этой работы собранные источники могутъ быть признаны совершенно достаточными. Съ другой стороны, мы рѣшили ограничить наше наблюденіе надъ документами канцеляріи Княжества, составляемыми въ ней для созыва этихъ сеймиковъ, 1586-мъ годомъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) установленіе опредѣленныхъ формъ, въ которыя вылилась работа государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву этого вида сеймиковъ послѣ Люблинской Уніи, опредѣлилось именно въ эту эпоху, которая завершилась составленіемъ III-го Литовскаго статута, ставшаго Литовско-Русскимъ кодексомъ для всего послѣдующаго существованія Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи „панства“, т. е. вплоть до раздѣловъ Речи Посполитой Польско-Литовской²⁾, 2) при изученіи подготовки повѣтовыхъ сеймиковъ эпохи Сигизмунда Вазы пришлось бы или перейти въ XVII сто-

1) Приложенія. №№ VII и VIII.

2) И послѣ присоединенія Великаго Княжества Литовскаго къ Російской Имперіи III статутъ, какъ извѣстно, долго еще служилъ закономъ, дѣйствовавшимъ на его территоріи.

лѣтіе, или остановить это изученіе на половинѣ царствованія этого короля, что одинаково неудобно. Итакъ, ограничившись перечисленными выше документами, присмотримся поближе къ нимъ и познакомимся съ ихъ формою и характеромъ содержанія.

На первомъ планѣ въ ряду документовъ по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ сеймами и съѣздами нужно поставить господарскіе универсалы или листы въ повѣты, извѣщающіе повѣтовыхъ обывателей о предстоящихъ сеймикахъ и указывающіе вопросы, ради разрѣшенія которыхъ сеймики созываются. Эти листы обращаются къ повѣтовой шляхтѣ обычнымъ обращеніемъ универсаловъ: „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталянѣмъ, маршьялкомъ, старостамъ, державцамъ, вадникомъ земьскимъ и дворьнымъ и всему рыцерьству-шляхте, обователемъ“ того или другого повѣта ¹⁾. Иногда въ этой формулѣ обращенія встрѣчаемъ добавленными слова „кнегинямъ, панямъ, вдовамъ“ и „двораномъ нашимъ ²⁾“. Иногда во главѣ повѣтовыхъ обывателей обращеніе господарскаго сеймоваго листа ставитъ воеводу ³⁾, конечно, если этотъ листъ обращается къ обывателямъ центрального, а не другихъ повѣтовъ воеводства; иногда же въ этомъ обращеніи перечисляются всѣ радные паны такого повѣта ⁴⁾.

Универсалы въ повѣты не всегда одинаково подробны. Универсалы отъ 1 октября 1571 года ⁵⁾ представляютъ собою короткое извѣщеніе о предстоящихъ сеймикахъ и сеймѣ, который созывается „для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ Коруны Польское и Великого Князства Литовьского, яко одно сполное речи посполитое“, отложенныхъ отъ прошлыхъ сеймовъ; къ этому прибавляются „не меньшыя потребности и небезпечности земьскіе“, которыя также не могутъ терпѣть никакой задержки. Далѣе говорится о назначеніи сейма на день „Трехъ Кролей, свята Рымьского“ въ 1572 году и о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ въ Княжествѣ на 9 де-

1) Приложенія. Стр. 97. Ср. стр. 119, 123 и 140.

2) Ibidem. Стр. 64.

3) См. выше, стр. 378, примѣчаніе.

4) Приложенія. Стр. 13, 30, 39.

5) Приложенія № 1, 2.

кабря 1571 года, такъ какъ, согласно статуту Великаго Княжества Литовскаго, повѣтовые сеймики должны предшествовать вальному сейму четырьмя недѣлями. Что касается до сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія предметовъ предстоящаго сейма, то универсалы его не даютъ; по ихъ словамъ, отъ господаря на сеймикъ посланъ его посоль (названъ по имени) „з наукою зуполною“, и имъ „вси тые sprawy и потребы земьскіе, которые выконанья своего требуютъ, также и всякіе небезъпечности, о чомъ на сойме вальномъ радити, з науки, отъ“ господаря „на писме ему даное“, собравшимся на сеймикъ „оповеданы и достаточне а меновите ознаймены будутъ“. Въ заключеніе универсалы предписываютъ обывателямъ повѣта съѣхаться въ повѣтовый центръ на сеймикъ въ назначенный для него день, выслушать отъ господарскаго посла то, что поручено сообщить имъ, и, не ожидая долго еще не прибывшихъ на сеймикъ, сдѣлать „въ тыхъ речахъ намову межи собою“, а затѣмъ выбрать изъ своей среды пословъ на сеймъ и выправить ихъ въ Варшаву, „давши имъ зупольную, а не замероную отъ себе моцъ“.

Универсалы Баторія, созывающіе повѣтовые сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года, подробнѣе¹⁾. Въ нихъ прежде всего читаемъ довольно обстоятельное упоминаніе о сношеніяхъ съ королемъ Стефаномъ Мстибоговскаго съѣзда Княжества²⁾ и о согласіи послѣдняго на возведеніе на престолъ Баторія, а также о благодарности короля за это согласіе и объ утвержденіи имъ особыми листами правъ Великаго Княжества Литовскаго (за исключеніемъ отложеннаго на ближайшій сеймъ). Баторій съ благодарностью говоритъ о принесенной ему послами Княжества присягѣ именемъ всей Литовско-Русской шляхты и прибавляетъ о возобновленіи обычнаго функционированія урядовъ послѣ прекращенія безкорольевья³⁾. Далѣе универсалъ говоритъ о большихъ опасностяхъ Великаго Княжества Литовскаго, о которыхъ довели до свѣдѣнія короля послы Мстибоговскаго

1) См. выше стр. 377, прим. 8.

2) Объ этихъ сношеніяхъ см. И. И. Лапко, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 142 и сл.

3) Ср. выше, стр. 118, прим. 4.

съѣзда. Стефанъ Баторій готовъ служить дѣлу защиты Княжества, не жалѣя своихъ средствъ и здоровья; онъ упоминаетъ о своемъ распоряженіи осмотрѣть пограничныя замки и усилить ихъ военныя средства, а также объ отправкѣ имъ пословъ въ Москву для установленія мира; въ случаѣ неблагоприятнаго оборота сношеній съ Московскимъ государемъ, король Стефанъ лично прибудетъ въ предѣлы Княжества. Для этихъ дѣлъ, а также для всѣхъ другихъ нуждъ государственныхъ, а не менѣе того и для разрѣшенія дѣла о требованіяхъ, представленныхъ королю для Великаго Княжества Литовскаго Мстибоговскимъ съѣздомъ, которыхъ онъ не можетъ исполнить безъ разсмотрѣнія ихъ сеймомъ, и наконецъ для постановленія „порадное обороны“ Стефанъ Баторій созываетъ въ Торунѣ сеймъ на день св. Михаила въ 1576 году. Торунь, какъ мѣсто для сейма, избранъ, по словамъ универсала, потому, что онъ находится въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ Вильны, такъ и отъ Варшавы, и изъ него Баторій можетъ безъ задержки поспѣшить туда, „где того потреба окажется“. Сеймики въ повѣтахъ Княжества назначаются на 1 сентября, и на нихъ повѣтовая шляхта приглашается совѣщаться 1) о тѣхъ „справахъ и артыкулахъ“, которые были переданы королю отъ Мстибоговскаго съѣзда и которые отложены до сейма, 2) о томъ, что будетъ изложено сеймику господарскимъ посломъ, 3) обо „всихъ посполитыхъ такъ и въ каждой земли, воеводствахъ и поветахъ особно потребахъ и долегlostяхъ“. Сеймики должны выбрать своихъ пословъ на сеймъ, и эти послы передъ сеймомъ, на который они не должны опоздать, предварительно должны собраться и совѣщаться между собою въ Волковыйскѣ, подобно тому какъ это дѣлаютъ сеймиковые послы Польскіе въ Колѣ и Корчинѣ. Въ заключеніе универсаль говоритъ о томъ, чтобы на предстоящій сеймъ были доставлены исправленія Литовскаго статута, которыя уже готовы или которыя будутъ изготовлены къ сейму. Это тѣ исправленія, о которыхъ постановилъ еще Люблинскій сеймъ, назначившій для совершенія ихъ депутатовъ, и о которыхъ говорятъ также Генриховы артикулы, утвержденныя и присягою Стефана Баторія¹⁾.

1) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 194 и сл.

Повѣтовые универсалы передъ Торунскимъ сеймомъ несомнѣнно отражаютъ на себѣ обстоятельства признанія Стефана Баторія Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и настроеніе послѣдняго въ только что закончившееся безкорольевѣ¹⁾. Первая часть ихъ текста прямо говоритъ о нихъ. Самое объясненіе причины выбора Торуня, какъ мѣста для предстоящаго сейма, тѣмъ, что онъ находится въ одинаковомъ разстояніи отъ Вильны и отъ Варшавы, даетъ отзвукъ требованія Мстибоговскаго съѣзда о томъ, чтобы спольные вальные сеймы собирались попеременно въ Княжествѣ и въ Коронѣ. Наконецъ, можно указать и на упоминаніе о „потребѣхъ и долегластяхъ“ повѣтовъ, слова, которыя даетъ и II статуть въ своемъ артикулѣ о повѣтовыхъ сеймикахъ, — настойчивая охрана своихъ правъ Княжествомъ въ эту эпоху могла заставить внести эти слова статута въ универсалы, хотя они и не вносились въ универсалы Сигизмунда Августа предъ сеймомъ 1572 года. Но обстоятельнаго изложенія дѣлъ, которыя будутъ обсуждать предстоящій сеймъ, не находимъ и въ этихъ универсалахъ: дѣла сейма сообщить повѣтовому сеймику господарскій посоль по своей „наукѣ“ - инструкціи, съ которою онъ явится.

Повѣтовые универсалы Стефана Баторія передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года также передаютъ обстоятельное изложеніе вопросовъ и дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію предстоящаго сейма, господарскому послу. Въ началѣ ихъ текста говорится о неуспѣшности занятій предыдущаго, т. е. Торунскаго сейма. Далѣе — о возобновленіи войны съ Москвою, о военныхъ успѣхахъ послѣдней и объ опустошеніяхъ, совершенныхъ ею. Король созываетъ сеймъ, „прыхляючыся статутуви, водле которого на соймехъ валныхъ о войне намовы мають быти“; также онъ заботится и объ организаціи правосудія. Затѣмъ указывается день открытія сейма и сеймиковъ. На послѣднихъ предлагается совѣщаться какъ объ изложенномъ выше, такъ и о другомъ, что „шырей черезъ посла“ господарскаго „на томъ соймику“ будетъ сообщено отъ господара. Далѣе предписывается выбрать на сеймъ по два посла отъ повѣтовъ, „яко статуть омавяеть“, а также собраться всѣмъ на предсеймовый съѣздъ

1) См. И. И. Лапио, *op. cit.*, стр. 115 и сл.

въ Волковыйскѣ вмѣстѣ съ этими послами, а оттуда съ ними же ѣхать на сеймъ. Король убѣждаетъ не опоздать на сеймъ, такъ какъ срокъ засѣданій его назначенъ короткій, а потребности государства чрезвычайныя. Покончивши на сеймѣ съ дѣлами, о которыхъ говорятъ универсалы (т. е. Московская война и устройство суда), Баторій выражаетъ готовность видѣть на немъ разрѣшенными и остальныя дѣла Великаго Княжества Литовскаго — „рады бы есмо тежъ и иные потребы речы посполитое, [которые] потребнейшыя вашей милости паномъ радамъ и всимъ станомъ, на сойме будучымъ, видети будутъ, обравшы, съ помочью Божью отъправовали, поколе часу, замероного сойму, ставати будеть“. Въ заключеніе король проситъ снабдить повѣтовыхъ пословъ „незамероною моцю“ и желаетъ поспѣшнаго прибытія ихъ на сеймъ.

Въ этихъ универсалахъ отражается: 1) крайне серьезный и напряженный моментъ для Великаго Княжества Литовскаго, въ который вступила Московская война, 2) протестъ Княжества противъ „незвыклаго“ сѣзда и сеймиковъ передъ нимъ, которые собиралъ Баторій въ предшествующемъ году¹⁾, — ссылки на статутъ особенно умѣстны въ виду этого и 3) желаніе короля Стефана не возстановлять противъ себя Княжества въ виду неисполненія Торунскимъ сеймомъ требованій Мстибоговскаго сѣзда и протеста на этомъ сеймѣ Литовско-Русскихъ представителей²⁾. Последнее видно не только въ обѣщаніи короля заняться на сеймѣ „потребнейшими“ дѣлами Княжества, если останется время, но и въ его приглашеніи Литовско-Русской шляхты явиться цѣликомъ всей на Волковыйскій сѣздъ и Варшавскій сеймъ.

Сеймиковые универсалы Стефана Баторія, изданные 8 ноября 1586 года, кратки. Въ началѣ ихъ текста король съ грустью говоритъ о томъ, что всѣмъ извѣстна полная неуспѣшность для государства работы предыдущихъ сеймовъ. Баторій, очевидно, уже не вѣритъ въ способность сейма работать на пользу государства. Онъ говоритъ, что созы-

1) См. Приложенія, № IV и А. Вил. III, стр. 271—277. (Тотъ же документъ — А. Н. R. G. P. III. XI, № LVIII). Ср. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 161 и сл.

2) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 154—157 и прим. 4 къ стр. 154.

васть новый сеймъ въ виду требованія созыва сеймовъ черезъ каждые два года „правомъ посполитымъ“. Помня это, король, „за радю пановъ радъ“ своихъ, для нуждъ государства назначаетъ сеймъ въ Варшавѣ на 2 февраля 1587 года, а сеймики передъ этимъ сеймомъ, согласно статуту, — на 2 января того же года. На повѣтовые сеймики явится господарскій посоль, который именемъ короля сообщитъ всѣ дѣла, предположенныя для занятій предстоящаго сейма. Сеймикующимъ предписывается, обдумавъ эти нужды государства, выбрать и послать своихъ пословъ на сеймъ съ „моцю незамероною“. Эти универсалы не сообщаютъ повѣтовой шляхтѣ ровно ничего о содержаніи дѣлъ и вопросовъ, которые будутъ обсуждаться на предстоящемъ сеймѣ, цѣликомъ возлагая на господарскаго посла ознакомленіе съ ними сеймикующихъ. Начало документа говоритъ лишь о настроеніи Баторія въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ созывалъ уже не успѣвшій собраться въ его царствованіе сеймъ и когда онъ находился въ тяжеломъ положеніи челоуѣка, убѣдившагося въ своемъ безсиліи сдѣлать для соединеннаго государства то, о чемъ онъ мечталъ раньше какъ его государь.

Подведемъ итогъ подъ нашими наблюденіями надъ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи господарскими сеймиковыми универсалами эпохи между Люблинской Уніей и смертью Стефана Баторія. Универсалы передъ послѣдними сеймиками царствованія Сигизмунда Августа не даютъ никакихъ предварительныхъ сообщеній повѣтовой шляхтѣ о томъ, что ей придется обсуждать на сеймикѣ какъ дѣла предстоящаго сейма. Это она узнаетъ лишь во время сеймикованья отъ господарскаго посла. То же нужно сказать и объ универсалахъ Баторія, созывающихъ не успѣвшие уже собраться за его смертью повѣтовые сеймики 1587 года. Остальные изъ разсмотрѣнныхъ нами универсаловъ короля Стефана, также предоставляя господарскимъ посламъ обстоятельное ознакомленіе сеймиковъ съ вопросами и дѣлами предстоящаго сейма, даютъ, однако, указаніе главнѣйшихъ потребностей государства, въ данное время подлежащихъ обсужденію предстоящаго сейма, дѣлая это, правда, въ самомъ общемъ видѣ. Сверхъ того универсалы Баторія въ своихъ обращеніяхъ къ шляхтѣ повѣтовъ даютъ ей свѣдѣнія о настроеніи государя и объ его личномъ отношеніи

къ вопросамъ, волнующимъ и занимающимъ народъ-шляхту. Такимъ образомъ, изученіе разсмотрѣнныхъ сеймовыхъ или сеймиковыхъ универсаловъ приводитъ насъ къ двумъ выводамъ: 1) эти универсалы почти отказываются отъ задачи ознакомленія повѣтовой шляхты съ дѣлами предстоящаго сейма и стремятся передавать ее цѣликомъ въ руки господарскаго посла и его „науки“, превращаясь сами въ болѣе или менѣе формальное оповѣщеніе шляхетскихъ повѣтовъ о сеймикахъ и сеймѣ; 2) эти универсалы служатъ не только прямому своему назначенію, т. е. созыву повѣтовыхъ сеймиковъ, но ими пользуется господарь и для того, чтобы входить черезъ нихъ въ непосредственное общеніе съ народомъ-шляхтою, помимо спольнаго сейма и его пословъ и пановъ радныхъ, и высказывается передъ нимъ въ этихъ листахъ непосредственно. И Стефанъ Баторій, неудовлетворенный дѣятельностью сеймовъ, видимо, искалъ этого общенія прямо съ шляхетскимъ народомъ черезъ головы пановъ-рады и пословъ повѣтовыхъ, въ этомъ общеніи отыскивая почву для своей дѣятельности.

Обратимся теперь къ универсаламъ Баторія, созывающимъ повѣтовые сеймики не передъ сеймомъ, а передъ Литовско-Русскимъ съѣздомъ, сеймикомъ „головнымъ“, какъ его называютъ иногда источники. Первые сеймики этого рода были созданы въ 1577 году. Универсалы въ повѣты передъ ними составлены съ гораздо болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ требующихъ обсужденія дѣлъ, чѣмъ это дѣлалось въ универсалахъ по созыву сеймиковъ предсеймовыхъ. Послѣ обычнаго обращенія къ повѣтовой шляхтѣ текстъ этихъ универсаловъ говоритъ о Гданскомъ дѣлѣ, Татарскомъ вторженіи и постановленіи посполитаго рушенья Торунскимъ сеймомъ. Король уже выдалъ военные листы, призывающіе въ посполитое рушенье, но паны-рада, собранные Баторіемъ на конвокацію во Вроцлавокъ, посовѣтовали ему, задержавъ созывъ земскаго войска въ рушеньѣ, сначала собрать повѣтовые сеймики и обратиться къ нимъ съ предложеніемъ найти способъ для борьбы съ Гданскомъ и съ Татарами. Король согласился съ этимъ предложеніемъ пановъ-рады и назначилъ повѣтовые и главные сеймики въ Великой и Малой Польшахъ, а также въ Мазовіи. Великому Княжеству Литовскому на 22 іюня 1577 года также назначаются по-

вѣтвые сеймики, а черезъ двѣ недѣли послѣ нихъ главный сеймикъ въ Волковыйскѣ, „на мѣстѣцу упрывилеваномъ“. Баторій приглашаетъ повѣтовыхъ обывателей съѣзжаться на эти сеймики для „достаточныхъ намовъ“ и, обращаясь къ раднымъ панамъ и „стану рыцерьскому“, просить ихъ выбрать изъ своей среды на Волковыйскій главный сеймикъ по нѣскольку пословъ, которые должны королю „дорогу показать“, какъ справиться съ затрудненіями, переживаемыми государствомъ. На повѣтовые сеймики явятся господарскіе послы съ инструкціею отъ короля Стефана, и эти послы „шырей“ изложатъ сеймикамъ дѣла и потребности, ради которыхъ они созываются. Король говоритъ о своей готовности, не жалѣя себя, служить государству и выражаетъ увѣренность, что по примѣру своихъ предковъ повѣтовая шляхта соберется на свои сеймики и укажетъ ему путь къ выводу государства изъ его затрудненій. Далѣе Баторій гарантируетъ, что созываемые необычные сеймики не причинятъ никакого ущерба „праву посполитому и звичаю давному“; передъ сеймомъ будутъ созваны обычные сеймики, и пусть никто не видитъ въ настоящемъ распоряженіи короля „уближенье праву посполитому“. Въ заключеніе король Стефанъ отдаетъ приказаніе административному уряду повѣта опубликовать настоящій его универсалъ въ городѣ и при храмахъ.

Универсалы, созывающіе повѣтовые сеймики и съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго въ 1580 году, также составлены съ обстоятельнымъ изложеніемъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда. Они даже замѣняютъ собою подробное ознакомленіе сеймикующихъ съ этими вопросами, обыкновенно получаемое ими отъ господарскихъ пословъ, которые даже вовсе и не были отправлены на эти сеймики. Послѣ обычнаго обращенія къ повѣтовымъ обывателямъ текстъ этихъ универсаловъ излагаетъ заслуги короля Стефана передъ государствомъ съ начала его царствованія и особенно отмѣчаетъ возвращеніе имъ отъ Москвы завоеванныхъ ею Литовско-Русскихъ городовъ и замковъ. Но мира съ Москвою еще нѣтъ. Для выработки способовъ добиться отъ нея „успокоеня панствъ“ короля былъ недавно созванъ вальный сеймъ въ Варшавѣ¹⁾, который рѣшилъ

1) Имѣется въ виду сеймъ 1579—1580 годовъ.

продолжать Московскую войну. Не жалѣя себя, Баторій поспѣшилъ послѣ этого сейма въ Великое Княжество Литовское для быстрого принятія военныхъ мѣръ. Иванъ IV прислалъ своего гонца съ предложеніемъ выслать къ нему пословъ, но это сдѣлано имъ лишь для того, чтобы выиграть время. Королю Стефану нужно рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) о своемъ „рушеньѣ“ къ войску, 2) о безопасности Великаго Княжества Литовскаго во время его отсутствія, 3) о предложеніи, присланномъ великимъ княземъ Московскимъ черезъ его „посланника“, и о возможной его готовности къ заключенію мира „не з ущербкомъ, але з вывышанемъ славы“ господаря и рыцарства Княжества, 4) „о иншихъ справахъ земьскихъ“. Это „всімъ станомъ ведати належить“ и никого не касается больше, чѣмъ „верныхъ обывателей панства того“, т. е. Великаго Княжества Литовскаго, и обезпеченія ихъ женъ, дѣтей и имущества. Желая обо всемъ этомъ посоветоваться со всѣми Литовско-Русскими станами, Баторій назначилъ и назначаетъ настоящимъ своимъ листомъ съѣздъ панамъ-радѣ, земскимъ урядникамъ и всѣмъ, кого избереть повѣтовая шляхта Княжества изъ своей среды. Съѣздъ назначается на 17 апрѣля 1580 года „въ столечномъ мѣстѣ“, въ Вильнѣ, а повѣтовые передъ нимъ сеймики — на 5-ое число того же мѣсяца. На своемъ сеймикѣ, который соберется въ обычномъ мѣстѣ сеймикованья, повѣтовая шляхта обсудитъ то, что изложено въ настоящемъ универсалѣ, и избереть изъ своей среды на предстоящей Виленской съѣздъ двухъ, трехъ, или больше, сколько пожелаетъ, своихъ пословъ. Универсалъ этимъ приглашаетъ обывателей повѣтовыхъ „обмышлять“ вмѣстѣ съ панами-радою и другими станами, которые съѣдутся въ Вильнѣ 17 апрѣля. Въ заключеніе дается удостовѣреніе того, что Стефанъ Баторій желаетъ Великому Княжеству Литовскому всякаго добра и будетъ всѣми силами дѣйствовать въ пользу расширенія вольностей и выгодъ Княжества, а также для увеличенія спокойствія его обывателей. Достаточно обстоятельное изложеніе дѣлъ находимъ и въ текстѣ универсаловъ, созывающихъ Виленскій съѣздъ 1578 года¹⁾.

Такимъ образомъ, универсалы, созывающіе повѣтовые

1) Приложенія. Стр. 119—121.

сеймики передъ сѣздами, стараются возможно полнѣе ввести повѣтовыхъ обывателей въ дѣла, заставляющія созывать эти сѣзды. Отсутствіе утвержденія этого вида шляхетскихъ собраній въ „правѣ посполитомъ“, т. е. въ статутѣ, и исключительность обстоятельствъ, при которыхъ они созывались, требовали и болѣе подробныхъ сообщеній шляхетскимъ повѣтамъ.

Господарскіе универсалы, созывающіе повѣтовые предсеймовые сеймики и сеймъ, отсылаются для опубликованія въ повѣтахъ къ администраціи послѣднихъ, т. е. къ воеводамъ въ центральныхъ повѣтахъ и къ судебнымъ старостамъ въ остальныхъ. Это опубликованіе требуетъ соответствующей дѣятельности повѣтовыхъ административныхъ органовъ. „Справа соймовая“ 1571 года имѣетъ въ своемъ составѣ и особый текстъ листовъ, вышедшихъ изъ Литовской канцеляріи — „а до старость поветовыхъ о ознаимене листовъ соймовыхъ“¹⁾, — предписывающихъ это опубликованіе. Листъ обращается отъ имени господаря къ старостѣ, или, въ случаѣ его отсутствія, къ его намѣстнику съ извѣщеніемъ, что „до рукъ“ его посылается господарскій листъ „отворонный“ (о назначеніи сеймика и сейма) къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ и ко всѣмъ станамъ народа шляхетскаго, владѣющимъ имѣніями въ его повѣтѣ. Старостѣ или его подстаростѣ предписывается этотъ листъ, сейчасъ же по его полученіи, огласить въ городахъ и мѣстечкахъ повѣта при храмахъ и на торгахъ, снять съ него копіи и разослать ихъ черезъ повѣтовыхъ возныхъ въ имѣнія радныхъ пановъ, княжатъ, панятъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, находящіеся въ этомъ повѣтѣ. Когда соберется сеймикъ, представитель старостинскаго повѣтоваго уряда, т. е. самъ староста или его подстароста, долженъ предъявить присланный ему отъ господаря сеймиковый универсалъ собравшейся на повѣтовый сеймикъ шляхтѣ.

Но спеціальные листы съ распоряженіями по опубликованію универсаловъ, созывающихъ повѣтовые сеймики, быть можетъ, и не представляли собою необходимой части „справъ соймовыхъ“. Правда, что отсутствіе ихъ текста въ

1) Приложенія. Стр. 27—28.

группах сеймиковых документов, собранных нами в Литовской Метрике для сеймиков времени Стефана Батория, может быть объясняемо и случайностью, вроде недосмотра или сознательного пропуска их переписчиками Метрики в канцлерство Льва Сапеги, но можно и думать, что практика созывов сеймов и сеймиков мало по малу должна была упразднить эти листы. В самом тексте сеймиковых универсалов в повѣты, изданных в царствование Батория, находим иногда и приказание об опубликовании их, отдаваемое органу повѣтовой администрации¹⁾. Статутъ 1588 года, который вообще исправлялъ и дополнял II статутъ на основаніи потребностей, обнаруженныхъ жизнью за время, протекшее между утверженіемъ этихъ двухъ Литовско-Русскихъ кодексовъ, вноситъ прямо въ законъ способъ опубликованія сеймиковыхъ универсаловъ, говоря притомъ, что они опубликовываются такъ же, какъ и листы военные, т. е. созывающіе земское войско Великаго Княжества Литовскаго въ посполитомъ рушенѣ²⁾.

Кромѣ универсаловъ въ повѣты при созывѣ сеймиковъ и сеймовъ въ государственной канцеляріи Княжества, какъ и въ эпоху до Уніи, составлялись господарскіе листы 1) къ панамъ-радѣ и 2) къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ. Познакомимся сначала со вторыми изъ этихъ листовъ. Они посылались адресатамъ не запечатанными („отворонные“), какъ и универсалы въ повѣты. Уже это одно уменьшало ихъ значеніе: у господара для ихъ адресатовъ нѣтъ дѣлъ и сообщеній, которыя требовали бы охраны ихъ тайны, и съ листами къ нимъ знакомятся и повѣтовый старостинскій урядъ, и лицо, ихъ доставлявшее по назначенію. Въ „справѣ соймовой“ 1571 года, какъ образецъ текста листовъ къ княжатамъ и панятамъ, приведенъ листъ къ князю Юрію Юрьевичу Слуцкому. Въ этомъ листѣ Сигизмундомъ Августомъ сообщается князю Слуцкому, что онъ рѣшилъ созвать на 6 января 1572 года въ Варшавѣ вальный сеймъ „для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ Коруны Полское и Великаго Княжества Литовскаго, яко одно сполное речи посполитое“. Отъ предшествующихъ сеймовъ отложены дѣла,

1) См. Приложенія, стр. 66, 100.

2) III ст., III, 6.

которыя „выконанья skutечного потребуютъ“; къ нимъ присоединились „не меньшіе потребности и небезъпечности земскіе“, также не терпяція задержки. Этимъ объясняетъ излагаемый листъ рѣшеніе короля созвать спольный вальный сеймъ въ Варшавѣ на 6 января 1572 года, а 9 декабря 1571 года собрать въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ повѣтовые сеймики, которые согласно Литовскому статуту должны четырьмя недѣлями предшествовать сейму. Всѣ предметы предстоящаго сейма будутъ сообщены сеймикамъ господарскими послами, отправленными королемъ въ повѣты „з наукою зупольною“. Отъ князя Слуцкаго господарскій листъ требуетъ участія въ занятіяхъ повѣтоваго сеймика. Онъ говоритъ: „а такъ штобы твоя милость, о томъ ведаючи, а на соймикъ поветовый, на часъ и день помененый, до повету належного, въ которомъ головнейшіе имена свои маешь, зѣхавши, сполне з ыными князи, паны и врадники земскими и дворными, такъ же з рыцerstвомъ-шляхтою, которые ся тежъ на оный соймикъ зѣдутъ, тыхъ всихъ потребъ земскихъ отъ посланца нашего съ писма науки наше, ему даное, выслушали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы пріехати омешкалъ“, учинили „намову“ между собою на сеймикъ и выбрали изъ своей среды пословъ на сеймъ, давъ имъ „зуполную, а не замероную отъ себе моцъ“, и выправили ихъ въ Варшаву на сеймъ. Такого же содержания, какъ листъ къ князю Слуцкому, были передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года отправлены листы къ князьямъ Лукомскимъ, Друцкимъ, Гедройтямъ, Соколинскимъ и къ панамъ Воловичамъ, Глѣбовичамъ, Зеновьевичамъ, Завишамъ, Остикамъ и Нарбутамъ.

Въ числѣ документовъ по подготовкѣ Варшавскаго сейма 1578 года также сохранился текстъ господарскаго листа къ княжатамъ и панятамъ ¹⁾. Какъ образецъ этого текста въ LX-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики приведенъ

1) Въ книгѣ Литовской Метрики этотъ листъ озаглавленъ: „Листъ соймповый до княжатъ, панятъ и шляхты“ (см. Приложенія, стр. 101). Слова „и шляхты“ внесены въ этотъ заголовокъ (быть можетъ только при перепискѣ Метрики на рубежѣ XVI и XVII столѣтій), конечно, по недосмотру, такъ какъ рядовая шляхта не получала особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками, оповѣщаемая о нихъ общими универсалами въ повѣты.

листъ къ князьямъ Друцкимъ. Въ немъ Стефанъ Баторій, обращаясь „ко всемъ княземъ Друцъкимъ“, извѣщаетъ ихъ о назначеніи имъ на 14 января 1578 года сейма въ Варшавѣ въ виду потребностей государства, согласно „радѣ“ пановъ радныхъ. „Водлугъ звыклого обычаю, яко статутъ омавѣть“, назначены предсеймовые сеймики для „намовъ сполныхъ“ и выправы пословъ сеймовыхъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ этихъ сеймиковъ назначается сѣздъ въ Волковыискѣ. Князья Друцкіе приглашаются Баторіемъ прибыть на повѣтовые сеймики, участвовать въ ихъ „намовахъ“ о дѣлахъ, которыя указаны въ универсалахъ и которыя сообщитъ сеймику подробнѣе господарскій посолъ, и принять участіе въ выборѣ пословъ и въ выправѣ ихъ съ неограниченными полномочіями на предстоящій сеймъ. По даннымъ записи разсылки господарскихъ листовъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года такіе листы были посланы князьямъ Свирскимъ, Ярославичамъ, Жижемскимъ, Огинскимъ, Друцкимъ, Лукомскимъ, Соколинскимъ, Гедройтямъ, Полубенскимъ, панамъ Воловичамъ, Тишкевичамъ, Шеметамъ, Зеновьевичамъ, Сапегамъ, Завишамъ и Хребтовичамъ и старостамъ Городенскому и Оршанскому.

Рядомъ съ листами къ княжатамъ и панятамъ изъ Литовской канцеляріи передъ сеймиками и сеймомъ отправлялись особые господарскіе листы къ урядникамъ земскимъ и дворнымъ. „Справа соймовая“ 1571 года называетъ такіе листы къ подчашію, крайчію, стольнику, чашнику, мечному, хоружію земскому, хоружію дворному, тивунамъ Виленскому и Троцкому. Текстъ этихъ листовъ тотъ же, что и текстъ листовъ къ княжатамъ и панятамъ — „тымъ тежъ обычаемъ, яко вышей до княжатъ, панятъ описано“. Та же „справа“ даетъ еще текстъ особыхъ господарскихъ листовъ къ повѣтовымъ маршалкамъ: князьямъ Лукашу и Яну Болкамъ, панамъ Волчку, Ивану Воловичу, Каленицкому, Александру Вагановскому, Николаю Сапегѣ и Кирдею. Текстъ этихъ листовъ дословно сходенъ съ текстомъ листовъ къ княжатамъ и панятамъ. Запись разсылки сеймиковыхъ листовъ передъ сеймомъ 1578 года нѣсколько иначе говоритъ объ этихъ листахъ къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ. Мы привели выше перечень княжатъ и панятъ, которымъ были посланы особые листы передъ сеймиками и

сеймомъ 1578 года. Такіе же, т. е. „отъворонные“, листы были тогда посланы къ повѣтовымъ маршалкамъ¹⁾ и къ тивунамъ²⁾. Къ князю же Слуцкому, подчашію, крайчію, стольнику, ловчію, подстолюю, хоружію земскому, чашнику, хоружію дворному, мечному, а также къ писарямъ Гарабурдѣ и Андрею³⁾ были посланы листы „защитные“, какъ и къ панамъ-радѣ. Передъ сѣздомъ 1577 года особые листы въ записи ихъ разсылки указаны вмѣстѣ и къ панамъ-радѣ, и къ урядникамъ. Кромѣ сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго въ этомъ спискѣ стоятъ: князь Слуцкій, подскарбій дворный, подчашій, стольникъ, подстолий, чашникъ, мечный, старосты Городенскій и Оршанскій и повѣтовые маршалки. Наконецъ, запись разсылки господарскихъ листовъ передъ сеймиками и Виленскимъ сѣздомъ 1580 года указываетъ 12 листовъ къ тивунамъ и листы къ сенаторамъ, причемъ въ перечнѣ сенаторовъ уже не встрѣчаемъ князя Слуцкаго и земскихъ и дворныхъ урядниковъ кромѣ подскарбія дворнаго⁴⁾.

Остановимся нѣсколько на записяхъ этихъ рассылокъ господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми сеймиками и постараемся выяснитъ: 1) кто, кромѣ сенаторовъ, имѣлъ право на полученіе особыхъ, лично адресованныхъ сеймиковыхъ листовъ; 2) какое основаніе было для того, чтобы нѣкоторые лица изъ шляхты, не принадлежащія къ составу сената, получали такіе особые листы, въ то время какъ остальная шляхта должна была довольствоваться общими универсалами въ повѣты; 3) насколько увеличивали эти листы освѣдомленность ихъ адресатовъ по сравненію съ освѣдомленностью остальной массы повѣтоваго шляхетства. Начнемъ съ послѣдняго вопроса. Текстъ листа къ княжатамъ и панятамъ, который былъ составленъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года, совершенно совпадаетъ съ текстомъ повѣтовыхъ универсаловъ передъ тѣмъ

1) Число 13.

2) Число 12.

3) Т. е. Андрею Ивановичу Обрынскому. Ср. J. Wolff, *Senatorowie i Dugnitarze W. Ks. Lit.*, str. 270.

4) Запись разсылки универсаловъ, созывающихъ Виленскій сѣздъ 1578 года (Приложенія, стр. 121—122), въ всякаго сомнѣнія имѣетъ очень значительные пропуски, а потому мы и оставляемъ ее въ сторонѣ.

же сеймомъ. Различіе ихъ только въ обращеніи да въ соотвѣтствующей замѣнѣ множественнаго числа единственнымъ, если господарскій листъ обращался къ одному князю или пану, а не къ нѣсколькимъ. Текстъ господарскаго листа къ княжатамъ и панятамъ, выданнаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, даже много короче текста повѣтовыхъ универсаловъ, выданныхъ тогда же. Онъ представляетъ собою простое формальное приглашеніе явиться на повѣтовый сеймикъ и участвовать въ его занятіяхъ. Наконецъ, на основаніи приписки, сдѣланной въ книгѣ Литовской Метрики послѣ текста повѣтовыхъ листовъ передъ Виленскимъ съѣздомъ 1580 года¹⁾, можемъ полагать, что и при этомъ созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ лицамъ, получавшимъ особые листы, были отправлены обыкновенные повѣтовые универсалы. Такимъ образомъ, нужно признать, что особый господарскій листъ передъ сеймикомъ не прибавлялъ ничего къ освѣдомленности его адресата въ дѣлахъ и вопросахъ предстоящихъ сеймиковъ и сеймовъ къ тому, что онъ узнавалъ изъ повѣтоваго универсала или зналъ изъ другихъ источниковъ, доступныхъ ему, благодаря его знакомствамъ и чисто личнымъ связямъ. Можно даже подмѣтить тенденцію къ сокращенію содержанія этихъ лично адресуемыхъ господарскихъ листовъ по сравненію съ повѣтовыми универсалами, которые были вполне доступны ознакомленію княжатъ, панятъ и урядниковъ, какъ повѣтовыхъ обывателей.

Основаніемъ для полученія этихъ личныхъ извѣщеній передъ сеймиками и сеймомъ было уже извѣстное намъ²⁾ требованіе II-го статута, подтвержденное и Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ, о томъ, чтобы князья, паны, маршалки и всѣ урядники земскіе и дворные получали „подлѣ старого обычая“ особые господарскіе листы, приглашающіе ихъ на вальные сеймы, а стало быть, и на предваряющіе послѣдніе сеймики повѣтовые. Послѣ заключенія Люблинской Уніи Великое Княжество Литовское сеймовало уже на Коронномъ сеймѣ, который, хотя и сталъ „сполнымъ“, т. е. Польско-Литовскимъ, но не допустилъ въ свой составъ этихъ лицъ, хотя Княжество и долго настаивало на уступкахъ Польши

1) Приложенія. Стр. 125, прим. 2.

2) См. выше, стр. 335—336.

въ этомъ отношеніи¹⁾. Однако статуть 1566 года былъ дѣйствующимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ закономъ и въ эпоху послѣ заключенія Люблинской Уніи, и это требовало исполненія его постановленій о способахъ созыва сеймиковъ и сеймовъ. Но измѣненіе сеймованья черезъ замѣну вальнаго сейма Княжества общимъ сеймомъ съ Короною требовало отказа отъ этого постановленія II-го статута или соотвѣтствующаго его измѣненія. Статуть 1588 года такое измѣненіе и совершилъ. вмѣсто особаго вызова на сеймы княжатъ, панятъ, маршалковъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ онъ установилъ простое доставленіе каждому изъ нихъ экземпляра универсала о созывѣ сеймиковъ, добавивъ къ этимъ лицамъ и урядниковъ повѣтовыхъ, чего требовало опредѣлившееся къ этому времени значеніе шляхетскаго повѣта²⁾. Статуть 1588 года требуетъ, чтобы, получивъ за двѣ недѣли до сеймиковъ господарскіе о нихъ универсалы, гродскій урядъ каждаго повѣта разослалъ ихъ „черезъ возныхъ поветовыхъ до пановъ радъ, до княжатъ, панятъ, урядниковъ земскихъ и поветовыхъ и до инъшихъ становъ народу шляхетского, до кого перѣдъ тымъ [з] стародавна листы соймовые съ канцляреи“ господарской „посылывано“. Эти листы возные „до домовъ ихъ мають носить“³⁾. Такимъ образомъ, несмотря на всю неуступчивость Великаго Княжества Литовскаго въ дѣлѣ сохраненія своей „старинны“ въ годы послѣ заключенія Уніи, оно должно было признать необходимость соотвѣтствующаго ея измѣненія въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что практика созыва сеймиковъ, какъ мы это видѣли, обнаружила и ненадобность для существа дѣла въ особыхъ текстахъ господарскихъ листовъ, отправляемыхъ къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ. Отмѣнивъ окончательно эти особые листы, III статуть, однако, съ традиціей совсѣмъ порвать не рѣшился и постарался примирить ее съ этою отмѣною, потребовавъ доставленія экземпляровъ общихъ повѣтовыхъ универсаловъ о сеймикахъ на домъ тѣмъ, кто получалъ прежде особые листы сеймовые.

1) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 100 и др.

2) См. выше, стр. 336, прим. 2.

3) III ст., III, 6.

Что касается состава лицъ, получавшихъ въ эпоху послѣ 1569 года особые господарскіе листы передъ повѣтовыми сеймиками, то мы не рѣшились бы строго основываться на данныхъ записей ихъ адресатовъ при опредѣленіи этого состава. Выше мы видѣли¹⁾ списокъ этихъ лицъ, составленный въ 1569 году. Съ нимъ не вполне совпадаютъ списки адресатовъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками 1571, 1577 и 1578 годовъ. Конечно, составъ княжатъ и панятъ съ теченіемъ времени долженъ былъ мѣняться въ силу прекращенія отдѣльныхъ фамилій или мельчанія ихъ, но на такомъ короткомъ протяженіи времени эти перемѣны не должны были быть слишкомъ замѣтны. Притомъ списокъ князей и пановъ въ записи разсылки сеймиковыхъ листовъ 1578 года полнѣе, чѣмъ въ такихъ же записяхъ 1571 и 1577 годовъ. Это заставляетъ насъ удержаться отъ составленія претендующаго на полноту списка князей и пановъ, имѣвшихъ право на ряду съ урядниками земскими и дворными на полученіе особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками. Нахожденіе ихъ именъ въ соотвѣтствующихъ записяхъ книгъ Литовской Метрики доказываетъ несомнѣнно наличность ихъ въ ряду адресатовъ этихъ листовъ, но отсутствіе чьего-либо имени едва ли можетъ быть признано основаніемъ для того, чтобы считать его доказательствомъ дѣйствительнаго отказа лицу, носящему это имя, въ правѣ полученія такого листа. Съ одной стороны, нужно думать, что вопросомъ о доставленіи специальныхъ листовъ передъ сеймиками отдѣльнымъ лицамъ были болѣе озабочены повѣтовые уряды, съ ними имѣвшіе дѣло на мѣстѣ, чѣмъ органы центральнаго управленія; съ другой стороны, при перепискѣ Литовской Метрики на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, конечно, считались больше съ практическимъ, а не историческимъ значеніемъ ея книгъ²⁾, а списки князей и пановъ не представляли въ этомъ отношеніи большой цѣны, какъ и вообще большинство сеймиковыхъ документовъ, выходившихъ изъ государственной канцеляріи Княжества³⁾.

1) Стр. 341—345.

2) Ср. Р. Ист. Б. XXVII, Предисловіе, стр. II.

3) Этимъ мы, главнымъ образомъ, объясняемъ и отсутствіе ряда такихъ документовъ въ книгахъ Метрики Литовской.

Обратимся къ знакомству съ содержаніемъ господарскихъ листовъ, которые передъ повѣтовыми сеймиками и слѣдующимъ за ними сеймомъ разсылались панамъ-радѣ Великаго Княжества Литовскаго. Внѣшняя особенность этихъ листовъ та, что они посылались запечатанными, „защитными“, а не „отворонными“. Иногда различаются листы къ панамъ-радѣ „старшимъ“, т. е. къ бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ, воеводѣ и каштеляну Троцкимъ и старостѣ Жомонтскому, и къ „меньшимъ“ раднымъ панамъ, т. е. ко всѣмъ остальнымъ Литовско-Русскимъ сенаторамъ. Какъ образецъ „защитаго“ листа къ старшимъ панамъ-радѣ „справа соймовая“ 1571 года приводитъ листъ къ Виленскому бискупу, князю Валеріану. Въ этомъ листѣ читается слѣдующее. Сигизмундъ Августъ говоритъ, что Виленскому бискупу изъ ранѣ полученныхъ имъ господарскихъ листовъ, которыми спрашивалось его мнѣніе о назначеніи вальнаго сейма, уже извѣстно объ опасностяхъ, грозящихъ государству. Эти опасности: 1) образъ дѣйствій „мистра Немецкаго“ по отношенію къ Прусской землѣ, 2) дѣйствія королей Шведскаго и Датскаго по отношенію къ землѣ Лифляндской и „знищенье“ Гданскаго порта, 3) исходъ времени перемирія съ Москвою, 4) требованіе Крымскимъ ханомъ упоминковъ въ двѣсти тысячъ золотыхъ, задержанныхъ за три года, и его угрозы вторгнуться въ предѣлы государствъ Сигизмунда Августа въ случаѣ ихъ неуплаты — объ этомъ онъ нѣсколько разъ давалъ знать черезъ свои листы и своихъ гонцовъ, а теперь сообщилъ о своей неслыханной прежде побѣдѣ надъ великимъ княземъ Московскимъ¹⁾, о чемъ бискупъ Виленскій подробнѣе узнаетъ изъ посылаемой къ нему копии листа, присланнаго отъ хана съ гонцомъ. Кромѣ того много есть и другихъ опасностей, которыя грозятъ отъ сосѣдей. Нужно заняться и дѣломъ Риги, которая имѣетъ вліяніе не только на другіе Лифляндскіе города, но и на всю землю Лифляндскую и которая все еще не можетъ придти въ полное подданство Сигизмунду Августу и Польско-Литовскому государству²⁾, а также и Гданскомъ, Торунемъ

1) Имѣется въ виду извѣстное вторженіе въ Московскіе предѣлы Крымскаго хана въ 1571 году.

2) „речи посполитой обойга народу, Польскаго и Литовскаго“.

и Елбингомъ, Прусскими городами, отказывающимися исполнять сеймовыя уфалы и декреты и мандаты Сигизмунда Августа¹⁾. Кромѣ вальнаго сейма король не видитъ иного пути, чтобы „забечи“ всѣмъ этимъ дѣламъ и вопросамъ. Наконецъ, сверхъ того и отъ предшествующихъ сеймовъ отложены важныя дѣла, которыя требуютъ немедленнаго и окончательнаго разрѣшенія. Въ виду всего этого Сигизмундъ Августъ назначилъ спольный вальный сеймъ въ Варшавѣ на 6 января 1572 года, а согласно статуту вальному сейму должны предшествовать четыремя недѣлями повѣтовые сеймики, которые и назначаются на 9 декабря 1571 года. Король „напоминаетъ“ Виленскаго бискупа, чтобы онъ „з повинности и з належности достоенства своего“ не замедлилъ приѣхать въ Вильну на этотъ сеймикъ и на немъ, вмѣстѣ съ другими панами-радою, земскими урядниками и Виленскою шляхтою „намову вчинивши“, заботливо старался о выборѣ съ этого сеймика сеймовыхъ пословъ, людей „зацныхъ, мудрыхъ, статечныхъ“, которые бы заботились о добрѣ для государства; притомъ — чтобы эти послы были посланы Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ съ неограниченными полномочіями. Управившись на Виленскомъ сеймикѣ „водле potrzeby“, князь Валеріанъ приглашается прибыть лично на вальный сеймъ въ Варшаву, чтобы, нисколько не опаздывая къ началу сейма, тамъ „водле повинности и вери своее“ при господарѣ „о всемъ добромъ и пожиточномъ речи посполитое радити и обмышливати“.

Текстъ „зашитыхъ“ листовъ, отправленныхъ въ то же время къ панамъ-радѣ „меньшимъ“, тождествененъ съ только что пересказаннымъ листомъ къ старшимъ сенаторамъ за исключеніемъ двухъ добавленій къ тексту послѣдняго по сравненію съ первымъ. Эти добавленія слѣдующія. Во-первыхъ, въ началѣ листа къ старшимъ сенаторамъ стоитъ: „вжо ознаймено естъ твоей милости перво сего первшими листы нашими, которими есмо досегали зданья твоее милости около зложенья сойму валного“. Это мѣсто опущено въ текстѣ листовъ къ младшимъ сенаторамъ, замѣненное

1) Изложеніе отношеній къ этимъ городамъ — Adam Szelaḡowski, Walka o Bałtyk (We Lwowie 1904), str. 61 nn.

просто словами: „ознаймуемъ твоей милости“. Другое добавленіе: слова „яко то ширей твоя милость выrozumеешь съ преложенья листу того, котораго препись есть посланъ до твоее милости“, — рѣчь идетъ о копіи съ перевода листа Крымскаго хана объ его побѣдѣ надъ Москвою, присланнаго имъ Сигизмунду Августу. Это сопоставленіе текста листовъ къ старшимъ и къ младшимъ раднымъ панамъ обнаруживаетъ: 1) совѣщаніе короля со старшими Литовско-Русскими сенаторами по вопросу о созывѣ вальнаго сейма, совѣщаніе, котораго у него, надо думать, не было съ сенаторами меньшими, и 2) нѣсколько большую освѣдомленность отъ господаря передъ сеймиками и сеймомъ для старшихъ радныхъ пановъ, правда, освѣдомленность не въ общемъ рядѣ вопросовъ, а въ подробностяхъ одного изъ нихъ.

Въ собранныхъ нами документахъ по созыву послѣдующихъ сеймиковъ и сеймовъ не встрѣчаемъ уже различія господарскихъ листовъ къ старшимъ и меньшимъ панамъ-радѣ. вмѣсто двухъ различныхъ текстовъ Литовская Метрика даетъ уже одинъ текстъ „листовъ сеймовыхъ до пановъ радѣ“. Передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года господарскими листами раднымъ панамъ сообщалось слѣдующее. Панамъ-радѣ и всѣмъ вообще въ государствахъ короля, по словамъ этого листа, извѣстно, съ какими цѣлями былъ созванъ предшествующій сеймъ въ Торунѣ; болѣе же всего онъ созванъ былъ для обезпеченія Великому Княжеству Литовскому обороны отъ Москвы. На этомъ сеймѣ ничего, согласнаго требованіямъ нуждъ государственныхъ, постановлено не было, и это слѣдуетъ объяснять какъ особеннымъ несчастіемъ государства, такъ и переговорами о мирѣ, ведеными въ это время съ Москвою. Но уже послѣ отправленія королевскихъ пословъ къ великому князю Московскому послѣдній вторгнулся въ землю Лифляндскую, а сверхъ того приблизился и къ Вильнѣ, завоевавъ замки по Двинѣ. Послы короля Стефана не дошли до Ивана IV-го и задержались въ дорогѣ. Видя въ дѣйствіяхъ великаго князя Московскаго явную вражду, считая себя не давшимъ со своей стороны никакого повода для пролитія Московскимъ государемъ крови христіанской, желая посовѣтоваться со всѣми станами о защитѣ государства и дѣйствуя согласно

статуту, требующему обсуждения вопросов войны только на вальныхъ сеймахъ, а также заботясь объ организаціи правосудія въ своихъ государствахъ¹⁾, Стефанъ Баторій, „за радю“ своихъ радныхъ пановъ, назначаетъ на 14 января 1578 года вальный сеймъ въ Варшавѣ, а также и сеймики передъ нимъ, оповѣщая объ этомъ особыми своими листами всѣ повѣты и воеводства. Эти листы адресатъ приглашается опубликовать въ своей державѣ, а самъ приглашается принять участіе въ сеймикахъ вмѣстѣ съ другими панами радными, урядниками и рыцарскими станами. Послѣ обсуждения вмѣстѣ съ остальными сеймикующими сообщенныхъ настоящимъ листомъ пану-радѣ дѣль, а также и другихъ дѣль, которыя „шырей черезъ посланца“ господарскаго на сеймикѣ „преложоны будутъ“, сеймикующіе должны, согласно статуту, отправить двухъ своихъ пословъ на Варшавскій сеймъ, а сами всѣ черезъ двѣ недѣли послѣ повѣтоваго сеймика ѣхать на сѣздъ въ Волковыскъ. Прямо съ этого сѣзда панъ-рада приглашается прибыть вмѣстѣ съ повѣтовыми послами на сеймъ въ Варшаву. Это сдѣлать ему предлагается безъ опозданія, такъ какъ кромѣ перечисленныхъ въ настоящемъ листѣ важнѣйшихъ дѣль есть много другихъ, отложенныхъ съ предшествующихъ сеймовъ рецессами, и хорошо бы было, если бы созываемый теперь сеймъ, выбравъ изъ нихъ на его взглядъ важнѣйшія, разрѣшилъ ихъ до окончанія срока его засѣданій. Поэтому то король и проситъ о снабженіи повѣтовыми сеймиками ихъ пословъ неограниченными полномочіями. Въ заключеніе Стефанъ Баторій выражаетъ свою увѣренность въ преданности пановъ-рады государству и славу своего господаря и въ ихъ полезной дѣятельности, а также увѣряетъ ихъ впередъ въ своей благодарности за ихъ поспѣшное прибытіе на предстоящій сеймъ и полезную на немъ дѣятельность.

Между актами созывовъ другихъ предсеймовыхъ сеймиковъ намъ не удалось встрѣтить особыхъ листовъ къ панамъ-радѣ. Но изъ этого, конечно, нельзя заключать, чтобы такіе листы не были составлены и разосланы передъ этими

1) Имѣется въ виду учрежденіе Короннаго трибунала и обсужденіе вопроса о созданіи трибунала Княжества.

сеймиками: они просто не были вписаны въ тѣ книги, въ которыя были внесены документы этихъ созывовъ.

Передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года также были отправлены особые листы къ раднымъ панамъ. LX-я книга Литовскихъ Записей Метрики сохранила два различныхъ ихъ текста. Первый изъ этихъ текстовъ озаглавленъ: „Листы, до пановъ радъ писаные о зложеню соймиковъ поветовыхъ и зъезду головного у Волковыску на оказанье и поданье дороги, яко бы се сволыные Кгданщане ускромити а Рускіе край отъ Татаръ убеспечыти могли“. Заглавіе второго: „и другій листъ таковой же до пановъ радъ.“ Какъ образецъ перваго текста въ книгѣ Метрики приведенъ листъ, обращающійся къ „кашталяну Жомойтскому, старосте Дынеборскому, тивуну Биржаньскому, пану Миколаю Талвошу.“ Какъ образецъ второго — „князю Миколаю Пацу, бискупу Кіевскому“¹⁾. Адресаты этихъ листовъ принадлежатъ къ одной и той же „лавицѣ“ пановъ-рады Литовско-Русской: къ раднымъ панамъ „меньшимъ“.

Содержаніе перваго листа слѣдующее. Обращаясь къ радному пану, Стефанъ Баторій говорить, что уже раньше онъ сообщалъ панамъ-радѣ о поведеніи Гданщанъ, которые не только не хотятъ одуматься, но нападаютъ на людей шляхетскихъ, захватываютъ ихъ имущество, жгутъ и опустошаютъ, разрушили до основанія и опустошили Оливскій монастырь, притомъ ложно и несправедливо представляя чужимъ странамъ дѣйствія короля и Польши. Это было причиною того, что Баторій здѣсь такъ долго занимался ихъ ложными и непотребными трактатами и не могъ оборонить Волинь и Подолію отъ того, что тамъ случилось. Гданщане же черезъ Магнуса и Московскаго великаго князя приводятъ Татаръ на короля и его подданныхъ — Баторій имѣетъ свѣдѣнія, что они съ Магнусомъ и Иваномъ IV-мъ имѣютъ соглашеніе и что послѣдній посылалъ къ Татарамъ своихъ пословъ и упоминки. Королю тяжело переживать такой образъ дѣйствій этихъ злыхъ людей, а также и затрудненія, число которыхъ увеличилось, — огонь свирѣпствуетъ на разныхъ и отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ. Не-

1) Въ оригиналѣ стоитъ: „Виленьскому“.

вѣроятно, чтобы король самъ одинъ могъ помочь дѣлу, не имѣя въ своемъ распоряженіи ничего кромѣ посполитаго рушенья, какъ постановилъ Торунскій сеймъ. Стефанъ Баторій хотѣлъ уже прибѣгнуть къ этому средству и распорядился издачіемъ призывныхъ въ рушенье вице въ Польшѣ и военныхъ листовъ въ Княжествѣ, однако панамъ-радѣ, собравшимся къ нему на конвокацію во Вроцлавкѣ, подумалось, чтобы король не прибѣгалъ къ этому послѣднему „лекарству“, но чтобы сперва созвалъ сеймики и просилъ бы ихъ указать ему путь для предупрежденія этого „упадка“ государства, такъ какъ онъ долженъ силою приводить Гданщанъ къ исполненію ихъ обязанностей, а кромѣ того требуется отраженіе внѣшнихъ враговъ и обезпеченіе Русскихъ, Волынскихъ и Подольскихъ краевъ, Великаго Княжества Литовскаго и Лифляндской земли. Баторій согласился съ совѣтомъ, даннымъ ему панами-радою, а потому и назначаетъ всѣмъ, кто только обязанъ служить земскую военную службу въ посполитомъ рушенѣ, собраніе повѣтовыхъ и главныхъ сеймиковъ въ Великой и Малой Польшахъ и въ Мазовіи. На этихъ сеймикахъ все это должно быть обдуманно. Хотя король Стефанъ и посылаетъ своихъ пословъ къ великому князю Московскому, но онъ не знаетъ, съ чѣмъ и какъ они отъ него вернутся: Иванъ IV теперь такъ дружить съ Крымскимъ ханомъ, а Гданщанамъ отъ этого идетъ польза. Поэтому, видя, что Великому Княжеству Литовскому не меньше требуется обезпеченія, а также такъ какъ оба государства (Польша и Княжество) составляютъ одну речь посполитую и должны вмѣстѣ нести всѣ ея нужды, король назначаетъ повѣтовые Литовско-Русскіе сеймики на 22 іюня, а за ними черезъ двѣ недѣли главный сеймикъ Княжества въ Волковыйскѣ, такимъ же способомъ, какъ въ Польшѣ отбываются главные сеймики въ Колѣ и въ Корчинѣ. „Твоя милость“, обращается господарскій листъ къ пану Николаю Талвошу, какъ панъ-рада и каштелянъ своей земли, не долженъ задержаться прибытіемъ на повѣтовый сеймикъ и на сеймикъ главный. На нихъ онъ приглашается королемъ „достаточное намовы“ учинить съ другими станами и быть „з мѣстца и достоенства своего инъшымъ“ людямъ примѣромъ и „поводомъ“. Общее совѣщаніе на сеймикахъ пусть укажетъ королю путь,

какъ ему справиться съ потребностями государственными. То обстоятельство, что настоящіе сеймики ради крайнихъ нуждъ государства созываются не за четыре недѣли передъ вальнымъ сеймомъ, какъ они должны созываться согласно статуту, „праву посполитому и звычайу давному ничего перекажати и уймовати не маеть“. Это удостовѣряя и обезпечивая, король приказалъ высказать въ своихъ повѣтовыхъ листахъ (т. е. въ листахъ, созывающихъ настоящіе сеймики), что передъ вальнымъ сеймомъ, который онъ созоветъ потомъ, будутъ назначены листами господарскими и обычные сеймики согласно статуту. Поэтому король желаетъ, чтобы каштелянъ Жомойтскій, какъ господарскій панъ-рада, будучи на сеймикахъ, повѣтовомъ и главномъ, умѣлъ доказать всѣмъ необходимость настоящаго распоряженія короля Стефана, чтобы оно не считалось „уближеньемъ права посполитого“. Если будетъ нужно, король готовъ обезпечить это и особыми своими листами.

Текстъ второго господарскаго листа передъ тѣми же сеймиками, въ своемъ образцѣ, занесенномъ въ ту же книгу Метрики, обращающійся къ Кіевскому бискупу Николаю Папу, гласитъ слѣдующее. Король уже писалъ Кіевскому бискупу о созваніи сеймиковъ въ воеводствахъ и повѣтахъ Польши и Княжества, но „съ певныхъ прычинъ“ господарскіе листы не такъ скоро высланы въ Великое Княжество Литовское. Поэтому въ Великой и Малой Польшахъ уже состоялись сеймики, какъ въ воеводствахъ и повѣтахъ, такъ и главные въ Колѣ и въ Корчинѣ. Какъ о состоявшихся Польскихъ сеймикахъ, такъ и объ ихъ постановленіяхъ король рѣшилъ сообщить адресату настоящаго своего листа. Эти сеймики, отказавшись отъ посполитаго рушенья, постановили вести войну противъ Гданщанъ и Татаръ наемными войсками, для чего дали разрѣшеніе на поборъ по всей Польшѣ въ тѣхъ же размѣрахъ и способахъ его взиманія, въ которыхъ онъ былъ постановленъ въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ. Копію этого постановленія Корчинскаго главнаго сеймика за подписью писаря король приказалъ послать адресату настоящаго листа „до вырозуменья“. Воеводства Великой Польши сдѣлали такое же постановленіе на главномъ сеймикѣ въ Колѣ. Такъ какъ королю было заявлено, чтобы и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не

задерживали дѣла съ сеймиками, дабы въ соединенномъ государствѣ не „значылося“ въ несеніи тяготы „роздвоеные“, король, приказавъ немедленно послать по Княжеству свои листы и текстъ этого постановленія, сдѣланнаго въ Польшѣ, поручилъ своимъ посламъ на сеймики послѣднее сообщить панамъ - радѣ и другимъ станамъ и рыцарству. Адресату пересказываемаго листа король впередъ сообщаетъ объ этомъ, чтобы, зная о постановленіяхъ Польши, онъ „до того тежъ радюю своею, на соймику поветовомъ и головномъ у Волковыйску будучы, приводилъ, яко бы тая потреба речы посполитое згодне а однако отъ-правована была, кгдажъ, въ сполной речы посполитой седечы, всимъ краемъ панствъ тыхъ однако обороны и убезпеченья потреба“. Это нужно особенно потому, что съ Московскимъ великимъ княземъ не постановлено ничего опредѣленнаго. Хотя къ нему и отправлены королемъ послы, но съ чѣмъ и какъ скоро они возвратятся, онъ не знаетъ съ увѣренностью. Къ тому же нужно „обавлятися“ и Татарскаго вторженія. Это король Стефанъ отдаетъ „большому и ростропному уваженью и баченью“ адресата настоящаго своего листа, увѣренный въ томъ, что онъ ради любви къ государству и „ласки“ господарской будетъ дѣйствовать такъ, чтобы дѣло было совершено съ благомъ и выгодною государства и со славою королевскою.

Эти листы къ раднымъ панамъ относятся къ двумъ различнымъ моментамъ, которые переживалъ Стефанъ Баторій въ дни созыва сеймиковъ 1577 года. Когда онъ подписывалъ первые листы, датированные Варшавою и 29-мъ апрѣля 1577 года, онъ еще не зналъ рѣшенія сеймиковъ Польши, пошедшихъ на встрѣчу его желанію. Дата листовъ второй группы: Мальборкъ, май 1577 года. Подписывая ихъ, Стефанъ Баторій уже былъ на пути къ Гданску и, спокойный за удачу своего проекта веденія войны не посполитымъ рушеньемъ, а регулярнымъ войскомъ, онъ боялся лишь того, что Великое Княжество Литовское, раздраженное неисполненіемъ его требованій Торунскимъ сеймомъ, откажетъ ему въ своемъ согласіи на податокъ, необходимый для оплаты содержанія и похода наемнаго регулярнаго войска. Передъ нами, такимъ образомъ, господарскіе листы, которые были выданы въ различные моменты дѣятельности государ-

ственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву предсѣздовыхъ сеймиковъ 1577 года. Что касается содержанія текстовъ обоихъ листовъ, то въ немъ нѣтъ никакихъ указаній на обращеніе въ нихъ господаря только къ панамъ-радѣ одной „лавицы“, а не къ раднымъ панамъ обѣихъ „лавицъ“ рады Литовско-Русской¹⁾. Тождество текста господарскихъ листовъ къ обоимъ разрядамъ пановъ-рады Княжества передъ Волковыйскимъ сѣздомъ 1577 года обнаруживается и сличеніемъ листа къ пану Миколаю Талвошу съ листами къ князю Миколаю Юрьевичу Радивилу²⁾ и къ пану Яну Еропимовичу Ходкевичу³⁾. Радивиль былъ въ 1577 году Виленскимъ воеводою и канцлеромъ Великаго Княжества Литовскаго, Ходкевичъ — Виленскимъ каштеляномъ, Жомонтскимъ старостою и земскимъ маршалкомъ Княжества. Такимъ образомъ, оба они занимали послѣ Виленскаго бискупа первыя мѣста въ радѣ Литовско-Русской. Но текстъ листовъ Стефана Баторія къ нимъ, выданныхъ также изъ Варшавы 29 апрѣля 1577 года, отличается отъ текста листа къ Жомонтскому каштеляну кромѣ имени и титуловъ въ обращеніи лишь тѣмъ, что Радивиль и Ходкевичъ называются не просто „радами“ господаря, а его „великими радами“, да въ листѣ къ Ходкевичу имѣется прибавка о томъ, что его положеніе администратора Лифляндіи можетъ ему помѣшать присутствовать на повѣтовомъ и главномъ сеймикахъ, созываемыхъ королемъ⁴⁾. Во всемъ остальномъ содержаніе сравниваемыхъ трехъ экземпляровъ господарскаго листа къ сенаторамъ Великаго Княжества Литовскаго передъ Волковыйскимъ сѣздомъ 1577 года совершенно тождественно.

Итакъ, и передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, и передъ Волковыйскимъ сѣздомъ 1577 года старшіе и меньшіе сенаторы Великаго Княжества Литовскаго получили одинъ и тотъ же текстъ господарскихъ листовъ передъ

1) Объ этихъ „лавицахъ“ см. И. И. Лаппо, *op. cit.* стр. 696—697.

2) А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № LIII.

3) Вил. Арх. Сб. IV. № 22.

4) „А про то, жебы твоя милость, яко великая рада наша, на соймику повѣтовымъ и на головномъ будучи, естли бы твоя милость подъ тымъ часомъ до земли Лифлянтское не отъѣхалъ, умѣлъ то вснмъ достаточне преложити и вывести...“ (стр. 31).

повѣтовыми сеймиками. Отсюда, думается, мы въ правѣ заключить, что въ эпоху короля Стефана уже не считалось необходимымъ посылать передъ повѣтовыми сеймиками различные тексты господарскихъ листовъ членамъ каждой изъ двухъ „лавицъ“ рады Литовско-Русской. Но „справа соймова“ 1571 года различаетъ отчетливо тексты этихъ листовъ¹⁾. Сверхъ того, когда сеймъ 1572 года былъ отсроченъ и перенесенъ съ 6 января на 2 февраля того же года, то господарскіе листы объ этой отсрочкѣ были внесены въ Литовскую Метрику съ обозначеніемъ ихъ разсылки старшимъ панамъ раднымъ²⁾. Къ младшимъ панамъ радѣ даже, можно думать, объ этой отсрочкѣ совѣмъ не было послано господарскихъ листовъ. Кромѣ отсутствія въ составѣ „справы соймовой“ 1571 года текста этихъ листовъ такъ заставляеть думать и запись о разсылкѣ всѣхъ листовъ объ этой отсрочкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней обозначена отсылка господарскихъ листовъ въ повѣты и только шести листовъ „зашитыхъ“ къ сенаторамъ лично, т. е. къ Виленскимъ бискупу, воеводѣ и каштеляну, Троцкимъ воеводѣ и каштеляну и Жомойтскому старостѣ³⁾. Передъ нами, такимъ образомъ, выступаетъ, повидимому, отмѣна особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками повѣтовыми къ панамъ радѣ старшимъ и меньшимъ въ эпоху послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Объяснять это нужно 1) перемѣною въ положеніи Великаго Княжества Литовскаго послѣ Люблинской Уніи, которая поставила новыя задачи и нивелировала значеніе „лавицъ“ Литовско-Русскихъ пановъ-рады, заставляя забывать историческое различіе ихъ въ чести и значеніи, еще свѣжее въ эпоху царствованія Сигизмунда Августа, несмотря на заключеніе Уніи, и 2) созданиемъ со вступленіемъ на престолъ перваго послѣ Люблинской Уніи новаго короля такъ называемой „прибочной рады“⁴⁾, которая уничтожила необходимость исторически сложившейся большей освѣдомленности въ государственныхъ дѣлахъ для старшихъ радныхъ пановъ Княжества, основанной раньше

1) Приложенія. Стр. 17—21.

2) Ibidem. Стр. 28.

3) Ibidem. Стр. 31—32.

4) О „прибочной радѣ“ см. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 689

на ихъ исключительномъ значеніи въ Литовско-Русскомъ государствѣ, а потому и большей близости къ своему господарю великому князю.

Теперь перейдемъ къ организаци и подготовкѣ господарскаго посольства на повѣтовые сеймики въ годы послѣ заключенія Люблинской Уніи. Остановимся сначала на выборѣ лицъ для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ на сеймикахъ изучаемой эпохи. Въ нашемъ распоряженіи три списка этихъ пословъ, а именно на сеймики 1576¹⁾, 1577²⁾ и 1578³⁾ годовъ. Изучая списки господарскихъ пословъ на предсеймовые сеймики эпохи до Люблинской Уніи, мы отмѣтили достаточно высокое общественное положеніе лицъ, которымъ ввѣрялось посольство, связь многихъ изъ нихъ съ соотвѣтствующими сеймиками какъ членовъ шляхетскихъ корпорацій сеймикующихъ повѣтовъ и нерѣдкую передачу выбора лица для несенія обязанностей господарскаго посла въ руки главъ мѣстной администраціи. Все это наблюдается и при изученіи списковъ господарскихъ пословъ второй половины семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя лица обозначены въ этихъ спискахъ послами на два или даже на всѣ три сеймика послѣдовательныхъ созывовъ⁵⁾. Достаточно высокое общественное положеніе назначаемыхъ господарскими послами лицъ также ясно обнаруживается и въ эту эпоху. Но изученіе этихъ списковъ можетъ дать основаніе и для опредѣленія тенденціи къ порученію господарскаго посольства на сеймики повѣтовымъ урядникамъ тѣхъ самыхъ повѣтовъ, на сеймикахъ которыхъ они должны были выступать въ качествѣ пословъ господарскихъ. Число повѣтовыхъ урядниковъ, которымъ поручается господарское посольство на сеймикахъ ихъ повѣтовъ, достигаетъ приблизительно поло-

1) Приложенія. Стр. 54.

2) Ibidem. Стр. 71—72.

3) Ibidem. Стр. 117—118.

4) Такъ напримѣръ, назначить господарскихъ пословъ на сеймики 1576 года было предоставлено воеводѣ Виленскому, старостѣ Жомойтскому, воеводѣ Витебскому и старостамъ Мстиславскому и Оршанскому.

5) Нпр., панъ Себестьянъ Третьакъ, земскій судья Лидскій, былъ господарскимъ посломъ на Лидскомъ повѣтовомъ сеймикѣ въ 1576, 1577 и 1578 годахъ.

вины ихъ общаго числа въ спискахъ пословъ передъ нѣкоторыми сеймиками¹⁾. Въ числѣ господарскихъ пословъ на сеймики и въ эпоху послѣ Люблинской Уніи, какъ и до нея, встрѣчаемъ иногда и духовныхъ лицъ²⁾ — духовный санъ не препятствуетъ исполненію обязанностей господарскаго посла на повѣтовомъ сеймикѣ.

Переходя отъ личности господарскихъ пословъ къ документамъ, которые для нихъ составлялись передъ повѣтовыми сеймиками въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, мы видимъ тѣ же виды этихъ документовъ, которые уже намъ извѣстны въ эпоху до Люблинской Уніи, а именно: листъ съ порученіемъ посольства, „креденсъ“ и „науку“.

Господарскіе листы, поручающіе посольство, встрѣчаемъ въ собранныхъ нами актахъ по созыву сеймиковъ 1571, 1577, 1578 и 1587 годовъ³⁾. Текстъ этихъ листовъ носитъ вообще формальный характеръ. Только листы посламъ на предсѣздовые сеймики 1577 года вводятъ въ этотъ текстъ часть, которая отличаетъ ихъ отъ остальныхъ. Въ образцѣ этихъ листовъ читаемъ о доставленіи королю Стефану извѣстія о постановленіи Польскими главными сеймиками податка на наемъ войска. Извѣстіе это получено Баторіемъ уже послѣ отправки послу его инструкции. Настоящій листъ дѣлаетъ, поэтому, дополненіе къ послѣдней. Это дополненіе, начинаясь съ указанія послу на то, что онъ долженъ прибавить къ данному ему тексту инструкции, затѣмъ переходитъ въ готовый текстъ того, что онъ долженъ прочесть сеймикующимъ въ дополненіе къ своей „наукѣ“⁴⁾. Такимъ образомъ, установившійся вполне формальный характеръ этого документа нѣсколько измѣнился въ настоящемъ случаѣ лишь потому, что въ него по слу-

1) См., нпр., Приложенія, стр. 54.

2) Князь Станиславъ Дмовскій, деканъ Луцкій, былъ господарскимъ посломъ на Берестейскій сеймикъ 1577 года. Приложенія, стр. 72.

3) Приложенія, стр. 26—27, 70—71, 103—104, 142—143.

4) Отъ словъ „про то, кгда водле инъструкъции наше“ (стр. 71, строка 5 сверху) до слова „доложышь“ (стр. 71, строка 7 сверху) имѣемъ указаніе послу. Весь дальнѣйшій текстъ (вплоть до даты листа) предназначается къ простому прочтенію на сеймикѣ въ качествѣ дополненія къ „наукѣ“. Посолъ лишь долженъ, вѣроятно, замѣнить третье лицо вторымъ, обращаясь къ сеймикующимъ.

чайной причинѣ пришлось внести дополненіе къ тексту уже раньше изготовленной „науки“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики.

„Креденсъ“, или „листъ вѣрущій“, находимъ лишь въ актахъ по созыву сеймиковъ 1578 и 1587 годовъ¹⁾. Упомянутій объ этомъ удостовѣреніи посольства нѣтъ ни въ „наукахъ“, ни въ листахъ-порученіяхъ посольства на сеймики другихъ созывовъ, документы которыхъ собраны нами. Можно предположить, — если считать, что отсутствіе текстовъ „листовъ вѣрущихъ“ въ актахъ созывовъ сеймиковъ 1571 и 1577 годовъ не является простою случайностью ихъ пропуска при внесении въ соотвѣтствующія книги Литовской Метрики, — что нѣкоторое время существовала тенденція къ отмѣнѣ этого вида документовъ, какъ излишняго. Въ самомъ дѣлѣ, въ заголовкѣ текста „науки“ на сеймики 1571 года имѣемъ оставленнымъ въ книгѣ Метрики мѣсто для обозначенія имени посла и имени повѣта, на сеймикъ котораго онъ отправляется²⁾. Это можетъ указывать на ненужность особаго „креденса“ въ повѣтъ, такъ какъ его замѣняетъ соотвѣтствующее указаніе заголовка „науки“. Въ заголовкѣ „науки“ на сеймики 1577 года имѣемъ даже обозначеніе повѣта, хотя и не обозначено имя посла³⁾, но въ заголовкѣ этого же вида документовъ на сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ имѣемъ оставленнымъ въ заголовкѣ чистое мѣсто для вписанія имени посла рядомъ съ обозначеніемъ повѣта⁴⁾, что заставляетъ предполагать то же и въ заголовкѣ „науки“ 1577 года, въ ея текстѣ до переписки въ книгу Метрики. Но, если такая тенденція и дѣйствительно одно время существовала, отъ нея пришлось, очевидно, отказаться съ 1578 года, быть можетъ, не безъ вліянія опыта 1577 года, когда Великое Княжество Литовское такъ энергично выступило въ защиту формальной стороны созыва своихъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

„Креденсъ“ или „листъ вѣрущій“ — оба названія являются вполне равноправными — обращается отъ имени гос-

1) Приложенія. Стр. 102—103, 141—142.

2) Приложенія. Стр. 1.

3) Ibidem. Стр. 55.

4) Ibidem. Стр. 43.

подаря къ шляхетскому повѣту въ его цѣломъ, съ обычнымъ перечисленіемъ группъ его шляхетныхъ обывателей¹⁾. Въ этомъ документѣ сообщается повѣту о посылкѣ господаремъ на созываемый имъ повѣтовый сеймикъ своего посла, который называется въ крденсѣ и которому предписано сообщить сеймикующимъ „некоторые потребности речы посполитое“ по инструкціи, данной ему. Повѣту предлагается дать ему вѣру во всемя, что онъ будетъ говорить на сеймикѣ господарскимъ именемъ. Чисто формальный характеръ этого вида документовъ совершенно ясенъ изъ сравненія его текстовъ, выданныхъ передъ сеймиками 1578 и 1587 годовъ. Самыя выраженія этихъ текстовъ сходны, какъ совершенно сходно и ихъ построеніе. Но „листъ вѣрущій“, нужно думать, былъ цѣнень для повѣтовой шляхты потому, что онъ къ ней обращался какъ къ шляхетской корпораціи и формально передъ нею удостоверялъ въ документѣ подъ титуломъ и за подписью господаря, а также со скрѣпою господарскаго писаря, то, что могло быть вполнѣ удостоверено предъявленіемъ господарскимъ посломъ его инструкціи, въ заголовкѣ которой уже находилось это удостовереніе.

Чтобы покончить съ документами, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго для господарскихъ пословъ на сеймики повѣтовые въ годы послѣ Люблинской Уніи, намъ нужно остановиться на господарскихъ „наукахъ“, которыя выдавались этимъ посламъ. Мы не станемъ пересказывать этихъ документовъ, самыхъ обширныхъ изъ всего состава „справъ сеймовыхъ“, — читатель найдетъ ихъ образцы изданными въ Приложеніяхъ²⁾. Но мы должны присмотрѣться къ этимъ „наукамъ“, чтобы отмѣтить характеръ этого вида документовъ и ихъ развитіе въ эпоху послѣ Люблинской Уніи. Мы видѣли выше³⁾, что въ годы до Уніи 1569 года инструкція господарскимъ посламъ изъ указаній для ихъ дѣятельности

1) См. одно изъ этихъ названій на стр. 102, а другое на стр. 141 Приложеній. Обращенный къ центральному повѣту воеводства, крденсѣ ставитъ во главѣ его обывателей воеводу (*ibidem*, стр. 141), а, вѣроятно, долженъ ставить и другихъ радныхъ пановъ воеводства.

2) Приложенія. Стр. 1—13, 43—53, 55—63, 104—115.

3) Стр. 364.

на повѣтовыхъ сеймикахъ и конспектовъ ихъ рѣчей на этихъ сеймикахъ уже обратилась въ совершенно готовый текстъ, который долженъ былъ только читать господарскій посоль сеймикующимъ. Тотъ же характеръ, какъ совершенно установившійся, „наука“ имѣеть въ эпоху и послѣ 1569 года. Господарскій посоль „съ того жъ писма мовити маеть“¹⁾, или „въ тые слова . . . мовити маеть“²⁾ — говорятъ тексты „наукъ“, приводя за этими словами готовые рѣчи для господарскихъ пословъ на повѣтовыхъ сеймикахъ. Въ этихъ рѣчахъ имѣемъ обстоятельное и достаточно полное изложеніе дѣлъ и вопросовъ, которыми долженъ заняться сеймикъ. Дѣла и вопросы, которые общались сеймикамъ инструкціями господарскимъ посламъ на нихъ, излагають и внѣшнія и внутреннія задачи, стоящія въ данное время передъ соединеннымъ государствомъ и требующія сеймоваго обсуждения. Излагаются въ инструкціяхъ и военныя дѣйствія, и переговоры, и тѣ или другіе поступки сосѣдей, а также внутреннія дѣла и задачи Польско-Литовской Речи Посполитой. Но рядомъ съ этими общими дѣлами „науки“ говорятъ и объ особыхъ дѣлахъ „речи посполитой“ Короны и „речи посполитой“ Княжества. Особенно замѣтнымъ это раздѣленіе становится въ эпоху Стефана Баторія. Въ „наукъ“ господарскимъ посламъ на Литовско-Русскіе сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года имѣемъ довольно обстоятельное изложеніе отношенія короля къ требованіямъ, представленнымъ Мстибоговскимъ съѣздомъ, которыя были враждебно встрѣчены Польшею³⁾. Въ „наукъ“ господарскимъ посламъ на сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года находимъ опять часть текста, посвященную исключительно дѣламъ Великаго Княжества Литовскаго⁴⁾. Въ послѣдней „наукѣ“ сообщеніе о чисто Польскихъ дѣлахъ дѣлается съ поясненіемъ, что о нихъ въ извѣстность ставятся Литовско-Русскіе сеймики лишь потому, что Княжество и Корона соединены въ одномъ госу-

1) Приложенія. Стр. 1.

2) Ibidem. Стр. 43.

3) Приложенія. Стр. 51. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 154—157.

4) Приложенія. Стр. 111—112.

дарствѣ, а вслѣдствіе этого какъ нужды Польши сообщаются на сеймики Княжества, такъ и нужды послѣдняго — на сеймики первой. Однако это сообщеніе чисто Коронныхъ дѣлъ сдѣлано лишь въ видѣ краткаго ихъ перечня¹⁾.

„Науки“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики занимаютъ центральное мѣсто въ ряду документовъ по созыву предсеймовыхъ и предсѣздовыхъ сеймиковъ. Ставши текстами рѣчей господаря, которые читались его послами на сеймикахъ, „науки“ и должны были подготавливать сеймикующіе шляхетскіе повѣты къ предстоящимъ сеймамъ. Сеймиковые и сеймовые универсалы получили, главнымъ образомъ, значеніе оповѣщеній повѣтовыхъ обывателей о созываемыхъ сеймикахъ и слѣдующихъ за ними сеймахъ или сѣздахъ. Обстоятельное же ознакомленіе сеймикующихъ съ дѣлами, подлежащими обсужденію сеймиковъ и слѣдующихъ за ними сѣздовъ Княжества и спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ, было передано „наукамъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики. Но сѣзды Великаго Княжества Литовскаго, собиравшіеся не передъ вальными спольными сеймами и не для общихъ съ Польшею дѣлъ, не требовали присылки господарскихъ пословъ на повѣтовые Литовско-Русскіе сеймики, передъ такими сѣздами созываемые. Повѣтовые универсалы, созывающіе сеймики передъ Виленскими сѣздами 1578 и 1580 годовъ, ничего не говорятъ о послахъ господарскихъ на повѣтовые сеймики, а просто предписываютъ выборъ послѣдними своихъ пословъ на сѣзды²⁾. Такимъ образомъ, „науки“ господарскимъ посламъ составлялись въ изучаемое время въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго лишь передъ сеймиками, предшествовавшими спольнымъ вальнымъ сеймамъ и Волковійскому сѣзду 1577 года, такъ же, какъ и Польскимъ главнымъ сеймикамъ того же года, созывавшимся взамѣнъ вальнаго сейма. Это показываетъ, что „наука“ господарскому послу на повѣтовый сеймикъ была документомъ, являющимся необходимою составною частью лишь „справъ“ сеймовыхъ, а не сѣздовыхъ. Но связанная съ дѣятельностью предстоя-

1) Ibidem. Стр. 112.

2) Приложенія. Стр. 119—121 и 123—125.

шаго сейма, какъ собранія сенаторовъ и пословъ земскихъ всего соединеннаго государства около короля, „наука“ приобрѣтала и особое значеніе для послѣдняго. Черезъ нее, какъ свою рѣчь, государь еще болѣе имѣлъ возможность входить въ непосредственное общеніе съ повѣтовой шляхтою, чѣмъ это позволяли дѣлать ему его универсалы передъ сеймиками въ повѣты¹⁾. Въ рѣчахъ-„наукахъ“, которыя часто очень обширны и не коротки всегда, государь получалъ полную возможность не только принимать свои мѣры воздѣйствія на народъ-шляхту въ интересахъ предстоящаго сейма, но и объяснять ей тѣ или иныя свои дѣйствія, приближая къ этому народу свою личность, стараясь примирить съ собою недовольныхъ и увеличить свое личное обаяніе, поскольку это ему позволяли обстоятельства и условія его дѣятельности²⁾.

Мы рассмотрѣли документы, составлявшіеся въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ предсеймовыми сеймиками за время отъ учрежденія этого вида собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ до окончательной выработки III-го статута, опредѣлившаго строй Княжества на все послѣдующее время его исторіи какъ „панства“. Конечно, иногда къ нимъ должны были являться въ практикѣ созывовъ предсеймовыхъ сеймиковъ и добавленія. Если сеймъ отсрочивался на болѣе или менѣе продолжительное время, т. е. на недѣли или мѣсяцы, необходимыми становились составленіе и разсылка соответствующихъ листовъ отъ государя, извѣщающихъ объ этой отсрочкѣ. Лишь отсрочка на нѣсколько дней, когда не нарушалось сколько-нибудь замѣтно постановленіе статута о срокахъ между повѣтовыми сеймиками и вальнымъ сеймомъ, какъ это было, напримѣръ, при созывѣ Торунскаго сейма 1576 года, не должна была требовать разсылки дополнительныхъ листовъ государскихъ. Этотъ сеймъ былъ первоначально назначенъ на день св. Михаила, но затѣмъ перенесенъ на день св. Франциска, т. е. всего на пять дней (съ 29 сентября на 4 октября). Такая переменна дня открытія сейма могла быть сообщаема повѣтовой шляхтѣ просто

1) См. выше, стр. 387—388.

2) Ср. Приложенія, стр. 2, 43—44, 51 и др.

господарскимъ посломъ на повѣтовомъ сеймикѣ, или даже обходиться безъ всякаго ея оповѣщенія. Но, если отсрочка сейма была болѣе или менѣе значительна, требовался выпускъ изъ канцеляріи Княжества цѣлаго ряда новыхъ документовъ, о ней извѣщающихъ и ее объясняющихъ. Примѣръ этого имѣемъ въ „справѣ соймовой“ 1571 года¹⁾. Иногда приходилось составлять въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго особые листы и въ виду осложненій въ состояніи или въ сеймикованьѣ отдѣльныхъ повѣтовъ. Но такіе документы вызывались отклоненіемъ условій сеймикованья отдѣльныхъ повѣтовъ отъ его нормы. Съ этими уклоненіями познакомимся ниже, при изученіи организациі Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика²⁾. Но наше изученіе документовъ по созыву предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ было бы неполнымъ, если бы мы эти документы не подвергли сравненію съ аналогичными документами, выдававшимися передъ тѣми же сеймами въ Польшу въ эпоху существованія соединеннаго Польско-Литовскаго государства, т. е. послѣ Люблинской Уніи 1569 года. Общій сеймъ для Короны и Княжества требуетъ этого сравненія не только при изученіи спольнаго Польско-Литовскаго сеймованья, но и при изученіи повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго. Обратимся же къ этому сравненію, сколько намъ позволяютъ его произвести наши источники, и постараемся воспользоваться его результатами для уясненія работы государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ рядомъ съ аналогичною работою канцеляріи Коронной по созыву сеймиковъ Коронныхъ передъ одними и тѣми же вальными Польско-Литовскими сеймами.

Начнемъ наше сравненіе этихъ документовъ съ сравненія текста инструкцій-„наукъ“ королевскимъ посламъ на сеймики, созванные передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Вотъ начало текста инструкціи этимъ посламъ на сеймики Княжества³⁾ и Короны⁴⁾.

1) Приложенія. Стр. 28—32 и 37—42.

2) Глава X.

3) Приложенія. Стр. 104—115.

4) Zródła Dziejowe. Tom IV Str. 244—256.

Што ваша милость панове рада и станы рыцарства Великого Князства Литовского зъ [зъ]езду Волковыйского черезъ послонь своихъ просили его королевское милости о зложеньи сойму, о чомъ и въ Короне Польской зъ [зъ]ездовъ Корчыньского и Колского его кор[олевская] милость отъ веихъ становъ прошонъ есть, а такъ его королевская милость, догожаючи прозбамъ вашей милости и становъ Коронныхъ, мысль свою на томъ зоставити быль рачыль, яко бы...

Dogadzając jkmc prósbom wszystkich województw Koronnych, które przez posły swe z zjazdów Korczyńskiego, Kolskiego i Wołkowyskiego o prędkie złożenie sejmu jkmc prosili, na tym był myśl swą zasadzić raczył, jakoby

Далѣ идетъ дословный переводъ польскаго текста инструкціи на русскій языкъ съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ, не имѣющимъ сколько нибудь серьезнаго значенія и легко объясняемымъ простыми редакціонными соображеніями или недосмотрами переписчика¹⁾. Самый переводъ сдѣланъ очень близко къ польскому тексту. Большинство словъ, общихъ обоимъ языкамъ, сохранено, измѣнена лишь форма²⁾. Но рядъ польскихъ и латинскихъ словъ переданъ и совсѣмъ другими словами того же значенія³⁾.

Однако довольно скоро начинаютъ обнаруживаться и существенныя отличія обоихъ сравниваемыхъ текстовъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ отличій en regard.

короля его милости од ынъшыхъ справъ и опатрованья потребъ Коронныхъ и Великого Князства Литовского черезъ тотъ часъ задержало⁴⁾.

króla jmc od inszych spraw i opatrowania potrzeb Koronnych przez ten czas zadzierzało⁵⁾.

1) Нпр., „але ижъ Панъ Богъ наведити рачыль Коруну“ — „nawiedział Pan Bóg Koronę . . .“, или „але вси тые ихъ поступки облудные были“ — „ale wszystkie te ich postępkі obludne i wykrętne były“.

2) Нпр., „злое предъсезяте“ — „złe przedsięwzięcie“.

3) Нпр., „што наборъздей“ — „co przedzėj“.

4) Приложенія. Стр. 106 (8—6 строки снизу).

5) Źródła Dziejowe. IV. Str. 246 (строки 15 и 14 снизу).

А такъ его кор[олевская] милость вашей милости ознаймовати рачыть прычины, для чого до того паньства, Великого Князства Литовьского, и ку обороне земли Лифлянтъское прыбыти не могъ, и, ачь то непрыятель шкодливый и небезпечный есть, хотяжь домовый, ведъже не есть такъ потужьный, абы з непрыятelmi посторонными, звлаща з Московьскимъ, ровнанъ быти мель¹⁾.

Acz-ci jeszcze jest nadzieja, żeć podobno ci ludzie ku sobie przyjdą, a uznawszy występек swój, wróca się do powinności swojej. Do której ciż posłowie mając zlecenie od panów swoich, mają też pozwolenie od jkmei, miasto to uporne seryo napominają, przestrzegając, jakoby cum dignitate króla jmei et salvis regni juribus, mogli ich przywieść do повинного posłuszeństwa. W czym iż ci posłowie za pozwoleniem jkmei, radą wszech panów rad, którzy przy królu jmei byli, a za zleceniem panów swoich czynią takowe staranie, nietylko to co każdy baczyć może, ściąga się ad bonum pacis, aby król jmc mając spokojne państwo swe, mógł zatym pilniej niebezpieczeństwa od postronnych nieprzyjaciół opatrować et sumptus belli na nie obracać, ale jeszcze i prawo Koronne na ziemie Pruskie tym się bardziej objaśnia i gruntuje; jednak to miasto uporne acz jest nieprzyjaciel jako domowi szkodliwy i niebezpieczny, wszakże nie jest tak potężny, aby z nieprzyjaciółmi postronnemi zwłaszcza Moskiewskim równany być miał²⁾.

Про то тая сказа и по великой части утрапенье земли Лифлянтъское, за которымъ вжо идетъ

Ta tedy сказа i po wielkiej części utracenie ziemie Inflanckiej, za którym już idzie o samo Wiel-

1) Приложенія. Стр. 108 (19—13 строки снизу).

2) Źródła Dziejowe. IV. Str. 248 (строки 23—6 снизу).

о самое Великое Князство Литовское и о землю Прускую, дала имъ наибольшую причыну; его королевская милость, ижъ тотъ съеймъ наибольшей для поратованья Ифлянтское земли а для опатренья небезпечностей, вжо праве Великое Князство Литовское угораючихъ, зложыти рачыль на день четвертьтындацать м[е]с[е]ца геньвара. Въ чомъ послове тое жъ земли Лифлянтское его королевское милости пилие а з великимъ нареканьемъ, вжо для Бога а для сполка хрестіянъского, наконецъ тежъ для славы речы посполитое Коронное и Великого Князства Литовского, которыи ся прылучыла, подъ оборону отъдала, просили, абы отъ кор[оля] его милости и отъ становъ тыхъ паньствъ повинную помочь и ратунокъ перъвей мела, нижли бы до конца въ руки непрятелскіе прышли. А маючы на бачности, ваша милость, пановъ радъ Великого Князства Литовского всказанье о съемъ, же до того часу, водлугъ описанья сполныхъ списовъ и прывилия Уніи, жадное постановеное постановенье на прошлыхъ соймехъ сполное обороны не стало се¹⁾.

kie Księstwo Litewskie i o ziemię Pruską, dało najwiętszą przyczynę królowi jmcі, iż ten sejm najwięcej i dla poratowania Inflanckiej ziemi, a dla opatrzenia niebezpieczności już prawie Wielkie Księstwo Litewskie ugarających, złożyć raczył. W czym posłowie tejże ziemi Inflanckiej jkmcі pilnie a z wielkim narzekaniem już dla Boga, już dla spółku chrześciańskiego, już też dla sławy rzplitej Koronnej, której się przyłączyła i pod obronę poddała, prosili, aby od króla jmcі i od stanów Koronnych powinna pomoc ratunek pierwěj miała, niżliby do końca w ręce nieprzyjacielskie przyszła. Przy niěj Wielkie Księstwo Litewskie także widząc spólne swoje niebezpieczeństwo, ratunku się i obrony u jkmcі i wszystkiej Korony upomina, narzekając, że do tego czasu, według opisanja wspólnych spisów i przywilejów Uniej żadne się spólnej obrony z Księstwem Litewskim postanowienie na przeszłych sejmiech nie stało²⁾.

А такъ не треба въ томъ ничего вонтъпити, ижъ бы се тотъ

А так не trzeba w tym nic wątpić, jeśliby się ten tyran o

1) Приложенія. Стр. 109 (3—21 строки сверху).

2) Źródła Dziejowe. IV. Str. 249 (строки 10—27 сверху).

неприятель, окруженствомъ пануючы, и о землю Прускую за тою прылеглостью, которую опановаль, певне кусить. Нехаѣ теперь того жаденъ не розумеетъ, абы се Великое Князство Литовское тымъ способомъ, якъ передъ тымъ, безъ земли Лифлянтское, обыйти и безпечно быти мело — иншый часъ былъ оного веку, кгда Крыжаки сами толко в Ыфлянтыхъ розказовали, которые, будучы обычаевъ, народомъ хрестіанскимъ прывыклыхъ, иначе ся Великому Князству Литовскому ставили и вечнымъ миромъ успокоены были и, овшемъ войны уставичные ведучы з Московскимъ, немалую оборону отъ своео стороны Великому Князству Литовскому чынили, але теперь, за осягненемъ великое части земли Лифлянтское черезъ того неприятеля, вжо есть сполное небезпеченство з Великимъ Князствомъ Литовскимъ; а где бы еще тотъ неприятель узялъ в Ыфлянтыхъ одинъ же толко позосталый добре моцный замокъ Дынавентъ и место Рыгу, вжо бы затымъ ганьдли на порьте морьскомъ, которые суть въ Прусехъ, устали и купецство чужоземское, которое на тотъ часъ, до порьтовъ безпечно прыходечы, великій пожитокъ той Коруне и Великому Князству Литовскому чынять, вже бы затымъ тотъ неприятель, пры-

земію Пруска́ за та́ прылегло́сціа, ко́раю оpanова́л, певне куси́л. Niechaj teraz tego żaden nie rozumie, aby się Księstwo Litewskie tym sposobem, jako przedtym bez ziemie Inflanckiej obejść i bezpieczne być miało. Inszy ono czas był, gdy Krzyżacy sami tylko w Inflanciech rozkazowali, którzy będąc obyczajów narodom chrześcijańskim przywykłych, inaczej się Księstwu Litewskiemu stawili i owszem wojny ustawiczne widąc z Moskiewskim, nie małą obronę od swęj strony Księstwu Litewskiemu czynili; lecz teraz za osiągnięciem wielkiej części ziemie Inflanckiej przez tego nieprzyjaciela, już jest wspólne niebezpieczeństwo jęj z Księstwem Litewskim. A gdzieby jeszcze ten nieprzyjaciel wziął w Inflanciech jedenże tylko pozostały a dobrze mocny zamek Diament i miasto Rygę, jużby zatym nawigacya do portów, które są w Prusiech, bardzo niebezpieczną i trudniejszą być musiała. Ustałyby po wielkiej części kupiectwa i handle cudzoziemskie, które natenczas do portów przespiecznie przychodząc, wielki pożytek Koronie tęj czynią. Jużby zatem nieprzyjaciel ten, opanowawszy tak szeroko dominium maris, nietylko państwom Koronnym był ściślejszy, ale i sroższy prawie wszystkiemu chrześcijaństwu. Przetoż acz samęj ziemie Inflanckiej, prowincyėj zacnej, która w sobie ma zamki mocne,

шедьшы такъ широко въ опанованья мора, не толко тымъ паньствамъ былъ сильнейшый, але кгрожьшый праве всимъ въ суседстве. Про тожь, ачь самое земли Лифлянтское, паньства такъ зацьного, которое въ себе маеть замьки мощные, места частые, порьты особливые, пожытки такъ з жыжности земли, яко тежь много иныхъ речей розмаитые, слушне Корона вся и Великое Князство Литовское боронити повиньно; идеть тежь прытомъ и о землю Прускую, а не мней о безпечность и Великого Князства Литовского — наминаеть его кор[олевская] милость пишне, абы на томъ сойме наперьвей безъ жадное отьволокы нашоль-постановиль ся певный обычай сполное обороны, за которымъ не толко бы ся могла земля Лифлянтская поратовать, але яко бы оть непрыателя того все то, што давно оть Великого Князства Литовского одышло, ку великому пожытку оного паньства и ку розшыренью сполное речы посполитое а вечной славе короля его милости и народовъ тыхъ паньствъ ратовати могло ¹⁾.

miasta gęste, porty osobliwe, pożytki tak z żyzności ziemie jako z wielu inszych rzeczy rozmaite, słusznie Korona wszystka bronieć powinna, zwłaszcza gdyż ją pod obronę swą wzięła; wszakże gdyż ten nieprzyjacieli nietylko od Inflant ale i skądinąd zakłada na Wielkie Księstwo Litewskie, jakoby go pożyć mógł, któremu jako spólnej rzplitej spólna jest obrona powinna, idzie też przytym i o ziemie Pruską, Koronną prowincyą a zatym o wszystkę Koronę: napomina król jmc pilnie, aby na tym sejmie napierwój bez żadnej odwołki nalazł się i postanowił pewny obyczaj spólnej obrony, za którym nietylkobyc się mogła ziemia Inflancka poratować, ale jakoby się od tyrana tamtego wszystko to, co dawno od Księstwa Litewskiego odeszło, ku wielkiemu pożytkowi Koronnemu, ku rozszerzeniu państw spólnej rzplitej i ku sławie wiecznej króla jkmci i narodów Koronnych rekuperować mogło ²⁾.

Приведенныхъ выписокъ уже могло бы быть признано достаточнымъ для характеристики сравниваемыхъ текстовъ. Дополнимъ ихъ еще нѣсколькими, болѣе краткими, для боль-

1) Приложенія, стр. 110—111.

2) Źródła Dziejowe. IV. Str. 250—251.

шей опредѣленности выводовъ. За приведенною сейчасъ выпискою инструкція посламъ на сеймики Княжества говорить о недостаткѣ средствъ на наемъ войска, необходимаго для обороны, и затѣмъ переходитъ къ дѣлу исправленія Литовскаго статута. Инструкція посламъ на Коронные сеймики опускаетъ эти части Литовско-Русской инструкціи и прямо переходитъ къ вопросу о посполитомъ скарбѣ. Слова о военныхъ нуждахъ, которыя въ Литовско-Русской инструкціи предшествуютъ словамъ объ исправленіи статута, въ Коронной инструкціи стоятъ ниже. Такимъ образомъ, въ Литовско-Русской инструкціи имѣемъ вставку упоминанія о дѣлахъ одного Княжества съ перестановкою общаго текста, невыгодно отзывающагося на смыслъ даннаго мѣста¹⁾. Далѣе новая перестановка общаго текста. Вслѣдъ за указаніемъ на необходимость реформы и развитія государственныхъ финансовъ Литовско-Русская инструкція переходитъ къ вопросу о монетѣ, который въ Коронной инструкціи излагается много ниже²⁾. Послѣ предложенія о монетѣ Литовско-Русская инструкція говоритъ слѣдующее: „а ижъ тежъ ваша милость въ одну речъ посполитую съ Короною Полскою злучени есте, про то его кор[олевская] милость, яко потребы вашей милости, Великаго Княжства Литовскаго, на соймики Коронные подати, такъ тежъ Полскіе потребы, звлеща около судовъ, незгоды з духовенствомъ, кварталъ и троухъ частей, отъ скарбу отдаленныхъ, ку ведомости вашей милости донестъ розказать рачыль“³⁾.

Остановимся нѣсколько на этой части текста сравниваемыхъ инструкцій. Во-первыхъ, отмѣтимъ, что слова о внесеніи „потребъ“ Великаго Княжства Литовскаго на сеймики Польши подтверждаются текстомъ Коронной инструкціи лишь отчасти, а не цѣликомъ: въ послѣдней есть упоминаніе о нуждахъ обороны Княжества, но нѣтъ ни слова объ исправленіи его статута. Во-вторыхъ, заслуживаетъ вниманія самая оговорка и поясненіе, съ которыми вносятся на Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики чисто Польскія дѣла: это дѣла другого „панства“, съ которымъ лишь

1) Приложенія, стр. 111. Źródła Dziejowe, str. 251.

2) Приложенія, стр. 112. Źródła Dziejowe, str. 254—255.

3) Приложенія. Стр. 112.

въ договорномъ соединеніи находится Великое Княжество Литовское.

Переходя къ окончанію сравниваемыхъ инструкцій, замѣчаемъ, что текста Коронной инструкціи нѣтъ въ спискѣ инструкцій Литовско-Русской, который сохранился въ LX-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики Литовской. Можно думать, что это является простымъ дефектомъ переписки въ эту книгу государственнаго Литовско-Русскаго архива.

Подведемъ итогъ нашему сравненію текстовъ инструкціи королевскимъ посламъ на сеймики Польши и Великаго Княжества Литовскаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Текстъ Литовско-Русской инструкціи долженъ быть признанъ переводомъ текста инструкціи Коронной. Кромѣ общаго характера обонхъ текстовъ, говорящаго о переводѣ одного съ другого, въ доказательство переводнаго происхожденія именно Литовско-Русскаго текста могутъ быть указаны нѣкоторыя чисто польскія слова, имѣя принятія, и даже ошибки въ падежныхъ формахъ, перенесенныхъ прямо изъ польскаго текста, безъ измѣненія ихъ по требованію согласованія русскимъ языкомъ. Хорошій примѣръ этого имѣемъ въ приведенной выше выпискѣ: „з жыжности земли, яко тежъ много иныхъ речей розмайте“; въ соответствующемъ мѣстѣ Короннаго текста стоитъ — „gzeszy gozmaite“. Но, являясь переводомъ текста Короннаго, Литовско-Русскій текстъ значительно уклоняется отъ своего оригинала въ отдѣльныхъ случаяхъ. Оставляя въ сторонѣ малозначащія отличія обонхъ текстовъ, необходимо отмѣтить: 1) иное расположеніе текста въ нѣкоторыхъ частяхъ сравниваемыхъ документовъ, 2) вставки и пропуски фразъ и частей, 3) различное отношеніе обонхъ текстовъ къ значенію Великаго Княжества въ соединенномъ государствѣ. Два первыя изъ этихъ замѣчаній достаточно иллюстрированы нами выше. Что касается третьяго, то оно ясно выступаетъ при сравненіи нашихъ текстовъ. Въ инструкціи Коронной Великое Княжество Литовское не стоитъ рядомъ съ Польшею въ своихъ правахъ, какъ равнаго съ нею „панства“ въ соединенной Речи Посполитой. Наоборотъ, въ текстѣ инструкціи Литовско-Русской это равенство значенія обонхъ „панствъ“ выступаетъ совершенно ясно. Кромѣ приведеннаго выше въ выпискахъ изъ обѣихъ инструкцій, это

иллюстрируется сличением ряда других частей сравнимых текстов. Сдѣлаемъ нѣсколько такихъ сличеній: „въ тыхъ панствахъ“¹⁾ — „w téj Koronie“²⁾; „на тые панства“³⁾ — „na Koronę“⁴⁾; „панства“⁵⁾ — „Korona“⁶⁾; „панствъ“⁷⁾ — „Korony“⁸⁾; „панства“⁹⁾ — „Koronę“¹⁰⁾; „за которымъ и тры части и четвертую часть скаръбови посполитому въ Полце были привлащени, вынашли“¹¹⁾ — „za którą i trzy części i czwarta część skarbowi pospolitemu byli ewinkowane, naleźli“¹²⁾; „по екъзекуцыи въ Полце, а у Великомъ Князстве Литовскомъ по Уніи“¹³⁾ — „po egzekucyjé“¹⁴⁾; „кожьдыи непрыятель тыхъ панствъ“¹⁵⁾ — „každy nierzyjaciel téj Korony“¹⁶⁾; „король его милость не маеть а ни хочеть мети ничого своего особливого, съ Коруны а не з Великого Князства Литовского певъне ничого не выносьть“¹⁷⁾ — „król jmsć nie ma, ani chce mieć nic swego privatum, nic osobnego, z Korony téj pewnie nic nie wunosi“¹⁸⁾; „пана, той Коруне и Великому Князству Литовскому такъ зычливого“¹⁹⁾ — „pana Koronie téj tak życzliwego“²⁰⁾ и т. п.

Мы привели довольно много отличій текстовъ инструкціи королевскимъ посламъ, отправленнымъ на сеймики Польши и Великаго Княжества Литовскаго, которые были созданы передъ однимъ и тѣмъ же вальнымъ Польско-Ли-

- 1) Приложенія. Стр. 104.
- 2) Źródła Dziejowe. IV. Str. 244.
- 3) Приложенія. Стр. 104.
- 4) Źródła Dziejowe. IV. Str. 244.
- 5) Приложенія. Стр. 108.
- 6) Źródła Dziejowe. IV. Str. 248.
- 7) Приложенія. Стр. 109.
- 8) Źródła Dziejowe. IV. Str. 249.
- 9) Приложенія. Стр. 109.
- 10) Źródła Dziejowe. IV. Str. 250.
- 11) Приложенія. Стр. 111.
- 12) Źródła Dziejowe. IV. Str. 251.
- 13) Приложенія. Стр. 111.
- 14) Źródła Dziejowe. IV. Str. 251.
- 15) Приложенія. Стр. 114.
- 16) Źródła Dziejowe. IV. Str. 253.
- 17) Приложенія. Стр. 114.
- 18) Źródła Dziejowe. IV. Str. 253.
- 19) Приложенія. Стр. 115.
- 20) Źródła Dziejowe. IV. Str. 254.

товскимъ сеймомъ. Эти отличія не могутъ быть признаны случайными, такъ какъ ихъ обиліе, само по себѣ являющееся достаточнымъ для такого вывода, сопровождается вполне опредѣленною тенденціею, вскрываемою разсмотрѣніемъ содержания несходныхъ мѣстъ обоихъ текстовъ. Необходимо приходится сдѣлать выводъ, что сеймики Княжества и сеймики Короны, выслушивая въ общемъ одни и тѣ же сообщенія отъ королевскаго посла по поводу предстоящаго сейма, получали эти сообщенія изложенными въ нѣсколько различной окраскѣ значенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ созданномъ Люблинскою Уніей соединенномъ государствѣ. При этомъ инструкция на сеймики Княжества выдвигаетъ впередъ интересы этого послѣдняго и сверхъ того сообщаетъ о дѣлахъ чисто Литовско-Русскихъ, о которыхъ умалчиваетъ инструкция на сеймики Короны, сливая съ Польшею все соединенное государство, или выдвигая ея интересы на первый планъ.

Наблюденія надъ текстами инструкцій, составленными въ канцеляріяхъ Княжества и Короны для господарскихъ пословъ на сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, дополняются наблюденіями надъ текстами такихъ инструкцій, составленныхъ въ этихъ канцеляріяхъ при созывѣ сеймиковъ передъ другими сеймами. Въ текстѣ инструкции господарскимъ посламъ на Коронные сеймики, собранные передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года¹⁾, не только имѣемъ соотвѣтствующія измѣненія отдѣльныхъ выраженій и фразъ²⁾,

1) Źródła Dziejowe. Tom IV. Str. 38—44.

2) Нпр.: „przyjąwszy na ramiona swe, nie bez uważania tak wielkie brzemię regimentu, tak szerokich prowincyi i wielkości ludu Bożego pod sprawę swą wzięwszy“ (Źr. Dz., str. 38) и „wzemiemy na siebie такъ великіе бремена потребъ речы посполитое и великость люду Божьего“ (Приложенія, стр. 43); „także téż i wszystko wielkie ks. litew. do téjże zgody przyciągnął“ (Źr. Dz., str. 39) и „такъ же и тое панъство, Великое Князство Литовское, до тое згоды притягнулъ“ (Приложенія, стр. 44); „między stany téż koronnemi różnice są, także téż w. ks. litewskiego i ziemie pruskie z koroną pewne potrzeby swe przekładają“ (Źr. Dz., str. 41—42) и „особливе тежъ межы станы Корунными и Великого Князства Литовского розницы суть въ некоторыхъ многихъ потребахъ и долегlostяхъ земельныхъ; такъ же земли Прусское съ Коруною певные потребности свои прекадають“ (Приложенія, стр. 47); „dla zadzierzenia rzpltej i dobrego WMei i sławněj korony téj i w. ks. litewskiego“ (Źr. Dz., str. 42) и „для

но и пропускъ той части „науки“ на сеймики Великаго Княжества Литовскаго, которая говоритъ о требованіяхъ, предъявленныхъ Мстибоговскимъ съѣздомъ Княжества Стефану Баторію при признаніи его вступленія на престолъ соединеннаго государства Великимъ Княжествомъ Литовскимъ¹⁾. Имѣются и другіе пропуски однимъ изъ сравниваемыхъ текстовъ частей другого.

Обнаруживаются несходства и текстовъ другихъ документовъ, которые составлялись въ канцеляріяхъ Короны и Княжества при созывѣ сеймиковъ передъ однимъ и тѣми же Польско-Литовскими вальными сеймами. „Листы сеймовые до пановъ радъ“ Литовско-Русскихъ, разосланные передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года²⁾, заключаютъ въ себѣ не тотъ текстъ, который имѣемъ въ листахъ „ad majores consiliarios“ Польши, выданныхъ передъ тѣми же сеймомъ³⁾. Сравнимые листы различаются и содержаніемъ, и языкомъ⁴⁾, и датировкою⁵⁾. Что касается Короннаго текста, соответствующаго тексту листа сеймиковаго повѣтоваго, выданнаго Стефаномъ Баторіемъ въ Литовско-Русскіе повѣты передъ декабрьскими сеймиками 1577 года⁶⁾, то его нѣтъ въ ряду документовъ по созыву этихъ сеймиковъ, изданныхъ А. И. Павинскимъ⁷⁾. Листы „ad nobilitatem“⁸⁾ Польши соответствуютъ листамъ „до князатъ, панятъ и шляхты“ Княжества⁹⁾, являясь совершенно сходными въ своемъ содержаніи¹⁰⁾. Въ листахъ къ Польскимъ старостамъ королемъ предписывается разослать текстъ листовъ „ad po-

задержанья речи посполитое и доброго всихъ в[а]ш[о]е милости, тыхъ славныхъ панѣвствъ, Короны Полское и Великаго Князства Литовскаго“ (Приложенія, стр. 48) и т. п.

1) Отъ словъ „а къ тому, яко в[аша] милость паны рады и нныя станы жадали зъ з[т]ѣзду своего Мстибоговскаго“ (Приложенія, стр. 51).

2) Приложенія. Стр. 99—101.

3) Źródła Dziejowe. Tom IV. № CLIX.

4) Въ Корону — на латинскомъ языкѣ, въ Княжество — на русскомъ.

5) Въ Корону 15 ноября, въ Княжество — 2 ноября.

6) Приложенія. Стр. 97—99.

7) Źródła Dziejowe. Tom IV. Str. 235—256.

8) Ibidem. № CLIV. Въ словахъ „iisdem verbis quibus supra nr. CLII“ недосмотръ. Конечно, нужно читать вмѣсто „nr. CLII“ — „nr. CLIII“.

9) Приложенія, стр. 101—102.

10) Отличія ихъ въ обращеніи, въ назначеніи мѣста и времени и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

bilitatem“ урядникамъ земскимъ и людямъ шляхетскимъ ихъ староствъ. Относительно же опубликованія созыва сейма и сеймиковъ въ этихъ листахъ старостамъ отдается приказъ лишь огласить и опубликовать въ торгoвые дни въ городахъ и мѣстечкахъ черезъ возныхъ созывъ сеймиковъ и вальнаго сейма¹⁾. О посылкѣ старостамъ особаго текста королевскаго универсала листъ къ нимъ не говоритъ ничего. Не говоритъ о такомъ универсалѣ и листъ къ старостамъ о созывѣ Коронныхъ сеймиковъ передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года²⁾. Текстъ листовъ „ad nobilitatem“ Польши, указанный нами выше, не имѣетъ въ себѣ указанія на извѣщеніе шляхты господарскими листами „о потребахъ речи посполитое“, которое имѣется въ соотвѣствующихъ листахъ къ княжатамъ, панятамъ и шляхтѣ Княжества³⁾. Является, въ силу этихъ наблюденій, вопросъ: было ли необходимо оповѣщеніе Польской шляхты болѣе подробными универсалами о дѣлахъ предстоящаго сейма? Ленгнихъ писалъ въ XVIII столѣтіи, что такое оповѣщеніе дѣлалось⁴⁾, но уже Скржетускій, писавшій въ томъ же XVIII вѣкѣ, говоритъ лишь вообще о королевскихъ универсалахъ, созывающихъ предсеймовые сеймики, безъ болѣе подробнаго указанія ихъ содержанія⁵⁾. То же глухое указаніе на эти универсалы находимъ и въ литературѣ послѣдующаго времени⁶⁾.

1) „Rozkazujemy tedy, abyś te sejmy i walny koronny w miastach, w miasteczkach starostwa swego we dni targowe wedle zwyczaju przez woźnego obwołać i publicować rozkazał“. Żr. Dz. Tom IV. Str. 238.

2) Ibidem. Str. 48—49.

3) Приложения. Стр. 101.

4) „Literae quibus Ordines vocantur, praeter conuentuum et comitorum diem, rerum de quibus in comitiis consultandum summam continent, ac ad castra seu arces iudiciales singulorum palatinatum et terrarum, in quibus habendi conuentus, dimittuntur, et tum voce ministri iudicialis, wozny appellati, in oppidorum foris publicantur, tum ad valvas templorum descriptae proponuntur“. Gotfridi Lengnich Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 323. (По польскому изданію 1836 года стр. 336—337 — Prawo Pospolite Królestwa Polskiego. Wydanie nowe, w poprawném tłumaczeniu obadwa lacińskie połączone, ogłoszone za sprawą i nakładem redakcyi Kwartalnika Naukowego. Kraków 1836).

5) Prawo Polityczne Narodu Polskiego przez X. Wincentego Skrzetyskiego S. P. Tom I. W Warszawie 1782. Str. 230.

6) Нр., Jan Wincenty Bandtkie Stężyński, Historia Prawa Polskiego, napisana i wykładana przed rokiem 1830 w. b. Warszaw-

Мы не станемъ входить въ этотъ вопросъ о способахъ оповѣщенія шляхты Короны передъ сеймиками, такъ какъ 1) это задача изученія историческаго прошлаго Польши, а не Литовско-Русскаго государства, соединившагося съ нею Унією, и 2) для выводовъ о тождествѣ или различіи документовъ, составляемыхъ передъ предсеймовыми сеймиками одного и того же созыва, сдѣланныя нами сравненія уже даютъ достаточно матеріала¹⁾. Къ этимъ выводамъ теперь и обратимся.

Документы по созыву сеймиковъ Польскихъ и Литовско-Русскихъ, составлявшіеся въ государственной канцеляріи Короны и въ государственной канцеляріи Княжества, не могутъ быть признаны тождественными. Ихъ различіе наблюдается и внѣшнее, и внутреннее. Кромѣ языка и времени выдачи они отличаются и своимъ содержаніемъ. Языкомъ документовъ, направляемыхъ передъ сеймиками въ Корону, былъ языкъ польскій для большинства документовъ и латинскій для нѣкоторыхъ изъ нихъ; языкомъ документовъ, направляемыхъ передъ сеймиками того же созыва въ Княжество, былъ языкъ русскій. Время выдачи этихъ доку-

skim Aleksandryjskim Uniwersytecie (Warszawa 1850), str. 610; Adolf Pawiński, Rzady Sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw Kujawskich (Warszawa 1888), str. 16; Józef Siemieński, Organizacja sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II. Tom XXIII. W Krakowie 1906), str. 275—281. Ср. Adam Szelągowski, Wzrost Państwa Polskiego w XV i XVI w. Polska na przełomie wieków średnich i nowych (Lwów 1904), str. 285 или Станиславъ Кутшеба, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши (переводъ съ польскаго подъ редакціей Н. В. Ястребова, Спб. 1907), стр. 156.

1) Текстъ универсаловъ Стефана Баторія, созывающихъ въ Польшѣ предсѣздовые сеймики 1577 года (Źródła Dziejowe, tom IV, № LII), включаетъ въ себѣ достаточно обстоятельное изложеніе дѣлъ, для которыхъ сеймики созываются. Но созывъ этихъ сеймиковъ былъ дѣломъ чрезвычайнымъ. На нихъ созывалась шляхта, уже предупрежденная двумя вицами, т. е. призывными военными листами, о сборѣ въ посполитомъ рушеньѣ, и они созывались не передъ вальнымъ сеймомъ, а передъ сѣздами главныхъ частей Польши, т. е. Великой и Малой Польшы и Мазовіи. Ср. этотъ универсалъ съ текстомъ господарскихъ листовъ, созывающихъ повѣтовые сеймики Велпкаго Княжества Литовскаго передъ такимъ же его сѣздомъ въ Волковыйскъ (Приложенія, стр. 64—66).

ментовъ изъ соотвѣствующихъ канцелярій не должно было быть однимъ и тѣмъ же. Послѣднему соотвѣствуетъ и то, что срокъ созыва сеймиковъ передъ вальными сеймами былъ инымъ для Короны и для Княжества ¹⁾. Переходя къ внутреннимъ различіямъ сравниваемыхъ документовъ, замѣчаемъ, прежде всего, различный характеръ обращеній господарскихъ листовъ въ эти два „панства“ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Принципъ демократическаго шляхетскаго равенства является гораздо болѣе выдержаннымъ въ листахъ, направляемыхъ въ Польшу, чѣмъ въ листахъ, направляемыхъ въ Великое Княжество Литовское ²⁾. Въ своихъ обращеніяхъ къ повѣтамъ Литовско-Русскимъ господарь перечисляетъ группы, изъ которыхъ слагалась Литовско-Русская шляхта: „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталіаномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, вранникомъ земьскимъ и дворьнымъ и всему рыцерьству-шляхте, обователемъ“ того или другого повѣта ³⁾, причемъ такія обращенія то короче, то распространеннѣе въ зависимости отъ того, является ли данный повѣтъ въ своемъ воеводствѣ центральнымъ или нѣтъ, т. е. имѣетъ или не имѣетъ въ своемъ составѣ тѣхъ урядниковъ, которые бывали только въ центральныхъ повѣтахъ ⁴⁾. Обращеніе къ сенаторомъ Польши проще, чѣмъ обращеніе къ раднымъ панамъ Великаго Княжества Литовскаго въ соотвѣствующихъ листахъ, посылаемыхъ отъ короля къ нимъ передъ сеймиками ⁵⁾. Но рядомъ съ этою чертою, которая иллюстрируетъ оффиціальныи взглядъ на степень выдержанности идеи шляхетскаго равенства въ томъ и другомъ изъ соединившихся Унією „панствъ“, сравненіе текстовъ соотвѣствующихъ документовъ уполномочиваетъ и на другіе выводы. Часть документовъ, составляемыхъ при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ въ канцеляріи Княжества, была переводомъ на русскій языкъ соотвѣствующихъ документовъ, составляемыхъ въ канцеляріи Коронной. Но, являясь

1) Въ Польшѣ шесть недѣль (для чрезвычайныхъ сеймовъ этотъ срокъ могъ сокращаться до трехъ недѣль), въ Княжествѣ — четыре недѣли.

2) Ср. И. И. Л а п о, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 231.

3) Приложенія. Стр. 97.

4) См. И. И. Л а п о, *op. cit.*, стр. 266—390 и 565—635.

5) Ср. *Źródła Dziejowe*, tom IV, №№ XXII, XXIII и др.

переводомъ Коронныхъ документовъ, документы, составляемые въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго 1) подчеркивали государственное значеніе своего „панства“ въ соединенномъ государствѣ, не такъ опредѣленно и ясно выступающее въ соответствующихъ документахъ Коронныхъ, и 2) вносили въ свой текстъ самостоятельно составляемыя части, имѣвшія значеніе для одного Великаго Княжества Литовскаго, опуская при этомъ тѣ части соответствующихъ Коронныхъ документовъ, которыя имѣли значеніе для Польши, какъ отдѣльнаго „панства“, съ которымъ Княжество было соединено Унією. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти выводы, къ которымъ приводитъ сравненіе документовъ по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ Короны и Княжества, должны имѣть свое значеніе и для изученія спольнаго сеймованья Польско-Литовской Речи Посполитой. Мы не можемъ, конечно, останавливаться на этомъ на настоящихъ страницахъ, посвященныхъ лишь изученію Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика, но мы не можемъ не отмѣтить значенія выводовъ, къ которымъ приводитъ сравненіе документовъ Короны и Княжества по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ, для оцѣнки ихъ какъ источниковъ для изученія историческаго прошлаго Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Различіе соответствующихъ документовъ по созыву сеймиковъ и сеймовъ заставляетъ признать, что одинъ и тотъ же изъ этихъ документовъ не можетъ являться одинаково источникомъ для изученія обоихъ „панствъ“ соединеннаго государства, несмотря на то, что Корона и Княжество имѣли съ 1569 года общій вальный сеймъ, созываемый одною и тою же верховною властью.

Глава VI.

Сеймикъ предсеймовый.

Основные моменты въ дѣятельности предсеймоваго повѣтоваго сеймика. Послы повѣтоваго сеймика. Вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ для нихъ и его разрѣшеніе. Составъ повѣтовыхъ пословъ на вальные сеймы. Полномочія этихъ пословъ. Инструкція, составляемая повѣтовымъ сеймикомъ для своихъ пословъ сеймовыхъ. Утвержденіе инструкціи повѣтовымъ сеймикомъ. Инструкція Виленскаго сеймика отъ 30 декабря 1594 года и инструкція Берестейскаго сеймика отъ 30 декабря 1596 года, какъ образцы этого вида сеймиковыхъ документовъ. Языкъ инструкцій посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе вальные сеймы. Языкъ инструкцій повѣтовымъ посламъ на сѣзды Великаго Княжества Литовскаго. Внесеніе повѣтовой инструкціи въ официальные книги уряда.

Дѣятельность предсеймоваго повѣтоваго сеймика, какъ такового, слагалась изъ трехъ моментовъ: 1) заслушанія и обсужденія „науки“ господарскаго посла на сеймикъ, передававшей сеймикующимъ отъ имени господаря свѣдѣнія и заявленія послѣдняго, которыя онъ считалъ нужнымъ сообщить повѣтовой шляхтѣ предъ созываемымъ сеймомъ, 2) выбора пословъ сеймика на предстоящей сеймъ и 3) составленія и утвержденія инструкціи этимъ посламъ отъ повѣта. Тѣ же три момента были и въ дѣятельности повѣтовыхъ сеймиковъ, созванныхъ передъ Волковыйскимъ сѣздомъ 1577 года, котораго постановленіе должно было замѣнить для Великаго Княжества Литовскаго постановленіе вальнаго сейма. Мы уже разсмотрѣли подготовку созыва повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ государственной кацеляріею Княжества¹⁾ и видѣли, что представляли собою „науки“ господарскимъ посламъ

1) Глава V.

на сеймики и въ чемъ должна была выражаться дѣятельность этихъ пословъ во время сеймикованья. Теперь мы должны познакомиться съ двумя остальными изъ указанныхъ выше моментовъ дѣятельности предсеймоваго сеймика, т. е. съ выборомъ повѣтовыхъ пословъ на предстоящій сеймъ и составленіемъ для нихъ инструкціи.

При выборѣ своихъ пословъ на сеймъ, двухъ чело-вѣкъ по требованію закона¹⁾, повѣтовому сеймику необходимо было считаться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ. Если для сенатора поѣздка на сеймъ сплошь и рядомъ не представляла чего-либо особенно заманчиваго — онъ бывалъ на сеймахъ и въ засѣданіяхъ господарской рады много разъ и хорошо знаетъ блескъ королевскаго двора и обстановку сеймованья, а также знаетъ и хлопотливость сеймовой работы, и тяжесть дороги, которую нужно проѣхать въ путешествіи на сеймъ, — то для повѣтоваго посла поѣздка на сеймъ должна была представляться дѣломъ заманчивымъ, и онъ могъ ея добиваться. Кромѣ того, что поѣздка на сеймъ въ качествѣ повѣтоваго посла давала шляхтичу возможность посмотреть господарскій дворъ, сеймъ, новыя мѣста и новыхъ людей, она была для него путемъ къ возвышенію и приобрѣтенію извѣстности какъ въ своемъ повѣтѣ, такъ и въ государствѣ. Избранный посломъ на сеймъ шляхтичъ не только увеличивалъ свой авторитетъ въ своемъ повѣтѣ, выдѣлявшемъ его изъ остального повѣтоваго шляхетства, но могъ извлечь изъ своего посольства для себя выгоды и отъ возможности сдѣлаться лично извѣстнымъ господарю и панамъ раднымъ. Эта извѣстность могла при умѣнїи и удачѣ открывать путь къ возвышенію по іерархической лѣстницѣ урядовъ и къ приобрѣтенію пожалованій²⁾. Сама верховная власть смотрѣла на участіе въ сеймованьѣ какъ на заслугу, какъ на трудъ, заслуживающій награды. Такъ, привилей короля Генриха, выданный Жомоитскому подкоморію, тивуну Ойрагольскому, пану Николаю Станкевичу Белевичу

1) II ст., III, 5. III ст., III, 6.

2) Ср., нпр., связи Новгородскаго подсудка Феодора Евлашевскаго, часть которыхъ онъ завязалъ во время исполненій посольскихъ обязанностей на сеймахъ — см. его Дневникъ во II-омъ выпускѣ Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Русп.

лись въ Кольбацкой области; о пожертвованіи ихъ внѣ этой области есть только два извѣстія¹⁾).

Съ конца XII в. Святоборичи развѣтвились на двѣ отрасли (отъ Казимира и Варооломея Вартиславичей); имѣнія обоихъ отраслей ранѣе половины XIII в. перешли къ Кольбацкому монастырю: исключеніемъ была только одна деревня, которую монахи приобрѣли лишь въ началѣ XIV в.²⁾

Изученіе всѣхъ указаній на какія-либо права Святоборичей по отношенію къ имѣніямъ населеннымъ и ненаселеннымъ позволяетъ сдѣлать слѣдующія наблюденія.

1. Отчужденія Святоборичей долгое время удостовѣряются грамотами не отъ имени самихъ Святоборичей, а отъ имени князя: только сто лѣтъ спустя послѣ начала христіанства въ Поморьѣ и пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ первыхъ извѣстныхъ намъ отчужденій Святоборичей начинаютъ появляться грамоты и отъ имени Святоборичей.

2. За этотъ же самый начальный періодъ времени, т. е. до третьяго десятилѣтія XIII в., нѣтъ прямыхъ и ясныхъ указаній на права собственности Святоборичей по отношенію къ славянскимъ деревнямъ собственнаго Поморья. Правда, за это время, т. е. за первый вѣкъ христіанства въ Поморьѣ, есть достовѣрныя указанія на отчужденіе Святоборичами трехъ деревень.

ревни Kobalanch). С. P. D., № 205, р. 457—458; Pomm. Urk., I, № 202, р. 147—148. С. P. D., № 206, р. 459—460; Pomm. Urk., I, № 203, р. 148.

г) Святоборъ отчуждаетъ между 1220 и 1227 г.: Smirdinza (С. P. D., № 130, р. 298; Pomm. Urk., № 204, р. 149), Cirnowe въ 1234 г. (С. P. D., № 216, р. 474; Pomm. Urk., I, № 302, р. 230—231), Belitze въ 1235 г. (С. P. D., № 222, р. 487—488; Pomm. Urk., № 313, р. 237) Piaceno въ 1240 г. (С. P. D., № 285, р. 612; Pomm. Urk., № 382, р. 301), Zelow, Niznaц, Babin, Sabowe и вообще всѣ доселѣ уцѣлѣвшія земли въ 1242 (С. P. D., № 308, р. 658; Pomm. Urk., I, № 398, р. 316—317). Въ слѣдующемъ 1243 году Святоборъ, который раньше отдалъ имѣніе Zibberose Бурхарду, соглашается на продажу этого имѣнія тѣмъ же Бурхардомъ Кольбацкому монастырю.

д) Казимиръ Святоборичъ въ 1274 г. подтверждаетъ Кольбацкому монастырю всѣ отданныя его предшественниками имѣнія. Pomm. Urk., II, № 1000, р. 297.

1) Одно извѣстіе отъ 1194 г. о деревнѣ Bogutino, въ Кольбергской области, другое — отъ 1219 г. о дер. Dirscowe и Malescisce — въ Гостыковской области. Есть основаніе думать, что это были не родовыя имѣнія.

2) Деревня Cobalanch отошла къ монастырю въ 1304 г. Pomm. Urk., I, р. 153.

Но одна изъ этихъ деревень — не славянская; другую дала Святобору княгиня-вдова съ малолѣтними сыновьями; отчужденіе третьей происходило уже на исходѣ упомянутого періода (въ 1219 г.), деревня находилась не въ собственномъ Поморьѣ, и въ отчужденіи ея принималъ довольно активное участіе и князь.

Объ отчужденіи этихъ трехъ деревень говорится слѣдующее.

Villa Theutunicorum. О пожертвованіи ея Кольбацкому монастырю свидѣлствуетъ князь Богуславъ I въ 1173 году. Она упоминается наряду съ другими имѣніями, которыя въ его грамотѣ не называются деревнями (*locus ipse Colbas, Recow, Reptow, villa Theutunicorum, Soznow*). Видимо, это поселеніе раннихъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Другія мѣстности, которыя называются рядомъ съ нѣмецкою деревнею, нѣкоторое время спустя также обнаруживаютъ признаки населенности; тогда населеніе могло быть тамъ или новое, изъ колонистовъ, или — старожилы-поморяне или, наконецъ, и тѣ и другіе. Обозначаютъ ли три географическія названія (*Recow, Reptow, Soznow*) уже въ 1173 г. деревни, — этого грамота прямо не говоритъ. Даже если бы и обозначали, — во всякомъ случаѣ, здѣсь (изъ факта отчужденія) такъ же мало можно усматривать крѣпостничество или зависимость селянъ, какъ и тѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые жили въ отчуждавшейся деревнѣ (свободное состояніе колонистовъ по справедливости не возбуждаетъ сомнѣній).

Villa Bogutino. Ее получилъ въ наследственное владѣніе отъ княгини Анастасіи Казимиръ Вартиславичъ. Онъ пожелалъ пожертвовать эту деревню Кольбергской церкви, и княгиня согласилась на это (около 1194 г.). Она даже прибавила, что даръ долженъ остаться за церковью, что бы ни случилось съ Казимиромъ: станеть ли онъ жить въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ (т. е. не въ Кольбергѣ съ окрестностью) или его постигнетъ смерть¹⁾.

1) Гр. Анастасіи отъ 1194 г. (С. Р. Д., 94, р. 223—224; Pomm. Urk., I, № 126, р. 95—96): *A. dei gracia Pomeranie ducissa cum filiis suis B. et K. — — villam que Bogutino dicitur. cum omnibus suis pertinentiis. domino Kazimiro contulimus hereditario jure possidendam quam idem Kazimirus ecclesie beate virginis in Colberg nobis consentientibus erogavit. Indulsimus preterea ut. si sepius dictus K. sese in alium locum transtulerit mansurus. hanc nostram donacionem in eo non debere cessari. Nunc itaque — — hanc largitionem salutarem ratam habentes sigilli nostri patrocinio communivimus. — — decrevimus ut eadem villa in usus et dispositionem cedat ecclesie. cum Kazimirum summa dimissio divini judicii jura nature per carnem decreverit exsolvere.*

Очевидно, эта деревня не была родовой собственностью Казимира. На какихъ бы условіяхъ онъ ее ни получилъ, ясно, что для Казимира владѣніе этою деревнею только недавно возникло и именно — благодаря княжеской власти¹⁾.

Ville: Dirscove et Malescisce. Эти деревни находились не въ собственномъ Поморьѣ, а въ лютицкой землѣ. Онѣ пожертвованы были Эльденскому монастырю княземъ Казимиромъ II: пожертвованіе одной изъ этихъ деревень было сдѣлано, по заявленію княжеской грамоты; „во спасеніе душъ нашихъ (? доселѣ въ грамотѣ ни о комъ не говорилось, только потомъ упоминаются Богуславъ и Вартиславъ) и отца нашего Богуслава по желанію и съ согласія Гостьковскаго господина Вартислава, которому принадлежала на земскомъ обычаѣ эта деревня“²⁾.

Въ этомъ пожертвованіи довольно активную роль играетъ князь: онъ „жалуетъ“, притомъ — во спасеніе своей души и души своего отца. Такой активности со стороны князя не замѣтно ни въ древнѣйшемъ пожалованіи Святоборичей ни въ ихъ позднѣйшихъ актахъ; и потому возможно предположить, что Гостьковская деревня поступила только недавно въ распоряженіе Вартислава. Это могло случиться, напр., потому, что Вартиславъ занялъ въ области высокое административное положеніе.

О своихъ славянскихъ деревняхъ въ собственномъ Поморьѣ (а не въ лютицкой его части, гдѣ, какъ увидимъ ниже, были свои особенности въ социально-политическомъ строѣ) Святоборичи начинаютъ говорить только съ третьяго десятилѣтія XIII в.; и первая ясная рѣчь объ этомъ стала вестись подъ видимымъ вліяніемъ духовенства. Это видно изъ слѣдующаго.

1) Изъ грамоты не видно, почему княгиня сдѣлала оговорку о переселеніи и смерти Казимира: потому ли, что самъ Казимиръ владѣлъ деревнею на условіяхъ, потому ли, что онъ обставилъ условіями монастырское пользованіе, или потому, наконецъ, что монахи сочли благо разумнымъ на всякій случай внести оговорку. Но какъ бы этотъ вопросъ ни рѣшался, — грамота свидѣтельствуетъ, что деревня не была родовой собственностью Казимира.

2) Которая именно деревня, — грамота не указываетъ. C. P. D., № 126, p. 282 (Pomm. Urk., I, № 190, p. 138—139): *fratribus in hylda — uillas in Choskoue . que dirscove et Malescisce dicuntur . cum siluis pratis et aqua molendini ex utraque parte libere et omnibus pertinenciis suis . ob remedium animarum nostrarum et patris nostri Bogeslaui, uoluntate et consensu domini Wartizlai de Choskoue . cui predicta uilla more terre attinuit . firma in perpetuum donatione contulimus.*

Между 1220 и 1227 годомъ выданы были отъ имени Вартислава Вареоломеевича двѣ грамоты. Въ первой Вартиславъ сообщаетъ, что онъ продалъ Кольбацкому монастырю „все право свое, какое только онъ имѣлъ по наслѣдью отъ отца, въ Brucho и Dambine“; при этомъ описываются и границы этихъ имѣній¹⁾.

Во второй — Вартиславъ сообщаетъ, что онъ продалъ тому же монастырю „мѣсто деревни“ Glina со всѣми принадлежностями и „съ остальными двумя деревнями Bruchow и Dambne и Lanchne со всѣми ихъ принадлежностями“. „И еслибы существовали какія инныя имѣнія, которыя изстари обозначаются собственно именами деревень, — все, что только оставилъ мнѣ отецъ въ качествѣ отцовскаго наслѣдства въ Кольбацкой области, мы передали актомъ продаживышеупомянутой братіи, за исключеніемъ деревни Kobalanch“²⁾.

Наличность обоихъ этихъ изготовленій и ихъ взаимоотношеніе даютъ понять, что монахи, уже получивъ пожалованіе отъ князя, успѣли убѣдить его нѣсколько преобразовать это пожалованіе. Преобразование было сдѣлано въ пользу, конечно, монаховъ. На это указываетъ прежде всего болѣе распространенное опредѣленіе имѣній; это новое опредѣленіе соответствовало, вѣроятно, и фактическому увеличенію размѣровъ имѣній³⁾. Затѣмъ, не

1) Гр. Вартислава Вареоломеевича около 1220—1227 г. (C. P. D., № 205, p. 457—458; Pomm. Urk., I, № 202, p. 147—148): Ego Wartislaus. Bartholomei filius — — justo emptionis pretio fratribus nostris de Colbas vendidimus quicquid jure hereditario et paterna successione possedimus in Brucho et Dambine . in agris . pratis . siluis . in pascuis . in piscationibus . quarum termini sunt isti: a riulo . qui fuit terminus inter curiam et Bruchoue, inde percurrunt per terminos Schirnoue in medium Bandegast . inde ad riulum Wostroue et sic in medium [silue?]; inde pertingunt per Jascins usque ad terminos inter Zeloue et Dambine et Bruchoue Lancham.

2) Гр. Вартислава Вареоломеевича Кольбацкому монастырю около 1220—1227 г. (C. P. D., № 206, p. 459—460; Pomm. Urk., I, № 203, p. 148): Ego Wartizlaus. Bartholomei filius . — — fratribus nostris in Colbas iusto emptionis precio vendidimus locum uille . que antiquitus Glina vocatur . cum omnibus attinentiis suis . agris . pratis . siluis . pascuis et piscationibus . cum reliquis aliis duabus villis Bruchow et Dambne et Lanchne cum omnibus pertinentiis suis . et si qua alia loca sint . que villarum proprie nominibus censebantur antiquitus . et quicquid pater meus hereditate paterna mihi reliquit in terra Colbacensi . predictis fratribus vendendo tradidimus . excepta sola villa Kobalanch. — — Nec omnia super altare sancte Marie virginis scotavimus.

3) Хотя въ настоящее время вполне точно опредѣлить границы по первому и по второму изготовленію чрезвычайно трудно, но есть вѣ-

3. Хотя Святборичи и употребляют изрѣдка слово „деревня“, но нигдѣ ни однимъ намекомъ не обнаруживается какая-либо власть ихъ надъ населеніемъ. Не только и рѣчи нѣтъ о количествѣ людей, отдаваемыхъ церкви, но — и о какихъ-либо повинностяхъ ихъ, прежнихъ или будущихъ. Нельзя не признать, что такое умолчаніе вполне соотвѣтствуетъ прежде сдѣланному наблюденію — неохотѣ и медлительности Святборичей въ дѣлѣ обозначенія своихъ имѣній деревнями.

Въ заключеніе, по поводу всѣхъ отчужденій Святборичей можно замѣтить слѣдующее.

Для какихъ-либо важныхъ и прочныхъ выводовъ по социальной исторіи свѣдѣнія объ отчужденіяхъ, совершавшихся Святборичами, сами по себѣ недостаточны. Кое-что изъ отмѣченныхъ выше наблюденій (напр., о времени выдачи грамотъ самими Святборичами, а не княземъ) можетъ казаться въ отдѣльности не имѣющимъ особаго значенія.

Но въ общемъ видно, что даже родичи князя въ обнаруженіи своихъ правъ надъ деревнями были крайне сдержанны; этихъ правъ ихъ долго не видно. Даже когда, по настоянію монаховъ, объ этихъ правахъ заговорили, — послѣ этого они все же пользуются для обозначенія своихъ имѣній другими словами, а не словомъ „деревня“; однако, какіе бы термины ни употреблялись, — о правахъ на населеніе ничего не слышно.

Отчужденія Святборичей производятъ впечатлѣніе какой-то неопредѣленности, нерѣшительности, — они какъ-бы постепенно развиваются, причемъ развитіе это и вообще дѣйствія Святборичей совершаются не безъ вліянія духовенства¹⁾. Въ сущности, наиболее опредѣленно говорить грамота о владѣніяхъ Святборичей только въ 1274 году, т. е. 30—50 лѣтъ спустя послѣ того, какъ на всѣхъ представителей двухъ отраслей Святборичей уцѣлѣла всего-на-всего одна деревня.

Главное же, что необходимо замѣтить по поводу правъ Святборичей на имѣнія и на нѣсколько деревень, заключается въ слѣдующемъ.

1) Только настойчивость монаховъ заставила продавца заговорить и о деревняхъ, хотя по выраженіямъ перваго изготовленія казалось, что въ намѣченныхъ границахъ все уже было отдано и болѣе нечего было дать: *Vendidimus, quicquid jure hereditario et paterna successione possedimus in Brucho et Dambine.* — Кромѣ исторіи съ Brucho и Dambine, на вліяніе духовенства указываютъ, напр.: *Pomm. Urk., I, № 302, p. 230—231 (Cirnowe); № 156—157, p. 119—121 (locus Woltina).*

безъ желанія монаховъ и для ихъ удобства Bruchow и Dambine опредѣляются какъ деревни, чего въ первомъ изготовленіи не было.

Въ послѣдующее время даренія и вообще отчужденія совершалъ одинъ Святоборъ. О деревняхъ онъ говоритъ только дважды ¹⁾. Въ другихъ случаяхъ онъ употребляетъ болѣе общія слова: *possessio*, *hereditas* ²⁾, *locus* ³⁾, а то и вовсе не даетъ собственному имени никакого опредѣленія ⁴⁾.

Итакъ, второе наблюденіе, которое можно сдѣлать при изученіи отчужденій Святоборичей, состоитъ въ слѣдующемъ. Во всѣхъ этихъ отчужденіяхъ неохотно и какъ бы съ опозданіемъ употребляется слово „деревня“; предпочитаютъ другіе термины. Не видно той прямоты и опредѣленности, которыя бываютъ въ странахъ, гдѣ отчужденіе имѣній съ населеніемъ или деревень представляетъ дѣло обычное.

роянтіе за расширеніе ихъ во второмъ случаѣ. На такое расширеніе указываетъ сопоставленіе тѣхъ географическихъ названій, которыя приводятся въ первомъ изготовленіи для опредѣленія границъ, съ тѣми, которыя упоминаются во второмъ не въ качествѣ границъ (границы во второмъ изготовленіи совсѣмъ не указываются), а въ качествѣ отчуждаемыхъ мѣстностей. Географическія названія перваго изготовленія (Bruchow, Dambine, Schirnowe, Vandegast, Wostroue, Jascins, Zelowe) локализуются къ югу отъ Кольбаца, слегка отклоняясь на востокъ и западъ; они ни въ одномъ пунктѣ не заходятъ далѣе 4 километровъ отъ Кольбаца по прямой линіи. Отчуждаемое во второмъ изготовленіи „мѣсто деревни“ Glina находится на ЗЗЮ отъ Кольбаца на разстояніи семи километровъ (по прямой линіи). Между тѣмъ названія перваго изготовленія указываютъ на крайнія линіи отчуждаемой земли, а „мѣсто деревни“ Glina, по смыслу втораго изготовленія, цѣликомъ переходитъ къ монастырю и, слѣдовательно, крайняя пограничная линія предполагается еще далѣе. — Karte des Deutschen Reiches, herausgegeben von der Kartogr. Abtheilung der Königl. Preuss. Landes-Aufnahme 1890. Massstab: 1 : 100,000. № 187 (Stettin) — 188 (Stargard). О локализациі именъ: С. Р. Д., р. 458—459, 460.

„Мѣсто деревни“ Glina отдѣлялось отъ Кольбаца землями деревень: Cirnowe и Doberpul. О взаимоотношеніи ихъ говорится въ 1274 г.: Cirnowe, que nunc Nienmarkt dicitur, in cuius opidi terminis sita est villa que Doberpul dicitur. И Doberpul и Cirnowe нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлались собственностію монастыря; но монастырь приобрѣлъ ихъ не отъ Варгислава.

1) Около 1220—1227 г. о деревнѣ Smirdinza и въ 1242 г. при подтвержденіи всего переданнаго монастырю.

2) Въ 1235 г. при отчужденіи Belitcze.

3) Въ 1240 г. при пожертвованіи Piacespo и въ 1243 при отчужденіи Ziberose.

4) Въ 1234 г. при отказѣ отъ Cirnowe въ пользу монастыря.

Права и положеніе Святоборичей не могутъ считаться тождественными съ правами и положеніемъ поморской знати вообще. Княжескіе родичи, выдѣлявшіе изъ своей среды регентовъ княжества въ соответствующіе моменты, несомнѣнно занимали особое положеніе въ странѣ, до котораго далеко было самымъ выдающимся поморянамъ. Отсюда слѣдуетъ, что и тѣ пожалованія деревень, о которыхъ была рѣчь выше, сами по себѣ еще не доказываютъ того, что владѣніе населенными имѣніями было явленіемъ обычнымъ и распространеннымъ среди поморской знати вообще.

Если права Святоборичей нельзя считать общимъ достояніемъ знатныхъ поморянъ, то еще менѣе можно обобщать права Ратиборичей. Ратиборичи были не только родичами князя; они и сами были князьями въ своей Славенской землѣ¹⁾.

ГЛАВА II.

Вторая группа извѣстій : лютицкія владѣнія. Третья группа : феодальныя владѣнія.

Вторая группа извѣстій о славянскомъ владѣніи населенными мѣстами по количеству случаевъ нѣсколько уступаетъ первой. Сюда относятся извѣстія объ отчужденіяхъ и владѣніяхъ такими имѣніями, которыя расположены въ самой западной и сѣ-

1) Сохранились извѣстія о двухъ отчужденіяхъ Ратиборичей. Гр. Богуслава Славенскаго отъ 1200 г. (С. P. D., № 80, p. 193; Pomm. Urk., I, № 138, p. 104—105): ego Boguslaus et soror mea Dobroslaua de Slauna dedimus has villas beato Johanni . et beato Jacobo . et hospitali Jerosolomitano . quarum quibus primum Scarnino . Cosmaceuo sub hac forma dedimus . quod aliam villam nobis necessariam obtinuumus nomine Selglow. — Клемпинъ полагаетъ, что Scarnino = Czarnoczyn, деревнѣ, которую за два года предъ тѣмъ, именно — въ 1198 г., мужъ Доброславы Гремиславъ, князь Zwece (Schwetz), пожертвовалъ іоаннитамъ. Pomm. Urk., I, p. 105. Pommerellisches Urkundenbuch, bearb. v. Perlbach, Danzig, 1882, № 9, p. 6—7.

Гр. Ратибора (интерполированная) отъ 1223 г. (Pomm. Urk., I, № 215, p. 160—162): ego Ratiborius dei gracia princeps dictus terre Slaunensis — — fratribus domus prenotate (i. e.: domus hospitalis sancti Johannis baptiste) villam nomine Bantov cum suis attinentiis — — contuli.

веро-западной части княжества. Это — лютицкая или мекленбургская часть Поморскаго княжества; поэтому и всю группу относящихся сюда извѣстій можно назвать лютицкой, или мекленбургской.

На права славянъ по отношенію къ деревнямъ указываютъ извѣстія о братьяхъ-Рамновичахъ, о Янкѣ и о фамиліи Рохилла¹⁾.

О Рамновичахъ сообщается, что они рѣшили устроить церковь въ Trebutowe и, съ согласія епископа, приписали къ ней почти всѣ тѣ деревни въ Доленицкой области, которыя „относятся къ нимъ (братьямъ) по праву наслѣдованія“²⁾.

О Янкѣ сказано, что онъ пожертвовалъ двѣ деревни Даргунскому монастырю за упокой души своей матери. Князь съ своей стороны удостовѣряетъ это пожертвованіе, подтверждаетъ его и освобождаетъ населеніе отъ повинностей³⁾.

Объ этомъ Янкѣ высказывается мнѣніе, что онъ былъ не славяниномъ, а нѣмцемъ⁴⁾. — Если бы это мнѣніе было вѣрно,

1) Можно бы сюда причислить еще и то краткое указаніе, которое находится въ грамотахъ епископа Шверинскаго Берно и князя Казимира I; оно, однако, недостаточно ясно. Гр. Берно отъ 1173 г. Даргунскому монастырю (Pomm. Urk., I, № 61, p. 33—34): *dominus Kazimarus — donauerat — quartam partem putei salis in Tolenz in predio uille Zuillemari Tessemeris.* — Гр. князя Казимира (Pomm. Urk., I, № 62, p. 35).

2) Гр. еп. Каминскаго Зигвина около 1191—1194 г. (C. P. D., № 92, p. 219; Pomm. Urk., I, № 120, p. 92—93): *fili Ranni . Heinricus et Borts . illustri Luticiorum prosapia ceteros antecellentes . — ecclesiam in honore beate virginis — Marie Trebutowe fieri decreuerunt . cui villas omnes . que per provinciam Tolenze ad eos spectant hereditario . nostra assignauerunt coniuuentia . ut uidelicet earundem villarum possessores . iuxta comunem ac debitam catholicorum consuetudinem . a prelibata ecclesia spiritualium sacramentorum dona percipiant salutaria . vnam solummodo . que Cladessowe nuncupatur . — ab hujus collationis exponentes generalitate . — Decernimus nichilominus — quatinus incolis prenominatarum villarum in eadem ecclesia in monte scilicet b. Marie fundata omnia requirantur ecclesiastica.*

3) Гр. Вартислава III Даргунскому монастырю отъ 1228 г. (C. P. D., № 169, p. 390; Pomm. Urk., I, № 248, p. 200): *Yeneke miles dictus de Virchen ob salutem anime matris sue . que sepulta est Dargun . dedit villam Chylowe et Beniz . cum terminis earundem et omni jure . — et hoc de bono consensu nostro perpetuo possidendas . ita etiam . ut homines illas inhabitantes ab omni aduocacia . exactione . petitione . urbium . pontium extructione . semper sint liberi et soluti . Nos igitur hoc factum plenius confirmare volentes . presentem litteram super hoc confectam . cenobio Dargun contulimus. —*

4) Sommerfeld, Die Germanis. d. Herz. Pommern, S. 124—125: Auch den ebenfalls bei Wartislav und im selben Jahre (1228) zuerst genannten

то о владѣніи деревнями можно было бы говорить въ приложеніи къ еще меньшему количеству славянъ: братьямъ Рамновичамъ и семейству Рохилла. Вопросъ о національности Янка при данномъ матеріалѣ трудно рѣшить.

О семействѣ Рохилла и о томъ, что отдѣльные представители этого семейства имѣли права или притязанія на земли и деревни, говорится шесть разъ. Два древнѣйшія извѣстія наиболѣе важны и по своей сравнительной древности и потому, что въ нихъ есть указанія на способы приобрѣтенія деревень: покупку¹⁾ и княжеское пожалованіе.

Какъ иногда добывалось это пожалованіе, — объ этомъ говоритъ князь Вартиславъ III въ грамотѣ около 1227—1228 г.

„Пришелъ ко мнѣ любезный нашъ вассалъ Добеславъ, сынъ нашего вѣрнаго вассала Рохилла, который нѣкогда былъ въ Дыминѣ бургграфомъ; съ Добеславомъ вмѣстѣ была и мать его Анна, знатная дама, и много другихъ знатныхъ людей нашей земли. Добеславъ со стенаніями жаловался, что его отецъ Рохилль, о которомъ я упомянулъ, по смерти оставилъ ему множество долговъ. Оттого этотъ же самый Добеславъ озабоченъ былъ благочестивымъ дѣломъ спасенія души отца, но всей движимости, какая осталась послѣ отца, не хватило на уплату долговъ. Тогда онъ обратился къ почтенной бабушкѣ моей Анастасіи, княгинѣ Поморья; у ней онъ покорнѣйшей просьбой достигъ того, чтобы она ходатайствовала предо мною о позволеніи продать деревню *Bralin*, давно опустѣвшую, со всею ея принадлежностями и вы-

Yeneke miles dictus de Virchen, der auch als Janic de Virchene, Johannes, de Virchwin, auftritt und seinen Zunamen von dem Orte Verchen — — trug, möchte man vielleicht für einen Deutschen halten wollen, da die Worte dictus de im allgemeinen auf deutsche Herkunft deuten.

1) Гр. Ингарды Даргунскому монастырю около 1220—1222 г. (С. Р. Д., № 162, р. 378; *Pomm. Urk.*, I, № 201, р. 146): *Rochillus siquidem castellanus noster in Dimin uir nobilis et deum timens. — — in succursum terre sancte uoto se obligans peregrinationis. cum ad id perficiendum summo studio anhelaret. non inopia se premente. sed ut in amplioribus deo stipendiis militaret. partem hereditatis sue. duas uidelicet uillas. Wigun et Clobutsew. quas ipse ab heredibus predictarum uillarum jure hereditario sibi suisque comparauerat. successiue licentia inde accepta a marito nostro felicis recordationis. domino Kazimaro. fratribus in Dargun deo seruientibus. pro quadam summa pecunie uendidit perpetuo. spe omni postposita recuperandi. — — deuotum propositum predicti R. quod ex nostra permissione fuit impletum. — — litteris nostris et sigilli munium appensione. predictas uillas eis dimittentes ab omni liberis exactione.*

рученныя отъ продажи деревни деньги обратить на уплату отцовскихъ долговъ. Отказать какому-нибудь желанію нашей бабушки для меня было непозволительно: и я, принявъ во вниманіе почтенное ходатайство княгини, бабушки моей, и просьбу моихъ знатныхъ людей, далъ согласіе на продажу названной деревни. Такимъ образомъ Добеславъ, по расположенію къ Даргунской братіи, предпочелъ, чтобы это имѣніе послужило на пользу имъ, а не кому-либо другому; имъ онъ продалъ имѣніе и получилъ отъ нихъ деньги. Эту продажу я хочу подтвердить; имѣя въ виду Божественное воздаяніе, я охотно подношу Св. Дѣвѣ Маріи на пользу Даргунской братіи деревню Bralin со всѣми ея принадлежностями и съ такою льготою, съ какою они владѣютъ отъ предковъ моихъ и отъ меня остальными своими имѣніями ¹⁾.“

Въ этомъ разсказѣ обращаютъ на себя вниманіе тѣ чрезвычайныя усилія, которыя надо было Добеславу употребить, чтобы получить позволеніе продать деревню, притомъ даже не населенную, а опустѣвшую. Исползованы были всѣ наиболѣе вліятельныя связи; просила почтенная дама Анна (мать Добеслава), просили многіе знатные люди; привлекли къ дѣлу и княгиню-бабушку, которую князь такъ уважалъ, что считалъ своимъ долгомъ исполнять всякое ея желаніе.

1) Гр. Варгислава III Даргунскому монастырю отъ 1227—1228 г. (С. P. D., № 163, p. 379; Pomm. Urk., I, № 237, p. 187—188): *dilectus homo noster Dobezlaus . bone memorie fidelis hominis nostri Rochilli . quondam in Dimin borgrauit . filius . cum nobili matrona . matre sua Anna . et aliis quam pluribus terre nostre nobilibus . ad me ueniens . non sine gemitu conquestus est . quod predictus pater eius Rochillus . uiam universe carnis ingrediens . multis eum debitis obligatum reliquerit . vnde idem Dobezlaus pro salute anime patris pie mouebatur . sed de omnibus mobilibus . sibi a patre relicitis . debita soluere non suffecit . accedens ergo ad uenerabilem auitam meam Anastasiam . Pomeranie ducissam . ab ipsa humili prece obtinuit . ut ea intercedente . cuius uoluntati aliquid negare mihi nefas fuerat . permitterem . ut uillam . que Bralin dicitur . longo tempore desertam . cum suis atinentiis uendere liceret et de uendite uille precio debita patris solueret . Ego autem reuerentiam predictae ducisse . auite mee . et petitionem nobilium meorum intuens . ut predicta uilla uenderetur concessi . Dobezlavs itaque . bono circa fratres de Dargun ductus affectu . malensque eorum usibus . quam aliorum . jam predictum predium deseruire . accepta ab ipsis emptionis pecunia uendidit . Quam uenditionem ratam habere uolens . Bralin cum omnibus attinentiis suis . beate uirgini Marie . ad usus fratrum in Dargun . diuine remunerationis intuitu . libens offero . cum omi libertate . qua cetera bona sua a progenitoribus meis et a me possident .*

Очевидно, что у Добеслава не было такихъ правъ на деревню, какія были, напр., у Янка.

Имѣлъ-ли Добеславъ, помимо этого, какія-либо собственныя деревни? Разсказъ о продажѣ деревни *Vralin* наводитъ на мысль, что собственной недвижимости, которая бы перешла къ нему отъ отца, у него не было. Въ самомъ дѣлѣ, и душевное состояніе Добеслава и отношеніе къ нему князя лучше объясняются, если принять, что Добеславъ не получилъ въ наслѣдство недвижимости.

Добеславъ являлъ видъ совершенно несчастнаго человѣка (*non sine gemitu conquestus est*), ибо онъ не могъ уплатить долговъ отца и тѣмъ содѣйствовать его спасенію. Положеніе Добеслава не было бы такъ труднымъ, еслибы у него были полученные въ наслѣдство деревни и вообще имѣнія; реализовать ихъ или часть ихъ для ликвидаціи долговъ могло бы быть самою простою и естественною мыслию Добеслава. И если бы эта мысль не пришла въ голову Добеславу, — ее могли бы ему внушить; реализацію порекомендовать могъ кто-нибудь изъ многочисленныхъ ходатаевъ за Добеслава, да и самъ князь.

Если считать болѣе вѣроятнымъ то, что Добеславъ не получилъ наслѣдственной недвижимости, то отсюда съ такою же степенью вѣроятности слѣдуетъ, что всѣ тѣ имѣнія, которыми потомъ распоряжается Добеславъ, были имуществомъ благопріобрѣтеннымъ.

Объ отчужденіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе тотъ же Добеславъ, говорится послѣ этого дважды: по дѣлу о пожертвованіи деревни *Necore* и во второй разъ — по дѣлу о пожертвованіи деревни *Perselin*.

Роль Добеслава въ каждомъ изъ этихъ актовъ постепенно возрастаетъ: при пожертвованіи *Necore* не видно съ его стороны такихъ чрезвычайныхъ усилій, какъ въ исторіи съ деревнею *Vralin* (впрочемъ, тамъ была продажа въ пользу Добеслава, а здѣсь — жертва церкви); въ пожертвованіи деревни *Perselin* роль Добеслава представляется еще болѣе активнойю.

Деревню *Necore* пожаловалъ князь Вартиславъ III Бельбукскому монастырю по просьбѣ Добеслава¹⁾. Кому принадлежала деревня *Necore* доселѣ? Издатель сборника грамотъ считаетъ ее

1) Гр. Вартислава III Бельбукскому монастырю отъ 1228 г. (С. Р. Д., № 173, р. 396; *Pomm. Urk.*, I, № 244, р. 197): *villam Necore . ad petitionem nobilis nostri Dobizlai . cum omni libertate et flumine prope villam Deruante . ecclesie beati Petri in Belbuch contulimus . — — vt exinde parentum*

наслѣдственной собственностію Добеслава¹⁾. Для такого утверждения, однако, не видно достаточныхъ данныхъ.

Добеславъ, дѣйствительно, просилъ князя пожаловать деревню монастырю, и братія, какъ надѣется грамота, будетъ вспоминать въ своихъ молитвахъ и его, Добеслава. Но просьба поморянина или иного лица о пожертвованіи церкви могла быть направлена и на не принадлежащее просителю имѣніе, какъ показываютъ другіе случаи²⁾. Даже если бы деревня Necore и принадлежала Добеславу, то еще не слѣдуетъ отсюда, что она досталась ему въ наслѣдство отъ отца; она могла быть служилымъ помѣстьемъ, могла быть куплена, и т. п.

Самостоятельная роль при отчужденіи деревни отводится Добеславу только девять лѣтъ спустя, незадолго до его смерти, при пожертвованіи деревни Perselin Рейнфельдскому монастырю. Тутъ князь дѣйствительно является инстанціей, хотя и высшей правительственной, но только промежуточной: онъ получаетъ деревню отъ Добеслава для болѣе авторитетной передачи ея съ соотвѣствующими правами монастырю³⁾.

Два позднѣйшія извѣстія объ участи членовъ фамиліи Рохилла въ отчужденіи имѣній не показываютъ правъ наслѣдственной собственности на населенныя имѣнія. Въ одномъ извѣстіи нѣтъ рѣчи ни о деревнѣ ни о населеніи⁴⁾; а въ другомъ — Ро-

meorum et mei. necnon et dicti nobilis Dobizlai et suorum. memoria a fratribus ibidem domino deseruientibus jugiter habeatur. Деревня Necore (Niekör), по опредѣленію Клемпина, находилась въ Мекленбургѣ, недалеко отъ Gnoien.

1) Pomm. Urk., I, p. 197: Dobislaw, der das Geschenk aus seinem Erbe hergab, gehörte — zu dem grundbesitzenden Adel Demmin's und seiner Umgegend.

2) Напр., просьбы нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, въ томъ числѣ Люберада и графа Вальтера, о пожертвованіи Доберанскому монастырю (C. P. D., № 197—198, p. 443—445; Pomm. Urk., I, № 286—287, p. 223—224). — См. выше, стран. 106, примѣч. 1 (petitionem nobilium meorum intuens).

3) Гр. Вартислава III отъ 1237 г. (C. P. D., № 354, p. 739; Pomm. Urk., I, № 345, p. 259): dilectus in Christo frater. Nycolaus de Reyneuelde. Dobezlaum camerarium nostrum prece et precio ad hoc induxit. ut ipse villam quandam Perselyn in manus nostras. cum omni utilitate et jure. totaliter resignavit. Nos igitur habentes eam liberam et solutam. ecclesie beate virginis Marie in Reyneuelde. cum omni jure et vtilitate. aquis. siluis. pratis. agris cultis et incultis. perpetua donatione donauimus perpetualiter possidendam.

4) Гр. Вартислава III отъ 1239 г. (C. P. D., № 274, p. 589; Pom. Urk.,

хиллѣ Младшій является въ роли скорѣе администратора, чѣмъ собственника. Одновременно онъ заявляетъ (по неяснымъ въ настоящее время причинамъ) свои права на такія деревни, которыя давно уже — частью или цѣлкомъ — находились въ распоряженіи другихъ лицъ¹⁾.

Итакъ, все, что извѣстно объ отчужденіяхъ со стороны Рохилловичей, не доказываетъ правъ такой собственности на деревни, которая перешла бы къ нимъ путемъ наслѣдованія, а не покупкою или полномочіями отъ князя.

Еще менѣе пригодны для доказательства такой наслѣдственной собственности другія извѣстія, которыя также относятся къ лютицкой группѣ. Ихъ всего шесть.

1. Одно говоритъ о надѣлѣ Даргунскаго монастыря, который былъ основанъ во второй половинѣ XII вѣка; первоначальный надѣлъ его состоялъ изъ земли (на населеніе нѣтъ никакого намека), пожертвованной братьями учредителями²⁾.

Остальныя пять извѣстій относятся къ пяти лицамъ: Dirscouitz, Радославу Zcorrentin, Вышеславу Nemistiz, Swirzo и Янку. Ни одно изъ этихъ извѣстій не доказываетъ правъ наслѣдственной собственности на населенныя земли.

2. Права Dirscouitz'a. Въ 1215 г. князь Казимиръ II выдаетъ грамоту слѣдующаго содержанія. „Мы для матеріальной поддержки монаховъ, которые служатъ Богу въ Arendsee, во спа-

I, № 368, p. 299): nos cum uxore Dubezlai . quondam camerarii nostri . ecclesiam in Mokere cum suis attinentiis . videlicet insula . que dicitur Rogatsowe . et aqua que dicitur Rorulus apud eandem insulam . et dimidietatem decime in predicta villa . quam idem Dobezlaus a domino episcopo Caminensi jure tenuit feudali . exceptis XXV mansis . qui terciam partem decime persoluent . claustro dominarum in Cladessowe legitima donatione donauimus perpetualiter possidendam.

1) Гр. Каминскаго капитула отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 883, p. 210—211): рѣчь идетъ о многихъ деревняхъ, и главнымъ образомъ о Warencin (ср. гр. Вартислава III отъ 1248 г., Pomm. Urk., I, № 467, p. 362; гр. Даргунскаго аббата отъ 1251 г., ib., № 539, p. 415), Kantem (ср. гр. Вартислава III отъ 1241 г., Pomm. Urk., I, № 388, p. 312; гр. его же отъ 1248 г., ib., № 467, p. 362) и Darghebant (ср. объ вышеупомянутыя грамоты грамоты Вартислава III отъ 1241 г. и отъ 1248 г.).

2) Гр. князя Казимира отъ 1173 г. (C. P. D., № 36, p. 91—93; Pomm. Urk., I, № 62, p. 34—36): Donationibus Miregrauis et suorum fratrum . et Bandeche . ceterorumque fidelium in terris . siluis . pratis et aquis . consentientes annuimus . et annuentes approbauimus . et approbantes ratas et immobiles in perpetuum statuimus.

сеніе нашей души, а также душъ отца и матери нашихъ, охотно передаемъ деревню Wargutin со всякимъ правомъ и со всёми ея принадлежностями — — церкви Божіей въ Арендзее, дабы въ этой церкви постоянно возносилаеь молитва за насъ и за предшественниковъ нашихъ“¹⁾.

Вслѣдъ за этою грамотою помѣщена въ сборникѣ поморскихъ грамотъ другая, которая касается той же деревни Wargutin и ея передачи монастырю. Этою грамотою Dirscouitz отказывается отъ всякихъ притязаній на деревню Wargutin.

„Всѣмъ вѣрнымъ Христа, которые будутъ видѣть эту грамоту, Іоаннъ Dirscouitz, канцелярь въ Дыминѣ, привѣтъ въ Господѣ. Симъ удостовѣряемъ, что мы, охваченные страхомъ предъ Богомъ, по настоянію пробста Рудольфа, эконома церкви въ Арендзее, отъ котораго мы получили также и деньги, отказываемся отъ всякаго права, какое только мы имѣли по отношенію къ деревнѣ Warghentin, которую господинъ Казимиръ пожаловалъ этой церкви. И чтобы не было повода — у насъ для обратнаго требованія, а у нашихъ потомковъ для ябеды, — мы скрѣпили этотъ фактъ приложеніемъ нашей печати“²⁾.

Грамота Dirscouitz'а была выдана послѣ акта пожалованія монастырю со стороны Казимира II; это видно изъ того, что Dirscouitz говорить объ этомъ пожалованіи, какъ объ актѣ, состоявшемся уже раньше.

Значить, князь жертвовалъ деревню тогда, когда Dirscouitz еще не удостовѣрялъ своего отреченія отъ „права“ на нее. И все-таки князь считалъ возможнымъ дать деревню и совершенно не находилъ нужнымъ обращать вниманіе на право Dirscouitz'а :

1) Гр. Казимира II отъ 1215 г. (С. Р. Д., № 102, р. 236; Pomm. Urk., II, № 166, р. 126): nos — — ad sustentationem sanctimonialium in Arnesse deo servientium . villam Wargutin cum omni jure . et cum omnibus sibi attinentibus . — — voluntarie ecclesie dei in Arnesse contradimus . ut exinde pro nobis et pro predecessoribus nostris oratio fiat imperpetuum in ecclesia eadem.

2) Гр. отъ 1215 г. (Pomm. Urk., I, № 167, р. 126): Omnibus Christi fidelibus hanc paginam inspecturis Johannes Dirscouitz, castellanus in Dymin, salutem in domno . Testimonium perhibemus hoc scripto, quod nos timore dei correpti ad instanciam Rodolfi prepositi, prouisoris ecclesie in Arnesse, a quo eciam pecuniam accepimus . quod quicquid juris habuimus in villa Warghentin, quam dominus Kazimarus eidem ecclesie contulerat, resignauimus. Et ne nobis reiterandi uel posteris nostris nostris calumpniandi detur occasio, hoc factum sigilli nostri appensione mundauius.

князь не знает такого права и не упоминает о немъ. Поэтому и всю заслугу отъ пожертвованія деревни монастырю князь приписываетъ себѣ: передаетъ деревню онъ, князь, во спасеніе с в о е й собственной души и душъ с в о я х ъ родителей, а не во спасеніе какой-либо другой души: и молитва въ храмѣ будетъ возноситься за князя и княжескихъ предшественниковъ, а не за кого-либо изъ поморской знати. Такою представляется точка зрѣнія князя.

Но была и другая точка зрѣнія, а именно — точка зрѣнія дыминскаго каштеляна Dirscouitz'a, которую принималъ въ расчетъ и монахъ изъ Арэндзее. И тому и другому казалось, что Dirscouitz имѣлъ какое-то право. Что такъ думалъ Dirscouitz, — это видно изъ его грамоты. Тамъ онъ не говоритъ, что правъ на деревню онъ не имѣлъ или не имѣеть; онъ „отказывается отъ всякаго права“: значить, до отказа у него было или право или претензія. Да и деньги отъ пробста принялъ Dirscouitz не въ видѣ подарка, а именно за этотъ отказъ.

И экономъ монастыря Арэндзее предполагалъ существованіе какихъ-то правъ у каштеляна: потому-то пробстъ и пустилъ въ ходъ незримыя (*Dirscouitz timore Dei correptus*) и вещественныя средства (*pecuniam*) и добился (*ad instanciam R.*) отказа. Пробстъ хотѣлъ спокойнаго, безпретензительнаго обладанія деревнею; какія-либо осложненія были особенно непріятны и нежелательны для монастыря, какъ для иностраннаго. Хотя отстоять даръ князя и безъ сдѣлки съ каштеляномъ, по всей вѣроятности, удалось бы; но было практичнѣе, во избѣжаніе всякихъ тревогъ и осложненій, дать отступнаго подозрительному претенденту. Въ подробную оцѣнку доброкачества правъ каштеляна на деревню монахъ не входилъ, это его не особенно и интересовало.

Быль ли самъ Dirscouitz вполне увѣренъ въ своей правотѣ, въ томъ, что деревня принадлежала дѣйствительно ему? Повидимому, — не совѣмъ; по крайней мѣрѣ, въ его заявленіи сквозитъ нѣкоторая нерѣшительность. Уже внезапный приступъ чувства „страха предъ Богомъ“ намекаетъ на это. Затѣмъ, о переходѣ деревни въ собственность монастыря самъ Dirscouitz выражается такъ, что князь уже „прежде пожаловалъ“; значить, актъ пожалованія Dirscouitz признаетъ, хотя о своемъ собственномъ согласіи на это пожалованіе не говорить.

Такимъ образомъ, замѣтна нѣкоторая непрочность правъ или притязаній Dirscouitz'a. Такая непрочность и нерѣшительность плохо мирится съ предположеніемъ правъ собственности на деревню

по наслѣдованію. Можетъ быть, непосредственное или болѣе близкое отношеніе Dirscouitz'a къ деревнѣ и его права на нее стали возникать только вслѣдствіе административнаго положенія его въ области, какъ каштеляна. Во всякомъ случаѣ, права Dirscouitz'a скорѣе надо считать едва возникавшими, чѣмъ уже укрѣпившимися; они болѣе близки къ претензіи, чѣмъ представляютъ изъ себя настоящія права.

3. Права Радослава de Zcorrentin. Князь Казимиръ II въ 1216 году сообщаетъ слѣдующее. „Покойный Радославъ de Zcorrentin, человекъ знатный, задумалъ, съ согласія своихъ сыновей, пожертвовать Даргунской церкви деревню Pencowe во спасеніе своей души. Но то, что онъ благочестиво рѣшилъ въ сердцѣ своемъ, не было въ его возможности, и онъ самъ и черезъ родственниковъ своихъ просилъ насъ совершить это. Значить, мы оба проявили: онъ — доброе и благочестивое чувство, а мы съ своей стороны — [совершеніе] того, что было въ нашей возможности, и мы не сомнѣваемся, что Вышній Воздаятель вознаградитъ обоихъ. Поэтому мы жалуемъ Даргунскому монастырю не только вышеупомянутую деревню Pencowe, а и другую, именно — Techesowe, причемъ мы соединяемъ обѣ эти деревни въ одну; жалуемъ ихъ со всѣми принадлежностями, границами и всѣмъ нашимъ правомъ, подтверждая это приложеніемъ нашей печати“¹⁾.

1) Гр. Казимира II отъ 1216 г. (С. P. D., № 109, р. 256—257; Pomm. Urk., I, № 174, р. 131): Radozlawis de Zcorrentin . vir nobilis ac pie recordationis . consentientibus filiis suis Ducichone et Jacobo . pro anima sua villam Pencowe — — ecclesie Dargun perpetuo possidendam conferre disposuit . verum quod hoc sue possibilitatis non fuit . quod pio corde conceperat . suis precibus et aliorum amicorum suorum . hoc a nobis perfici postulavit . Nos igitur alterius pietatis bonum et nostre possibilitatis affectum a summo remuneratore utrique non dubitamus recompensandum . Inde est quod non solum predictam uillam Pencowe . sed et aliam Techesowe nomine . quas in unam uillam redigentes eidem claustro Dargunensi sigilli nostri munimine confirmando — — cum omnibus appenditiis suis et terminis et cum omni jure nostro contulimus in perpetuum .

Издатели грамоты свидѣтельствуютъ, что подлинникъ грамоты, который находится въ Шверинскомъ архивѣ, сильно пострадалъ отъ плѣсени; текстъ изданія на половину реставрированъ по копіи XVI в. Meklenburgisches Urkundenbuch, herausg. von dem Verein für Mekl. Gesch., I, Schwerin, 1863, № 225, р. 211—212.

Въ предложенномъ мною переводѣ вмѣсто слова: „affectum“ (такъ копія XVI вѣка; въ оригиналѣ этого мѣста, по свидѣтельству издателей, нельзя прочесть) предположительно принято: „effectum“.

Загадочно заявленіе князя о томъ, что Радославу „не было возможно пожаловать въ вѣчное владѣніе“. Была ли эта невозможность физическая (напр., болѣзнь) или же Радославъ не имѣлъ правъ собственности на деревню и безъ князя не могъ ею распоряжаться?

Козегартенъ отдастъ предпочтеніе первому толкованію; по его мнѣнію, болѣзнь или какія-либо иныя препятствія помѣшали Радославу совершить актъ пожертвованія, и только по этой причинѣ онъ предоставилъ совершеніе акта князю. Мысль о томъ, что Радославъ безъ князя не имѣлъ права дарить, Козегартенъ считаетъ невѣроятною, потому что „это обстоятельство было бы выражено другими словами“¹⁾.

Это послѣднее соображеніе, приведенное въ качествѣ единственнаго доказательства, не рѣшаетъ дѣла. Доказательство это — обоюдоостро: оно съ неменьшимъ успѣхомъ можетъ быть обращено и противъ перваго толкованія грамоты, и если бы, напр., болѣзнь затруднила совершеніе акта, то не было никакихъ поводовъ умалчивать о ней. Хотя средневѣковый языкъ склоненъ былъ при обозначеніи тяжелыхъ случаевъ употреблять обходныя или иносказательныя выраженія²⁾, но въ отношеніи къ покойному никакая деликатность не воспрепятствовала бы сказать, что онъ прежде былъ боленъ, даже при смерти.

Въ дополненіе къ соображеніямъ Козегартена, изъ грамоты можно было бы извлечь слѣдующія наблюденія, которыя могли бы вполне соответствовать правоспособности Радослава. а) Самъ князь говоритъ о согласіи сыновей Радослава. б) Обращеніе Радослава къ князю выражено словомъ болѣе независимаго отгѣнка: *postulavit*. в) Ожидаемое Радославомъ дѣйствіе князя выражено не словомъ: *donare* или *conferre*, а — *perficere*.

Но эти наблюденія полной убѣдительности не даютъ, а допускаютъ различное объясненіе; ихъ возможно вполне примирить и съ допущеніемъ неправопоспособности Радослава.

На мысль о неправопоспособности Радослава наводитъ прежде всего такое соображеніе. Допустимъ, что болѣзнь препятствовала Радославу совершить актъ даренія, и потому онъ предоставилъ это

1) С. Р. D., p. 258.

2) Напр., „стунить на путь всякой плоти“ значило „умереть“. То же самое иногда выражалось такъ: *summa dimissio divini iudicii jura nature per carnem decernit exsolvere*. Одинъ видъ глазной болѣзни (со смертельнымъ иногда исходомъ) носилъ названіе: „*bonum*“.

князю. Но самое это обращеніе къ князю требовало, вѣроятно, не меньше усилій, чѣмъ сколько необходимо было для совершенія акта даренія.

Для этого послѣдняго акта требовалось изъявленіе воли со стороны дарителя и присутствіе свидѣтелей. И то и другое было для него возможно: онъ и волю свою изъявлялъ (выраженія грамоты даже допускаютъ мысль о личной его просьбѣ предъ княземъ) и въ свидѣтеляхъ не ощущалъ недостатка: тѣ родственники которые выслушивали волю Радослава и потомъ сообщали о ней князю, — во всякомъ случаѣ годились для роли свидѣтелей. Что касается документа-грамоты, который удостовѣрилъ-бы актъ, то онъ могъ быть изготовленъ и впослѣдствіи. А если деревня Репково была дѣйствительно собственностію Радослава по праву наследованія, то родственнику-наслѣднику самого Радослава ближе всего было бы, вмѣсто того, чтобы обращаться къ князю, самому и совершить завѣщанный актъ и выдать грамоту.

Мысль о неспособности Радослава получаетъ еще большую вѣроятность, если обратить вниманіе на сопоставленіе слѣдующихъ частей грамоты.

Съ одной стороны, говорится, что Радославъ рѣшилъ пожертвовать въ вѣчное владѣніе, но это не было въ его возможности.

Съ другой стороны, противопологается положеніе князя, которому это было возможно.

Это противоположеніе скорѣе юридическаго характера, чѣмъ какого-либо иного. Если бы „возможность“ князя состояла, въ отличіе отъ Радослава, только въ совершенномъ здоровьи, то его заслуга была бы не очень велика. А между тѣмъ, князь рассчитываетъ на высшую награду и даже не сомнѣвается въ ней.

Такимъ образомъ, болѣе вѣроятнымъ представляется то, что „невозможность“ Радослава была юридическая, а не физическая.

4. Права Вышеслава Nemistitz. Богуславъ II въ грамотѣ отъ 1219 г. сообщаетъ слѣдующее.

Нѣкій Никлонъ, отправляя княжескую службу, былъ убитъ у рѣки Одера. Родственникъ Никлона Вышеславъ Nemistitz сталъ просить князя пожертвовать Столпскому монастырю, гдѣ былъ погребенъ Никлонъ, *capitum Dvelcico* за упокой души убитаго. Князь согласился и пожертвовалъ¹⁾.

1) Гр. Богуслава отъ 1219 г. (С. P. D., № 127, p. 288—289; Pomm. Urk., I, № 195, p. 141): *nos . inclinati justis precibus cuiusdam uiri nobilis*

О населеніи здѣсь рѣчи нѣтъ. Слѣдовательно, принадлежалъ ли этотъ комплексъ полей родственнику Никлона или нѣтъ, — для исторіи славянскаго владѣнія деревнями это не имѣетъ особеннаго значенія.

5. Права Swirzonis. Swirzo и его родственники просили Вартислава III дать Столпскому монастырю два имѣнія (binos campos) въ обмѣнъ на деревню Plachte, которая доселѣ принадлежала монастырю. Князь согласился на эту просьбу „подчиненныхъ его верховной власти знатныхъ лицъ“ и освободилъ жителей отданныхъ монастырю имѣній „отъ всякой тяжести и суровости свѣтскаго права“¹⁾.

Кому выгоденъ былъ этотъ обмѣнъ, въ чье распоряженіе поступила деревня Plachte, — неизвѣстно. Ничего неизвѣстно изъ этой грамоты также и о томъ, чтобы упомянутые грамотою знатные люди были собственниками или хотя бы временными владѣтелями населенныхъ мѣстъ²⁾.

6. О Янкѣ можно упомянуть только для полноты, потому что извѣстіе о совершенномъ имъ отчужденіи ничего не вноситъ для разъясненія вопроса о населенныхъ мѣстахъ. О Янкѣ говорится, что онъ пожертвовалъ монастырю (Верхенскому) одинъ мансъ³⁾.

Итакъ, только немногія извѣстія лютицкой группы говорятъ о правахъ славянъ на населенныя имѣнія. Но хотя бы этихъ извѣстій было больше, хотя бы и давать нѣкоторымъ извѣстіямъ (напр., о Радославѣ) иное толкованіе, — все-таки лютицкая

Wizlai Nemistitz . pro remedio anime consanguinei eiusdem . Nyclone nomine . apud Oderam fluuium in nostro seruitio interfecti . et in atrio ecclesie beati Johannis baptiste sepulture locum adepti . contulimus eidem ecclesie campum quendam qui dicitur Dvelciko . ipsi ac ministris suis jure perpetuo possidendum.

1) Гр. Вартислава III отъ 1231 г. (С. Р. Д., № 187, р. 425; Pomm. Urk., I, № 272, р. 216): *peticione mediante quorundam nobilium mee ditioni subiectorum . Swirzonis videlicet et eius quam plurium amicorum . in commutatione ville plachte optuli beato Johanni . monachisque stolpensibus . binos campos . in prouincia scytin situs . plachtina et mancelin nominatos . cum agris et pratis . ac ceteris eorum limitibus deputatis . et incolas ipsorum totaliter a iugo et rigore juris secularis emancipauit .*

2) См. выше, стран. 38.

3) Гр. епископа Каминскаго Германа отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 613, р. 25): *Dimidiam eciam decimam ipsius uille Virchin ad ipsam ecclesiam Virchim dotaui cum uno manso, quem Janic miles pro salute anime sue illi ecclesie contulit, ut ipsius memoria ibidem perpetuo haberetur.*

группа извѣстій для поморской соціальной исторіи въ качествѣ прямого источника не вполне пригодна.

Всѣ извѣстія этой группы касаются такихъ имѣній, которыя были расположены въ лютицкой части Поморья. Лютичи до конца XI в. и, можетъ быть, частію до начала XII в. жили своею самостоятельною жизнію, вполне независимою и отдѣльною отъ Поморья. У нихъ сложилась сильная аристократія, которая успѣла не только ослабить княжескую власть, но и совершенно упразднить ее. Когда земля лютичей, вслѣдствіе безначалія, своекорыстія аристократіи и раздоровъ, стала по кускамъ расхватываться сосѣдами, то аристократическій элементъ въ ней не исчезъ; въ странѣ сохранилось и, вѣроятно, даже усилилось крупное землевладѣніе; и теперь аристократія состояла изъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома страны знатныхъ людей, а также выходцевъ изъ Германіи.

Значительная часть лютицкихъ земель подчинялась въ XII в. поморскому князю. Существованіе сильной знати и подчиненность ей многихъ деревень съ переходомъ земель къ Поморскому княжеству, конечно, не прекратилась. Наилучшее доказательство и иллюстрацію этого можно видѣть въ извѣстіяхъ о Рамновичахъ и Янкѣ¹⁾. Рамновичи прямо причисляются къ знатному лютицкому роду, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя нигдѣ не допускаются въ приложеніи къ поморянамъ²⁾. По отношенію къ Янку указывается мѣсто его жительства или происхожденія³⁾. Вдобавокъ, и самая принадлежность его къ славянскому племени подвергается сомнѣнію.

А между тѣмъ, какъ мы видѣли, въ приложеніи къ Рамновичамъ и Янку Верхенскому только и можно предполагать славянскія права на деревни въ качествѣ родового имущества.

О происхожденіи Рохилловичей ничего неизвѣстно. Были ли они поморяне или лютичи, — первыя принадлежавшія имъ деревни показываютъ несомнѣнные признаки благопріобрѣтеннаго имущества, а не родовой собственности. И, слѣдовательно, если Рохилловичи были поморяне, то первые (по крайней мѣрѣ намъ

1) Если *Zuillemar Tessimeris* былъ дѣйствительно собственникъ деревни, то и о немъ извѣстіе относится сюда же.

2) *Illustri Luticiorum prosapia ceteros antecellentes.*

3) *dictus de Verchen.* О тождествѣ или объ отсутствіи тождества *Yeneke miles dictus de Virchen* (см. выше, стран. 104, примѣч. 3) и *Janic miles* (см. выше, стр. 115, прим. 3) трудно сказать что-либо опредѣленное.

извѣстные) шаги и опыты владѣнія и отчужденія деревнями они дѣлали не въ собственномъ Поморьѣ, а въ той недавно присоединенной къ княжеству области, гдѣ и раньше возникли и развились болѣе рѣзкія классовыя отличія.

Во всякомъ случаѣ, владѣнія деревнями въ лютицкой землѣ и отчужденія ихъ, безъ соотвѣствующихъ извѣстій изъ внутренней исторіи собственного Поморья, не могутъ характеризовать поморскихъ порядковъ и доказывать давнее существованіе у поморской знати правъ собственности на населенныя мѣста.

Въ отличіе отъ лютицкихъ извѣстій третья группа извѣстій относится къ собственному Поморью. Она говоритъ о феодальныхъ владѣніяхъ.

Въ седьмомъ десятилѣтіи XIII в. называется цѣлый рядъ славянъ, которые владѣютъ деревнями на феодальномъ правѣ. Таковы извѣстія о Чеславѣ въ 1264 г. ¹⁾, Витославѣ въ 1267 г. ²⁾ и въ 1268 г. ³⁾, Прибыславѣ въ 1270 г. ⁴⁾, и др. ⁵⁾

1) Гр. Барнима Бельбукскому монастырю отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 762, p. 122): *nos in manibus nostris resignatione recepta villae Clodekowe — — quam Theczlauus domicellus et suus filius Virchuta a nobis in feodo tenebant — — donauimus.*

2) Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 841, p. 180): *nos — — uillam que uocatur Louitsz donauimus — — quam Bauo abbas et canonici dicti monasterii a Vitoszlauo dicto de Byaldedamb et suis heredibus, qui eam a nobis in feodum tenebant, pro quinquaginta marcis denariorum emptionis titulo compararunt.*

3) Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1268 г. (Pomm. Urk., II, № 862, p. 193—194): *nos — — proprietatem uille Dambwe — — contulimus, in agris — — et mansis cum integra decima, quam tenemus cum heredibus nostris in feudo a domino episcopo Caminensi, quos aliquando a nobis tenuit Vitozlawus ac sui heredes.*

4) Гр. Барнима Бельбукскому монастырю отъ 1270 г. Pomm. Urk., II, № 916, p. 235—236.

5) Ленныя отношенія въ Поморьѣ замѣтны ранѣе седьмого десятилѣтія XIII в. Но наибольшее количество извѣстій о славянскомъ владѣніи и распоряженіи деревнями на ленныхъ отношеніяхъ относится къ седьмому десятилѣтію XIII в. Изъ времени болѣе ранняго можно только указать на извѣстіе отъ 1243 г. о Варѣоломеѣ. Однако объ этомъ Варѣоломеѣ неизвѣстно: 1) былъ ли онъ славянинъ? 2) если онъ былъ славянинъ, то не былъ ли онъ княжескимъ родичемъ? Его имя и время выступленія совпадаютъ съ именемъ и временемъ выступленія одного изъ Святоборичей. Мнѣніе издателя второй части сборника поморскихъ

Ленныя отношенія и владѣнїе деревнями на ленномъ нравѣ не могутъ характеризовать прежнее положеніе и права славянской знати и доказывать туземное происхожденіе и распростра-ненность владѣнїя населенными мѣстами.

Есть, впрочемъ, мнѣніе, что славянская знать свои родовыя имѣнїя должна была взять въ ленъ отъ князя. Но это мнѣніе не подтверждается источниками. Ни о родовыхъ деревняхъ знатныхъ поморянъ (кромѣ родичей князя) ни объ обязательномъ превращенїи ихъ въ лены извѣстій нѣтъ. Когда въ текстѣ грамотъ сколько нибудь проясняется источникъ владѣнїя деревнею, то это не есть наслѣдованіе отъ предковъ. Напротивъ, есть указанїя на передачу деревень княземъ, на передачу и славянамъ и нѣмцамъ, есть нѣсколько указанїй и на то, что деревни, которыми въ концѣ періода владѣютъ и распоряжаются лица славянскаго происхожденїя, — эти самыя деревни до того времени принадлежали церкви.

Такъ, деревнею Brod въ 1269 г. владѣеть Clest¹⁾. Но это — та же деревня Brod, которую приобрѣлъ Кольбацкїй монастырь еще въ 1186 году²⁾. Ею владѣеть монастырь въ 1187 г.³⁾, укрѣпляетъ за собою вопреки претензіямъ самого епископа въ 1189 г.⁴⁾, владѣеть ею и въ послѣдующее время, какъ видно изъ княжескихъ и епископскихъ подтвержденїй 1202—1208 г.⁵⁾, 1223 г.⁶⁾, 1236 г.⁷⁾ и 1240 г.⁸⁾ Если, слѣдовательно, грамота отъ 1269 г. показываетъ, что Бродомъ владѣлъ въ то время Clest, то это могло произойти только

грамотъ (Pomm. Urk., I, 2) о тожествѣ или объ отсутствїи тожества неизвѣстно: въ указателѣ личныхъ именъ та страница съ грамотою Барнима, въ которой упоминается о пожертвованїи Варѣоломея, пропущена.

Гр. Барнима женскому Штетинскому монастырю отъ 1243 г. (С. Р. Д., № 321, р. 680; Pomm. Urk., I, № 415, р. 328): *Donationem quoque domini Bartholomei, hominis nostri, de uilla Golazin ratam habentes, proprietatem ejusdem uille cum omnibus adjacentiis suis — — predicto monasterio perpetuo confirmamus.*

1) Pomm. Urk., II, № 881, р. 208—209.

2) Pomm. Urk., I, № 103, р. 79—80.

3) *Ib.*, № 110, р. 84—85.

4) *Ib.*, № 116, р. 90.

5) *Ib.*, № 141, р. 106—107.

6) *Ib.*, № 213, р. 158—159.

7) *Ib.*, № 331, р. 251.

8) *Ib.*, № 373, р. 301—303.

потому, что монастырь нашелъ нужнымъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ передать эту деревню поморянину. Почти то же самое можно сказать и о деревняхъ Zobarsk, или Sabes¹⁾, Schonenuelt²⁾. Конечно, не одни только славяне или потомки славянъ оказывались во владѣніи тѣми деревнями, которыя были пожертвованы церкви³⁾.

ГЛАВА III.

Четвертая группа извѣстій : владѣнія славянъ въ собственномъ Поморьѣ. Поводы къ обнаруженію такихъ владѣній. Князь — исходный пунктъ владѣнія населенными имѣніями.

О владѣльческихъ правахъ поморянъ на деревни въ собственномъ Поморьѣ извѣстій очень мало; сюда можно съ большимъ или меньшимъ основаніемъ отнести только пять извѣстій. Они касаются дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ слѣдующихъ лицъ: Тѣшмира, Tinpegno, Славебора, десяти Банскихъ дѣдичей и двухъ Узноимскихъ обывателей. Разсмотримъ каждое извѣстіе въ отдѣльности.

1. Тѣшмиръ „содѣйствовалъ“ князю въ дѣлѣ пожертвованія Кольбацкому монастырю имѣнія Slebow⁴⁾. Ни откуда неизвѣстно, что Slebow былъ населенною деревнею, и ничто не доказываетъ того, что Slebow, населенный или ненаселенный, принадлежалъ Тѣшмиру⁵⁾.

1) Ib., № 312, p. 236; Pomm. Urk., II, № 881, p. 208—209.

2) Pomm. Urk., I, № 312, p. 236; Pomm. Urk., II, № 881, p. 208—209.

3) Напр., деревня Cladessowe въ 1245 г. находится во владѣніи монастыря (впослѣдствіи называвшагося Верхенскимъ), а къ 1270-му году тамъ распоряжается Johannes de Wacholte. — Pomm. Urk., I, № 440, p. 346; Pomm. Urk., II, № 933, p. 247.

4) Гр. князя Богуслава II Кольбацкому монастырю отъ 1212 г. (Pomm. Urk., I, № 156, p. 119—120): *Preterea predium, quod Clebowe dicitur, cooperante dilectissimo nostro ac fideli nostro Thessimero Pribonis filio, cum omnibus terminis ejus conferimus.*

5) См. выше, стр. 26.

2. О Tirnik'ф, Кольбергскомъ каштелян'ф, извѣстно только то, что ему княгинею Ингардою по просьбѣ польскаго князя (около 1219—1220 г.) временно предоставлена была деревня Bogutyn¹⁾. Ни самъ Tirnik ни его предки или потомки не имѣли правъ наслѣдственной собственности на эту деревню. Раньше, въ концѣ XII в., тамъ распоряжалась княгиня Анастасія и Казимиръ Вартиславичъ²⁾; а впослѣдствіи на нее окончательно укрѣпляетъ свои права Кольбергская Маріинская церковь³⁾.

3. Важнѣйшимъ и единственнѣмъ въ своемъ родѣ является показаніе грамоты Барнима отъ 1223 г. о Славебор'ф.

„На сеймѣ въ Укравунд'ф“, такъ говорится въ этой грамотѣ, „мы подарили святой Маріи и Кольбацкой братіи [деревню] parva Scossoua, или лучше сказать — мы возобновили даръ. Это [имѣніе] съ согласія и по желанію отца моего Богуслава II, было подарено той же братіи Славеборомъ и его наслѣдниками во спасеніе души Славебора. Но спустя нѣкоторое время, послѣ нападенія нѣмцевъ и занятія ими Штетина, упомянутая деревня между тѣмъ была уступлена аббатомъ Рудольфомъ и братіей отцу моему на такомъ-то (?) условіи подъ присягою и при свидѣтеляхъ. Поэтому мы отдали обратно нашей названной братіи эту деревню, во искупленіе души отца моего; и по просьбѣ моей матери и почтеннаго епископа Конрада, королевскихъ пословъ, королевскаго стольника и многихъ вельможъ и бароновъ нашей страны мы подтверждаемъ эту деревню навсегда за братіей и скрѣпили приложеніемъ печати нашей и матери нашей“⁴⁾.

1) Гр. княгини Ингарды Кольбергской Маріинской церкви (Pomm. Urk., I, № 197, p. 142—143): ad petitionem Wlodizlai, ducis Polonie, Tirnigho castellano de Colbergh villam Bogutyn pro tempore sub ea contuli condicione, quod si ipse locum, in quo nunc est, mutaverit quoquomodo, predicta villa ad prescriptam ecclesiam (beate virginis in Colbergh) revertatur.

2) Гр. княгини Анастасіи Кольбергской Маріинской церкви отъ 1194 г. (C. P. D., № 94, p. 223—224; Pomm. Urk., I, № 126, p. 95—96): villam que Bogutino dicitur . cum omnibus suis pertinenciis . domino Kazimiro contulimus hereditario jure possidendam . quam idem Kazimirus ecclesie beate virginis in Colberg nobis consentientibus erogavit . Indulsumus preterea ut . si sepius dictus K. sese in alium locum transtulerit mansurus . hanc nostram donacionem in eo non debere cassari.

3) Гр. князя Вартислава III отъ 1253 г. (Pomm. Urk., I, № 579, p. 454—455). — Гр. того же князя отъ 1262 г. (Pomm. Urk., II, № 727, p. 100).

4) Гр. Барнима отъ 1223 г. (C. P. D., № 144, p. 343; Pomm. Urk., № 213, p. 158—159): beate Marie et fratribus nostris in Colbas . in collo-

Ни одному поморянину не приписывают грамоты столь активной роли въ дѣлѣ отчужденія поморской деревни, какъ Славебору.

Но и Славеборъ могъ пожертвовать имѣніе только „съ согласія и по желанію“ князя Богуслава. Роль князя въ пожертвованіи Славебора представляется въ грамотѣ довольно значительною; въ зависимости отъ этого, въ правахъ Славебора ощущается недостатокъ важнѣйшаго элемента, который входитъ въ содержаніе права собственности, а именно — права распоряженія.

Даже тогда, когда знатный человѣкъ жертвуетъ деревню — завѣдомо не родовую свою собственность, а даръ (со стороны княжеской власти) — даже тогда князь обыкновенно говоритъ только о своемъ „согласіи“. Такъ было, напр., лѣтъ за тридцать до разсматриваемой грамоты, когда одну деревню жертвовалъ Казимиръ Вартиславичъ. Эту деревню, незадолго предъ тѣмъ онъ получилъ отъ княгини Анастасіи, и послѣдняя давала свое согласіе на это¹⁾. О томъ, что были люди, которые отъ князя получали во владѣніе имѣнія, упоминаетъ еще болѣе ранняя грамота²⁾. И Славеборъ, вѣроятно, былъ однимъ изъ такихъ владѣтелей; такимъ образомъ лучше всего объясняется „воля и согласіе князя“. Менѣе вѣроятнымъ (хотя и не невозможнымъ) представляется, что *parua Scossoua* была родовой собственностію Славебора.

4. О десяти Банскихъ дѣдичахъ извѣстно то, что они владѣли недвижимостію³⁾. Но о размѣрахъ ея у каждаго и о пра-

quo quod fuit Veramund . donauimus . ymmo magis redonauimus [villam]. que dicitur parua Scossoua . que pro anima domini Slaueborii ab ipso et ab ipsius heredibus . voluntate etiam et consensu patris mei Buguzlauri . predictis fratribus jure hereditario collata est . sed post hec aliquanto tempore elapso . cum Stetin a Theutonicis inuasa fuisset et possessa . predicta villa interim patri meo Buguzlauri ab abbate Rodolfo et Colbacensibus concessa fuit tali sub conditione . sub jure jurando et testibus. Quapropter nos predictam villam . pro redemptione patris mei . predictis fratribus redonauimus . et — — rogatu matris mee . et domini Conradi venerabilis Caminensis episcopi . et nunciorum regis et dapiferi ejus . et aliorum multorum principum et barronum terre nostre . — — confirmamus . et sigilli nostri et matris nostre impressione muniri curauimus .

1) См. выше, стр. 98, примѣч. 1. — Ср. слѣдующее прим. (стр. 121).

2) Гр. Богуслава I Бродскому монастырю отъ 1182 г. (С. Р. Д., № 50, р. 122): *Concedimus quoque omnibus hominibus nostris . ut si quis ex eis . diuina monitus inspiratione . aliquid de bonis . que a nobis possidet . predictis fratribus conferre uoluerit . liberam habeat licentiam hec faciendi . et ipsi fratres liberam nichilominus habeant facultatem recipiendi .*

3) Гр. Барнима отъ 1234 г. (С. Р. Д., № 220, р. 482—483; Ромм.

вахъ дѣдичей въ деревняхъ или на деревни можно строить только догадки ¹⁾.

5. Что касается до правъ Sabic'a и Rozsuar'a на деревни, то они совсѣмъ не извѣстны. Князь просто „жертвуетъ двѣ деревни подъ однимъ именемъ Gardis со всеми принадлежностями“, причемъ упоминаетъ, что это тѣ самыя деревни, „въ которыхъ находились (въ качествѣ владѣтелей?) Sabic и Rozsuar“ ²⁾.

Но это упоминаніе сдѣлано, очевидно, не для того, чтобы удостовѣрить законность перехода деревни отъ прежнихъ собственниковъ (что въ свою очередь могло бы свидѣтельствовать о правѣ собственности поморянъ на деревни). Скорѣе видна здѣсь цѣль освѣдомительная; чтобы не могло возникнуть никакого сомнѣнія или затрудненія насчетъ того, какія собственно деревни даются монахамъ, — князь прибавляетъ, кромѣ названія деревень, еще одинъ признакъ: „это — тѣ самыя деревни, въ которыхъ“ и т. д.

Даже если считать оба эти лица владѣтелями деревень, видно все-таки, что князь не находитъ никакой надобности упоминать, на какомъ правѣ оба эти поморянина владѣли деревнями; онъ не говоритъ, почему, какъ и когда прекратилось это право и смѣнилось полновлостиемъ князя. Самое большее, что здѣсь можно допустить, это — временное, по распоряженію князя, главенство или кормленіе двухъ этихъ лицъ въ упомянутыхъ деревняхъ.

Итакъ, четвертая группа извѣстій о владѣніи населенными мѣстами оказывается самою незначительною; а между тѣмъ здѣсь-то и собраны всѣ случаи проявленія какихъ-либо правъ надъ насе-

Urk., I, № 309, p. 234): nos — — totam terram que Banen vulgariter appellatur . — — fratribus domus militie templi — — contulimus . — — Heredes autem sepedicte terre . et villarum in ea sitarum . in nostra presentia constituti . quicquid juris in ipsa terra et villis addixerant uel attribuerant sibi . bona uoluntate penitus relaxarunt . Nomina uero heredum hec sunt . Barnizlaus . Symon . Svitin . Jacobus . Wenezlaus . Gvtizlaus . Symon . Nicolaus . Ienardus . Jargoneus .

1) Cp. Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern, II Theil, Hamburg, 1840, S. 415—416. — C. P. D., S. 483—486; ib., S. 477—478. — P. v. Niessen, Geschichte der Neumark, Landsberg, 1905, S. 91; ib., S. 214.

2) Гр. Барнима отъ 1242 г. (C. P. D., № 310, p. 661; Pomm. Urk., I, № 402, p. 318—319): nos . — — clastro Dargun . et fratribus ibidem deo jugiter seruientibus . duas villas sub uno nomine Gardis dictas . in quibus sedit Sabic et Rozsuar . cum omnibus attinentiis . — — contulimus imperpetuum. — Такъ же гр. еро отъ 1256 г. (Pomm. Urk., II, № 621, p. 29—30).

ленными мѣстами въ собственномъ Поморѣ. Если исключить извѣстія, касающіяся а) правъ княжескихъ родичей, б) лютицкихъ владѣній и отчужденій, в) леновъ и г) такихъ отдачъ деревень, которыя совершены самимъ княземъ, то останется одно только указаніе на Славебора и его пожертвованіе; да и Славеборъ, какъ замѣчено раньше, владѣлъ имѣніемъ также, по всей вѣроятности, отъ князя.

Но если предположить, что *pagus Scossoua* была родовою собственностію Славебора, и что у Банскихъ дѣдичей были права на населенныя имѣнія, — все-таки надо признать, что положительныхъ извѣстій о славяно-поморскомъ владѣніи населенными мѣстами сохранилось очень мало: два извѣстія на почти восемь сотенъ упоминаемыхъ грамотами географическихъ названій, причемъ около 570 изъ этихъ названій упомянуты съ указаніемъ на отчужденіе или владѣніе.

Такой результатъ прежде всего оправдываетъ всю предыдущую группировку извѣстій. Если бы владѣнія деревнями и отчужденія ихъ одинаково встрѣчались среди членовъ княжеской династіи и — внѣ ея, среди лютичей и — среди поморянъ, во время господства ленныхъ отношеній и — ранѣе, то въ такомъ случаѣ не было бы и особыхъ основаній выдѣлять, подсчитывать и подробно разбирать не-собственно поморскія отчужденія и владѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что случаи отчужденій и владѣній въ Поморѣ необычайно сокращаются, какъ бы тають, если только попытаться изолировать извѣстія строго-туземнаго характера съ цѣлю выяснить степень самобытности и происхожденіе этихъ случаевъ.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что социальный строй и развитіе поморянъ къ востоку отъ Одера кореннымъ образомъ отличались отъ социальнаго строя лютицкихъ племенъ, жившихъ по другую сторону той же рѣки, — не станетъ утверждать никто и того, что княжескіе родичи не принадлежали къ высшему классу поморскаго общества, и т. д. Но иное дѣло — для уразумѣнія поморской социальной жизни привлекать достовѣрныя данныя изъ лютицкой исторіи и иное — переносить на Поморье такія особенности сосѣдской жизни, которыя въ поморской жизни не обнаруживаются. Точно также вліятельное положеніе членовъ княжеской династіи въ странѣ не есть доказательство такого положенія и другихъ лицъ и родовъ изъ среды поморянъ. Равнымъ образомъ и фео-

дальнія отношенія не могутъ характеризовать самобытнаго общественнаго развитія.

Но возможно ли придавать какое-либо значеніе умолчанію источниковъ? Молчаніе источниковъ, говоря вообще, еще не доказываетъ отсутствія какихъ-либо фактовъ или явленій; безспорно, не все отразилось въ грамотахъ, и было бы ошибочнымъ на всякомъ умолчаніи грамотъ строить соотвѣтствующія заключенія и о не-существованіи явленій.

Есть, однако, вѣскія основанія для того, чтобы признать отсутствіе свѣдѣній о славянскомъ владѣніи деревнями и отчужденіи ихъ не лишеннымъ значенія.

Тѣ извѣстія, которыя сохранились до насъ, даютъ достаточно поводовъ къ обнаруженію славянскаго землевладѣнія и владѣнія деревнями.

Прежде всего можно констатировать, что главное содержаніе подавляющаго большинства грамотъ Поморья, какъ уже говорилось выше, заключается въ томъ, что та или другая деревня жертвуется, и вообще отчуждается. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить, что сохранилось такъ много записей объ отчужденіяхъ деревень среди различныхъ учреждений и лицъ, но не — среди поморскихъ выдающихся людей, среди поморской знати?

Можно было бы объяснять такъ, что поморяне сами не записывали своихъ сдѣлокъ, и поэтому объ ихъ правахъ и совершенныхъ ими отчужденіяхъ до насъ извѣстій не дошло.

Но если сами славяне и не записывали, — записывала ихъ церковь; ея сдѣлки съ знатными славянами насчетъ деревень и пожертвованія ей славянъ имѣли совершенно такую же нужду въ документѣ, какъ и всякія другія церковныя сдѣлки и пожертвованія. И, слѣдовательно, если бы пожертвованія славянъ и сдѣлки между славянами съ одной стороны и церковью съ другой стороны совершались, то духовныя лица имѣли всѣ побужденія такъ же заботливо записывать это, какъ это они дѣлали въ другихъ случаяхъ (когда контрагентами были, напр., князь, иныя церковныя учрежденія, переселенцы изъ сосѣднихъ странъ, города). А если такія записи дѣлались, то не совсѣмъ понятно, почему онѣ до настоящаго времени не сохранились, тогда какъ всякія другія уцѣлѣли.

Пожертвованія славянъ церкви и сдѣлки съ нею, даже и помимо спеціальныхъ документовъ, могли бы оставить какіе-либо слѣды: они могли бы отразиться на существующихъ и дошедшихъ

до насъ документахъ, напр., — въ многочисленныхъ подтвержденіяхъ и перечисленіяхъ церковныхъ земель, а также въ нѣкоторыхъ общихъ фразахъ княжескихъ актовъ.

Подтверженія и перечисленія недвижимыхъ имуществъ въ Поморьѣ, принадлежавшихъ многимъ церковнымъ учрежденіямъ, поморскимъ и иностраннымъ, производились много разъ; одни населенныя мѣста назывались съ обозначеніемъ дарителя или продавца (князя, княжескаго родича, иностранца и т. д.), другія — безъ такого обозначенія; по отношенію къ этимъ послѣднимъ въ связи съ предшествующими и послѣдующими грамотами положительно или съ вѣроятностію возстановливается источникъ пріобрѣтенія. Поименно же, кромѣ выше рассмотрѣнныхъ извѣстій и намековъ, поморяне не упоминаются.

Но не только нѣтъ поименнаго упоминанія, — почти нѣтъ соотвѣтствующихъ упоминаній и въ общихъ выраженіяхъ о прошедшихъ и о будущихъ пожертвованіяхъ.

Когда князь подтверждалъ церковную недвижимость, подтверждалъ всѣ прежнія пріобрѣтенія, то иногда дѣлалъ огульное замѣчаніе объ источникахъ пріобрѣтенія; но при этомъ онъ не дѣлалъ какихъ-либо общихъ замѣчаній и намековъ на пріобрѣтеніе деревень отъ славянской знати¹⁾.

Когда князь оказывалъ какому-нибудь церковному учрежденію особую благосклонность, то онъ позволялъ принимать всякія пожертвованія и напередъ подтверждалъ ихъ; но перечисляя эти

1) Гр. Вартислава III Даргунскому монастырю около 1227—1228 г. (С. Р. Д., № 163, р. 379; Pomm. Urk., I, № 237, р. 187—188): *Bralin . cum omnibus attinentiis suis . — — libens offero . cum omni libertate . qua cetera bona sua a progenitoribus meis et a me possident .*

Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1235 г. (С. Р. Д., № 224, р. 491; Pomm. Urk., I, № 312, р. 237): *Sane has . vel quascunque alias . vel patris vel aui nostri largitate . vel cognati nostri Wartizlauri aut heredum ejus donatione . seu legitima emptione . habere noscuntur . eis — — confirmamus .*

Не столь общее значеніе имѣетъ фраза въ грамотѣ епископа Вильгельма отъ 1247 г. о князѣ Барнимѣ (С. Р. Д., № 368, р. 755; Pomm. Urk., I, № 454, р. 354): *Promisit dominus Barnim predictis abbati et conventui omnes possessiones in priuilegiis suis vel patris sui . siue aui sui . expressas integras et illibatas restituere .*

Гр. Барнима Бельбукскому монастырю отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 882, р. 209—210). Здѣсь подробно различаются пожертвованія монастырю каждаго изъ предшественниковъ и родственниковъ князя.

возможны въ будущемъ пожертвованія, онъ о деревняхъ со стороны знатныхъ ясно не говоритъ ¹⁾.

Но, можетъ быть, знатные поморяне совсѣмъ не хотѣли жертвовать и не жертвовали своихъ деревень церкви?

Нѣтъ основаній предполагать такую особую и послѣдовательную враждебность, которая удерживала бы отдѣльныхъ представителей высшаго класса въ теченіе полутора вѣка отъ пожертвованій церкви, — особенно въ тяжкія предсмертныя минуты. Неестественно предполагать въ этомъ отношеніи какую-нибудь общую и систематическую политику. Насколько она удалась бы — еслибы кому-либо и пришла въ голову, — показываетъ исторія имѣній Святоборичей: всѣ имѣнія ихъ безъ остатка поглощены были сосѣднимъ монастыремъ. На отсутствіе стойкости у славянъ указываетъ судьба притязаній или правъ Dirscouitz'a, Рохилла. Ходъ событій показываетъ, что Святоборъ ²⁾, Dirscouitz ³⁾, Рохилль ⁴⁾

1) Грамота еп. Зигфрида, княгини Анастасія съ сыновьями и Вартислава, намѣстника Поморья, отъ 1187 г. (С. Р. Д., № 61, р. 146): *ipsa ducissa et Wartzelaus . vicedominus terre — — generaliter concesserunt . vt quicumque instinctu diuino terram . aquam . siluam . molendinum . culta et inculta . vel quemlibet supellectilem . huic ecclesie (i. e.: ecclesie b. Jacobi extra castellum Stetin) condonarent . omnia absque villa contradictione rata et inconuulsa permanerent .*

Гр. Богуслава I Бродскому монастырю отъ 1182 г. (С. Р. Д., № 50, р. 122): *Concedimus quoque omnibus hominibus nostris . ut si quis ex eis diuina monitus inspiratione . aliquid de bonis . que a nobis possidet . predictis fratribus conferre uoluerit . liberam nichilominus habeant facultatem recipiendi.*

Гр. князя Казимира I Каминской церкви св. Іоанна (С. Р. Д., № 41, р. 101; Pomm. Urk., I, № 70, р. 43—44): *Preterea quecunque bona . quas-cunque possessiones . ecclesia — — in presenti jam possidet . vel in futuro largicione principum . concessione pontificum . seu oblatione fidelium . aliisque iustis modis . Deo propitio poterit adipisci . — — confirmamus . —* Въ одномъ только общемъ выраженіи подъ будущими пожертвованіями возможно, но не необходимо подразумѣвать и какую-либо деревню знатнаго славянина; выраженіе это находится въ той же грамотѣ Казимира I: *Ipsis quoque liberum concedimus . vt iusto titulo possideant villas et predia . seu quoscunque redditus viri nobiles terre nostre de suis hereditatibus eidem ecclesie duxerint conferendos .* Но и здѣсь могли подразумѣваться, помимо деревень въ собственномъ Поморьѣ, и лютицкія, также — деревни, полученныя отъ князя. Слово *hereditas* прилагалось и не къ родовому владѣнію. Pomm. Urk., I, № 201, р. 146 (*partem hereditatis sue*).

2) Pomm. Urk., I, № 302, р. 230—231.

3) Pomm. Urk., I, № 167, р. 126. См. выше, стр. 110, примѣч. 2.

4) Pomm. Urk., II, № 883, р. 210—211.

находились въ положеніи скорѣе атакуемыхъ, чѣмъ атакующихъ ; и все-таки, послѣ кратковременнаго и слабого сопротивленія, они быстро отступаютъ по всѣмъ пунктамъ, довольствуясь небольшою подачкою, а то — и безъ нея.

Извѣстія, какія попали въ грамоты, показываютъ скорѣе признаки сочувствія и преданности церкви. Поморяне сотни разъ присутствуютъ при пожалованіяхъ князя церкви, удостовѣряютъ эти акты въ качествѣ свидѣтелей, проводятъ для церковныхъ земель границы, упрашиваютъ князя пожертвовать церкви такія имѣнія, которыя находились въ ихъ же рукахъ, высказываются предъ княжескою властію за пожертвованіе церкви¹⁾, ходатайствуютъ, наконецъ, объ увеличеніи даренія²⁾, но сами не выступаютъ въ качествѣ такихъ собственниковъ, которые бы приобрѣли права на деревни путемъ наслѣдованія.

Но если бы даже допустить предположеніе (ни на чемъ, въ сущности, не основанное), что поморяне не хотѣли дарить церкви и не дарили, то и безъ этого существовали достаточныя условія для того, чтобы въ источникахъ отразилось славянское землевладѣніе, и прежде всего — условія, противоположныя дружественнымъ отношеніямъ и щедрости. Не обнаруживается славянское владѣніе деревнями отъ дѣлъ щедротъ, — такъ должно обнаружиться во время и вслѣдствіе всяческихъ недоразумѣній.

С п о р ы изъ-за деревень, земель и всякихъ иныхъ угодій и доходныхъ статей могутъ считаться однимъ изъ самыхъ надежныхъ поводовъ для обнаруженія славянскаго землевладѣнія. Въ грамотахъ сохранилось порядочное количество извѣстій о такихъ спорахъ, тяжбахъ, иногда насильственныхъ дѣйствіяхъ, судеб-

1) Гр. княгини Анастасіи Гробскому монастырю отъ 1187—1188 г. (С. Р. Д., № 65, р. 159—160; Pomm. Urk., I, № 106, р. 81—82): *ego uide licet Anastasia . — — vna cum filio — — Bogvzlavo . cunctorum fere totius terre nostre nobilium communi consilio commoniti . perpetua concessione donamus.*

Гр. Варгислава III Доберанскому монастырю отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 197, р. 443): *ad petitionem dilecti amici nostri . comitis Wolteri . et fidelis hominis nostri Luberadi . ceterorumque nobilium nostrorum . contulimus.*

2) Гр. Варгислава III Доберанскому монастырю отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 198, р. 445): *fundum ad triginta numerum mansorum primo determinate contulimus . sed ad petitiones et monita fidelium nostrorum . Luberadi et aliorum nobilium . — — secundo iam dictum fundum sine numero mansorum indeterminate . tribus tamen disternatum vocabulis ac districtum — — donavimus.*

ныхъ разбирательствахъ, состоявшихся примиреніяхъ, и т. п. Всѣ эти споры затрагиваютъ самые разнообразныя слои общества, касаются множества лицъ и учреждений; монастыри, епископъ, приходскія церкви, капитулы, вассалы, должностныя лица, крупныя землевладѣльцы, города, даже иностранныя церковныя учрежденія изъ-за разныхъ имуществъ въ Поморьѣ вступали другъ съ другомъ въ пререканія, которыя не разъ сопровождались смѣлыми насильственными дѣйствіями. Въ подобныя споры иногда втягивался и князь, былъ однажды затронутъ и одинъ изъ Святоборичей.

Вполнѣ естественно ожидать, что тутъ-то и проявятся права славянской знати на земли и деревни, особенно — если эта знать была настроена враждебно по отношенію къ церкви.

Оказывается, однако не то. Есть пара указаній на попытку кое-какого несогласія поморянина съ церковнымъ учрежденіемъ, когда это послѣднее дѣлало крупныя и новыя приобрѣтенія населенныхъ имѣній. Эти указанія (о Dirschowitz'ѣ и Рохиллѣ) разобраны выше; но родовой собственности ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не видно.

Во всѣхъ же остальныхъ притязаніяхъ, спорахъ, тяжбахъ и т. п., участвуютъ или замѣшаны такіе дѣятели, которымъ трудно приписать туземное происхожденіе.

Первыми вліятельными въ Поморьѣ людьми иноземнаго происхожденія были духовныя лица: епископъ, настоятели монастырей; къ половинѣ XIII в., кромѣ духовенства, вліятельную роль въ жизни страны начинаютъ играть княжескіе и церковныя ленники иноземнаго же по большей части происхожденія, а потомъ и горожане-колониисты.

Въ такомъ же хронологическомъ порядкѣ развиваются — поскольку даютъ это замѣтить грамоты — и споры имущественнаго характера. Почти до половины XIII в. составъ тяжущихся и спорящихъ былъ однородный: духовныя лица и церковныя учрежденія, къ которымъ изрѣдка приплетался и князь.

О тяжбахъ и недоразумѣніяхъ сохранились слѣдующія извѣстія.

(1) Наиболѣе раннею является стычка епископа съ Кольбацкимъ монастыремъ; она произошла еще въ XII в. Столкновение возникло изъ-за деревни Broda; дѣло дошло до оскорбленія епископами людьми аббата ¹⁾.

1) Гр. епископа Зигфрида отъ 1189 г. (С. P. D., № 66, р. 162; Pomm. Urk., I, № 116, р. 90): *controuersiam que inter me et abbatem Colbacensem*

У того же Кольбацкаго монастыря въ первой половинѣ XIII в. возникали недоразумѣнія: (2) одно съ епископомъ ¹⁾ и (3—4) два — съ княземъ ²⁾; (5) у епископа Каминскаго — съ епископами мейсенскимъ и бранденбургскимъ ³⁾.

Кромѣ того, въ грамотахъ отразились слѣдующія недоразумѣнія.

(6) Обида, которую причиняли Эльденскому монастырю „нѣкоторые прелаты“ ⁴⁾.

(7) Нанесеніе матеріальнаго ущерба Шверинской епархіи (съ точки зрѣнія Шверинскаго епископа) распоряженіями епископа Каминскаго ⁵⁾.

(8) Споръ епископа Каминскаго и Шверинскаго ⁶⁾.

(9) Раздоръ между Эльденскимъ монастыремъ и Шверинскимъ епископомъ ⁷⁾.

(10) Жалоба тамплиеровъ на захватъ ихъ владѣній Бельбукскимъ монастыремъ и судебный разборъ этого дѣла ⁸⁾.

(11) Тяжба Яковлевской и Петровской церквей въ Штетинѣ изъ-за приходскихъ границъ ⁹⁾.

(12) Тяжба между Бамбергскимъ Михельсбергскимъ монасты-

ob partem cuiusdam ville que Broda dicitur olim emerserat . interuentu et consilio religiosorum viroꝝ esse decisam . — — Porro hominibus eiusdem abbatis . qui offensam nostram occasione huius discordie incurrerant . benigne indulgeo.

1) Гр. епископа Конрада III отъ 1236 г. С. Р. Д., № 237, р. 519.

2) Гр. еп. Вильгельма отъ 1247 г. С. Р. Д., № 368, р. 755—756; Romm. Urk., I, № 454, р. 354. — Гр. Барнима отъ 1259 г. Romm. Urk., II, № 668, р. 60—61.

3) Гр. папы Иннокентія IV отъ 1246 г. Romm. Urk., VI, № 3929, р. 328—329.

4) Гр. того же папы отъ 1247 г. Romm. Urk., III, № 459b, р. 435.

5) Жалоба епископа Шверинскаго Рудольфа отъ 1258 г. Romm. Urk., VI, № 3949, р. 338. Здѣсь прямо не названъ Каминскій епископъ; его роль намѣчается грамотою Германа отъ 1255 г. Romm. Urk., II, № 614, р. 25—26.

6) Romm. Urk., II, № 670, р. 61. — Гр. еп. Каминскаго Германа отъ 1260 г. Romm. Urk., II, № 671, р. 62. — Гр. его же отъ 1260 г. Romm. Urk., II, № 672, р. 62.

7) Гр. папы Александра IV отъ 1256 г. Romm. Urk., III, № 632a, р. 437. Ib., №№ 632b, и 632c, р. 436—437.

8) Гр. магистра тамплиеровъ Фридриха отъ 1263 г. Romm. Urk., VI, № 3961, р. 345.

9) Гр. еп. Германа отъ 1268 г. Romm. Urk., II, № 865, р. 196—197.

ремь (собственно его отдѣленіемъ въ Штетинѣ) и Штетинскимъ Маріинскимъ капитуломъ ¹⁾.

(13) Ущербъ, нанесенный Столпскому монастырю Гробскимъ монастыремъ ²⁾.

Съ пятого десятилѣтія XIII в. въ ряды тяжущихся вступаетъ новый элементъ — свѣтскіе переселенцы: ленники, должностныя лица, владѣтели цѣлыхъ областей, горожане. Группировка тяжущихся обыкновенно такая: на одной сторонѣ — церковное учрежденіе, на другой княжескіе вассалы, должностныя лица, крупные землевладѣльцы.

Въ такой комбинаціи происходятъ слѣдующія событія.

(14) Столкновение рыцаря Анзельма съ Кольбацкимъ монастыремъ изъ-за деревни Sabow ³⁾.

(15) Столкновение рыцаря Стаффельда съ тѣмъ же монастыремъ изъ-за деревни Wardenbergh ⁴⁾.

(16) Недоразумѣніе между Гюцковскими владѣтелями и Гробскимъ монастыремъ изъ-за повинностей съ деревни Szlatkowe ⁵⁾.

(17) Ущербъ, нанесенный Оливскому монастырю Узноимскимъ фогтомъ Ольдагомъ Шверинскимъ ⁶⁾.

(18) Борьба епископа Каминскаго со свѣтскими людьми изъ-за десятины ⁷⁾.

(19) Споръ Кольбергскихъ горожанъ съ Буковскимъ монастыремъ ⁸⁾.

(20) Распря изъ-за деревень между Лоицкими владѣтелями и Эльденскимъ монастыремъ, сопровождавшаяся насильственнымъ отнятіемъ у монастыря нѣсколькихъ деревень ⁹⁾.

1) Гр. пробста Гюстровской церкви Готфрида, котораго папа назначилъ судьей, отъ 1277 г. Pomm. Urk., II, № 1077, p. 359—360.

2) Гр. еп. Германа, отъ 1277 г. Pomm. Urk., II, № 1064, p. 349. Ср. Pomm. Urk., I, S. 286—287.

3) Гр. Барнима отъ 1254 г. Pomm. Urk., II, № 599, p. 13—14.

4) Гр. Барнима отъ 1274 г. Pomm. Urk., II, № 991, p. 290—292.

5) Гр. Варгислава III отъ 1253 г. С. P. D., № 493, p. 968; Pomm. Urk., I, № 562, p. 437—438.

6) Гр. Барнима отъ 1254 г. Pomm. Urk., II, № 598, p. 13. — Pomm. Urk., III, p. 679: Usedom. Vogt: v. Schwerin, Oldag.

7) Гр. еп. Германа отъ 1255 г. Pomm. Urk., II, № 614, p. 25—26.

8) Гр. Кольбергскаго городского совѣта отъ 1268 г. Pomm. Urk., II, № 860, p. 192—193.

9) Гр. Вернера Лоицкаго отъ 1249 г. Pomm. Urk., I, № 500, p. 392—393.

(21) Насильственные дѣйствія вассаловъ руянскаго князя по отношенію къ Эльденскому монастырю ¹⁾).

(22) Споръ изъ-за деревни Sparrenuelde между рыцаремъ Христіаномъ и Маріинскимъ капитуломъ въ Штетинѣ ²⁾).

(23) Раздоръ между братьями Зальцведелями и Гробскимъ монастыремъ изъ-за взиманія церковной десятины на полуостровѣ Липѣ ³⁾).

Иногда рыцари и владѣтели дѣйствуютъ вмѣстѣ съ одними духовными лицами противъ другихъ духовныхъ лицъ.

(24) Такъ дѣйствовали рыцари и княжескія должностныя лица въ единеніи съ Кольбацкимъ монастыремъ противъ іоаннитовъ ⁴⁾).

Къ концу періода попадаются примѣры и такихъ споровъ, которые начинаются и ведутся уже безъ всякаго участія духовенства.

(25) Таковъ споръ Лоицкихъ владѣтелей съ городомъ Грейфсвальдомъ ⁵⁾, а также (26) споръ Кольбергскихъ горожанъ съ колонистами ⁶⁾).

Итакъ, за время въ девяносто лѣтъ предъ 1278 г. дошли до насъ указанія на 26 различныхъ споровъ, недоразумѣній имущественнаго характера, тяжбъ, насильственныхъ дѣйствій. Далекое не во всѣхъ случаяхъ историкъ можетъ узнать, кто изъ тяжущихся правъ и кто неправъ. Для нашей цѣли — обнаруженія славянскаго владѣнія деревнями и вообще землевладѣнія — это и не важно. Во всякомъ случаѣ видно изъ всего сказаннаго, что было немало духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ и собственниковъ, которые готовы были отстаивать свои имущественные интересы и, пожалуй, нарушать чужіе. Но славянъ среди нихъ незамѣтно.

Надо имѣть въ виду и то, что въ 26 спорахъ и тяжбахъ неизбежно существуютъ 52 противныя стороны; а каждая сторона не состояла непременно изъ одного лица. Въ Кольбацко-іоаннитской распрѣ, напр., принимало участіе не менѣе 35 лицъ съ одной

1) Гр. Вышеслава II, князи руянскаго, отъ 1275 г. Pomm. Urk., II, № 1017, p. 311—312.

2) Гр. Барнима отъ 1276 г. Pomm. Urk., II, № 1071, p. 355—356.

3) Гр. еп. Германа отъ 1256 г. Pomm. Urk., II, № 628, p. 34—36.

4) Гр. доминиканца Альберта отъ 1269 г. Pomm. Urk., II, № 891, p. 218—219. — Гр. его же отъ 1270 г. Ib., II, № 914, p. 234.

5) Гр. Барнима отъ 1267 г. Pomm. Urk., II, № 836, p. 175—176.

6) Гр. Кольбергскихъ ратмановъ отъ 1278 г. Pomm. Urk., II, № 1110, p. 384—385.

только Кольбацкой стороны. Сохранился и список (впрочемъ, неполный) этихъ лицъ; всѣхъ ихъ доминиканецъ Альбертъ, бывшій регенбургскій епископъ, поименно предасть отлученію, а потомъ (вмѣстѣ съ близкими къ нимъ людьми) — и интердикту за насильственное отнятіе у іоаннитовъ Старгардской земли. Въ этомъ спискѣ трудно отыскать имя хоть одного представителя славяно-поморской знати¹⁾.

Итакъ, славяне въ роли собственниковъ населенныхъ имѣній не обнаруживаются ни среди жертвователей церкви ни среди тяжущихся съ церковью и со свѣтскими лицами. Остается предполагать, что славяне, если они были такими собственниками, воздерживались отъ крупныхъ пожертвованій церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли случаевъ и желанія нарушать сосѣдскія права; поэтому-то о нихъ и не упоминается ничего.

Однако, надо признать, что для обнаруженія землевладѣльцевъ-славянъ во время споровъ не требовалась съ ихъ стороны особая активность дѣйствій; инициативу вообще не разъ брали на себя другіе, въ томъ числѣ съ немалымъ усердіемъ и стойкостью — и представители церкви.

Затѣмъ, помимо пожертвованій и споровъ, были обстоятельства, которыя вполне естественно могли бы заставить славянское крупное землевладѣніе сколько-нибудь проявиться въ источникахъ.

1) Гр. Альберта отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 891, р. 218—219): quia abbas de Kolbas et nobilis vir predictus Barnim dux — —, Johannes de Lieuenowe, Gobelo marscaleus, Arnoldus de Pinnowe, Henricus et Diethericus fratres ipsius Johannis et Diethricus de Cothene milites, Johannes de Zukowe et frater eius, Ludewicus de Wedele, Henricus, Johannes et Waltherus de Sadelowe, Guntherus et Diethmarus fratres dicti Stalbūm, Henricus, Johannes et Henricus de Thumerzellige, Brendekinus, Martinus et fratres eorundem, Reinikinus et Meinikinus fratres, Johannes de Gerboldesdorf et fratres sui, Martinus dictus Swake, Johannes de Benz, Johannes de Valkenberc, Heine dictus Vngnade, Johannes socer eius, Wernherus de Nichamere et Heine de Zukowe . . . quondam Ludekini de Basdowe, Johannes filius eius, . . . quondam Johannis de Einecot . . . quondam Guntheri loci eiusdem relicte vidue et filii eorundem Caminensis diocesis — — per maliciam et potenciam suam impedierunt et adhuc impedire non cessant, quominus ipsi magister et fratres (sacre domus hospitalis Jerosolymitani in Alamania) possessionem uel quasi bonorum huiusmodi adipiscantur et adepta pacifice gaudeant, ego — — abbatem ducem milites viduas et laycos prefatos — — excommunico. — Гр. того же Альберта отъ 1270 г. о провозглашеніи по тому же поводу интердикта. Pomm. Urk., II, № 914, р. 234.

Не было пожертвованій, не было и споровъ, — такъ должны быть и обнаружены спокойныя сосѣдскія и договорныя отношенія.

Условія для такихъ обнаруженій были вполнѣ благопріятны. Ростъ церковнаго владѣнія деревнями и вообще движеніе въ области землевладѣнія носило такой быстрый темпъ и такъ мало руководимо или сдерживаемо было княжескою властію, что и оно косвенно могло бы открыть туземное крупное землевладѣніе и власть знати надъ сельскимъ населеніемъ. Земли церковныя быстро умножались; за ростомъ крупнаго церковнаго землевладѣнія вскорѣ съ успѣхомъ послѣдовало и свѣтское.

Возрастаніе крупнаго землевладѣнія происходило чаще всего на счетъ сосѣднихъ участковъ земли. Вокругъ созданнаго центра, напр., вокругъ учрежденнаго монастыря, группировались по всѣмъ направленіямъ новыя и новыя приобрѣтенія. Акты по поводу этихъ возраставшихъ приобрѣтеній (если не принимать во вниманіе выше разсмотрѣнныхъ случаевъ) не находятъ туземной аристократіи, которая имѣла бы крупныя населенныя имѣнія. Между тѣмъ расширявшееся крупное землевладѣніе едва ли ставило свою задачею заботливо обходить участки славянской знати, не трогая ихъ. Почти нѣтъ слѣдовъ ни сдѣлокъ, ни споровъ, ни даже такихъ поясненій въ описаніяхъ границъ, которыя случайно могли бы на окраинѣ, напр., церковныхъ земель открыть сосѣднее населенное имѣніе знатнаго поморянина.

Особенно замѣчательно это въ тѣхъ случаяхъ, когда монастырь или иное церковное учрежденіе устанавливало свой центръ не по усмотрѣнію князя, а вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, напр., — по своему собственному выбору. Въ такихъ случаяхъ не могло быть у князя плана: помѣстить центръ возникавшаго учрежденія посрединѣ княжескихъ доменовъ, чтобы потомъ монастырю при расширеніи владѣній встрѣчаться только съ княжескими землями и ничьими иными. Если изъ пункта, взятаго независимо отъ княжескаго плана, мало по малу приводятся въ извѣстность и другіе, сосѣдніе пункты, то при этомъ акты и раздвигавшее свои границы крупное землевладѣніе должно же было гдѣ-нибудь натолкнуться на славянское крупное землевладѣніе, если это послѣднее было обычнымъ.

Такъ, Столпскій монастырь былъ основанъ на мѣстѣ убійства князя Вартислава I; выборъ мѣста для Бродскаго монастыря былъ

предоставленъ самимъ монахамъ¹⁾; Кольбацкій монастырь, Буковскій, Эльденскій основались въ опредѣленныхъ пунктахъ безъ княжескаго выбора этихъ пунктовъ, и т. д.

Иногда монастырь получалъ отъ князя земли и деревни не въ видѣ сплошнаго пространства и не въ одной мѣстности, а въ нѣсколькихъ. Тутъ-то и можетъ возникнуть такая мысль: князь давалъ земли и деревни въ разныхъ пунктахъ потому, что рядомъ и вблизи монастырскаго центра расположены были не княжескія, а дворянскія имѣнія; и онъ своими пожертвованіями въ другихъ мѣстахъ какъ-бы дополнялъ то, чего не хватило изъ его имѣній по сосѣдству съ монастыремъ.

Такъ, Гробскій монастырь въ теченіе перваго полустолѣтія своего существованія получилъ отъ князей 27 деревень, которыя были расположены не менѣе, чѣмъ въ десяти различныхъ каштеляніяхъ²⁾.

Однако, при расположеніи пожертвованій не видно того, чтобы князя стѣсняло славянское крупное землевладѣніе. Князь давалъ черезполосныя имѣнія по какимъ-то другимъ соображеніямъ; весьма вѣроятно, что у него при этомъ было желаніе распредѣлить на возможно большее пространство то вліяніе монаховъ и духовныхъ лицъ, котораго онъ ожидалъ отъ нихъ, какъ отъ образцовъ и руководителей христіанской жизни³⁾.

Тотъ же Гробскій монастырь весьма недобрительно отнесся къ разбросанности своихъ имѣній; заботясь болѣе всего о хозяйственныхъ удобствахъ, монахи всячески старались расширять объединить свои земли⁴⁾. И когда монахи ревностно принялись за

1) Гр. Богуслава I отъ 1182 г. (C. P. D., № 50, p. 122): *quia frater meus . ante quam stabilem inciperent construere mansionem . rebus est humanis exemptus . liberam eis concedimus facultatem . ut quecunque ex supradictis uillis aptior . et commoditati eorum opportunior exstiterit . deo annuente in ea edificent prospero successu.*

2) Ср. М. Бречкевичъ: Первые поморскіе монастыри, стр. 18.

3) Гр. еп. Конрада Кольбацкому монастырю отъ 1176 г. (C. P. D., № 39, p. 98; Pomm. Urk., I, № 67, p. 41—42): *principes ad cultum eiusdem Dei et Domini propensiores se exhibentes . — — viros quoque religiosos de longinquis prouinciis euocatos . per diuersa regionis sue loca disponentes . ad necessarios usus eis temporalia subministrant .*

4) Гр. князя Казимира I отъ 1175 г. (C. P. D., № 37, p. 95): *fratres deo inibi seruietes . predia ecclesie sue inutiliter per terras dispersa adunare et continuare (conabantur).*

объединеніе своихъ земель на островѣ Узноимѣ, то они могли бы встрѣтить здѣсь слѣды крупнаго славянскаго землевладѣнія.

Но они нашли здѣсь: а) еще не отданныя княземъ въ чье-либо распоряженіе земли и деревни, на которыя и было съ успѣхомъ обращено вниманіе монастыря; б) земли мелкихъ собственниковъ, которыя монастырь и сталъ скупать при благосклонномъ содѣйствіи князя; в) владѣнія другихъ церковныхъ учреждений; г) владѣнія княжескихъ вассаловъ, которыя монастырь, также при содѣйствіи князя, сталъ приобрѣтать себѣ. На какія-либо обширныя земли и деревни, которыя принадлежали бы славянской знати на правѣ собственности, Гробскій монастырь при объединеніи и расширеніи своихъ владѣній не натолкнулся.

Подобныя же наблюденія можно сдѣлать и при изученіи роста земельной собственности другихъ церковныхъ учреждений, а также — свѣтскихъ лицъ и городовъ.

Вообще отсутствіе указаній на существованіе крупныхъ населенныхъ имѣній, которыя составляли бы собственность славяно-поморской знати, прибрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше есть извѣстій о прибрѣтеніи имѣній новыми владѣльцами. А такихъ свѣдѣній, какъ уже замѣчалось выше, довольно много. Было закрѣплено или удостовѣрено свыше полутысячи имѣній за новыми собственниками. Кромѣ того, отчуждались княземъ заразъ цѣлыя тысячи мансовъ, продавались или отдавались цѣлыя каштеляніи, города и т. д.

При такихъ условіяхъ не такъ ужъ много, въ сущности, оставалось и мѣста, гдѣ могло бы находиться большое количество крупныхъ населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ поморской знати. Свыше семи съ половиною сотенъ разныхъ географическихъ названій, о которыхъ упоминается въ грамотахъ безъ указанія на ихъ принадлежность славянамъ-собственникамъ, вообще даютъ внушительное, сравнительно съ размѣрами княжества, пространство. Въ частности, очень много пространства захватываютъ отчужденія, которыя совершались княземъ или при содѣйствіи князя.

Между отчуждавшимися населенными мѣстами были цѣлыя области (Banen, Beseriz, Bucowe, Cholberg, Conerine, Daber, Lipa, Stargard восточный, Stargard западный, Trebetow, Vkera), съ большимъ или меньшимъ количествомъ деревень каждая. Наконецъ, княземъ не разъ отчуждалось опредѣленное количество мансовъ, по сту и болѣе; общая сумма мансовъ, которые оптомъ были отчуждены княземъ, — 6150.

Вся поверхность княжества Славін многимъ не превышала 600 кв. миль. Если сопоставить цифры отчужденій и приблизительно ихъ поверхность съ размѣрами всего княжества, то получается впечатлѣніе, что едва ли не половина княжества по частямъ, въ теченіе ста съ лишнимъ лѣтъ, была отдана князьями. Номенклатура отчужденныхъ князьями мѣстностей покрываетъ значительную часть княжества; трудно указать на такую область, которая не была бы втянута въ совершавшійся процессъ закрѣпленія за собственниками правъ на земли. Во многихъ случаяхъ при перечисленіи смежныхъ деревень не остается сомнѣнія въ томъ, что въ промежуткахъ между деревнями не могло быть имѣній, которыя принадлежали бы другимъ собственникамъ.

Конечно, совершенно точныхъ измѣреній и подсчета населенныхъ мѣсть Поморья XII—XIII в. произвести нельзя; сдѣланныя выше наблюденія и замѣчанія имѣютъ только то значеніе, что они гармонируютъ со всякими другими указаніями на славяно-поморское землевладѣніе и владѣніе деревнями.

Итакъ, въ общемъ было достаточно поводовъ къ обнаруженію славянскаго владѣнія населенными имѣніями. При дѣйствіи всѣхъ этихъ поводовъ, можно было насчитать до 55 (приблизительно) указаній на бѣльшую или меньшую степень прикосновенности славянъ къ владѣнію разными имѣніями, населенными и ненаселенными.

Но если всѣ эти указанія разсмотрѣть съ точки зрѣнія ихъ пригодности для сужденія о собственномъ славяно-поморскомъ владѣніи, то количество ихъ, какъ мы видѣли, сильно сокращается. Цѣлыя группы извѣстій не могутъ служить непосредственнымъ и точнымъ показателемъ общихъ соціальныхъ отношеній въ собственномъ Поморьѣ: одни — потому, что субъекты правъ занимали въ странѣ особое положеніе (первая группа извѣстій), другія — изъ-за мѣста осуществленія правъ (вторая группа), третьи — изъ-за содержанія правъ (извѣстія третьей группы, а также и тѣ извѣстія четвертой группы, которыя ничего не говорятъ о правѣ собственности на населенныя имѣнія). Остается всего — одно-два извѣстія (о Славеборѣ и, можетъ быть, о Банскихъ дѣдичахъ). Очевидно, такой результатъ не даетъ опоры принятому историческою литературою мнѣнію о распространенности славяно-поморскаго владѣнія населенными имѣніями¹⁾.

1) См. выше, стр. 75—76. Кромъ того: (объ имѣніяхъ вообще) Fuchs, Geschichte d. Bauernstandes in Pommern und Rügen, S. 10: die zahlreichen

Какъ уже показывалось выше, помимо количества извѣстій, необходимо было обратить вниманіе и на качество ихъ, или точнѣе говоря — на качество тѣхъ правъ, о которыхъ говорятъ извѣстія.

Ни два извѣстія о славяно-поморскомъ владѣніи, ни всѣ остальные извѣстія не говорятъ о правахъ на населеніе деревни. Съ исключеніемъ населенія изъ предметовъ владѣнія, права знати (да и не одной только знати) на деревни естественно получаютъ крайне неопредѣленный характеръ; эти права слабо выражены, почти неуловимы. Въмѣсто ясной и точной рѣчи (какъ это наблюдается, напр., въ польскихъ, чешскихъ, датскихъ и др. источникахъ) объ отчужденіи людей вмѣстѣ съ землями, а то — и безъ земель, рѣчи о барщинѣ и т. п., — тутъ обычны только выраженія, которыя можно понимать самымъ различнымъ образомъ, напр.: *quisquid juris in predicta uilla habuimus, renunciavimus*. Одаряемое учрежденіе получало завѣреніе, что прежніе претенденты не будутъ болѣе имѣть никакого касательства къ имѣнію: но отсюда еще никакъ нельзя выводить, что устанавливаемая новымъ собственникомъ-церковью права на населенное имѣніе вполнѣ соответствовали прежнимъ правамъ владѣльца или претендента.

Если эти прежнія права представлять на подобіе послѣдующихъ правъ церкви, то это были бы права полной собственности. Установить существованіе у поморской знати такой собственности и особенно — владѣнія деревнями, какъ родовымъ имуществомъ, было бы очень важно: тогда владѣніе населенными имѣніями могло бы считаться давнимъ и туземнымъ.

Но къ большинству извѣстій второй, третьей и четвертой группы совершенно неприложимо ни понятіе родового имущества ни понятіе полной собственности (съ правомъ распоряженія); а приложеніе этихъ же понятій къ остальнымъ извѣстіямъ или спорно или не имѣетъ особаго значенія.

Все это показываетъ, что объясненій множеству отчужденій и владѣній населенными имѣніями надо искать не въ правахъ и положеніи славяно-поморской знати, а въ какихъ-то иныхъ отношеніяхъ.

Schenkungen des Adels an die Klöster. — Зоммерфельдъ также убѣжденъ въ томъ, что поморская знать много жертвовала церкви. Изъ малаго количества пожертвованій за время отъ 1187 г. до 1207 г. Зоммерфельдъ выводитъ заключеніе о языческой реакціи. Sommerfeld, Geschichte d. Germanisierung d. Herz. Pommern, S. 93—104: Abermalige Gefährdung d. christlich-germanischen Kultur in der Regentschaftsperiode von 1187—1207.

Во всѣхъ почти славяно-поморскихъ владѣніяхъ и отчужденіяхъ устанавливается не столько происхожденіе правъ собственности путемъ наслѣдованія, сколько приобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ правъ отъ княжеской власти, причѣмъ роль князя, за рѣдкими исключениями, трудно свести къ одной лишь передаточной инстанціи. Таковую инстанцію съ полною увѣренностію нельзя принять даже для извѣстій о Славеборѣ и, можетъ быть, о Банскихъ дѣдичахъ. А вѣдь эти два извѣстія изъ общаго количества свѣдѣній о владѣніи населенными имѣніями только и остались въ качествѣ собственно славяно-поморскихъ.

Значеніе князя не ограничивается только участіемъ въ славяно-поморскихъ отчужденіяхъ и владѣніяхъ. Оно не менѣе безспорно и по отношенію къ владѣніямъ переселенцевъ въ Поморьѣ, — по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ первоначальнаго приобрѣтенія правъ.

Князь являлся, такимъ образомъ, какъ бы первоисточникомъ и отправнымъ пунктомъ владѣнія населенными землями и отчужденія ихъ.

Князь и отъ своего имени, безъ какого бы то ни было упоминанія о другихъ лицахъ, туземныхъ и иноземныхъ, совершилъ свыше трехъ сотенъ отчужденій, какъ выше было замѣчено. Кромѣ того, трудно допустить, чтобы въ распоряженіи князя ничего не оставалось послѣ всѣхъ произведенныхъ имъ отчужденій.

Поэтому князь до начала отчужденій, т. е. въ первой половинѣ XII в., долженъ представляться владѣтелемъ необычайнаго множества (сравнительно съ общими размѣрами княжества) населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній.

Но возможно ли считать поморскаго князя частнымъ собственникомъ всѣхъ тѣхъ населенныхъ земель, которыя онъ кому-либо жертвовалъ или передавалъ? Составляло ли населеніе этихъ земель его частную собственность?

Эти вопросы рѣшаются историческою литературою въ утвердительномъ смыслѣ. Правильность такого рѣшенія подлежитъ, однако, сомнѣнію. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, между прочимъ, на общее количество оказавшихся въ распоряженіи князя населенныхъ пространствъ, на отсутствіе признаковъ частно-правовыхъ отношеній и на положеніе князя по житіямъ Оттона.

Когда князь представляетъ изъ себя собственника и территоріи и населенія приблизительно въ половинныхъ размѣрахъ, причѣмъ нѣтъ доказательствъ того, чтобы и оставшаяся половина распредѣлена была между другими собственниками, то зависи-

мость отъ князя утрачиваетъ въ значительной степени частно-помѣщичій характеръ и пріобрѣтаетъ государственный. Хотя въ ту пору различіе между имуществомъ государевымъ и государственнымъ мало сознавалось, но самый объемъ княжескаго имущества и отсутствіе даже слабыхъ копій среди знати неизбѣжно сообщали ему государственный характеръ. Значить, если бы и найдены были данныя для того, чтобы людей и земли считать частною собственностію князя, то частно-правовой характеръ отношеній долженъ былъ сглаживаться.

Но такихъ данныхъ не имѣется. Ни называемыя повинности ни способъ выраженія актовъ не даютъ возможности подмѣтить въ положеніи населенія отчуждаемыхъ деревень какія-либо черты крѣпостничества или частной зависимости.

Кромѣ того, обладаніе на правѣ частной собственности по меньшей мѣрѣ половиною Поморья сообщало бы князю чрезвычайную силу.

Между тѣмъ этой силы князя совершенно незамѣтно въ началѣ XII в., во время путешествій Оттона, хотя тогда она должна была быть въ апогеѣ: все то, что пожертвовано было потомъ, въ началѣ XII в. должно было находиться въ распоряженіи князя, какъ собственника.

Ни въ 1124 г. ни въ 1128 г. князь Вартиславъ совсѣмъ не похожъ на могучаго повелителя и полновластнаго собственника какой-либо половины княжества. Онъ не можетъ даже оказать Оттону и его проповѣди правительственной поддержки, но не потому, чтобы проповѣдники не желали опираться на свѣтскую власть, и не потому, чтобы князь не сочувствовалъ христіанству. Напротивъ, проповѣдники не прочь были опереться на поддержку свѣтской власти и находили ее — въ польскомъ князѣ. Съ своей стороны, князь Вартиславъ вполне сочувствовалъ христіанству и проповѣди; онъ и многіе изъ окружающихъ его еще до миссіи были христіанами, но принуждены были доселѣ скрывать свою вѣру. Его сочувствіе, его посильная поддержка миссіонерамъ удостовѣряется житіями, но — ея оказалось недостаточно.

Ни тогда, когда проповѣдники подвергались опасности со стороны язычниковъ, ни тогда, когда вѣча принимали рѣшенія о перемѣнѣ религіи, незамѣтно мѣстной княжеской власти.

Біографы въ одинъ голосъ представляютъ княжеское жилище въ видѣ „мѣста убѣжища“ для всякаго преслѣдуемаго и преступника; но когда проповѣдники спасались-было туда отъ язычниковъ, — убѣжища они тамъ не нашли. И если проповѣдники уцѣлѣли, то не потому, что ихъ защитило вниманіе народа къ княжескому жи-

лицу, а потому, что они съ великою успѣшностію покинули и это „мѣсто убѣжища“, и городъ, и островъ (Волынъ).

Рѣшеніе относительно перемѣны религіи въ каждой отдѣльной мѣстности княжества принималось совершенно независимо отъ князя и его органовъ; рѣшалось дѣло вѣче. Отсрочка рѣшенія происходила не вслѣдствіе такого или иного мнѣнія или распоряженія князя и его органовъ, а вслѣдствіе отсутствія домохозяевъ, отлучившихся изъ города по дѣламъ промысла.

Иной городъ долго находится въ натянутыхъ отношеніяхъ къ князю, въ полномъ раздорѣ съ нимъ, рѣшаетъ свои дѣла безъ всякаго вниманія къ князю и даже вырабатываетъ самъ условія соглашенія съ польскимъ княземъ.

Вообще весь ходъ миссіи таковъ, что не даетъ основаній мысли о крѣпостной или личной зависимости отъ князя того населенія, которое нѣкоторое время спустя затрагивается массовыми пожертвованіями деревень. Проповѣдниковъ встрѣчаютъ хорошо или дурно, являются на собранія, рѣшаютъ важнѣйшія дѣла, — не чувствуя и не давая другимъ замѣчать какой-либо особой частно-правовой зависимости отъ князя, какъ собственника.

Итакъ, князя едва ли можно считать собственникомъ на частномъ правѣ всѣхъ тѣхъ населенныхъ пространствъ земли, которыя онъ дарилъ и вообще отчуждалъ въ XII—XIII в. Но, съ другой стороны, вполне неоспоримъ фактъ этихъ дареній и отчужденій. Какъ же объясняются они? Какъ могли произойти даренія и отчужденія такихъ населенныхъ мѣстностей, которыя не принадлежали на правѣ частной собственности дававшему?

При этихъ условіяхъ возникаетъ такая мысль: то множество населенныхъ мѣстностей, которое было отдано княземъ въ XII и XIII в., не принадлежало князю на правѣ частной собственности; при передачахъ князь распоряжался не какъ помѣщикъ, а какъ государь, начинавшій болѣе или менѣе сознавать и осуществлять свое верховенство надъ всей страной.

Прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу только-что высказанной мысли не существуетъ. Нѣтъ свидѣтельствъ и о томъ, каково было положеніе сельскаго населенія Поморья въ XI в. и ранѣе, и поэтому невозможно сравненіе прежняго положенія населенія, до отдачи княземъ деревень, съ новымъ, послѣ отдачи. Все это затрудняетъ аргументацію высказанной мною мысли.

Есть только возможность подмѣчать случайныя и не вполне ясныя признаки положенія деревень въ XII—XIII в. За недостаточностію и этихъ признаковъ необходимо изучить тѣ условія, при которыхъ совершались отчужденія деревень; на эти условія акты даютъ довольно много указаній.

Порядокъ изученія этихъ условій и признаковъ опредѣляется вопросомъ: насколько возможенъ и насколько вѣроятенъ для Поморья такой процессъ, т. е. передача княземъ въ собственность церкви, а потомъ и другимъ учрежденіямъ и лицамъ, деревень, не бывшихъ доселѣ чьею-либо частною собственностію?

При этомъ прежде всего привлекаютъ вниманіе историка два обстоятельства.

Во-первыхъ, долгое время со времени извѣстныхъ первыхъ отчужденій населенныхъ мѣстъ въ роли новаго собственника является только церковь. Во-вторыхъ, также долгое время дарителемъ для церкви и вообще лицомъ, совершающимъ отчужденіе, является главнѣйшимъ образомъ князь. Почти полное (въ началѣ) отсутствіе другихъ лицъ и учрежденій въ роляхъ дарителей и одаряемыхъ приводитъ къ мысли о томъ, что и одаряемые юридическія лица (разныя церковныя учрежденія и руководящее ими духовенство) и дарители (князья) въ процессѣ отчужденій должны были имѣть особо важное значеніе.

Обращая вниманіе на условія отчужденій населенныхъ мѣстъ, слѣдуетъ, поэтому, характеризовать и одаряемыхъ, т. е. духовныя лица, и дарителей, т. е. князей.

Кромѣ духовенства и князей, небезполезно характеризовать и затронутый отчужденіями деревень людъ — самихъ поморянъ, чтобы понять насколько ихъ положеніе и свойства позволяли имъ такъ или иначе реагировать на совершавшіяся съ ними и кругомъ ихъ перемѣны.

Нѣтъ надобности, да и возможности представить полную и всестороннюю характеристику духовенства, князей, народа. Характеристику эту лучше всего сдѣлать только съ точки зрѣнія происхожденія и развитія владѣнія населенными мѣстами и отчужденія ихъ, хотя, конечно, при этомъ попутно будутъ проявляться разныя стороны культурной и государственной жизни княжества. Вообще же духовенство, князья и народъ привлекаютъ пока наше вниманіе только какъ тѣ соціальныя группы или элементы, которые заинтересованы или затронуты были массовыми отчужденіями населенныхъ мѣстъ.

Отдѣлъ третій.

Освоеніе деревень.

ГЛАВА I.

Поморское духовенство. Отношеніе его къ мірянамъ и къ мірекому.

Западно-европейская церковь въ XII—XIII в. достигла своего высшаго развитія и силы. До этого времени она заключала въ себѣ меньшее количество народовъ; а послѣ XIII в. противъ духовенства раздаются протесты все чаще и чаще.

Въ полномъ сознаніи своей великой и исключительной силы, церковь въ XII в. и на способъ дальнѣйшаго распространенія христіанства смотрѣла иначе, чѣмъ, напр., въ VII—VIII в. Цѣлая бездна лежитъ между самоотверженными, скромными, далекими отъ всякой мысли о насильственномъ обращеніи кельтскими проповѣдниками и — насадителями христіанства въ XII—XIII в., которые дѣйствовали больше оружіемъ, чѣмъ словомъ убѣжденія. При этомъ оружіе было даже не запаснымъ средствомъ — на случай неуспѣха или непринятія проповѣди; оно сразу же пускалось въ ходъ, прежде всякихъ попытокъ мирнаго обращенія.

Въ XII в. по отношенію къ язычникамъ предстояло не просвѣщеніе ихъ новою религіею, а „приведеніе ихъ подъ иго христіанской религіи“. Даже въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда язычниковъ предварительно словомъ убѣждали принять христіанство (миссія Оттона, еп. Бамбергскаго), и тутъ въ качествѣ аргумента выдвигается такое соображеніе: „весь міръ преданъ христіанскимъ законамъ, одни вы не можете сопротивляться противъ всѣхъ“¹⁾.

1) Рѣчь отправленныхъ епископомъ Оттономъ уполномоченныхъ въ Поморь въ 1124 г. (Herbordi Dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis. Lib. II, cap. 14): orbem universum christianis legibus deditum, se solos universitati resistere non posse.

Прежде, въ VIII в., въ странѣ, которая выслала много миссіонеровъ, смущались даже тѣмъ, что одинъ изъ миссіонеровъ (чтобы убѣдить язычниковъ въ безсиліи боговъ) срубилъ священный дубъ ¹⁾.

Теперь, къ XII в., пришли къ инымъ убѣжденіямъ. Сущность ихъ выразилъ Саксонъ Грамматикъ, который восклицалъ въ упоеніи отъ воинскихъ подвиговъ архіепископа Абсалона въ войнѣ съ поморянами: „Какую жертву можемъ мы считать для Божественнаго могущества болѣе пріятною, чѣмъ убіеніе нечестивыхъ“ ²⁾? Участіе въ войнѣ для „приведенія язычниковъ подъ иго христіанской вѣры“ есть „участіе въ святой работѣ“, за которое даруется отпущеніе грѣховъ“ ³⁾. Это — общее убѣжденіе; его высказываютъ: папа ⁴⁾, императоръ ⁵⁾, святые, епископы, князья, рыцари ⁶⁾, и т. д. Если же язычники немедленно не сдѣлаются христіанами, то не менѣе душеспасительнымъ дѣломъ представляется ихъ совершенное истребленіе ⁷⁾.

1) A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, I, S. 434.

2) Saxonis Grammatici Gesta Danorum, herausg. v. Holder, Strassburg, 1886, p. 665 (ed. Müller-Velschow, p. 974): Quod enim sacrificii genus scelestorum nece diuine potencie iocundius existimemus?

3) Гр. папы Евгенія III отъ 1147 г. (Pomm. Urk., I, № 32, p. 13): Quidam — — ex vobis tam sancti laboris et premii participes fieri cupientes contra Sclauos ceterosque paganos habitantes versus aquilonem ire et eos christiane religioni subjugare domino auxiliante intendunt. Quorum nos deuotionem attendentes omnibus illis qui crucem eandem Iherosolimam non acceperunt et contra Sclauos ire et in ipsa expeditione — — deuotionis intuitu manere decreuerunt, illam remissionem peccatorum, quam predecessor noster — — papa Vrbanus Iherosolimam transeuntibus instituit, — — concedimus.

4) См. предыдущее примѣчаніе.

5) См., напр., гр. имп. Фридриха I отъ 1170 г. (C. P. D., № 28, p. 66—67).

6) См., напр., Chronicon Montis Sereni seu Lauterbergensis coenobii dioecesis Magdeburgensis. Pomm. Urk., I, № 34, p. 14—15. — № 31, p. 13 (посланіе Бернарда Клервоскаго).

7) Chron. Montis Sereni. Pomm. Urk., I, № 34, p. 14: Magna multitudo signatorum contra paganos aquilonem versus habitantes profecta est, ut eos aut christiane religioni subderent, aut omnino delerent.

Въ отношеніи къ поморянамъ не понадобилось примѣнять крайнюю мѣру. Крестовый походъ 1147 г. задѣлъ поморянъ только стороною. Крестоносцы, уже опустошивъ часть княжества и осадивши Штетинъ, увидя на стѣнахъ осажденнаго города крестъ и убѣдился, что поморяне — уже христіане, имѣютъ своего епископа, священниковъ, церкви и т. д. Опустошеніе и походъ были прекращены, впрочемъ, вслѣдствіе того, что главнѣйшіе участники похода рассчитывали на

Но и эта дилемма казалась не всегда достижимымъ идеаломъ; практичные крестоносцы нашли, повидимому, еще одинъ образъ дѣйствій, противъ котораго, однако, вооружается папа: булла отъ 1147 г. грозитъ отлученіемъ тѣмъ крестоносцамъ, которые отъ язычниковъ принимаютъ деньги и за то позволяютъ имъ удерживать прежнюю религію¹⁾.

Даже въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда появлялся проповѣдникъ, который желалъ научить язычниковъ новой вѣрѣ, возникали почти неодолимые препятствія. *Partes infidelium* задолго до проникновенія туда христіанства включены были сосѣдними епископами въ составъ ихъ епархіи, и хотя бы эти епископы не обнаруживали ни старанія ни даже попытки проповѣди, — этика того времени была такова, что сторонній миссіонеръ, который рѣшительно не имѣлъ въ виду никакихъ епархіальныхъ захватовъ, а только чистую проповѣдь и крещеніе, не считалъ возможнымъ крестить язычниковъ, хотя они и умоляли его объ этомъ: онъ опасался нарушить права сосѣдняго епископа.

Такъ именно было во время проѣзда Оттона Бамбергскаго черезъ землю моричанъ, гдѣ чувствовались права магдебургскаго архіепископа²⁾.

большія выгоды отъ регулярнаго взиманія податей съ покоренныхъ, чѣмъ отъ грабежа.

По принятіи христіанства поморяне должны были, разумѣется, усвоить господствующее ученіе о способахъ обращенія въ христіанство. Сохранились грамоты, которыми и поморяне приглашаются къ активному участию въ крестовыхъ походахъ противъ язычниковъ. Грамоты папъ: Иннокентія III отъ 1199 г. (*Pomm. Urk.*, I, № 137, p. 104), Гонорія III отъ 1218 (*C. P. D.*, № 115, p. 266—267), Григорія IX отъ 1230 г. (*C. P. D.*, № 182, p. 416—417) и отъ 1232 г. (*C. P. D.*, № 186, p. 423—424), Иннокентія IV отъ 1253 г. (*Pomm. Urk.*, I, № 569, p. 440—441). И едва прошло двадцать лѣтъ послѣ того времени, когда поморяне „язычники“ были цѣлью крестоваго похода, какъ сами они участвуютъ въ подобномъ же походѣ противъ язычниковъ (рунянъ, въ 1168 г.).

1) Гр. папы Евгенія III отъ 1147 (*Pomm. Urk.*, I, № 32, p. 13): *sub excommunicatione prohibentes, ut nullus de paganis ipsis, quos christiane fidei poterit subjugare, pecuniam vel aliam redemptionem accipiat, ut eos in sua perfidia remanere permittat.* — Послѣдующія грамоты говорятъ о порабощеніи язычниковъ крестоносцами. Грамоты папы Гонорія III отъ 1218 г. *C. P. D.*, № 116 и 117, p. 267—269.

2) *Ebbonis Vita Ottonis*, III, 4: *Erat — — illic barbarorum natio que Moriz uocabatur. Nec audita beati presulis opinione, ultro se fidei sacramentis ab eo imbui expetebat. Sed ipse ut vir prudens et sagacissimi ingenii ad Noripertum archipresulem suum eos dirigebat.*

Подобнымъ образомъ не могъ и на Руянѣ проповѣдывать Оттонъ, хотя за разрѣшеніемъ на эту проповѣдь ѣздилъ въ Данію посланный Оттономъ пресвитеръ: архіепископъ Лундскій отклонилъ просьбу подь благовиднымъ предлогомъ¹⁾.

О другой чьей-либо попыткѣ въ послѣдующее время проповѣдывать моричанамъ и руянамъ неизвѣстно. Но извѣстно слѣдующее. Послѣ путешествія Оттона не прошло и двадцати лѣтъ, — какъ тѣ же моричане и руяне подверглись нашествію крестоносцевъ: первые — въ 1147 г. крестоносцевъ изъ Германіи во главѣ съ многими епископами, между прочимъ и магдебургскимъ²⁾, а вторые — испытали двукратное крестоносное нашествіе изъ Даніи, причемъ одно изъ нихъ было еще при жизни Оттона³⁾, а другое въ 1168 г., опять-таки во главѣ съ епископами, между прочимъ и лундскимъ⁴⁾.

Хотя собственнаго Поморья эти походы касались только отчасти, но все это характеризуетъ тѣ сосѣднія церкви, которыя руководили возникавшею поморскою епархіею и научали новообращенныхъ. Вообще же и Поморье въ XII и началѣ XIII в. посѣщали сосѣдніе епископы чаще въ сопровожденіи войска, чѣмъ съ мирною цѣлію проповѣдничества.

Нѣкоторые изъ такихъ епископовъ имѣли несомнѣнные таланты полководца; Абсалонъ, епископъ рескильдскій, потомъ лунд-

1) Herbordi Dialogus de vita Ottonis ep. Bab., l. III, cap. 30.

Иныя явленія, по сравненію съ препятствіями для христіанской проповѣди среди славянъ, происходили въ началѣ среднихъ вѣковъ. Не говоря уже о кельтскихъ миссіонерахъ, которые дѣйствовали въ пользу обращенія, не считаясь съ теоріею единства церковной власти или распредѣленія епархій, даже Бонифацій распоряжался свободнѣе, когда имѣлъ въ виду успѣхъ христіанства. Хотя Бонифацій очень много значенія придавалъ систематической церковной организаціи и поддержкѣ со стороны свѣтской власти, но онъ, напр., по своему усмотрѣнію поставилъ своего хорепископа (Эобана) епископомъ Утрехтскимъ; а между тѣмъ Кельнскій архіепископъ имѣлъ полное основаніе (въ виду всей предшествовавшей исторіи и распоряженія короля Дагоберта) считать Утрехтъ частью своего діоцеза. A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, I, Leipzig, 1887, S. 541—542.

2) Pomm. Urk., I, № 34, p. 14—18.

3) Saxonis Grammatici Gesta Danorum, herausg. v. Holder, l. XIII, p. 444—445; ed. Müller-Velschow, p. 661. — Бартольдъ полагаетъ, что предпринять этотъ походъ побудилъ архіепископъ Лундскій. Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern, II, S. 125—126.

4) Cp. Barthold, op. cit., II, S. 182 ff.

скій, не разъ стоялъ во главѣ датскаго войска во время походовъ въ Поморье, съ большимъ искусствомъ и смѣлостію выводилъ датское войско изъ отчаяннаго положенія, одерживалъ побѣды¹⁾. Менѣе искусенъ былъ одинъ изъ его преемниковъ, Петръ; предводительствуя датскимъ войскомъ, онъ, изъ-за верховенства датчанъ въ Поморьѣ, сразился съ войскомъ Бранденбургскихъ маркграфовъ, но проигралъ битву и самъ попалъ въ плѣнъ. Большую изворотливость онъ проявилъ только во время подготовленій къ своему бѣгству изъ плѣна²⁾.

Когда въ Поморьѣ такъ или иначе была устроена церковь, она сразу же оказалась чуждою поморянамъ. Это зависѣло, между прочимъ, отъ двухъ явленій: во-первыхъ, отъ иноземнаго состава духовенства³⁾, и, во-вторыхъ, отъ аристократическаго отпечатка тогдашней церкви вообще.

Опредѣлить во всей полнотѣ тогдашній составъ и происхождение духовныхъ лицъ невозможно. Однако, слѣдуетъ признать вполне справедливымъ господствующее въ литературѣ мнѣніе, что своего славяно-поморскаго клира страна никогда не имѣла⁴⁾.

Составъ духовенства въ началѣ былъ исключительно иноземнаго происхожденія; затѣмъ на церковныя должности стали попадать отдѣльныя личности туземнаго происхожденія, но при безусловномъ преобладаніи чужеземцевъ. Поморская церковь, если и имѣла какія-либо особенности по сравненію съ сосѣдними гер-

1) Saxonis Grammatici Gesta Danorum, herausg. von Holder, I. XIII, p. 592—593 (ed. Müller-Velschow, p. 863—864). — Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern, Hamburg, 1840, II, S. 207—208; ib., S. 231, и др.

2) Петръ притворился тяжело больнымъ. Arnoldus Lubecensis Chron. Slavor. lib. VI, cap. 9—10. Pomm. Urk., I, № 135, p. 100.

3) Отличіе отъ способа распространенія христіанства въ первую половину среднихъ вѣковъ замѣтно было и въ этомъ отношеніи. Тогда проповѣдники прежде всего старались подготовить клириковъ, даже епископовъ, изъ среды туземцевъ. Напр., во Фризин, задолго до ея окончательнаго обращенія, Виллибродъ, апостолъ ея, первымъ дѣломъ озаботился подготовить клириковъ изъ фризовъ; одинъ изъ среды такихъ туземцевъ-клириковъ сталъ впоследствии епископомъ Мюнстерскимъ. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, I, S. 400—401. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Поморье отличалось, повидимому, и отъ странъ (даже славянскихъ), которыя приняли христіанство позднѣе. Ср. Sommerfeld, Geschichte der Germanisierung d. Herz. Pommern, S. 102—103.

4) F. Winter, Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands, Gotha, 1868, I, S. 121. — M. Wehrmann, Geschichte von Pommern, I, S. 2. — Sommerfeld, Geschichte der Germanisierung d. Herz. Pommern, S. 102—103.

манскими церквами, то сущность ихъ заключалась не въ мѣстныхъ національныхъ отличіяхъ.

Что дѣйствительно личный составъ духовенства не содержалъ въ себѣ сколько-нибудь замѣтнаго количества туземцевъ, — это подтверждается не только силою національныхъ привычекъ въ переселенцахъ изъ Германіи и общимъ ходомъ Поморской исторіи; помимо того, это же подтверждается двумя обстоятельствами: именами духовныхъ лицъ и тѣсною связью церковныхъ учреждений Поморья съ церквами сосѣднихъ странъ.

Имена духовныхъ лицъ — не славянскія. Конечно, имя само по себѣ не доказываетъ еще не-славянскаго происхожденія: славяне могли принимать и принимали такія имена какъ Іоаннъ, Петръ, Генрихъ и т. п. Но вообще не замѣтно, чтобы поморяне-христиане избѣгали родныхъ именъ; у свѣтскихъ славянъ эти имена попадаются очень часто. Изъ состава духовныхъ въ XII в., въ концѣ вѣка, встрѣчаются только два славянскія имени; да и относительно ихъ нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что носители ихъ — поморяне¹⁾.

Связи духовныхъ лицъ, особенно орденскихъ монастырей, съ германскими и отчасти датскими церквами были самыя тѣсныя. Поморскіе премонстрантскіе и цистерціанскіе монастыри были филиальными отдѣленіями монастырей-метрополій, находившихся въ сосѣднихъ германскихъ странахъ; какъ первый составъ монаховъ ново-учреждаемаго монастыря высылался изъ метрополіи, такъ и впослѣдствіи пополненія личнаго состава производились оттуда же²⁾. Затѣмъ, на церковныя земли вызывались колонисты; еще немного спустя, нѣкоторыя церковныя земли отдавались въ ленъ переселенцамъ-рыцарямъ, и такъ мало-по-малу создавалась своя родная среда, въ результатъ чего не было нужды проникаться глубоко туземною жизнію и удовлетворять ея интересы.

1) Одно имя (Vogochualus) было употребительно среди поляковъ, а не среди поморянъ; носитель этого имени выступаетъ въ качествѣ свидѣтеля въ актахъ супруга Анастасіи, которая была дочерью польскаго князя Мѣшка Стараго. Грамоты князя Богуслава I отъ 1182 г. (Pomm. Urk., I, № 90, р. 69) и отъ 1186 г. (Pomm. Urk., I, № 102, р. 79). Носитель другого имени, *capellanus Discizlaus*, называется въ грамотѣ самой этой Анастасіи. Гр. княгини Анастасіи Гробскому монастырю около 1187—1188 г. Pomm. Urk., I, № 106, р. 81—82. — Возможно, что и эти два лица прибыли изъ Польши, въ свѣтъ Анастасіи.

2) Ср. F. Winter, Die Cistercienser d. n. Deutschlands, I, S. 121.

Все это дѣлало церковь учрежденіемъ, въ значительной степени чуждымъ народу. Разстояніе между церковью и народомъ увеличивалось еще и оттого, что церковь тогдашняя имѣла отчасти аристократическій характеръ; только въ XIII вѣкѣ возникли нищенствующіе ордена, которые ставили своей задачей непосредственное соприкосновеніе съ народной массой и поднятіе ея духовнаго уровня. Монашествующіе другихъ, болѣе раннихъ орденовъ, да и вообще духовныя лица чувствовали себя и ставили себя выше народной массы. Не напрасно князь и другіе, говоря о монахиняхъ, усвояютъ имъ названіе: *domine* ¹⁾; да онѣ и сами себя такъ называли ²⁾.

Монашествующіе ставили себя высоко не только въ смыслѣ духовнаго превосходства надъ массою; и матеріальное положеніе ихъ, по настоянію ихъ самихъ, тоже должно быть господское; имъ не пристало заниматься работою (для добыванія средствъ жизни), да и вредны имъ эти занятія, — разъ они избрали себѣ работу духовную.

Отсутствіе близости между пастырями и пасомыми не могло не сказываться на успѣшности выполненія церковью просвѣтительныхъ задачъ. Въ исторической литературѣ преобладаетъ мнѣніе, что эти задачи выполнялись духовенствомъ очень ревностно и успѣшно. Но достаточныхъ основаній въ пользу такого утвержденія не приводится. Историки этого направленія то ссылаются на подложныя грамоты, истолковывая ихъ притомъ своеобразнымъ способомъ ³⁾, то выводятъ заключеніе о дѣйствительно совершавшейся дѣятельности изъ того, видимо, соображенія, что она была бы чрезвычайно кстати ⁴⁾, то выставляютъ

1) Гр. Варцислава монастырю въ Ивенакѣ отъ 1256 г. Pomm. Urk., VI, № 4133, p. 440. — Гр. Богуслава IV Пырницкому женскому монастырю отъ 1286 г. Pomm. Urk., II, № 1376, p. 592.

2) Гр. отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 749, p. 113): N. abbatissa, Jo. praepositus totusque conuentus dominarum in Sehusen.

3) Напр., Winter, Die Prämonstratenser des zwölften Jahrhunderts und ihre Bedeutung für das nordöstliche Deutschland, S. 198—200 (о Бродскомъ монастырѣ).

4) Напр., Wiesener, Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit, Berlin, 1889, S. 127 (о школѣ для подготовки духовенства изъ туземцевъ); S. 134 (о томъ же); S. 134 (объ энергіи и мудрости еп. Адальберта). — Sommerfeld, Die Germanisierung d. Herz. Pommern, S. 70: die Cistercienser, obwohl ihre Ordensregel ihnen ursprünglich die Predigt untersagte, müssen in slavischen Landen, wo es an

жизнь монаховъ образцовою на основаніи предписаній орденскихъ уставовъ (Винтеръ), то, наконецъ, отсылають скептиковъ въ этомъ дѣлѣ въ такую область, которая недоступна историческому изслѣдованію¹⁾. Въ доказательство того, что премонстранты и цистерціанцы проповѣдывали въ Поморьѣ, приводятся еще такія соображенія, явно неубѣдительныя. а) Основатель ордена премонстрантовъ Норбертъ былъ епископомъ „въ совершенно еще языческой славянской землѣ“; слѣдовательно, „задача распространенія христіанской вѣры между славянами была премонстрантамъ особенно близка.“ б) Цистерціанцамъ „орденскія правила запрещали проповѣдь“; но въ славянскихъ земляхъ монахи „должны были отступить отъ этого постановленія“ и проповѣдывать; иначе и быть не могло: вѣдь „тамъ былъ недостатокъ въ способныхъ священникахъ“. Притомъ же, „если бы эти монахи точно выполняли орденскія правила, то это уже а priori дѣлало бы ихъ неспособными къ выполненію тѣхъ высокихъ культурныхъ задачъ, которыя ихъ ожидали въ Славіи.“ Зоммерфельдъ использовалъ въ качествѣ аргумента и тотъ фактъ, что „самый знаменитый изъ цистерціанцевъ, Бернадъ, аббатъ Клервоскій, извѣстенъ, какъ проповѣдникъ крестоваго похода“ противъ славянъ (и въ Палестину); по мысли названнаго историка, и въ этой проповѣди слѣдуетъ видѣть доказательство и иллюстрацію просвѣтительной дѣятельности цистерціанцевъ среди поморянъ²⁾.

Указаній на плодотворную просвѣтительную дѣятельность духовенства среди новообращенныхъ нѣтъ; а то, что извѣстно о его характерѣ и дѣятельности, приводитъ къ сомнѣнію въ томъ, чтобы существовали большія старанія просвѣщать народную массу. Ни откуда не видно, чтобы духовенство Поморья прилагало усилія къ сближенію съ народомъ и наученію его христіанству. Въ этомъ отношеніи можно вполнѣ согласиться съ Ниссеномъ, который признаетъ, что клиръ въ Поморьѣ не относился серьезно къ своимъ обязанностямъ³⁾.

geeigneten Priestern fehlte, von dieser Bestimmung abgesehen haben; — eine genaue Befolgung derselben hätte jene Mönche von vornherein zur Erfüllung der hohen Kulturaufgaben, die ihrer in Slavien harreten, unfähig gemacht.

1) Winter, Die Prämonstratenser d. zwölften Jahrh., S. 197: was sie (die Klöster) für Seelen erworben haben, davon liegen die Urkunden dort droben.

2) Sommerfeld, op. cit., S. 70.

3) P. v. Niessen, Geschichte der Neumark im Zeitalter ihrer Entstehung und Besiedlung, S. 132.

Эрнстъ увѣряеть, что внѣ городовъ церквей совсѣмъ не было¹⁾. Церквей, дѣйствительно, было очень мало. Даже въ XIII в., болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ спустя послѣ миссии Оттона, случайныя упоминанія о церковныхъ приходахъ указываютъ на массовую, такъ сказать, оптовую приписку деревень къ церквамъ.

Барнимъ въ одной грамотѣ (отъ 1237 г.) такъ распредѣляетъ деревни между двумя Штетинскими церквами: всѣ тѣ деревни, которыя расположены по лѣвую руку по дорогѣ изъ Штетина въ Пренцловъ, приписываются къ церкви св. Іакова, а по правую — къ церкви св. Петра²⁾. — Къ одной церкви было приписано не мене восьми деревень³⁾; къ другой — по крайней мѣрѣ одиннадцать⁴⁾; къ третьей — восемнадцать⁵⁾; еще къ одной — девятнадцать⁶⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ девятнадцать деревень приписывается къ такой церкви, которая была посвящена въ

1) Ernst, Die Colonisation Mecklenburgs im XII und XIII Jahrh., Rostock, 1875, S. 50.

2) Гр. Барнима отъ 1237 г. (С. Р. Д., № 254, p. 552): volumus enim ut — omnes etiam ville que sunt slavice in rure posite . et que sunt ad levam manum regie vie versus premizlawe . ad sanctum iacobum pertinent . et que ad dexteram . ad sanctum petrum .

3) Гр. еп. Германа отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 852, p. 188): assignavimus predicte ecclesie (Nemitz) villas subnotatas videlicet ipsam villam Nemitz et Bartholin. Solchowe, Lechowe, Borchowe, Suracowe, Lusitz et Pankonin, vt sacramenta ecclesiastica consequantur ad ipsa.

4) Гр. еп. Германа отъ 1257 г. (Pomm. Urk., III, № 642a, p. 438—439): Hae sunt villae ad Citensem ecclesiam assignatae, quarum nomina subsecuntur: praedicta villa Citen, Grecholin, Mantselin, Cosauts, Selechowe, Ramessowe, Voytsin, Clitsekindorp, Morchin, Gnewentin, Reletsowe. Quod si etiam aliqua nova ecclesia in terminis praedictarum villarum constructa fuerit in futuro, ad supra dictam Citensem debet ecclesiam pertinere.

5) Гр. еп. Германа отъ 1260 г. (Pomm. Urk., VI, № 3954, p. 340—341): Insuper has villas eidem ecclesie (Jestin) sepedicte assignavimus pro dote procurandas Multow et Krune, Poblote Minus, Mizli, Lustibure, Wartowne, Molonow, Mudsensz, Carmin, Gosten, Domazen, Zlonevokow, Dambrowka, Virbecka, Plavnotyn, Belusna, Zymbrav.

6) Гр. еп. Германа отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 945, p. 255): cum dedicarem ecclesiam in Wusterhusen dedicaimus ad eandem ipsam villam Wusterhusen — — insuper decimas villaram (опека или неоговоренная опечатка) subscriptarum, scilicet Gnuyentin, Malin, Brusow, dimidie ville Virow, Lubbenin, Cruselin et Steuelin — — . Preterea villas subnotatas Warszin, duas villas Nunnendorp, Latsow, Priszwalek, Cunirow, Gustebin, Stilow, Lodessin, Golletow et Trepelin, ut hee ville cum prescriptis in dicta ecclesia requirant ecclesiastica sacramenta.

1271 году. Грамота оставляет въ неизвѣстности, какъ удовлетворялись религіозныя потребности населенія до того времени. Къ одной лютинской церкви было приписано двадцать семь деревень¹⁾. — Уже это показываетъ, какъ мало могло быть и было духовнаго общенія между духовенствомъ и поморянами²⁾.

Замѣчательно, что когда появились ревностные просвѣтители, желавшіе дѣйствовать среди народной массы языческой или полуязыческой, то они наткнулись на недоброжелательство и вражду среди орденскаго и приходскаго духовенства. Такъ было въ XIII в., когда изъ среды цистерціанскаго ордена выдвинулись-было настоящіе проповѣдники. Вся остальная орденская братія, владѣвшая множествомъ населенныхъ земель въ Поморѣ и Польшѣ, отнеслась къ нимъ съ крайнею враждою.

„Хотя о нихъ“, т. е. объ этихъ проповѣдникахъ, „свидѣтельствуютъ дѣла ихъ, однако, какъ намъ сдѣлалось извѣстнымъ, выставляете ихъ безголовыми“, — такъ писалъ папа Иннокентій III генеральному капитулу цистерціанцевъ; „нѣкоторые изъ вашего ордена въ тѣхъ земляхъ отказываютъ имъ и въ гостепрѣимствѣ и во всемъ, чего требуетъ челоуѣколюбіе. Напротивъ, вы своими словами до того ихъ донимаете, что нѣкоторые изъ нихъ — изъ-за вашей всяческой брани — заявляютъ о своемъ уходѣ изъ тѣхъ мѣстъ“³⁾.

Не лучше отнеслось духовенство (уже не одни только цистерціанцы) Поморья и сосѣднихъ странъ къ францисканцамъ, когда тѣ въ лучшую пору ихъ существованія перенесли свою дѣятельность въ сѣверную часть средней Европы. Этотъ орденъ, по своей близости къ народу и заботамъ о немъ, былъ бы особенно поле-

1) Гр. еп. Берно отъ 1178 г. Romm. Urk., I, № 77, p. 50.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили попытки такого общенія, оно едва ли многимъ отличалось отъ тѣхъ сношеній клириковъ съ прихожанами въ болѣе позднее время, о которыхъ сообщаетъ М. Горникъ изъ жизни сербовъ-лужичанъ. Славянскій Сборникъ, т. 2-й, СПб., 1877, стр. 88: „жена, хоронившая мужа, изъ всего надгробнаго слова священника-нѣмца только могла получить такого рода утѣшеніе: все-таки я поняла, что моего мужа звали Гансомъ“.

3) Гр. папы Иннокентія III отъ 1213 г. (C. P. D., № 95, p. 226—227): *Universis abbatibus in generali Cisterciensi capitulo constitutis. — Licet autem eorum opera de ipsis perhibeant testimonium . quia tamen vos eos sicut accepimus . acephalos reputatis . quidam vestri ordinis fratres in illis partibus constituti . eisdem in hospitiiis et aliis debita humanitatis solatia non impendunt . quinimmo adeo verbis exasperatis eosdem . ut propter increpationes vestras multiplices nonnulli eorum dicantur ab illis partibus abcessisse.*

зень въ Поморьѣ, но его постигли преслѣдованія всего остального духовенства. Папа вынужденъ былъ стать на защиту ордена¹⁾.

Не прилагая стараній къ религіозному просвѣщенію туземцевъ, духовныя лица въ Поморьѣ имѣли свои цѣли, которыя явственно сказываются на сохранившихся актахъ. Цѣли эти заключались въ достиженіи матеріальныхъ благъ и независимаго правового положенія. У епископа эти планы осложнялись еще стремленіемъ занять самостоятельное княжеское положеніе²⁾.

На социальномъ развитіи отражались оба стремленія духовенства: къ достиженію матеріальныхъ благъ и къ независимому правовому положенію. Но приобрѣтеніе иммунитетныхъ правъ прежде всего подрывало положеніе князей; и потому изученіе иммунитетовъ удобнѣе производить въ связи съ политической исторіей княжества. Стремленіе же къ достиженію матеріальныхъ благъ, помимо другихъ результатовъ, непосредственно отразилось на положеніи народной массы. Поэтому это стремленіе духовенства умѣстно прослѣдить теперь же.

Высказывая, что поморское духовенство съ великимъ усердіемъ стремилось къ приобрѣтенію матеріальныхъ благъ и что грамоты подтверждаютъ существованіе подобныхъ стремленій, надо все-таки имѣть въ виду слѣдующее. Самыя свойства актовъ матеріала таковы, что должны давать и даютъ свѣдѣнія довольно однородныя и даже одностороннія. Такія дѣла, какъ проповѣдь, наученіе, требноисправленіе, благотвореніе, вообще рѣдко могутъ попадать въ акты. Сфера содержанія актовъ иная; не столько дѣла благотворенія или проповѣдь были предме-

1) Гр. папы Иннокентія IV (регестъ) отъ 1245 г. (Pomm. Urk., I, № 443, р. 347—348): *archiepiscopis, episcopis, abbatibus, prioribus, archidiaconis, archipresbyteris, prepositis et aliis ecclesiarum prelati per — — Sclavie — — provincias constitutis. Acriter eos objurgans, mandat, ut a gravaminibus et pressuris fratribus Minoribus inferendis desistant, subditos suos ab his arctius compescendo.*

2) Мысль о томъ, что поморскіе епископы съ самого же начала стали стремиться къ достиженію княжескаго положенія, расходится съ общепринятыми въ литературѣ взглядами и потому требуетъ документальнаго обоснованія. Здѣсь важно прежде всего пониманіе грамоты папы Иннокентія II поморскому епископу Адальберту отъ 1140 г. (Pomm. Urk., I, № 30, р. 12—13). Однако, истолкованіе этой грамоты и освѣщеніе послѣдующихъ дѣйствій епископовъ въ настоящемъ мѣстѣ отклонило бы ходъ изложенія первой части этого изслѣдованія; это составитъ предметъ особой статьи.

томъ изложенія грамотъ, сколько дѣла, входящія въ область вещнаго и обязательственнаго права. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ обстоятельстве, что сохранившіеся акты говорятъ о пріобрѣтеніяхъ и владѣніяхъ церкви.

Если, слѣдовательно, возможно говорить о пріобрѣтательской дѣятельности духовенства, то — не на основаніи одного только того факта, что во множествѣ грамотъ для церкви говорится о пріобрѣтеніи ею и подтвержденіи за нею имущества. Тутъ важны тѣ прямыя, а чаще — косвенныя указанія въ источникахъ, которыя выдаютъ способы пріобрѣтенія имущества, замѣчательную энергію въ его пріобрѣтеніи и охраненіи, а также нѣсколько раскрываютъ теорію и практику духовенства по вопросу о назначеніи имущества.

Церковныя учрежденія поморскія, какъ и тѣ иностранныя, которыя послужили образцомъ для Поморья, получили соотвѣтствующіе надѣлы. Первоначальные надѣлы съ теченіемъ времени умножались новыми пріобрѣтеніями, благодаря стараніямъ церкви. Духовныя лица въ Поморьѣ вообще придерживались такого правила: гораздо удобнѣе и непринужденнѣе можно отдаваться небесной службѣ и духовнымъ занятіямъ, если есть хорошія матеріальныя средства, „потому что“, какъ поясняетъ епископъ, „гдѣ Духъ Господень, — тамъ свобода“¹⁾.

Вѣрныя такому взгляду, церковныя учрежденія Поморья употребляли старанія не только для того, чтобы сохранить пріобрѣтенное, но чтобы при всякомъ случаѣ и приумножить его. Ближайшій путь къ этому состоялъ въ испрашиваніи у князя новыхъ пожалованій; и этотъ путь, въ виду щедрости поморскихъ князей, особенно Барнима Добраго, былъ наиболѣе доступнымъ и успѣшнымъ. Нѣкоторыя мѣста въ грамотахъ указываютъ на то, что монахи дѣйствовали иногда при помощи связей²⁾.

1) Гр. еп. Конрада I Кольбацкому монастырю отъ 1179 г. (С. Р. Д., № 55, р. 131): *Et quoniam vbi spiritus domini ibi libertas . ut expeditus celestibus obsequiis pariterque liberius et orationi vacari possitis . in temporalibus quoque vobis concurrere necessarium duximus.*

2) Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1223 г. (С. Р. Д., № 144, р. 343): *rogatu matris mee et domini Conradi venerabilis Caminensis episcopi . et nunciorum regis et dapiferi ejus . et aliorum multorum principum et baronum terre nostre .* Ходатайство какого-нибудь лица въ пользу церкви можетъ быть и по его собственной инициативѣ, по благочестивому усердію. Но когда хлопочутъ многіе люди, имѣющіе

Обстоятельства, которые давали духовнымъ лицамъ поводъ просить новыхъ пожалованій, были самыя разнообразныя. Одинъ разъ духовныя лица представляютъ князю, что ихъ владѣнія „безъ пользы разбросаны по областямъ“ и что желательно „объединить и расширить ихъ“¹⁾. Въ другой разъ монахи жалуются на шумъ народа, собиравшагося неподалеку для торгова, жалуются, кромѣ того, на недостатокъ чистую воду, на испорченный воздухъ, на тѣсноту помѣщеній²⁾. Иной разъ братіи кажется, что пожалованная ей деревня не годится для пользованія и — выпрашивается у князя другая³⁾. Иногда монахи не могутъ спокойно и мирно заниматься рыболовствомъ въ морскомъ заливѣ — изъ-за рыбаковъ, которые ежегодно имѣютъ тамъ свою тону⁴⁾. Однажды монахи не удовлетворились пожалованнымъ имѣніемъ въ 30 мансовъ потому, что величина его была точно опредѣлена; и они выпросили у князя имѣніе „безъ числа мансовъ“⁵⁾. Съ другой стороны, и въ

между собою мало общаго, — хлопочуть за одинъ и тотъ же монастырь по одному и тому же дѣлу въ одно и то же время, то можно съ увѣренностію заключать въ такомъ случаѣ о стараніяхъ заинтересованнаго монастыря. — Примѣры другихъ ходатайствъ: а) гр. Вартислава III монастырю Бельбуку отъ 1236 г. (C. P. D., № 242, p. 529): *ad petitionem dilecte auię nostre . quam propter magnum affectum . quem semper circa personam nostram habuit . habundanter tenemur diligere et in omnibus honorare.* б) Гр. Вартислава III тому же Бельбуку отъ 1263 г. (Pomm. Urk., II, № 744, p. 111): *ad petitionem Bisprauı camerarii nostri — — conferimus .* в) Гр. Барнима отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 754, p. 116): *contulimus — — ad petitionem domini Johannis cognomento Vos et domini Frederici fratris sui ecclesie Reyneueldensi.*

1) Гр. Казимира Гробскому монастырю отъ 1175 г. (C. P. D., № 37, p. 95): *fratres deo inibi seruientes . predia ecclesie sue inutiliter per terras dispersa adunare et continuare (conabantur).*

2) Гр. Богуслава I отъ 1184 г. (C. P. D., № 56, p. 133): *congregationem canonicorum Grobensium — — sepius inter meditationes spirituales popularis frequentie clamor et forensium negotiorum importunus strepitus . perturbat . — — oratorii sui ipsiusque quem inhabitant loci angustia coartat . — — nichillominus impurioris aque et corruptioris aëris molestia grauatur .*

3) Гр. Вартислава III Даргунскому монастырю отъ 1229 г. (C. P. D., № 179, p. 411): *hec villa (Raduzceuiz) predicta minus vsibus eorum apta uidebatur . ipsis instantibus hanc pro alia uilla Ducowe nomine — — commutauimus.*

4) Гр. Барнима Даргунскому монастырю отъ 1256 г. (Pomm. Urk., II, № 621, p. 30): *fratres sepedicti claustri piscationem recentis maris, quam a nobis tenuerunt, non possent propter piscatores in ipso annuatim suas sagenas trahentes quiete et pacifice possidere.*

5) Гр. Вартислава III отъ 1232 г. (C. P. D., № 198, p. 445): *fratribus*

жизни князя были моменты, когда онъ особенно легко настраи-вался къ пожертвованіямъ.

Иногда монастырю давалось только обѣщаніе какого-либо даренія; и предусмотрительные монахи не всегда довольствуются тѣмъ, что объ этомъ обѣщаніи князь заявляетъ въ грамотѣ: они устраниваютъ, кромѣ того, особый актъ обѣщанія. Въ такомъ актѣ со стороны князя выступаютъ поручители; въ случаѣ неисполненія обѣщанія эти поручители должны лишиться свободы передвиженія (*Einlager, obstagium*) впредь до полного удовлетворенія монастыря⁵⁾.

Такой актъ вообще примѣнялся собственно къ должникамъ, — но Эльденскими монахами онъ приложенъ былъ къ жертвователю-князю Поморья. По отношенію къ инымъ владѣтелямъ, которые давали обѣщаніе пожертвовать что-либо, монахи, кажется, не могли примѣнить такого акта. Если выполненіе обѣщанія за-

monasterii Doberanensis — — possessionis cujusdam sive predii fundum ad triginta numerum mansorum primo determinate contulimus . sed ad petitiones et monita fidelium nostrorum . Luberadi et aliorum nobilium — — secundo jam dictum fundum sine numero mansorum indeterminate — — donavimus.

1) Гр. Вартислава III отъ 1249 г. мѣсяца іюня (С. Р. Д., № 414, р. 863): *recognoscimus nos eidem monasterio de Hilda et fratribus . pro remedio anime nostre et recompensationis alicujus supplemento . triginta mansos cum decimis et omni jure reliquo possidendos perpetuo contulisse .* Князь не могъ сразу выполнить свое обѣщаніе; можетъ быть, по близости монастыря у него не было больше такого свободнаго пространства. Поэтому ему пришлось въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года выдать новую грамоту (С. Р. Д., № 425, р. 877—878; *Pomm. Urk.*, I, № 499, р. 391): *nos hildensi monasterio promiserimus sollempniter in presentia multorum . triginta mansos liberos . — — perpetuo possidendos, ad speciale promissionis nostre firmamentum tam super presenti articulo, quam etiam super ceteris omnibus, — — ex nostro mandato milites nostri , uidelicet dominus Lippoldus Baere , dapifer noster , et dominus Henricus frater ejus , Olicus aduocatus Dyminensis , et Johannes de Walslovae in fide promiserunt militari , se ad ammonitionem domini abbatis Dargunensis et domini Frederici de Host , qui promissum hoc susceperunt , in ciuitatem Dyminensem intraturos , si forte quicquam de ipsis articulis contigerit occasione aliqua in irritum reuocari, nec inde denuo nisi de licentia abbatis Hildensis , — — facta uidelicet prius monasterio super promissi transgressione emendatione congrua , egressuros . Preterea dominus Johannes Thyringus , Lydolfus de Zlaukesdorp , Henricus de Vican , Bernardus Mel ejusdem promissi debito sub eadem conditione se postmodum obligarunt .* Гр. Вартислава III отъ 1251 г. (С. Р. Д., № 458, р. 925): *triginta mansos in villa que dicitur Ranticowe . quos de manu domini Johannis de apeldoren . militis nostri . pretio redemimus — — conferimus .* Изъ грамоты видно, что и монастырь ранѣе сдѣлалъ князю какую-то уступку.

медлялось, то монахи вѣжливо, но твердо напоминали о долгѣ. Характерно въ этомъ отношеніи посланіе, которое отправили Шверинской графинѣ тѣ же Эльденскіе монахи.

„Симъ мы увѣдомляемъ Вашу Свѣтлость, что мы еще не получили чаши, которую Вы обѣщали намъ, когда мы Вамъ пожаловали полное братство. Со дня на день мы ждемъ, чтобы Ваше обѣщаніе на этотъ счетъ было выполнено, такъ какъ она намъ крайне необходима для совершенія богослуженія. Засимъ, мы озаботились увѣдомить Вашу Свѣтлость о томъ, что нынѣ мы перешли въ нашъ новый монастырь, гдѣ и совершаемъ денно и ночью по уставу богослуженіе. Если бы Вы пожелали, чтобы для Васъ въ этомъ именно монастырѣ былъ назначенъ особый алтарь, то перешлите намъ черезъ подателя сего письма священническія принадлежности сполна, а также — вышеупомянутую чашу, чтобы можно было при наличности этихъ вещей совершать ежедневно богослуженіе во хвалу Божію и въ память о Васъ. За все это вы не только здѣсь, на землѣ, будете имѣть почетъ, но и у Всевышняго — славу и награду, когда Онъ воздастъ каждому по его дѣламъ“¹⁾.

Степень „крайней необходимости“ въ чашѣ дѣлается яснѣе, если взять во вниманіе, что монастырь вступилъ тогда уже въ седьмой десятокъ своего существованія и что къ этому времени онъ собралъ значительныя богатства: земли, деревни, цѣлый городъ, мельница, солеварни, островъ, даже юго-восточная часть острова Руяны, въ длину верстъ на 15, вмѣстѣ съ населеніемъ, были собственностію монастыря²⁾.

1) Gr. Эльденскаго аббата Регинара и всего конвента отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 766, p. 124—125): *Vestre benignitatis excellentie tenore presentium cupimus declarare, quod calicem, quem nobis pollicebamini, cum uobis fraternitatem conferremus plenariam, nondum recepimus, de die in diem exspectantes, ut vestrum promissum in hac parte compleatur, quia valde necessarium ad diuinum peragendum officium hunc habemus. Ceterum vestre ingenuitati pandere curauimus, quod nouum nostrum monasterium nunc intrauimus et in eo diuina rite die noctuque persoluimus, in quo certe monasterio si uobis altare speciale uolueritis assignari, nobis preparamenta sacerdotalia integra cum calice prelatato per exhibitorem presentium transmittatis, ut in hiis ad honorem dei vestrique memoriam cotidie diuina valeant celebrari, pro quibus omnibus non solum hic honorem in terris habebitis, verum etiam gloriam et mercedem apud altissimum, cum unicuique secundum sua opera restituet in futuro.*

2) Cp. Th. Pyl, Geschichte des Cistercienserklosters Eldena im Zusam-

Монахи не смущались и не отступали и тогда, когда уже не было въ живыхъ того лица, за которымъ они считали общаніе или долгъ. Монастырь обращался къ наслѣднику или преемнику, представлялъ въ случаѣ надобности свидѣтеля, воздѣйствовалъ на религіозныя и родственныя чувства князя или княгини ¹⁾ и достигалъ желаемаго ²⁾.

Настойчиво добиваясь исполненія данныхъ имъ общаній, духовныя лица были не менѣе требовательны и въ другихъ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны были ихъ матеріальные интересы. Если церковному учрежденію полагались доходы съ имѣній свѣтскихъ лицъ, то доставка этихъ доходовъ была обставлена самыми строгими взысканіями: помимо штрафа за малѣйшую просрочку, полагалось отлученіе, если доходъ не будетъ доставленъ въ теченіе семи дней послѣ срока; за дальнѣйшіе 14 дней полагался интердиктъ ³⁾.

Особенно могущественнымъ было воздѣйствіе духовныхъ лицъ на поморскихъ князей; слѣдствіемъ его было множество пожертвованій. Обиліе княжескихъ пожалованій должно было соотвѣтствовать и въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствовало тому ученію о богатствѣ, о положеніи церкви въ мірѣ, о долгѣ мірянъ, которое развивали предъ княземъ духовныя лица. Слѣды этого ученія сохранились въ аренгахъ грамотъ.

menhange mit der Stadt und Universität Greifswald, Th. I, Greifswald, 1880—1881, Uebersicht des Grundbesitzes des Kl. Eldena, S. 164—378.

1) Спасеніе или осужденіе души покойнаго зависѣло, по объясненію духовныхъ лицъ, отъ того, удовлетворять ли монастырь наслѣдники или нѣтъ.

2) Гр. Богуслава I Гробекому монастырю около 1184—1187 г. (С. Р. Д., № 57, р. 135—136; Pomm. Urk., I, № 97, р. 75): *vnam uillam scilicet bubaliz in prouincia Goczco . in possessionem perpetuam largimur . — — Hoc autem idcirco facimus . ut dupliciter tam proprie quam fratris nostri Kazimeri anime utilitati consulamus . quatenus scilicet hic a quodam debito . quo pefate ecclesie astrictus tenebatur . expediatur inde . ut ipsorum fratrum crebris orationibus nostri et ipsius commemoratio crebrius immisceatur . — — Wenzeslaus castellanus de wolyn . qui in anniuersario ejusdem fratris nostri . sub confirmatione juramenti predictam uillam a fratre nostro pro suo debito ecclesie eidem collatam fuisse testabatur . — Грамота княгини Мпрославы и ея сына Барнима тому же монастырю отъ 1233 г. (С. Р. Д., № 202, р. 451): *pro uilla illa que Doblow appellatur . quam maritus noster bone memorie Boguzlaus abstulerat ecclesie vznimensi . villam bvcoseviz — — perpetualiter contulimus . maxime obinde vt hoc quod prius in ablacione ville dicte marito nostro cessit ad dampnationem anime . nunc ad ipsius cedat vegetationem per dei misericordiam et salutem .**

3) Здѣсь, впрочемъ, имѣлись въ виду нѣмецкіе владѣльцы. Гр. кн. Барнима и его сына Богуслава IV отъ 1277 г. Pomm. Urk., II, № 1052, р. 339.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальнѣй и научнѣй.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовою отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорнѣе лекцій и т. и.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Бударевскій.**
